

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Н. Д. АРУТЮНОВА

ТИПЫ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ

ОЦЕНКА
СОБЫТИЕ
ФАКТ

Ответственный редактор
академик Г. В. СТЕПАНОВ

МОСКВА "НАУКА" 1988

ПОСВЯЩАЕТСЯ

светлой памяти моего отца

Давида Морисовича

АРУТЮНОВА,

сурового и доброго человека,
неизменно следовавшего строгим
этическим нормам жизни

ОТ АВТОРА

Настоящая книга складывалась в течение ряда лет. В ходе работы над ней автора интересовали многие вопросы, относящиеся преимущественно к взаимодействию механизмов жизни и языка. Среди них основными были: 1) принципы и результаты концептуального анализа, выполненного на языковом материале, 2) структура высказывания, 3) отношения между модусом и пропозицией, 4) восходящие к пропозиции значения в их отношении к миру (онтологии) и эпистемической сфере (мышлению и знанию), 5) точность и градуируемость значений, 6) понятие нормы и нормативной картины мира, 7) роль диалога в формировании языковых значений, 8) понимание и интерпретация значений, 9) дизъюнктивные и конъюнктивные связи между словами, 10) сравнение в условиях альтернативы и принципы предпочтения.

Размышляя над этими и другими лингвистическими вопросами, нельзя миновать обращения к природе человека — его эмоциональной и ментальной сферам, этическому и эстетическому началам, системам ценностей, процессам восприятия и познания мира. Духовный опыт человечества отливается в языке. "Язык — это дом бытия" (М. Хайдеггер), но он еще и орудие общения. Как "дом бытия" язык прежде всего отрабатывает нормативные концепты; как орудие общения он больше устремлен к аномалиям. Информация должна быть щадящей: сообщают о выходящем за пределы нормы и заведенного порядка. У языка много предназначений и каждое из них предъявляет свои права. Язык формирует концепты и суждения, осуществляет коммуникацию — повседневную и "долгосрочную", обслуживает социальные акции, участвует в свершении ритуалов, регулирует человеческие и социальные отношения, хранит историческую и культурную память народов, выражает и сохраняет знания о мире и человеке. Язык способен и на "преступные" действия, и они тоже не проходят для него бесследно. Различие целей требует различий в средствах. Так, например, стремясь передать индивидуальное и мимолетное, ощущение и впечатление, язык использует приемы, разрушающие границы концептов: они утрачивают определенность. Вместе с тем практическое общение, передача информации, прескрипции и запреты не нуждаются в утонченных и зыбких значениях. Эти цели требуют "грубой" мысли и ясного смысла. Практическое назначение языка сталкивается

с его эстетическими и когнитивными функциями. Не успев овладеть "мерцающими" смыслами, язык их утрачивает. Полифункциональность языка оборачивается его противоречивостью.

Язык может изучаться двояко — в отвлечении от жизни и в своей в нее погруженности. В синхронной системе языка противоречия возникают вследствие неравномерности развития разных его уровней и сохранности фрагментов прежних систем. В языке, взятом в контексте жизни, противоречия возникают вследствие его полифункциональности. Эти противоречия неизбежны, и вместе с тем язык находит способы их разрешения. Возможно, наиболее существенное противоречие определяется связанностью языка со структурой мышления — с одной стороны, и ситуациями жизни — с другой. Связь языка со структурой мышления ярко проявляет себя в формировании предложения и производных от него значений; связь с жизнью и психологией человека ярко проявляет себя в формировании модальных и оценочных значений.

Категория оценки соотносит язык с такими понятиями, как норма и нормативная картина мира, альтернатива и выбор, практическое рассуждение и принятие решения. Язык постоянно балансирует между упорядоченностью мышления и хаосом жизненных ситуаций, индивидуальных психологий и невзвешенных ценностей. Основная задача данной книги состоит в том, чтобы показать некоторые из тех механизмов языка, которые определяются его положением между логикой мышления и практикой жизни, между порядком и хаосом.

Автор выражает искреннюю благодарность за доброжелательную критику Т.В. Булыгиной, Е.С. Кубряковой, Т.М. Николаевой, В.В. Петрову и Ю.С. Степанову, принявшим участие в рецензировании книги.

ВВЕДЕНИЕ

Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше, — сказал Шалтай презрительно. — Вопрос в том, подчиняется ли оно вам, — сказала Алиса (*Л. Кэрролл*).

Настоящая книга посвящена трем типам значения: "оценке", "факту" и "событию".

Оценка выбрана как наиболее яркий представитель прагматического значения. Прагматическим принято называть то значение, которое слово (или высказывание) приобретает в ситуации речи. Наибольшую контекстную зависимость обнаруживают недескриптивные слова: логические связи, кванторы, дейктические и личные местоимения и наречия, модальные частицы, оценочные предикаты, перформативы, пропозициональные глаголы (глаголы пропозиционального отношения, или установки), наречия, морфологические показатели времени и места и др. Перечисленные категории слов не могут быть интерпретированы без обращения к внешним по отношению к предложению и меняющимся факторам: референтам для дейксиса, участникам коммуникации для местоимений первого и второго лица, переменным признакам предмета для оценочных предикатов, времени речевого акта для соответствующих форм глагольной парадигмы и наречий времени, месту и участникам речи для локативов и указательных местоимений, презумпциям речевого акта для модальных частиц, говорящему субъекту для пропозициональных глаголов, речевому контексту для логических связей, метатекстных слов и анафоры. Совокупность названных факторов образует мозаику широко понимаемого контекста. Конечно, любое слово в речи подвластно влиянию непосредственного окружения. Но вместе с тем значение дескриптивных слов может получить контекстно независимое определение, в то время как раскрытие недескриптивных значений неотделимо от их употребления в высказываниях. "Когда вы хотите объяснить слово *лев*, — писал Б. Рассел, — вы можете повести вашего ребенка в зоопарк и сказать ему "Смотри, вот лев!". Но не существует такого зоопарка, где вы могли бы показать ему *если* или *этот* или *тем не менее*, так как эти слова не являются индикативными" (Рассел, 1957, с. 140).

Анализ значения дескриптивных слов "тянет" в сторону семантики, а определение недескриптивных значений — в сторону прагматики. Чтобы правильно употребить слова *дом, забор и дерево, красный, квадратный и гладкий, есть, спать и читать*, главное не ошибиться в выборе внеязыкового объекта. Для того, чтобы корректно пользоваться словами такого типа как *сегодня и здесь, уж и же, даже и только*, для того, чтобы интерпретировать *я и ты* в устах разных лиц, *хороший и плохой* в применении к разным объектам и т.п., нельзя обойтись без сведений о прагматическом окружении.

Понимание значения дескриптивных предикатов опирается на семантическую компетенцию говорящих. Для того, чтобы понять недескриптивные значения, необходима прагматическая компетенция. В этом последнем случае уместней говорить не о понимании значения слова, а о его интерпретации. Одна из задач прагматики, возможно, ее главная задача, состоит в том, чтобы сформулировать правила употребления слов и высказываний и, соответственно, их адекватного истолкования. Мы понимаем значение и интерпретируем употребление слова в тексте и сам текст. В процесс интерпретации вовлечено не только значение слова, но и многочисленные прагматические импликации. Для того, чтобы интерпретировать оценочные предикаты, и в особенности предикаты общей оценки (*хороший и плохой*), нужна информация, относящаяся практически ко всем компонентам контекста. Оценочные прилагательные истолковываются по-разному в зависимости от того, какие категории предметов они характеризуют (ср. *хорошее вино и хорошая живопись*). Оценка зависит от времени, когда она производится: хороший автомобиль начала века не удовлетворил бы требованиям, предъявляемым к автомашинам в наши дни. Оценка более, чем какое-либо другое значение, зависит от говорящего субъекта. Связь оценочного значения с автором речи многогранна. Оценка выражает личные мнения и вкусы говорящего, а они различны у разных людей. Во внутреннем мире человека оценка отвечает мнениям и ощущениям, желаниям и потребностям, долгу и целенаправленной воле. Это создает ее конфликтность: оценка, порожденная желанием, отлична и от оценки, вытекающей из долга, и от оценки, вызванной нуждой.

Оценка социально обусловлена. Ее интерпретация зависит от норм, принятых в том или другом обществе или его части. Мировоззрение и мироощущение, социальные интересы и мода, престижность и некотируемость формируют и деформируют оценки.

Но оценочные предикаты связаны не только с фактором говорящего. Они весьма активно обращены на адресата речи. Некоторые авторы даже видят главное назначение ценностных суждений в том, чтобы оказывать влияние (Stevenson, 1964, p. 16). Оценочное высказывание уже само по себе выражает коммуникативную цель рекомендации, побуждения к действию, предостережения, похвалы или осуждения. Оно воспитывает нормы поведения. Его интерпретация, таким образом, включает и фактор адресата и коммуникативную цель конкретного речевого акта.

Сказанное не исчерпывает тех компонентов прагматического контекста, которые влияют на употребление оценочных предикатов. Оценка определяет выбор из некоторого ассортимента объектов или альтернатив. Она поэтому неотделима от сравнения. Сравнительная оценка выражает предпочтение, связывающее оценку с деятельностью. Это в свою очередь ставит оценку в зависимость от цели действия или предназначения предмета. В этом пункте разделяется то, что хорошо само по себе, и то, что хорошо лишь потому, что служит достижению определенной цели.

Всесторонняя прагматическая обусловленность употребления оценочных предикатов оборачивается их семантической опустошенностью. Образовавшийся смысловой вакуум заполняется теми или другими дескриптивными признаками или значениями, выявляющими коммуникативные намерения говорящего. Акт семантизации в сильной мере зависит от говорящего субъекта. "Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин", — говорит Алисе Шалтай-Болтай. Однако быть хозяином своего слова не то же самое, что быть хозяином его значения. Но прагматическое значение больше, чем дескриптивное, подчиняется воле говорящего.

Максимум контекстной зависимости делает оценку одним из наиболее трудно определяемых типов прагматического значения. Это твердый орешек, хотя в нем и нет семантического ядра. Тайна оценочного значения на протяжении веков волновала философов, логиков и лингвистов, выдвинувших ряд важных гипотез и концепций. Их анализу посвящена первая глава книги.

Поскольку прагматическое значение по определению контекстно обусловлено, его изучение ставит задачу выявления характерных для него контекстов. Прагматическое значение раскрывается через синтаксис. Различие в синтаксических позициях, занимаемых оценочными предикатами, в свою очередь связано с различиями в природе тех объектов, которые они определяют. Характеристика объектов оценки важна постольку, поскольку в зависимости от нее видоизменяется логическая структура оценочного высказывания. Обращение к синтаксису оценочных предикатов возвращает к семантике — непредметным значениям. Оценка может относиться не только к предметам (точнее, свойствам предметов). Оцениваются также действия, процессы, состояния, ситуации, положения дел, факты и возможности. Логика исследования ввела в его круг еще две семантические сферы: "события" (процессы, действия, происшествия и пр.) и "факты". Для краткости мы будем первый семантический тип называть событийным, а второй — фактообразующим. Оба эти типа значения восходят к семантике предложения. Поэтому в фокус внимания попал и вечный вопрос о структуре предложения и механизмах получения производных от него смыслов.

События и факты составляют метаязыковые классификаторы с зыбкими границами, под которые подводятся многие частные разновидности. Реконструкция семантических типов составляет основную задачу концептуального анализа. В таком анализе учитываются сведения,

относящиеся к любому уровню языка — грамматическому, лексическому, коммуникативному.

Если оценка как представитель прагматического значения выдвигает на первый план проблему интерпретации, то обращение к именам непредметных объектов сближает семантический анализ с концептуальным.

Изучение названных выше групп непредметных имен представляет и самостоятельный интерес. Их значение обнаруживает принципы концептуализации потока происходящего. "Факты" и "процессы" образуют крайние рубежи в области непредметных значений, "пунктом отправления" которых служит предложение. Их противопоставленность особенно существенна для синтаксиса и семантики оценочных слов. Едва ли не более важно сопоставительное изучение таких классификаторов как *событие* и *факт*, поскольку именно между этими категориями проходит "линия горизонта", разделяющая "землю" (то, что происходит в мире) и "небо" (отражение происходящего в сознании человека). "Факты" и "события" максимально сближены. "Событие" силится оттолкнуться от мира и получить черты интенциональности; "факт", напротив, стремится опуститься на "землю" и приобрести онтологические признаки. Это взаимное притяжение выделяет "факт" из числа объектов эпистемического (относящегося к мнению и знанию) плана (таких как пропозиция, суждение, утверждение, мнение, предположение и пр.), а "событие" — из числа онтологических объектов (таких, как ситуация, процесс, происшествие, случай и др.). Тяготея друг к другу, эти концепты, однако, не пересекают разделяющей их границы. Их разграничению посвящены специальные разделы книги.

Фактообразующее значение функционирует в логическом пространстве. Оно, как отмечалось, сумело обезопасить себя от влияния жизненных процессов, вносящего в семантику признак градуирования, но оно постоянно сопоставляется с происходящим в целях верификации. Будучи верифицированным, смысл высказывания порывает с автором речи и приобретает автономность; мнение становится знанием (фактом). Точечность значения, определяющаяся отношением к точке на градационной шкале, может быть растянута, точка в логическом пространстве этого не допускает.

Оценка, напротив, связана с жизнедеятельностью человека. Это хорошо показывают данные сравнительной оценки, на базе которой сформировался особый синтаксический тип — предложения операционального предпочтения. Жизнь на этом участке вторглась в грамматические парадигмы и перестроила сложившиеся в них отношения. Однако оценка не погружена полностью в поток происходящего. Ее роль состоит в том, чтобы соотнести предметы и события с идеализированной, т.е. нормативной, картиной мира. Ее пафос заключен в отделении нормы от аномалий. Идея нормативности пронизывает большой жизненный цикл, берущий начало в восприятии явлений действительности, переходящий оттуда в сферу коммуникации и языковой семантики и завершающийся в словесном творчестве. Этому комплексу посвящена заключительная часть книги.

Глава первая

ПРИРОДА ОЦЕНКИ

(К проблеме определения значения оценочных предикатов)

Эстетика возникает из слова "пре-
красный", этика — из слова "хороший",
логика — из слова "истинный"
(Г. Фреге)
Беседовать с другими столетиями —
почти то же, что путешествовать
(Р. Декарт)

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Вопрос о том, " что такое хорошо и что такое плохо", занимает не только родителей и педагогов (но, кажется, меньше всего тревожит детей), он вставал и встает перед философами всех времен, как и перед всеми людьми. Это, в частности, отличает человека от других живых существ, характеризующихся естественным поведением и занятыми выбором лесных, но не жизненных троп. Сама постановка упомянутого вопроса в той или иной мере связана с исследованием значения и области приложения специфических для этики предикатов. Они обычно разделяются на два класса. К одному относятся понятия, связанные с обязанностями (долг, долженствование, правильность поступка), к другому — понятия ценности (достоинство, хорошее, плохое, достойное, недостойное и т.п.). Проблема системного описания этих категорий сводится к установлению связей между этими классами понятий и выявлению возможности определения одних из них в терминах других. В деонтологических теориях этики и в логике норм за основу принимается концепт обязанности, из которого выводится понятие ценности. В аксиологических концепциях и в логике оценок считается первичным концепт ценности, добра, а понятие обязанности производным от него. Аксиологические понятия образуют ценностные, а деонтические — нормативные суждения (о нечеткости разграничения тех и других см.: Ивин, 1970, гл. 6). Нас в основном будут интересовать оценочные предикаты и создаваемые ими высказывания.

Этические исследования обычно начинаются с онтологии, т.е. с вопроса о существовании и природе того свойства объектов действительности (естественных и артефактных предметов, людей, их качеств, поступков, событий, произведений искусства и т.п.), к которым приложимы оценочные предикаты. Это обусловлено тем,

что ценности приписываются миру как ему присущие и в то же время как бы пребывают вне его. "Философы с очень давних пор проводят различие между фактами и ценностями. Ценности так или иначе проистекают от человека, они не лежат во внешнем мире, по крайней мере в мире камней, рек, деревьев и сырых фактов. В противном случае они перестали бы быть ценностями и составили бы часть объективного мира" (Searle, 1976, p. 175).

Поиск свойства "хорошести", напоминающий поиск философского камня, вовлек в круг внимания философов все виды оценок, в том числе гедонистические, эстетические и утилитарные. Более того, стремление найти простое решение и очевидные парадигмы побуждало философов в первую очередь обращаться к тривиальным ценностям. Показательно, что, выступая против прагматизации этики, т.е. ограничения ее задач регламентацией человеческого поведения, Дж. Мур уже в начале века определил эту науку как общее исследование того, что является хорошим (Ethics is the general enquiry into what is good) (Мур, 1984, с. 58). Этика тем самым сблизилась с аксиологией. Вопрос об определении "добра" (это слово обычно используется в качестве существительного, соотносительного по значению с прилагательным *хороший*) Дж. Мур считал центральным вопросом этики. То, что разумеется под словом good 'хороший', фактически является, если исключить его антоним bad 'плохой', единственным простым объектом мысли, специфичным для этики, полагал Мур, имея в виду не номиналистические, а, скорее, онтологические разыскания (Мур, 1984, с. 62). Однако, как будет видно из дальнейшего изложения, логика исследования незаметно вывела их из круга онтологических забот и привела к проблемам семантики, синтаксиса и прагматики оценочных слов, их функций в тексте, их коммуникативных свойств и употребления в живой повседневной речи. Этим работы английских логиков и философов Кэмбриджской и Оксфордской школ представляют интерес для лингвистов. Именно с ними непосредственно связано развитие и приложение к конкретному материалу прагматической концепции значения, стимулированной идеями позднего Витгенштейна.

Подобно тому, как в свое время неререферентные имена типа *кентавр* и *нынешний король Франции* сосредоточили на себе внимание логиков и философов, занятых анализом языка науки, и в конечном счете дали импульс развитию теории референции, значение оценочных предикатов стало точкой приложения семантических усилий философов и логиков, занятых анализом обывденного языка, и привело к формулированию концепции значения как употребления. Аналогия поддерживается тем, что и в том и в другом случае дело касается слов, не имеющих ошутимого референта. В первом случае речь идет об отношении к миру субъекта предложения, во втором — предиката. Различие между рассматриваемыми ситуациями, таким образом, состоит в характере референта: предполагаемым денотатом имен типа *кентавр* является предмет, внереальность которого не требует доказательств и может служить отправным пунктом рассуждения; предполагаемым референ-

том оценочных предикатов является некоторое позитивное (или негативное) качество, причем весьма изменчивое и зависимое как от говорящего, так и от класса объектов, в которых оно может быть выделено. Само существование такого абстрактно-позитивного (или абстрактно-негативного) качества вызывает сомнение и не может быть принято за основу теоретических построений.

Однако не только у представителей Кэмбриджской и Оксфордской школ можно встретить чисто языковые наблюдения над употреблением и значением оценочных и деонтических слов. В трактатах крупнейших европейских философов о природе человека имеются дефиниции основных понятий, относящихся к добру и злу (хорошему или плохому), должному и не должному. Кроме того — и это представляется нам важным — в их исследованиях постепенно вырисовывается концептуальный контекст и взаимосвязь категорий аксиологической и деонтической сферы. "Осмысление историко-философского опыта не просто позволяет воспользоваться его позитивными результатами и отбросить заведомо несостоятельные решения, но дает возможность воспроизвести структуру самой проблемы, уяснить ее природу и характер" (Дробницкий, 1974, с. 214). Рассмотрение философского и логического опыта в его исторической перспективе покажет, как постепенно выявлялся тот концептуальный контекст, относительно которого формулировались дефиниции аксиологических предикатов, а также семантическая специфика этих последних.

Анализ аксиологических и деонтических понятий и их определение в трудах философов сближается с анализом и определением значения соответствующих слов в лингвистической и лексикографической практике. Есть сходство и в используемых философами и лингвистами методах анализа. Поэтому представляется возможным привлечь к рассмотрению семантики оценочных слов наблюдения и соображения философов и логиков, не вошедшие в лингвистический обиход.

Ниже предлагается краткий обзор важнейших теорий, в которых присутствуют элементы концептуального анализа оценочных слов и логического анализа ценностных и нормативных суждений. Он дан в исторической перспективе, позволяющей сохранить целостность каждой концепции. Характеризуя различные концепции, мы будем обращать внимание на следующие проблемы: 1) принцип и формальная структура дефиниций оценочных и деонтических предикатов, 2) относительность добра и зла (хорошего и плохого), 3) связь оценки с естественными свойствами объекта, а ценностных и нормативных суждений с фактическими, 4) модальность оценки, 5) оценочная и нормативная лексика в акте коммуникации, 6) непротиворечивость (consistency) текста, содержащего оценочные и деонтические понятия, 7) структура и специфика практического рассуждения, 8) речевые функции оценочных предикатов.

**ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА ЗНАЧЕНИЯ
ОЦЕНОЧНЫХ ПРЕДИКАТОВ.
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ОЦЕНКИ
(УЧЕНИЕ АРИСТОТЕЛЯ)**

Все, что строится, создается из разрушенного, и в этом мире нет ничего нового, кроме форм (*М. Шваб*)

Основной круг вопросов, обсуждаемых в исследованиях по этике и имеющих лингвистическую релевантность, уже определился в сочинениях античных мыслителей, прежде всего Аристотеля, оставившего три книги по этике: основополагающую "Никомахову этику", "Большую этику" — они вошли в недавно изданный четырехтомник Аристотеля (Аристотель IV, 1984; далее указываются страницы этого издания) и "Эвдемову этику". Обращение к "Никомаховой этике" позволяет выделить и охарактеризовать лингвистический аспект аксиологической проблематики.

Аристотель использовал три концепта добра (хорошего), структура и соотношение которых не определены им вполне четко: благо (*agathón*), счастье, блаженство, "эвдемония" (*eudaimonía*) и удовольствие (*hedýs*). Первое противопоставлялось худу (дурному, злу), второе — жизненному краху (неудаче), третье — страданию. (О возможных интерпретациях этих понятий см. Austin, 1970.) Аристотель сосредоточил свое внимание на многочисленности и разнородности категорий, подводимых под упомянутые концепты.

Множественность видов добра определяется частью разнообразием целей в действиях человека, частью субъективностью требований, предъявляемых человеком к жизни. Есть ли, наряду с разными видами добра, объединяющая их идея? Аристотель выражает в этом сомнение. Он пишет "Некоторые думали, что помимо этих многочисленных благ есть и некое другое — благо само по себе, служащее для всех этих благ причиной, благодаря которой они суть блага" (с. 57). Аристотель имеет в виду Платона, постулировавшего существование идеального, отвлеченного от онтологии мира блага — первопричины и конечной цели всех частных благ (О различии в этических воззрениях Аристотеля и Платона см. предисловие Ф.Х. Кессиди в Аристотель IV, 1984, с. 13). Считая, что "долг благочестия — истину чтить выше", чем "дорогое и близкое" (эти слова Аристотеля время превратило в крылатую фразу "Платон мне друг, но истина дороже"), Аристотель возражает Платону: «И вот если "благо" имеет столько же значений, сколько "бытие" (так, в категории сути благо определяется, например, как бог и ум, в категории качества, например, как добродетель, в категории количества — как мера, в категории отношения — как полезное, в категории времени — как своевременность, в категории пространства — как удобное положение и так далее), то ясно, что "благо" не может быть чем-то всеобъемлюще общим и единым. Ведь тогда оно определялось бы не во всех категориях, а только в одной» (с. 59).

Аристотель считает, что нет оснований различать понятия "категория" и "категория сама по себе" (например, "человек" и "человек сам по себе"). Благо само по себе не будет благом в большей степени, [чем частное благо], даже оттого, что оно вечное, раз уж долговечный белый предмет не белее недолговечного" (с. 60). Аристотель приводит и другой довод против концепции Платона: у видов добра отсутствует такое общее свойство, которое могло бы служить основанием для их объединения, подобно тому, как, например, идея белизны, характеризующая снег и белила, позволяет включить эти вещества в разряд белых предметов. Понятия же рассудительности, почета и удовольствия именно как благ не только различны, но не имеют между собой ничего общего. "Следовательно, благо как нечто общее, объединенное одной идеей, не существует" (с. 61).

Аристотель, таким образом, анализирует значение оценочных слов по аналогии с дескриптивными предикатами. Он ищет общность между видами добра в идентифицируемых признаках. Между тем Платон скорее, наоборот, подходит к дескриптивным предикатам с позиций недескриптивных, или, точнее, противопоставление эйдоса (идеи) и материи (тела) делает для него различие тех и других несущественным. Отсутствие видимой общности у разных категорий добра имело своим следствием умножение значений соответствующего им слова. Это показалось Аристотелю нежелательным. Вслед за приведенным заключением он задает важный для последующих аксиологических исследований вопрос: "В каком же тогда смысле говорят "блага?" Во всяком случае не похоже, чтобы [разные вещи] случайно назывались одинаково. Не в том ли дело, что все блага из одного [источника] или служат чему-то одному? Или, скорее, [они благами называются] по аналогии? Так, например, зрение в теле — как ум в душе (или еще что-либо в чем-то другом)" (с. 61). Предположение Аристотеля о наименовании по аналогии приходится отвергнуть. Объединение видов добра не следует закону пропорции, определяющему перенос названия: мы называем здоровье благом не потому, что оно относится к телу человека так же как ум или доброта к его душе или богатство к его положению в обществе, хотя и говорим, иногда, что здоровье (или ум) — это истинное богатство.

Аристотель оставил свой вопрос без ответа и обсуждения, счтя, что он входит в компетенцию другой части философии. Но сама его постановка отозвалась в последующем развитии этики: в ней впервые прозвучала лингвистическая нота. Аристотель подошел к разделению двух проблем, которые в сфере оценочных значений не могут быть сведены воедино: 1) вопроса о видах объектов, получающих оценочную квалификацию и 2) вопроса о значении прилагаемых к ним оценочных предикатов. Первая проблема связана с денотацией, вторая — с сигнификацией. В применении к видам добра и зла нет гармонии между миром слов (значений) и миром свойств. Оценочные слова отличны по своей природе от дескриптивных предикатов. Свойства предметов могут не иметь между собой ничего общего, а их оценочная квалификация совпадать.

Вопрос Аристотеля стал истоком последующих исследований специфики оценочных значений.

Второй круг проблем, обсуждаемых Аристотелем, касается концептуального контекста, непосредственных "партнеров" добра, счастья и удовольствия, через апелляцию к которым дается определение этим категориям. Речь идет, прежде всего, о субъективных понятиях, относящихся к природе человека. Со времен Аристотеля прошло несколько веков. Знания человека о мире и его возможности вмешиваться в дела мироздания чудовищно возросли. Уже не кажутся безусловной истиной слова Аристотеля о том, что "никто не принимает решений о вечном, скажем о космосе" (с. 101). Но знания человека о самом себе не углубились в той мере, которая бы обесценила мысли и наблюдения Аристотеля.

Приняв определение блага как того, "к чему всё стремится" (с. 54), Аристотель ввел его в контекст двух важных для аксиологии категорий: категории цели, а следовательно, и целенаправленной практической деятельности человека, ставящей перед ним задачу выбора способов достижения цели, и модальности стремления, побуждающей человека к действию. Аристотель апеллирует также и к желанию, толкающему человека на поиск удовольствий. Аристотель, как, впрочем, никто из гедонистов, не сводил удовольствия к чувственным наслаждениям (с. 93, 213, 216, 272—273, 283). Аристотель различал сознательный выбор и желание. Нельзя выбирать неосуществимое, "но желание бывает и невозможного, например, бессмертия" (с. 100). Кроме того сознательному выбору подлежат вещи, которые "считают от себя зависящими". Желают же доступное, и то, что не зависит от воли данного человека. Наконец, Аристотель указывает еще более важное отличие желания от сознательного выбора: первое направлено на цель (например, счастье или здоровье), второе же "имеет дело со средствами к цели" (с. 100). Это различие Аристотель устанавливает методом обращения к речевому употреблению. Он ссылается на то, что мы говорим "желаю быть здоровым и счастливым", «но выражение "мы избираем быть здоровым или счастливым" нескладно» (там же). Подобный метод доказательства одинаково популярен и в современной лингвистике и в современной лингвистической философии.

Интересны и проницательны рассуждения Аристотеля о различии сознательного выбора и мнения. "Мнение, — пишет Аристотель, — кажется бывает обо всем, т.е. о вечном и невозможном, с таким же успехом, как и о зависящем от нас; различают ложные и истинные мнения, а не порочные и добродетельные; что же касается сознательного выбора, то он [определяется] скорее, в этих [последних понятиях]. ... Сознательный выбор хвалят, скорее, за то, что [выбрано] должное, т.е. за верность, мнение же одобряют за истинность. Наконец, сознательно мы выбираем то, что мы прежде всего знаем как благо, а мнение мы составляем о том, что толком не знаем (с. 100—101).

В заключение попытаемся извлечь из античных этических теорий, выраженных и отраженных в трудах Аристотеля, некоторую "научную

мораль", которая поможет осмыслить последующие концепции. Обращение к природе человека и комплексу его жизненных интересов при определении значения ценностных предикатов толкает исследователя на поиск "общей меры", одного субъективного (присущего человеку) психологического эквивалента, через который можно было бы сформулировать дефиницию, применимую ко всем видам добра и зла. Подход к ценностным категориям напоминает поиск эквивалента в делах правосудия и правосудности. Аристотель говорит по этому последнему поводу следующее: "Итак, должна существовать какая-то единица [измерения], причем [основанная] на условленности, и потому она зовется *номисма*; в самом же деле она делает все соизмеримым, ибо все измеряют монетами" (с. 157). В некоторых отношениях сходная презумпция лежит в основании определений хорошего и плохого через единый психологический эквивалент. Между тем эти ситуации не совсем аналогичны. Номисма введена в существование человеком "по договору". Она — не более как знак условленного количества. И это отличает ее от субъективного (психологического) эквивалента хорошего и плохого. В первом случае речь идет о паритете, основанном на количестве, во втором — об эквиваленте, основанном на качестве, о равнозначности, а не равномогущности. Поиск психологического "корня" аксиологических категорий логически требует выдвижения одного компонента человеческой природы в качестве доминанты. Такой доминантой может быть желание или удовольствие, воля или разум, "шестое чувство" или интуиция. Но эти категории не конвенциональны. Они не только существуют от века, но и постоянно конфликтуют между собой. Поэтому первым следствием выбора постоянного психологического "партнера" аксиологических концептов, является их взаимная адаптация. Определение хорошего и плохого "через человека" требует идеализации человеческой природы. Уменьшение сущностей (категорий хорошего и плохого) достигается за счет умножения модальностей. Хорошее в этом случае определяется не как то, что человек желает (к чему стремится, от чего получает удовольствие), а как то, к чему он должен стремиться, что должен желать, от чего ему следует получать удовольствие. Уже у Аристотеля сказано: "Для добродетели нрава самым важным считается наслаждаться, чем должно, и ненавидеть, что следует" (с. 267); и в другом месте: "Вот поэтому, как говорит Платон, с самого детства надо вести к тому, чтобы наслаждение и страдание доставляло то, что следует; именно, в этом состоит правильное воспитание" (с. 81).

А между тем эти модальности редко совмещаются, ибо бесполезно требовать "Наслаждайся невкусной пищей!" или "Получай удовольствие от нравственных и физических лишений!". Только заповеди, освещающие нравственный идеал, имеют на это право. Выполненный долг может пробудить чувство удовлетворения, но не удовольствия. Итак, усложнение модальностей становится платой за унификацию ценностных категорий. Иначе и не может быть, если поиски единых дефиниций ведутся "внутри" человека. Психологическая доминанта не конвенция, допускающая произвольное изменение

условий. Она не может стать конвертируемой валютой добра и зла. Дальнейшее изложение покажет, что определение значений оценочных предикатов через апелляцию к психологическому корреляту с неизбежностью вели к произвольным модификациям значений соответствующих слов, с одной стороны, и к отступлениям от правил их сочетаемости, с другой. Существующий и приспособленный к действительному миру язык использовался в применении к должнствующему быть. Из "дома бытия" (как определил язык М. Хайдеггер) он становился "домом идеала".

ИНТЕНСИОНАЛЬНЫЕ И КАУЗАЛЬНЫЕ ДЕФИНИЦИИ ОЦЕНОЧНЫХ ПРЕДИКАТОВ.

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ОЦЕНКИ (Т. ГОББС, ДЖ. ЛОКК)

Определения хорошего и плохого через общий для каждой из этих категорий психологический коррелят постепенно прочно вошли в европейскую "философию человека". Коррелят изменялся, принцип оставался неизменным.

Начнем рассмотрение с XVII в., века расцвета естественных наук, в котором сложился подход к человеку как органическому компоненту вселенной. Природа человека представлялась аналогичной природе мира и, как всякая материя, разложимой на элементарные и сложные составляющие. Отношения внутреннего "я" и окружающей действительности в основном сводились к соответствию внешних воздействий вызываемым ими ощущениям. И это вполне естественно, поскольку XVII в. был веком изучения физических свойств материи и способностей человека воспринимать эти свойства. Принципы физического взаимодействия человека с материальным миром в большой мере определили представления о психическом взаимодействии человека и окружающей его среды.

Философы XVII в. осознавали, что перед исследователем психической природы человека, как и перед исследователем материи, встает задача выявления ее простейших составляющих, через которые определяются затем более сложные психические образования. Именно так подошел к изучению человеческой природы и Т. Гоббс (1588—1679 гг.). В эмоциональной сфере он выделил следующие простые страсти: желание, любовь, отвращение, ненависть, радость и горе (Гоббс II, 1964, с. 88). Через них Гоббс определяет понятия добра и зла (хорошего и плохого). "Все вещи, являющиеся предметом влечения, обозначаются нами в виду этого обстоятельства общим именем добро, или благо; все же вещи, которых мы избегаем, обозначаются как зло" (Гоббс I, 1964, с. 239). Гоббс, таким образом, определяет хорошее и плохое через модусы желания и отвращения и придает им таким образом статус свойств позиционного объекта. По форме такого рода определения могут быть названы модальными, или интенциональными. В них хорошее и плохое предстает как признак, объединяющий объекты субъективных модусов и не существующий безотносительно к ним. Хорошее приравнивается к желаемому, плохое — к нежелатель-

ному. Разумеется, "неправедные" желания устраняются. Речь идет о должном, а не о действительном мире. Добро, таким образом, понимается как то, что удовлетворяет желания, то есть тот или другой вид потребностей человека, оно составляет необходимый атрибут желаемого. Такое определение тоже телеологично, оно подразумевает, что цель той деятельности, в которую вовлечено добро, состоит в удовлетворении жизненных потребностей. Между тем, желание и отвращение — две психологические категории, сопоставленные хорошему и плохому, не совсем соотносительны. Если желание исчезает по мере его удовлетворения, то отвращение по мере его "преодоления" обычно лишь увеличивается. Желание связано по преимуществу с будущим, отвращение — с настоящим: его вызывают присутствующие (или воспроизводимые в воображении) объекты. Антонимом отвращения является не столько желание, сколько удовольствие, приязнь.

Из определения хорошего через модус желания естественно вытекает относительность этого концепта, его субъективность, ибо нет более идиосинкразических модусов, чем модусы желания и отвращения. И, действительно, Гоббс писал: "Каков бы ни был объект какого-либо человеческого влечения или желания — это именно то, что человек называет для себя добром, объект своей ненависти или отвращения — злом, а объект своего пренебрежения — дребеденью и пустяком. Ибо слова *добро*, *зло* и *пустяк* всегда употребляются в относительном смысле в зависимости от того, кто их использует, так как ничто не бывает чем-либо таковым просто и абсолютно и никакое общее правило о том, что есть добро и что — зло, не может быть взято из природы самих объектов, а устанавливается или каждым отдельным человеком в отношении своей личности (там, где нет государства), или (в государстве) лицом, представляющим государство, или арбитром, или судьей, которого расходящиеся во мнениях люди установят по взаимному соглашению и чье решение они сделают указанным правилом" (Гоббс II, с. 85—86).

Субъективность в употреблении оценочных слов отзывается неустойчивостью их дескриптивного значения¹. Неудивительно, поэтому, что, будучи постоянно озабоченным точностью в определении значения слов, Гоббс настаивал на исключении из логического рассуждения лексикона, связанного с субъективной оценкой. "Рассуждая, человек должен быть осторожен насчет слов, которые помимо значения,

¹ "Экстенциональный произвол" в употреблении оценочных слов, относимых к человеку и его действиям, настолько велик, что его осознают и сами говорящие. Один из персонажей В.Ф. Одоевского — светский человек — говорит, обращаясь к своему товарищу: "Что же мне делать с тобою, мой любезный! если ты не знаешь нашего языка; учись, учись, мой милый; это необходимо, — мы здесь перемешали значения всех слов, и до такой степени, что если ты назовешь безнравственным человека, который обыгрывает в карты, клеветает на ближнего, владеет чужим именем, тебя не поймут, и твое прилагательное покажется странным" ("Княжна Мими"). Меняя референтную отнесенность предиката, говорящие, однако, не меняют его значения, суть и специфика которого как раз в том и состоит, что определенность интенционала совмещается у нас с размытостью экстенционала (см. разбор примеров в: Арутюнова, 1980, с. 228—230).

обусловленного природой представляемой при их помощи вещи, имеют еще значение, обусловленное природой, наклонностями и интересами говорящего. Таковы, например, имена добродетелей и пороков, ибо то, что один человек называет мудростью, другой называет страхом; один называет жестокостью, а другой — справедливостью; один — мотовством, а другой — великодушием; один — серьезностью, а другой — тупостью и т.п. Вот почему такие имена никогда не могут быть истинными основаниями для какого-нибудь умозаключения" (Гоббс II, с. 74).

Итак, если для Аристотеля несводимость оценочных предикатов к общему семантическому знаменателю объяснялась их распределенностью по разным категориям, то Гоббс связывал неустойчивость сфер их приложения с субъективным произволом говорящих.

В трудах Дж. Локка (1632—1704), содержащих немало ценных для лингвиста идей и наблюдений, ясно представлена гедонистическая концепция хорошего и плохого, вытекающая из исходного для всей его философской системы различения простых и сложных идей. Локк относил к числу простых идей модусы удовольствия и страдания. Все же другие состояния души он определял через эти простые модусы¹.

Считая, что хорошее и плохое есть категории сознания, а не простого чувственного опыта, Локк не относил их к числу простых (неопределяемых, элементарных) идей. Он определял их через отсылку к осознаваемому чувственному опыту: хорошее есть то, что осознается как вызывающее удовольствие, плохое то, что осознается как вызывающее неудовольствие или страдание. Такого рода дефиниции по форме могут быть названы каузальными. Если интенциональная дефиниция направлена от человека к миру, то каузальная — от мира к человеку. И каузальная и интенциональная дефиниция гедонистична. В приведенных версиях обе они связывают добро с удовольствием.

Определяя понятия хорошего и плохого, Локк достаточно подробно характеризует взаимодействие "добра" и удовольствия, а также зла и страдания. Он пишет: «Таким образом, вещи бывают добром и злом только в отношении удовольствия и страдания. "Добром" мы называем то, что способно вызвать у нас или увеличить удовольствие, либо уменьшить наше страдание, или же доставить, либо сохранить нам обладание каким-нибудь другим благом, или же отсутствие какого-нибудь зла. "Злом", напротив, мы называем то, что способно причинить нам или увеличить какое-нибудь страдание, либо уменьшить какое-нибудь удовольствие, или же доставить нам

¹ Ср., например, следующие его определения: "Гнев есть неудовольствие или волнение души при получении какого-нибудь оскорбления; ему сопутствует намерение немедленно отомстить"; "Зависть есть неудовольствие души, вызванное сознанием того, что желательным нам благом завладел другой, который, по нашему мнению, не должен обладать им раньше нас". Далее Локк замечает: "Зависть и гнев ... заключают в себе смешанные размышления о нас самих и о других. Они бывают не у всех людей, потому что некоторым недостает составных частей — убеждения в ценности своих достоинств или намерения отомстить" (Локк, 1968, с. 244).

какое-нибудь неудовольствие, либо лишить нас какого-нибудь блага. Под "удовольствием" и "страданием" я разумею либо то, что относится к телу, либо то, что к душе, как это различают обыкновенно, хотя, говоря по правде, это только различные состояния ума, вызываемые иногда расстройством в теле, иногда же — мыслями в уме» (Локк I, 1960, с. 242).

В приведенном выше определении Локка есть важная для понимания структуры аксиологических концептов мысль: хорошее и плохое градуировано, оно может быть большим или меньшим. Эта черта представлена Локком как способность событий увеличивать или уменьшать страдание и удовольствие. Понятие градации является следствием сравнения разных состояний субъекта ощущения. Связывая аксиологические категории с градуированием, Локк связал их и со сравнением: «При надлежащей оценке того, что мы называем "благом" и "злом", мы найдем многое зависящим от сравнения, ибо причины каждой меньшей степени страдания так же, как причины всякой большей степени удовольствия, имеют характер блага, и наоборот» (Локк I, 1960, с. 268). Благо не только то, что вызывает удовольствие, но и то, что соответствует меньшей степени страдания.

Итак, в концепции Аристотеля относительность и неуловимость (недескриптивность) аксиологических понятий связывалась с их приложимостью к разным разрядам объектов, Гоббс обращал внимание на субъективные различия в мнениях о хорошем и плохом, Локк же усугубил релятивность хорошего и плохого, допустив, что хорошее может перейти границу, отделяющую его от плохого. Оказывается, таким образом, что страдание только уменьшилось, оно не преобразовалось в удовольствие, а может быть даже не вошло в нейтральную зону безразличного к страданию и удовольствию, а вызвавшее уменьшение страдания событие уже может оцениваться как хорошее. И это наводит на следующие размышления.

Определение хорошего и плохого через вызываемые ими эмоциональные ощущения выводит в фокус различие в структуре соотносительных концептов. Суть дела состоит в том, что человеческие эмоции, через которые определяются благо и зло, градуированы, но не релятивны. Между положительными и отрицательными состояниями психики есть некоторый, пусть нечеткий, водораздел. Страдание (если оставить в стороне патологию) не перерастает в удовольствие, как и удовольствие не может обернуться страданием. Они не образуют единого концептуального комплекса, рассматриваемого с разных сторон: "меньше страдать" не значит "получать больше удовольствия". Понятие "хорошо — плохо" образует единый концепт: *хуже* означает не только "более плохо", но и "менее хорошо", а *лучше* — не только "более хорошо", но и "менее плохо".

Таким образом, структура понятий, относящихся к эмоциональным состояниям психики (ощущениям), иная, чем понятий из области общей оценки. Оценка подобна натуральному ряду чисел. Концепт оценки построен на представлении о количестве, концепт ощущения на представлении о качестве.

Гедонистическое определение хорошего и плохого связано с психо-

физическим взаимодействием человека и мира. Это отношение между внешним стимулом и психологической или физической реакцией. Получая гедонистическую дефиницию, общеаксиологические предикаты вводятся в более широкую семантическую категорию каузальных (собственно, стимульных) предикатов. К этой категории принадлежат такие предикаты как *возмутительный, очаровательный, чарующий, радостный, волнующий, раздражающий, отвратительный, грустный, интересный* и т.п. Большинство из них восходит к каузативным глаголам, обозначающим отношения между объектами внешнего мира и вызываемыми им состояниями человека. Они отсылают к некоторому свойству объекта (предмета, лица, события, ситуации), которое стимулирует в человеке определенную реакцию. При этом само это свойство не эксплицируется. Каузальные предикаты не дескриптивны. Они объединяют объекты не по их естественным свойствам, а по их воздействию на человека. Результирующие классы не отвечают требованию однородности. В них всегда больше различного, чем общего. Они задаются каузально. Это наборы причин, в которых не ищут иной общности, кроме способности оказывать сходное воздействие. Речь идет о проекции объективного мира на субъективный и в то же время о классификации объективных свойств по производимой ими субъективной реакции. Отсюда и проистекает парадокс каузальных предикатов, в частности сенсорных оценок (*вкусный, ароматный, приятный* и пр.).

Хотя по логике вещей стимул (т.е. объективное свойство объекта) первичен по отношению к вызываемой им реакции, точно так же как, например, вопрос первичен по отношению к ответу, гедонистическое определение исходит из первичности реакции (ощущения приятного или неприятного), поскольку через нее идентифицируется принадлежность к классу, а вызвавший реакцию стимул интерпретируется как категория производная, вторичная. Отнесенность предикатов общей оценки к категории каузальных спорна. Предикаты *хороший* и *плохой* не связаны с каузативными глаголами. Они не задают класса объектов каузально и та реакция, которую соответствующие объекты способны вызвать в человеке, далеко не столь однородна и очевидна, как в указанных выше случаях. Интерпретация удовольствия и страдания как реакций на хорошее и плохое приводит к расширению этих понятий. На это обратил внимание уже Д. Юм, на концепции которого мы остановимся подробнее ниже. Он писал: "Очевидно, что под термином *удовольствие* мы подразумеваем ощущения, очень отличающиеся друг от друга и имеющие между собой только некоторое очень отдаленное сходство, которое необходимо для того, чтобы их можно было выразить одним и тем же абстрактным термином. Хорошее музыкальное произведение и бутылка хорошего вина одинаково доставляют нам удовольствие, более того, их доброкачественность определяется только при помощи указанного удовольствия. Но разве мы скажем в силу этого, что вино гармонично, а музыка имеет хороший вкус?" (Юм I, 1966, с. 621).

Спиноза шел еще дальше в различении аффектов в зависимос-

ти от их объекта: "Существует столько же видов удовольствия, неудовольствия и желания, а следовательно, и всех аффектов, состоящих из них (каково душевное колебание) или от них производных (каковы любовь, надежда, страх и т.д.), сколько существует видов тех объектов, со стороны которых мы подвергаемся аффектам" (Спиноза, 1957, с. 501). Эту теорему Спиноза доказывал следующим образом: "Природа всякого страдательного состояния необходимо должна быть объясняема так, чтобы в нем выражалась природа того объекта, со стороны которого мы подвергаемся аффекту" (с. 502).

Общеоценочные предикаты не принадлежат к каузальному типу. Однако те категории оценочных предикатов, в значение которых входит указание на орган восприятия, то есть предикаты сенсорной оценки, такие как *вкусный*, *ароматный*, *мелодичный* и др., не могут быть определены иначе как каузально: *вкусный* — вызывающий приятные вкусовые ощущения, *приятный на вкус*. Принцип определения предикатов общей и частной оценки не одинаков.

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ПРЕДИКАТОВ. ПОНЯТИЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ НОРМЫ (Б. СПИНОЗА)

Несколько особняком в ряду этических систем XVII в. стоит оригинальная концепция Б. Спинозы (1632—1677), опередившая свое время, хотя она во многом связана с идеей "естественного добра", восходящей к античности. Спиноза подробно разработал теорию простых и производных эмоций. Ему принадлежит деление аффектов на пассивные страсти (*human bondage* — то, что "вяжет", поработачивает человека) и активные эмоции. Его понимание оценки определяется однако не этим. Его теория ценностей отошла от проблемы эмотивных реакций на внешние стимулы.

Как и другие философы XVII в., Спиноза отдавал себе отчет в том, что оценка (хорошее и плохое) обусловлена самой природой человека. "Никакая вещь не может быть ни хорошей, ни дурной, если она не имеет с нами чего-либо общего" — так формулирует Спиноза 29-ю теорему своей "Этики, доказанной в геометрическом порядке и разделенной на пять частей" (Спиноза I, 1957, с. 544). Из этого вытекает, что "если вещь от нас отлична, то она не может быть ни хорошей, ни дурной" (с. 545). Спиноза тем самым определяет границы оцениваемого фрагмента мира вхождением в жизнедеятельность человека.

Вещи, сходные с нашей природой, Спиноза квалифицирует как необходимо хорошие (теорема 31, с. 545). Основным же в природе человека Спиноза считал *conatus*, или *appetitus* 'стремление, жизненный импульс', который он разделял на импульс к органическому (физическому) самосохранению и импульс к самосохранению ментальному (психическому). Отношением к этим импульсам и определяется хорошее и плохое. "Мы называем добром или злом то, что способствует сохранению нашего существования или препятствует ему, то, что увеличивает нашу способность к действию или уменьшает ее,

способствует ей или ее ограничивает". Вслед за этим утверждением делается несколько неожиданное обобщение: "Таким образом, мы называем какую-либо вещь хорошей или дурной, смотря по тому, доставляет ли она нам удовольствие или неудовольствие" (с. 531). Дело объясняется тем, что Спиноза считал удовольствие и страдание не абсолютными категориями, т.е. не *gasio essendi* добра и зла, а *gasio cognoscendi* того, что хорошо и что плохо. Удовольствие не более, чем знак повышения жизненной силы, а боль и страдание — знак ее падения, а именно эти явления и составляют единственное и конечное добро и худо.

Позитивизм Спинозы имел гораздо более выраженный характер, чем позитивистские тенденции в концепциях английских мыслителей. Это видно из его анализа ценностных суждений.

Анализируя ценностные суждения, Спиноза прежде всего удаляет из них все оценочные слова, стремясь свести их к утверждениям фактического содержания. Он полагает, что утверждения о том, что какой-либо объект (человек, предмет или действие) являются хорошими или плохими, если его освободить от субъективных импликаций, должны быть столь же позитивны, как и утверждения о том, что предмет имеет круглую или квадратную форму. Рассматривая аксиологические понятия применительно к видам объектов, Спиноза считал, что, когда утверждают, что один из представителей вида лучше другого, то это значит, что он обладает большей степенью жизненной силы и выполняет характерную для данного вида функцию более эффективно.

Таким образом, оценочное суждение имеет форму "А выполняет характерную для соответствующего рода объектов функцию более эффективно, чем В, принадлежащее к тому же роду". Именно так должно прочитываться оценочное сравнение "А лучше В". Поскольку каждый род образует бесконечный ряд (открытый класс) объектов, понятия "совершенно хорошего" или "совершенно плохого" человека лишены смысла. Однако можно составить представление о среднем или типичном представителе класса, являющееся фикцией в том смысле, что ни один реальный член класса не будет совпадать с ним в точности. По отношению к этому фиктивному стандарту и определяются реальные члены рода: все те, кто выполняет свое назначение лучше среднего норматива, могут быть квалифицированы, как хорошие, те же, кто не достигает стандарта, являются плохими членами рода. Точка отсчета была помещена Спинозой в средней части аксиологической шкалы. Понятия хорошего и плохого, таким образом, вдвойне относительны. Они означают, во-первых, "лучше или хуже среднего". Они, во-вторых, релятивизованы относительно вида или рода. Вместе с тем сами эти понятия неравноправны, понятие хорошего составляет позитивный термин, а понятие плохого не более, чем негативный, или привативный терм, подобный таким словам как *слепой* или *близорукий*. Отношение худшего к лучшему в пределах рода есть то же, что отношение меньшего к большему количеству позитивной силы или деятельности, характерной для данного вида.

Исключительная проникаемость Спинозы проявила себя в том, что он ввел в анализ оценочных значений понятие компаративного класса и норматива, понимаемого как среднестатистический стандарт, усредненная модель вида, по отношению к которой и дается оценочная квалификация объекта. Это принципиально другой, по сравнению с каузальными, интенциональными и даже функциональными, тип определения значения оценочных предикатов. Более того, Спиноза, признавая релятивность оценки, менее всего связывал это ее свойство с субъективным фактором. Точка опоры дефиниции была выведена за пределы субъекта оценки. Она была перенесена на концепт нормы. Колебания в оценке зависят не от разницы в мнениях субъекта, а от изменений нормы. Определение хорошего и плохого через отсылку к нормативу сближает оценочные предикаты не с названиями психологических категорий, не с инструментальными значениями и не с "каузальной семантикой" (см. выше), а с параметрическими прилагательными, дефиниция которых не может обойтись без сравнения со стандартом. Если стандарт в сфере физических параметров естественных объектов устанавливается самой природой, то аксиологические нормы вырабатываются человеком с его постоянно меняющимися требованиями. Реляционность оценочного значения, связав себя с изменениями нормативов, одновременно поставила оценку в зависимость от категории времени.

В заключение характеристики концепции Спинозы добавим, что разговор о нормативе и оценке по соответствию норме в кругу естественных родов не должен привести к мысли, что везде, где может быть определена естественная норма, возможна оценка. По отношению ко всем естественным родам может быть выведена параметрическая норма, но пока человек не предъявляет к ним своих требований, часто не совпадающих с природным стандартом, он не будет давать представителям этих родов оценочных квалификаций. Только тот, кто собирается варить весенние щи, будет отличать хорошие экземпляры молодой крапивы от плохих, руководствуясь при этом вовсе не среднестатистическим стандартом. Вне этой практической цели крапива не разделяется на хорошую и плохую.

Итак, релятивность дескриптивного содержания оценочных предикатов возросла. Если Аристотель подчеркивал зависимость их значения от рода объекта, Гоббс — от различий в мнениях субъекта оценки, Локк — от их компаративной природы, то Спиноза обратил внимание на их зависимость от изменений норматива, т.е. в конечном счете от нестабильности критериев оценки.

АПЕЛЛЯЦИЯ К ИНТУИЦИИ.

ОЦЕНКА И МНЕНИЕ; СУЩЕЕ И ДОЛЖНОЕ (Д. ЮМ)

Линия, идущая от Локка к Д. Юму и минующая воззрения Б. Спинозы, характеризуется обсуждением понятий удовольствия и страдания, интерпретируемых как виды реакций на объективное "добро" и "зло" (хорошее и плохое). Локк, как отмечалось, подходил к ощущениям рационалистически. "Наши идеи страстей, — писал он, — проистекают от ощущений и рефлексии" (Локк I, 1960, с. 2—45).

Д. Юм (1711—1776), стоявший на позициях интуитивизма и в то же время не отказавшийся от самого каузального принципа определения понятий хорошего и плохого в области этики, подчеркивал, что моральные различия проистекают не из разума, а из нравственного чувства. "Мы скорее чувствуем нравственность, чем судим о ней" (Юм I, 1966, с. 619). Причем нравственное чувство рассматривалось им как естественное свойство человеческого духа (с. 623 и сл.). Принцип гедонизма Юм перенес на почву психологической интуиции. Определение хорошего и плохого через вызываемые ими переживания Юм распространял и на другие виды ценностей. Он писал: "В самом чувстве и заключается наша похвала или восхищение. Дальше мы не идем и о причине удовлетворения не спрашиваем. Мы не делаем заключения, что характер добродетелен, из того, что он нравится нам, но, чувствуя, что он нам нравится особым образом, в сущности чувствуем и то, что он добродетелен. Дело обстоит здесь так же, как и во всех наших суждениях относительно различных видов красоты, вкусов и ощущений. Наше одобрение их уже заключается в том непосредственном удовольствии, которое они нам доставляют" (с. 629).

Д. Юм замкнул концептуальный контекст, в который входит понятие хорошего и плохого, отношением стимула (некоторого объекта действительности) и вызываемой им реакции (одобрения, ощущения приятного, удовольствия, удовлетворения нравственного чувства), совершенно исключив из этого контекста те свойства объектов действительности, в которых можно видеть источник положительных ощущений. Он вывел критерии (основания) оценки за пределы ее структуры. Это был принципиально важный для него тезис, который он связывал с субъективной трактовкой физических ощущений звука, цвета, тепла, холода и др. как "перцепций духа", характерной для Беркли (Юм I, 1966, с. 617—618). Юм считал бесполезной саму постановку вопроса о связи оценок с фактическими суждениями. Он писал об объектах этической оценки: "Мы можем указать источник их высокой нравственности или порочности в виде ясных и отчетливых представлений, не разыскивая каких-то непонятных отношений и качеств, никогда не существовавших ни в природе, ни даже в нашем воображении" (с. 625). "И это открытие в этике, так же как соответствующее открытие в физике, должно считаться значительным шагом вперед в спекулятивных науках", полагает Юм (с. 618).

Перенос гедонистического принципа на почву психологических состояний ослабил понятие стимула как активно действующей на человека внешней силы, каузатора удовольствия. Удовольствие (ощущение) заменяется в некоторых формулировках Юма термином одобрение, обозначающим уже не столько ощущение, сколько отношение, причем несущее на себе печать дидактики. Определение хорошего в терминах одобрения в сущности тавтологично, поскольку одобрить и означает "считать хорошим", ср. толкование этого глагола в словаре Д.Н. Ушакова: "счесть приемлемым, хорошим, отозваться о чем-нибудь с похвалой, сочувствием". Толкование

через ощущение заменено толкованием через мнение. "Хорошесть" рассматривается не как свойство предмета, выявляемое через ощущение, а как отношение между субъектом оценки и ее объектом. Аксиологи первую точку зрения иногда относят к теориям ментального качества (*mental quality theories*), а концепции, интерпретирующие "хорошее" через понятие одобрения — к теориям ментального отношения (*mental attitude theories*) (Broad, 1955, p. 260).

Перенос центра тяжести на отношение между субъектом и объектом оценки естественно аннулирует или сводит к минимуму связь между фактическими характеристиками объекта и понятиями ценностей. Именно по этому пути рассуждения пошел и Юм. "Поскольку к поступкам не применимы понятие истинности или ложности, они не могут быть предметом операций разума. Этот аргумент вдвойне полезен для нашей настоящей цели: он прямо доказывает, что ценность наших поступков не состоит в их согласии с разумом, так же как их предосудительность не заключается в противоречии последнему" (с. 604). В этом же русле лежит и другое наблюдение Юма, оказавшее глубокое воздействие на последующее развитие аксиологических идей. Юм эксплицитно поставил вопрос о переходе от фактического утверждения к утверждению, характеризуемому модальностью долженствования, т.е. к прескриптивному предложению. Приведем это, ставшее для модальной логики хрестоматийным, высказывание Юма: "Я заметил, что в каждой этической теории, с которой мне до сих пор приходилось встречаться, автор в течение некоторого времени рассуждает обычным способом, устанавливает существование Бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно *есть* или *не есть*, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки *должно* или *не должно* (*ought* или *ought not*). Раз это *должно* или *не должно* выражает некоторое новое отношение или утверждение, последнее необходимо следует принять во внимание и объяснить, и в то же время должно быть указано основание того, что кажется совсем непонятным, а именно того, каким образом это новое отношение может быть дедукцией из других, совершенно отличных от него" (с. 618).

Отвергнув существование связи между фактическими и прескриптивными высказываниями и тем самым семантически "опустошив" оценочные предикаты, редуцировав концептуальный контекст понятий хорошего и плохого к одному лишь субъективному "контрагенту", Юм в то же время поставил важную логическую задачу, стимулировавшую развитие модальных логик. Замечание Юма о логической немотивированности перехода от бытийной связки к модальности долженствования имело далеко идущие последствия. В этике встал вопрос о так называемой "автономности морали" (см. об этом: Ивин, 1970, гл. 7). В сфере методологии науки встал вопрос о взаимной независимости науки и нравственности, тезис, доказывавшийся тем, что принципы науки формулируются только в изъяситель-

ном, а принципы нравственности — только в повелительном наклонении, т.е. в модальности долженствования (Пуанкаре, 1983, с. 506).

Вопрос о возможности перехода от бытийной связки к долженствовательной обсуждается логиками и по сей день (об этом будет сказано в связи с семантикой предиката долженствования). Ниже мы увидим, что вопрос Юма связан и с выяснением природы другого, но очень сходного с рассматриваемым, отношения — отношения между естественными свойствами объектов и их оценочной характеристикой. Вопрос Юма обернется для английских философов открытым вопросом Дж. Мура, суть которого состоит в том, что даже самый полный перечень идентифицируемых свойств объекта не снимает вопроса о его ценности (Мур, 1984, с. 106—107). Не исключает он также и возможности возражения против ценностного суждения. И вопрос Юма, и открытый вопрос Мура указывают на отсутствие отношений строгой логической импликации между сущим и должным, между естественными свойствами предметов и выносимыми о них ценностными суждениями, которые зависят не только от данности, но и от предъявляемых к ней в том или в другом случае тем или другим лицом требований. Все это свидетельствует в конечном счете о принципиальных различиях между естественной картиной мира, изменение которой зависит прежде всего от развития естественных наук, и ценностной картиной мира, изменение которой связано с идеалами человечества.

Вопросы Юма и Мура в то же время нащупали ту черту, которая противопоставляет логическое рассуждение практическому. Эта черта состоит в том, что второе, в отличие от первого, не основано на отношениях логического вывода и, вследствие этого, его результат не может быть аналитической истиной.

ОЦЕНКА И МОДУС ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ (И. КАНТ)

Окончательный и твердый отход от каких-либо форм гедонизма в определениях аксиологических понятий осуществил И. Кант (1724—1804), этические сочинения которого "Основы метафизики нравственности" и "Критика практического разума" относятся к 80-м годам XVIII в. Принцип ощущений, чувствований Кант заменил в этике принципом разума, модальность желания — модальностью долженствования, эмпирическое — априорным, относительное — абсолютным, добро как средство — добром как цель. Доктрина Канта была обратной принципам гедонизма со всеми вытекающими из этого последствиями.

Кант прежде всего апеллирует к языку. Он обращает внимание на то, что принятое словоупотребление "отличает приятное от доброго и неприятное от злого и требует, чтобы о добром и злом всегда судили разумом, стало быть посредством понятий, которыми можно делиться со всеми, а не одним лишь ощущением, которое ограничивается единичными объектами и их восприятием" (Кант, IV, 1965, с. 380). Принцип удовольствия заставляет считать хорошим то, что служит средством для достижения приятного, а плохим — то, что

составляет причину неприятности и страдания. Он предполагает, таким образом, что хорошее всегда есть "хорошее для чего-то" (с. 380)." Доброе всегда было бы только полезным, и то, для чего оно полезно всегда должно было бы быть вне воли — в ощущении" (Там же). Кант отвергает каузальный принцип определения ценностных понятий. Принцип словарной дефиниции абстрактных категорий, особенно таких категорий, которые не всегда прямо связаны с наблюдаемыми мирами, вытекает из философских и, шире, мировоззренческих систем. Отказавшись от отождествления хорошего с тем, что ведет к удовольствию, а плохого с тем, что может служить причиной страдания, Кант, естественно, отделил добро и зло от модальностей желания и отвращения, порождаемых ощущениями, и соединил с модальностью долженствования, порождаемой разумом. "Высокое достоинство долга, — писал Кант, — не имеет никакого отношения к наслаждению жизнью; у него есть свой особый закон и свой особый суд; и если бы то и другое захотели встряхнуть так, чтобы смешать их и, как целебное средство, предложить больной душе, — они тотчас же сами собой отделились бы друг от друга" (с. 416).

Связав добро с модальностью долженствования, Кант утверждал эту категорию как категорию абсолютную, независимую от превратностей опыта, и следовательно как нечто априорное, устанавливаемое чистым практическим разумом в качестве всеобщих нравственных законов. Практический разум, по Канту, "имеет дело не с предметами с целью их *познания*, а со своей собственной способностью *осуществлять* эти предметы (сообразно с их познанием), т.е. с *волей*, которая есть причинность" (с. 417)¹. Именно в воле и заключено абсолютное добро, т.е. добро, "выведенное" из случайного контекста, независимое от результата, антецедентов и конкретных обстоятельств.

Если в разных формах гедонистической этики нравственно хорошее не противопоставлялось другим видам добра, а наоборот, скорее объединялось с ними и выводилось из того вида "хорошего", которое дано человеку в ощущениях, то Кант резко противопоставил гедонистически хорошее человечески хорошему, а законы и категории природы законам и категориям разума (нравственным законам, "законам свободы"). Он, таким образом, отошел и от принципа единого для всех видов "добра" словарного толкования; оставив каузальную формулу для области приятного (гедонистически хорошего), Кант определил гуманистически хорошее как то, что является объектом доброй воли или, что то же самое, как то, что соответствует нравственному закону.

¹ Напомним афоризм Лихтенберга: "Мир существует не для того, чтобы мы его познавали, а для того, чтобы мы воспитывали себя в нем. Это идея Канта" (Лихтенберг). Но уже Аристотель, изучая науку, которой он дал название этики, писал: "Мы ведь проводим исследование не затем, чтобы знать что такое добродетель, а чтобы стать добродетельными, иначе от этой науки не было бы никакого проку" (Аристотель IV, с. 79).

ОЦЕНКА И ПОЛЬЗА (И. БЕНТАМ И ДЖ. МИЛЛЬ)

Однако ни взгляды Юма, ни концепция долга в этике Канта не уничтожили гедонистический принцип в аксиологии, который, сообразуясь с идеями своего времени и варьируясь, эволюционировал в Англии в сторону позитивизма. Гедонистический подход к категориям добра получил утилитаристскую направленность в исследованиях двух крупных английских философов — И. Бентама (1748—1832) и Дж.С. Милля (1806—1873).

И. Бентам, автор ряда трудов по этике, введший в обиход термин *деонтология* (один из его трудов так и называется: *Deontology or The science of morality*, v. 1—2, 1834), родоначальник утилитаризма, начинает свое сочинение об основаниях нравственности следующей метафорой: "Природа поставила человечество под управление двух верховных властителей, страдания и удовольствия. Им одним предоставлено определять, что мы можем делать, и указывать, что мы должны делать. К их престолу привязаны с одной стороны образчик хорошего и дурного и с другой — цепь причин и действий <...>. Принцип пользы признает это подчинение и берет его в основание той системы, цель которой возвести зданье счастья руками разума и закона. Системы, которые подвергают его сомнению, занимаются звуками вместо смысла, капризом вместо разума, мраком вместо света" (Бентам, 1867, с. 1—2).

Принцип пользы состоит в том, что одобрение или неодобрение действия зависит от того, способствует ли оно увеличению или уменьшению счастья заинтересованной стороны, интерпретируемого как некоторый совокупный интерес общества. Последний же понимается как сумма интересов отдельных его членов. Телеологический принцип вернулся в дефиницию хорошего и плохого, причем в версии близкой к воззрениям Спинозы. Только сообразуясь с принципом пользы, полагает Бентам, можно дать определение ценностных и нормативных суждений. "Объяснимые таким образом, слова *должно* (ought to), *хороший*, *дурной* и другие подобные слова, имеют смысл; если они объясняются иначе, они не имеют смысла" (с. 4); и в другом месте: "Удовольствие само по себе есть добро, и даже, оставляя в стороне обеспечение от страдания, единственное добро; страдание есть само по себе зло, и в самом деле, без исключения, единственное зло; иначе слова *добро* и *зло* не имеют смысла" (с. 90).

Критерий пользы Бентам противопоставляет всем другим принципам (они объединены им под названием принципа симпатии и антипатии) как объективное основание оценки субъективному одобрению или неодобрению. Формулировок субъективного мотива оценки много, но суть их одна. "Фразы различны, но принцип один и тот же" (с. 12). Будь то нравственное чувство, здравый смысл, некое разумение (*understanding*), правило справедливости (*Rule of right*), сообразность вещей (*Fitness of things*), закон природы, закон разума, добрый порядок, соответствие истине или авторитету (с. 12—16), за всеми этими наименованиями скрывается одна сущность — именно субъективная склонность человека одобрять или не одобрять действие, расположение или отвращение к нему.

Объективность предпочтения и выбора в практических действиях Бентам подтверждал принципом количества удовольствия. "Сложите все ценности всех удовольствий, с одной стороны, и все ценности всех страданий с другой. Если баланс будет на стороне удовольствия, он даст хорошее стремление действия вообще, относительно интересов этого индивидуального лица; если на стороне страданий, он даст дурное стремление его вообще" (с. 28).

Бентам, таким образом, допускал возможность измерения удовольствия и страдания и сопоставления полученных результатов. Отвергая априористические концепции добра, Бентам пытался не только придать оценочным предикатам максимально позитивное содержание, но и связать ценностные и нормативные суждения с фактическими. Определить, какое действие является правильным, а какое — неправильным, дурным, значит, по Бентаму, описать в фактических терминах последствия одного и другого, т.е. сделать утверждения, поддающиеся верификации.

Приведенные формулировки показательны в следующем отношении. Опираясь словами, связанными с переменным дескриптивным содержанием (оно служит критерием оценки), Бентам занят не столько выяснением того, как употребляются оценочные слова и нормативные суждения, сколько рекомендациями относительно того, как их следует употреблять. Это, как мы увидим, отличает его семантические разыскания от исследований, начало которым было положено Дж. Муром. Занимаясь значением слов, входящих в ценностные и нормативные суждения, и борясь против субъективности оснований оценок, Бентам в то же время стремится установить собственные нормы их употребления. Определения Бентама не дескриптивны, а прескриптивны (Ауер, 1963, р. 264). Естественным следствием этого являются постоянные конфликты с языком, характерные для этических исследований вообще и работ Бентама в особенности. Бентам сетует на "несговорчивость" языка (с. 93), на его "известную превратность" (с. 91). Суть этой превратности состоит в том, что далеко не все удовольствия обозначаются языком как явления позитивные, и далеко не все страдания квалифицируются негативно, и это создает для Бентама, как он сам об этом пишет, "немалые трудности". Давая каталог удовольствий и страданий, составляющих мотивы действий, и полагая, что мотивы сами по себе еще не гарантируют положительной или отрицательной оценки действия, Бентам испытывает дефицит слов, лишенных положительных или отрицательных коннотаций. Стремясь избежать новой фразеологии, он прибегает к описательным выражениям, заменяя, например, такие отрицательные наименования мотивов как *сладо-страстие* и *скудость* более нейтральными дескрипциями "половое желание" и "денежный интерес" (с. 93).

Теория совокупной пользы, проистекающей из максимума удовольствия, изложенная обыденным языком, сразу же задает противоречивый текст, в котором оценочные слова воспринимаются как своего рода "аллергены" в организме человека. Бентам совершенно ясно отдавал себе отчет в этом: "Ограничиваясь одними

наиболее употребительными способами выражения, человек едва ли может избежать того, чтобы не впасть, по-видимому, в беспрестанные противоречия. Его положения, с одной стороны, покажутся противными истине; с другой, — противоречащими пользе" (с. 93). Автору остается "признаться, что ради своих целей он нарушил установленные законы языка" (с. 93).

Таким образом, наука нравственности покуда она пользуется естественным языком для формулировки своих положений, должна заботиться о том, чтобы сообразовываться со значениями слов, иначе создаваемый текст не может не оказаться насыщенным противоречиями аксиологического плана: то, что автор считает хорошим, язык квалифицирует как дурное. Сколько бы ни утверждал Бентам, а впоследствии сторонники так называемого разумного эгоизма, что польза и благо — это одно и то же, язык с этим не согласится, и последнее слово в этом вопросе останется за ним.

Мы не будем подробно рассматривать здесь взгляды Милля в области утилитаристской этики. В плане наших интересов может представить интерес его доказательство принципа пользы. Считая, что вопрос о конечных целях мира и жизни не подлежит доказательству, Милль заменяет его вопросом о том, что желательно. "Утилитарианская доктрина говорит, что желательно, — счастье, что оно одно только и желательно, как цель, а все прочее желательно только потому, что составляет средство для его достижения" (Милль 1900, с. 143). Желательность счастья доказывается Миллем точно так же, как доказывается опытное знание: "Желание человеком счастья есть факт; существование такого факта составляет /.../ полное доказательство того, что счастье есть благо, и следовательно /.../ одна из целей человеческих поступков, а, стало быть, и один из критериумов нравственности" (с. 144). Замена понятия удовольствия казалось бы более объективным понятием пользы, таким образом, несколько не сделало более объективным понятие добра. Дефиниция хорошего и плохого опять вернулась к модусу желания, находящемуся в несбалансированном и неоднозначном отношении к своим внешним объектам. Желание снова вошло в конфликт с удовольствиями. Стремясь привести эти "начала" человеческой психики в равновесное состояние, Милль писал, возражая критикам утилитаризма, упрекавшим это учение в низменном понимании природы человека: "Мало найдется таких людей, которые бы, ради полной чаши животных наслаждений, согласились променять свою человеческую жизнь на жизнь какого-нибудь животного. Умный человек не согласится превратиться в дурака, образованный — в невежду, чувствительный и честный — в себялюбивого и подлого, хотя бы они и были убеждены, что дурак, невежда и плут гораздо более их довольны своей судьбой" (с. 102).

На пути Милля возникли уже знакомые его предшественникам трудности, проистекающие из невозможности взаимозамен аксиологических предикатов, а также из невозможности интерпретации их через психологические реалии. Теория не соответствовала естественному языку, на котором она излагалась.

**НЕОПРЕДЕЛИМОСТЬ (ЭЛЕМЕНТАРНОСТЬ)
ЗНАЧЕНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ПРЕДИКАТОВ.
ПРЕЗУМПЦИИ ИХ УПОТРЕБЛЕНИЯ
(Г. СИДЖУИК, ДЖ. МУР, Р. ХЭАР)**

Непосредственно предшественником Дж. Мура (1873—1958), в трудах которого выявился поворот этических исследований к логико-лингвистическому анализу значения оценочных слов (Нарский, Коновалова, 1984, с. 5), был Г. Сиджуик, автор книги "Методы этики", вышедшей первым изданием в 1873 г. (Sidgwick, 1893). В ней, наряду с критикой разного рода этических концепций (психологического, эмпирического, объективного, научного и пр. видов гедонизма, утилитаризма, интуитивизма и пр.) немалое место отведено семантическому анализу модальных и оценочных слов в повседневной речи. Внимание Г. Сиджуика сосредоточено не на том, как следует употреблять слова, а на том, как они реально употребляются.

Особый интерес представляют его наблюдения над значением двух семантических типов предикатов, характерных для этических текстов: слов общей оценки (good и goodness) и слов круга долженствования (ought to, right, wrong), входящих, соответственно, в ценностные и нормативные суждения. Впоследствии эти слова не раз становились предметом семантического анализа, но Сиджуик сделал на этом пути первые шаги, и уже по одному этому его анализ заслуживает внимания.

Сиджуик рассматривает приведенные выше предикаты как целостную группу, члены которой взаимосвязаны¹ и в то же время противопоставлены друг другу. С этой группой слов связана специфика практического (имеющего своей целью принятие решения) рассуждения. Их отношения между собой и с другими категориями предикатов обуславливают непротиворечивость текста. Сиджуик подчеркивает, что концепты, соответствующие названным выше предикатам, отличны от понятий, относящихся к психическому и физическому опыту, а следовательно, оценочные и нормативные суждения, принципиально не сводимы к фактическим (с. 27—28).

Глагол ought to в нормативных суждениях может употребляться в узком (категорическом), широком и "гипотетическом" смыслах (с. 25—40). Употребляясь в узком смысле, он имеет собственно деонтологическое (строго этическое) значение, т.е. выражает категорическое требование: Truth ought to be spoken 'Следует говорить правду'. В работах по этике юмовского направления такие суждения интерпретировались как знак существования в сознании говорящего особого нравственного чувства — одобрения (или неодобрения) определенного типа действия.

Между тем очевидно, что объектом одобрения в принципе могут стать утверждения, противоречащие друг другу. Этика же этого не

¹ Некоторые авторы считают концепты ценности и долженствования взаимно обратимыми: "Вообще говоря, модусы долженствования и ценности обратимы: всякое предписание можно обосновать посредством оценки и, наоборот, оценка поступка может быть обоснована ссылкой на норму" (Дробницкий, 1974, с. 358).

допускает. Необходимой предпосылкой деонтологического суждения является убеждение в том, что одобряемая норма поведения является единственно правильной ("really" right). Суждения противоположного значения исключаются из этического текста столь же решительно, как из логически правильного текста исключаются ложные предложения. Говорящий исходит из пресуппозиции непреложности нравственных правил. Нравственные правила не оспаривают, хотя и нарушают. Нарушение, по закону ли государства или по закону совести, влечет за собой кару, и презумпция наказания (возмездия) неотделима от употребления глагола *ought to* в нормативных высказываниях. Однако значение глагола *ought to*, полагает Сиджуик, не сводимо ни к моральному одобрению, ни к угрозе расплаты за нарушение долга (с. 33).

Пользуясь современными терминами, можно было бы сказать, что то значение, которое вносит в нормативное суждение глагол *ought to*, не ограничивается иллюкутивными силами одобрения и предостережения. Как же в таком случае следует определить значение *ought to* и других слов этой группы? Сиджуик полагает (и в этом он также предвосхитил Мура), что значение этих слов элементарно. Его нельзя определить. Можно лишь описать его отношения с фактическими (дескриптивными) значениями и суждениями.

Строго этическое употребление глагола *ought to* необходимо предполагает зависимость требования от возможностей человека (постулат Канта). Высказывания *I ought to do this* 'Я должен это сделать' и *I cannot do this* 'Я не могу (не в состоянии) этого сделать' не совместимы. Здесь мы опять сталкиваемся с явлением особой несовместимости (*inconsistency*), высказываний, отличной от логического противоречия. Однако возникающая вследствие соположения этих модальностей непоследовательность текста настолько велика, что сводит на нет и его смысл и сопровождающие высказывания иллюкутивные (коммуникативные) силы. Предложение "Вы обязаны были предотвратить крушение, но вы не могли это сделать" не может быть принято ни как сообщение о нарушении обязанностей, ни как предъявление обвинения, поскольку в этом же предложении содержится оправдание, аннулирующее и модальность долженствования и иллюкутивную силу обвинения. Иллюкутивные силы обвинения и оправдания могут вступать между собой только в диалогическую связь, поскольку они основываются на разном объеме исходного знания: обвинение не может быть предъявлено, если говорящий знает, что предотвратить крушение было не во власти обвиняемого.

Вернемся к анализу значения *ought to*, предложенному Сиджуиком. Кроме узкого (деонтического, категорического) значения этот глагол может употребляться и в более свободном смысле, характерном для обиходной речи. При этом имеется в виду не отношение к конкретному правилу (существующей норме), а отношение к идеальной норме. В русском языке эти значения распределены между предикатами *обязан* и *следует* (следовало бы), не совмещены в пре-

дикативе должен (с различением по модальности); ср. *Я должен (обязан) был предупредить об опасности и Я должен был бы (мне следовало бы) быть более благоразумным*. В этом втором, широком, смысле долженствование не подразумевает ни возможности, ни категорической обязанности. Поэтому высказывание "Я должен был бы быть более осмотрительным, да не могу" не содержит противоречия.

Оба значения *ought to* подразумевают правильность суждения: говорящий исходит из того, что именно так, а не иначе, должны думать все разумные существа (с. 36). И действительно, высказывания *ought to* не стимулируют возражения. Если в них заключен упрек, они могут вызвать реакцию оправдания. С этическими правилами не спорят, заповедями не возражают.

Однако, полагает Сиджуик, только значение категорического долженствования имплицитно диктат, побуждение к действию. Предполагается, что это диктат разума в ситуации конфликта с желаниями и непосредственными импульсами человека. "Этот конфликт, как кажется, также имплицитно слов *ought to*, *duty* и *moral obligation* [...], следовательно они не могут быть отнесены к действиям рациональных существ, у которых импульсы не идут в разрез с разумом" (с. 37)¹.

Наконец, третье значение глагола *ought to*, по Сиджуику, — это значение кантовского "гипотетического императива". Последний адресован только тому, кто стремится к достижению некоторой цели: поставив перед собой цель следует, по логике поведения, принять и необходимые для ее достижения средства. Рекомендация врача "Если вы хотите быть здоровым, вам следует рано вставать" не эквивалентна утверждению, "Раннее вставание является необходимым условием сохранения здоровья". Это второе суждение, констатирующее связь между физиологическими фактами, служит основанием для приведенной выше рекомендации. Модальность этой последней имплицитно неразумность принятия цели и отказа от средств ее достижения.

Три модальности глагола *ought to* — категорический императив (узкое значение), широкое значение (отношение к идеалу) и гипотетическая (рекомендательная) прескрипция — выработаны прагматикой употребления, обусловленного психологическими, социальными и коммуникативными факторами. Именно эти факторы определили те презумпции и импликации, которые сопутствуют модальности долженствования и ее дифференцируют.

Не менее актуальны соображения Сиджуика об употреблении оценочных предикатов в ценностных и нормативных суждениях.

Античные мыслители избирали в качестве родового понятия, объединяющего этические предикаты, понятие добра, и это ставило

¹ Позднее Ноуэлл-Смит писал: "Логика долженствования предполагает существование конфликта между долгом совершить нечто и склонностью не делать этого. Но важно заметить, что этот конфликт является частью общего основания понятия должного, хотя не обязательно присутствует в каждом конкретном случае" (Nowell-Smith, 1957, с. 265).

вопрос об отношении этически хорошего и плохого к другим видам добра и зла, а также об общем определении этих концептов (см. выше). Тогда же, когда в качестве родового понятия выбирается концепт должного, встает другой, не менее интересный, вопрос: каковы семантические различия между предикатами *хороший* и *правильный* (*должный*) в нормативных суждениях? Сиджуик сравнивает употребление *right* и *ought to* — с одной стороны, и *good* и *goodness* — с другой. Некоторые из его наблюдений проницательны.

В отличие от *right* и *ought to*, употребление которых связано с диктатом разума, предписывающим как безусловные, так и целенаправленные действия, оценочные предикаты в нормативных суждениях указывают не на отношение к правилу, а на отношение к нравственному идеалу. Правило императивно, идеал привлекателен (с. 105). Целеустремленное действие обычно квалифицируется как *правильное* или *неправильное*; поступок — как *хороший* или *дурной*. К этому можно добавить, что понятие правильности предполагает единственность, подобно тому как единственно правильным только и может быть, например, правописание слова; но когда говорят о хорошем поведении или поступке, то импликация единственности ("избранности") отсутствует. Правильно — единично. Правильность можно уподобить попаданию в цель: хорошее — вариативно; ср. сходные наблюдения Дж. Мур (Мур, 1984, с. 76 и сл.)

Другое различие между квалификацией действия как хорошего или правильного состоит в том, что понятие правильного поступка предполагает его выполнимость, в то время как понятие хорошего поступка, связанное с представлением об идеале, распространяется и на то, к чему люди стремятся, но чего далеко не всегда могут достичь (с. 113).

Наряду с различиями, отмеченными Сиджуиком, представляется необходимым также указать на коммуникативные особенности предикатов *хороший* и *правильный*. Определяя поступки как хорошие, говорящий придает своему высказыванию иллюкативную силу похвалы, поощрения, которая в гораздо меньшей степени присуща квалификации поступка как правильного. Высказывание "Ты хорошо поступил" имеет своей целью формирование нравственности, а высказывание "Ты правильно поступил" — учит целесообразному, адекватному ситуации (корректному) поведению.

Это различие прослеживается в употреблении предикатов *хороший* и *правильный* в диалоге. Желая получить подтверждение ситуативной адекватности своего поведения, спрашивают "Я правильно поступил?". Такой вопрос уместно задать начальнику, наставнику (тому, кто владеет "орфографией и орфоэпией" поведения). Суждение о правильности или неправильности поступка в рамках целенаправленных действий может быть изменено в зависимости от его следствий. Оценка поступка как хорошего дается безотносительно к его следствиям, и его переоценка возможна только если изменится нравственный идеал.

Вопрос "Я хорошо поступил?" можно задать нравственному наставнику, чтобы удостовериться в том, что говорящий не сбился

с пути истины. Но ставить такой вопрос, например, в служебных условиях некорректно: оценка выражает похвалу, поэтому приведенный вопрос может иметь только одну цель — вызвать похвалу ("напроситься на комплимент"), между тем как одобрение — дело сугубо добровольное, и понуждать к нему собеседника не только некорректно, но и неэффективно: вынужденность обесценивает оценку.

Сиджук не обошел вопроса и об общем значении предиката *хороший*, реализуемом в разных его употреблениях. Он, как и многие его предшественники, обращается к модальному "корреляту" добра, а именно к модальности желания: «То, что я считаю для себя хорошим, можно квалифицировать как "желательное", если не как "желанное" ("desirable", if not "desired"), то есть как то, что я должен был бы желать, если бы моя природа была гармонична» (с. 110). Разъясняя свою модально усложненную формулу добра, Сиджук пишет: «Я прихожу к выводу, что выражение "мое конечное добро" (my ultimate good) означает "то, что в конечном счете для меня желательно" или "то, что я бы желал, если бы мои желания не вступали в конфликт с разумом» (с. 112).

Выше нам уже приходилось обращать внимание на то, что дефиниции этических понятий нередко требуют коррекции естественного значения слова. Приведенное высказывание Сиджука — еще один тому пример.

Из более поздних исследований семантики долженствования остановимся на двух: анализе Р. Хэра и попытке вывести модальность долженствования из бытийной связки, предпринятой Дж. Серлом.

Хэр отметил, что и деонтические и оценочные являются предикатами более высокого, сравнительно с предикатами наблюдаемых свойств, порядка (в терминологии Хэра они обозначают *supervenient* "вторичные, производные" признаки). Это значит, что объекты не могут различаться между собой только признаком, соответствующим предикату *right* или *good*. Поступки, например, не могут отличаться один от другого только признаком правильности. Это различие должно мотивироваться фактическими характеристиками действия, соотносенными с некоторой универсальной нормой (Hare, 1967, с. 153). Предложение *I ought to do X* 'Я должен совершить X', по мнению Хэра, представляет собой соединение трех суждений: 1) X требуется для того, чтобы привести положение дел в соответствие с общепринятой нормой (утверждение социологического факта); 2) Говорящий ощущает, что он должен поступить надлежащим образом (утверждение психологического факта); 3) Я должен (*ought to*) поступить именно так (ценностное суждение) (с. 167).

Но и этот анализ не раскрывает всей семантической сложности предиката долженствования, поскольку остается открытым вопрос о соотношении фактических суждений с оценочными и отношении этого последнего к императиву. Хэр полагает, что если принять тезис о том, что этические суждения влекут за собой действия, то следует согласиться с тем, что они имплицитно императивы. Иными словами, Хэр допускает возможность вывода модальности

долженствования из изъявительного суждения. Вопрос, поставленный Д. Юмом, оказался небезразличным для семантического анализа деонтических предикатов.

Другая попытка опровергнуть тезис Юма о невыводимости этических суждений из утверждений фактов была предпринята Дж. Серлом с позиций теории речевых актов. Серл пользуется для доказательства двумя понятиями — понятием перформатива и понятием институциональных форм, создаваемых соответствием "учредительными" (конститутивными) правилам, т.е. правилам, порождающим определенный вид деятельности (таковы, например, правила игры, без которых не могла бы существовать и сама игра).

Его вывод вытекает из следующей цепочки суждений: 1) Джон произнес: "Я обещаю заплатить Вам, Смит, пять долларов", 2) Джон обещал заплатить пять долларов Смигу, 3) Джон взял на себя обязательство заплатить Смигу пять долларов, 4) Джон обязан заплатить пять долларов, 5) Джон должен (ought to) заплатить Смигу пять долларов (Searle, 1976, p. 177). В этом рассуждении переходы от одного утверждения к другому являются частью переформулировками, основанными на семантической эквивалентности (обещать = "брать на себя обязательство"), частью они основаны на тавтологии (отношение между третьим и четвертым суждениями), частью на соответствии "учредительному" правилу, создающему "институт обязательств". В итоге Серл заменяет принятое в логике положение о том, что "дескриптивные утверждения не могут имплицировать оценочное суждение без привлечения дополнительной оценочной посылки" другим тезисом: "утверждения о первичных фактах (brute facts) не могут имплицировать суждение об институциональном факте, без привлечения в качестве дополнительной посылки по крайней мере одного конститутивного правила", например: большая посылка (конститутивное правило): *Все должны держать обещания*; малая посылка (фактическое суждение): *Джон обещал сделать X*; следствие (оценочное суждение): *Джон должен сделать X* (Searle, 1976, p. 184–185). Ниже мы будем иметь случай убедиться, что "провал" между утверждением и аксиологической модальностью все же остался непокрытым. Он только стал интерпретироваться в иных (а именно, коммуникативных) терминах.

* * *

Большинство приводившихся дефиниций, если это не признание элементарности "добра", контекстуальны. Под контекстуальностью определения мы разумеем либо определение хорошего и плохого через апелляцию к другому — обычно модальному — понятию (интенциональные и каузальные дефиниции), либо подстановку вместо искомого другого концепта, входящего в тот же понятийный контекст (субститутивные дефиниции).

"Хорошее" обычно ставится в зависимость от таких понятий модального ряда как желание, воля, долг, удовольствие, стремление. Все они соотносят аксиологические концепты с человеком, взятым в разных его аспектах. Обычно модальный спектр редуцируется

к одной модальности. Однако, поскольку она не является для аксиологических понятий единственно возможной и даже определяющей, приходится вносить коррективы в интерпретацию контекстуального "партнера" добра, придавая ему либо вовсе другой, либо расширительный смысл. Так были расширены или видоизменены понятия желания, пользы, должного, удовольствия (см. выше). Нет сомнения в том, что "хорошее" в глобальном смысле не может быть приравнено ни к желаемому, ни к желанному, ни к тому, что мы должны желать, ни к тому, что желает хороший человек, ни к должному, ни к тому, что считает должным человек совестливый, ни к тому, что удовлетворяет нравственное чувство такого человека, ни к тому, к чему мы стремимся, ни к тому, что приносит нам или обществу пользу, ни к тому, что доставляет нам удовольствие (или от чего мы ожидаем удовольствие), ни к тому, что нам необходимо или на что мы надеемся, ни к тому, что заставляет нас принимать решение, ни, наконец, к тому, что вызывает волевой импульс, побуждающий человека действовать.

Модальный спектр значений не может быть редуцирован к одному сегменту. Простой лингвистический эксперимент покажет, что предикаты *хороший* и *плохой* не употребляются в соответствии с контекстуальными дефинициями: контекст употребления не соответствует контексту определения. Мы говорим: *Не знаю, хорошо это или худо, но я это хочу (но мне это доставляет удовольствие; но мне это нравится; но я поступлю именно так; но мне это необходимо; но я на это надеюсь; но я к этому стремлюсь всей душой и т.п.)*. Можно сказать также: *Я знаю, это не принесет мне ничего хорошего, но я этого хочу и буду добиваться (но я не могу без этого жить); Я знаю, что мне это вредно, но я получаю от этого удовольствие; Я знаю, что нехорошо так говорить, но в то же время не могу не сказать*. Есть даже пословицы типа "И у хорошего человека бывают плохие (греховные) желания", "И хороший человек не без греха", "И у хороших людей бывают плохие (грешные) мысли" и т.п.

Другой тип определений связывает аксиологические понятия с нормативами, создаваемыми полноценными представителями естественных классов (Спиноза), либо идеализированными нормами человеческого поведения (принцип Канта): "Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства".

Такие определения (особенно в версии Спинозы) можно назвать субститутивными. В них аксиологическая квалификация приравнивается (или может быть в частном случае приравнена) к некоторому набору идентифицируемых свойств объекта — естественного или поведенческого. Тем самым ценностные и нормативные суждения сводились к фактическим.

Оба вида дефиниций вызвали критику Дж. Мура, привлечшего внимание к их основному пороку — тому, что объектом определения в них является не собственно "хорошее", а нечто другое ("несобственно хорошее"). Мур считал, что все суждения, включаю-

щие аксиологический предикат (*хорошее, плохое*) синтетичны (а не аналитичны). Поэтому выражения "хорошее — это то, что мы желаем" или "хорошее есть единственное благо" не являются полноценными лексикографическими интерпретациями. Фигурирующие в них понятия не эквивалентны. Он усматривал в отождествлении интенций и объекта интенции эпистемическую ошибку, состоящую в смешении пропозиционального отношения и объекта этого отношения, а в отождествлении утверждений о хорошем и плохом с фактическими суждениями — логическую ошибку (Мур, 1984, с. 224).

Этот последний вид заблуждений он сделал мишенью острой критики. Верно, что будучи хорошими, предметы обладают еще и некоторыми другими свойствами, характеризующими все хорошие объекты. «Но слишком многие философы думали, что установление этих других свойств и есть в действительности определение понятия "добро"; что эти свойства в действительности были не просто чем-то "иным", а абсолютно и целиком тем же самым, что и добро. Эту точку зрения я предлагаю назвать "натуралистической ошибкой"» (Мур, 1984, с. 67—68). Все теории, не избежавшие этой ошибки, Мур объединил под общим названием "натуралистической этики". Он писал: «Определяется ли добро как "желтое", "зеленое" или "голубое", как "громкое" или "мягкое", "круглое" или "квадратное", как "способствующее жизни" или "дающее удовольствие", как "желаемое" или "ощущаемое", каждая теория, приписывающая добру какое-нибудь из этих или любое другое значение, будет натуралистической теорией» (Мур, 1984, с. 102—103). К числу натуралистических Мур отнес идеи стоиков и их последователей о естественности и нормативности хорошего, и эволюционистские теории Спенсера, сближавшие "хорошее" с понятием развитого, и метафизическую этику Канта и все версии гедонизма и утилитаризма.

Основной аргумент, выдвинутый Муром против натуралистического понимания хорошего и получивший название "открытого вопроса Мура", состоит в следующем: как бы подробно мы не описывали естественные свойства объекта оценки, наше описание не снимает вопроса о том, хорош он или плох. "Добро не означает по своему определению ничего естественного, и поэтому вопрос — является ли все естественное добром — остается открытым" (с. 106—107).

Давая общую оценку этической концепции Дж. Мура в предисловии к переводу его "Принципов этики", И.С. Нарский и Л.В. Коновалова видят в предложенном Муром "семиотическом методе исследования /.../ то новое и характерное, что было воспринято и развито буржуазной этикой, получив затем название метаэтики, — исследование морали через ее язык" (Нарский, Коновалова, 1984, с. 26). Так было положено "официальное" начало логическому анализу языка морали, хотя элементы такого анализа, как мы могли убедиться, можно встретить и в более ранних работах.

Критическое направление мысли Мура было далее развито Р. Хзаром. Хзар, вслед за Муром, отрицал возможность редукции оценки к каким бы то ни было естественным свойствам. Этот тезис он хорошо иллюстрирует следующим примером. Предположим перед

нами две картины, причем одна из них является авторской репликой другой, и ровно ничем от нее не отличается. Если в этой ситуации кто-нибудь скажет "Картины одинаковы во всех отношениях, но, одна из них хорошая, а другая — плохая", то такое сообщение будет отвергнуто. Адресат возразит на это: "Так не бывает: между картинами, наверное, есть еще какие-нибудь различия". Если считать, что оценочный предикат обозначает свойство, то это свойство не может служить единственным различителем объектов и следовательно не принадлежит к категории естественных или иных поддающихся восприятию признаков.

Хэар убедительно снимает и еще один аргумент, приводимый в пользу отождествления оценочного значения с дескриптивным. Сторонники дескриптивного подхода к оценке иногда ссылаются на то, что когда утверждают, например, что вино хорошее, то имеют в виду вполне определенный вкус вина, который не может быть обозначен другим словом, поскольку вкусы не получили широкого доступа в поименованные свойства мира. Предположим, замечает Хэар, виноделы научились искусственно воспроизводить вкус хорошего вина и начали добавлять соответствующие ингредиенты в дешевые вина, которые от этого не стали хорошими, а следовательно, нельзя считать, что предикат *хороший* служит обозначением вкуса вина (Hare, 1967, p. 57–59).

Вкус вина относится к числу тех свойств, которые участвуют в мотивации оценки (*good-making qualities*), но они не являются обозначаемым оценочных предикатов. Это критерии, или основания, оценки. Они не входят в семантику оценочного предиката.

Разумеется, оценочное суждение по желанию говорящего может быть насыщено большим или меньшим количеством дескриптивной информации, однако дескриптивное значение всегда производно и вторично по отношению к оценочному. Последнее константно, первое переменное. Последнее известно с детства, первое узнается всю жизнь. Дескриптивные импликации (основания оценки) меняются с течением времени и зависят от изменения критериев оценки, стандарта класса. Это влияет на оценку, но не меняет существа дела. Критерии оценки (дескриптивные свойства) сами по себе еще не передают сущности оценки (с. 118). Однако, чем прочнее критерии оценки, тем более устойчиво дескриптивное содержание соответствующего оценочного словосочетания. Поэтому у собственно оценочных слов, таких как *хороший* и *плохой*, соотношение оценочного и дескриптивного содержания может быть неодинаковым. Оно зависит от того, к какому классу объектов они прилагаются. В рамках одного слова эти два типа значения не только совместимы, они находятся в отношении взаимной компенсации. Чем больше доза оценки, тем меньше сопутствующих ему дескриптивных импликаций, и наоборот (о соотношении дескриптивного и квалификативного значений в семантической структуре прилагательного см.: Вольф, 1978).

Первичность оценочного значения по отношению к дескриптивному отличает собственно оценочные слова от тех качественных

предикатов, которые в ходе употребления развили оценочные коннотации и для которых оценка вторична, производна от дескриптивного значения (ср. такие прилагательные как *опрятный, сообразительный, энергичный, скупой, завистливый* и др.) (см. об этом: Телия, 1986).

Итак, оценочное значение по своей природе не дескриптивно. То, что Мур называл "натуралистическим направлением" в аксиологии, Хзар, возможно вслед за Остином (Austin, 1970, p. 71), характеризовал как дескриптивизм.

Позитивная часть концепции Мура сводится к следующему: "хорошее" (good) является простым понятием, не разложимым на составные части и не определимым. Подобно тому как идея желтого элементарна и не может быть растолкована человеку, который эмпирически не изведает, что это такое, нельзя объяснить, что такое "хорошее" (Мур, 1984, с. 67). Если считать, развивает далее свою точку зрения Мур, что дефиниция должна указывать на компоненты, входящие в определяемое целое, то дефиниция того свойства, которое мы предиктируем объекту, употребляя прилагательное *хороший*, невозможна, поскольку речь идет о некотором элементарном качестве, неразложимом ни на какие компоненты (65 и сл. 75). Мур, таким образом, считал, что за предикатами оценки стоит не суммарная характеристика объекта, а одно его свойство. Это свойство не принадлежит к числу естественных качеств. "Очевидно, что когда у нас имеется интуитивное убеждение в том, что данный предмет есть добро (is good), — пишет Мур, — то добро не является такой чертой, которую мы могли бы взять рукой (take up in our hands) или которую мы могли бы, хотя бы даже с помощью инструментов тонкого научного анализа, отделить от предмета, который ею обладает, и перенести на другой предмет. Оно не является, в противоположность большинству предикатов, приписываемых предметам, частью предмета, которому мы его приписываем" (Мур, 1984, с. 203).

Природа "хорошести" получает у Мура отрицательную характеристику: он квалифицирует это свойство как "внеестественное" (non-natural). Оно представляет собой нечто вроде коррелята того вида восприятия, благодаря которому человек "чувствует" хорошее и через которое это понятие определялось, например, Юмом (см. выше). Концепция Мура является, таким образом, видом интуитивизма.

Ценным в концепции Мура являются его наблюдения над "аксиологическим взаимодействием" объектов. Разделив, как это принято, объекты, обладающие ингерентной ценностью, на хорошие, плохие и безразличные, Мур подчеркивает, что объекты, относящиеся к этим классам, могут входить в качестве составных частей в целое, включающее другие части с одинаковым или любым другим ценностным значением, причем полученное целое может, как и его части, обладать ингерентной ценностью. Парадокс состоит в том, пишет Мур, что ценность полученного целого не равна сумме ценностных показателей его частей (с. 87 и сл.). Целое, состоящее из хорошего и безразличного, может оказаться несравненно более ценным, чем "балл" хорошего, исчисленный как сумма ценностных

показателей входящих в целое частей. Даже сочетание безразличных, аксиологически нейтральных компонентов может в итоге породить нечто либо хорошее, либо плохое. Мур говорит об органическом целом и органических отношениях между его частями (с. 91). Это важное положение теории Мура внесло поправку в механический подход к ценностям и их исчислению, характерный, например, для И. Бентама (см. выше).

Направление поисков, следовавшее за исследованием Мура и критикой его в рамках самой же английской школы этики, связано с детальной разработкой следующих вопросов: 1) отношение оценки к естественным свойствам объектов (оценка и факт), 2) регулятивный аспект оценки (оценка и норма), 3) структура и семантические особенности прескриптивного текста (оценка и практическое рассуждение). Этика стала рассматриваться как особая отрасль логики (Наге, 1967, р. 172; см. Также: Ермолаева, 1968).

Первая из названных тем особенно важна. Именно она и определила интерес к структуре аксиологического текста и логике практического рассуждения.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К ЗНАЧЕНИЮ ОЦЕНОЧНЫХ ПРЕДИКАТОВ. ИХ КОНТЕКСТ И ИЛЛОКУТИВНЫЕ ФУНКЦИИ

Как будет видно ниже, сколь бы ни была убедительна критика Муром "натуралистического заблуждения", его не смогли избежать последующие философы. Не был искоренен и интерес к тому особому свойству объектов (пусть и не относящемуся к числу естественных), которое дает основание оценивать их как хорошие или плохие и которое у Мура осталось неконкретизированным. Если линия развития аксиологии классического периода колебалась между вопросами, связанными с человеческим поведением, и анализом таких концептов как добро и худо, долг и обязанность, желание и удовольствие, воля и действие, то в английской школе послемуровского периода стали заметны колебания между концептуальным анализом названных понятий и лингвистическим анализом значения соответствующих слов, задачей которого стало определение условий их употребления и коммуникативных целей тех речевых актов, в которые они входят. Этот сдвиг в интересах был вполне осознанным. Один из наиболее "лингвистичных" представителей Оксфордской школы аксиологов П. Ноуэлл-Смит писал: "Мы стремимся обнаружить, что такое "хорошее" (а эта задача отлична от установления того, какие объекты могут быть хорошими) путем выяснения тех ограничений, которые налагаются на употребление слова "хороший" /.../. Хотя такой анализ и не дает нам руководства к этически правильному поведению, он не лишен интереса сам по себе. Он, в частности, проясняет нам всю сложность, подвижность и точность того языка, которым мы все — философы и неискушенные в философии люди — пользуемся в этой области (Nowell-Smith, 1957, с. 8). Точно так же, как аналитическая философия, порожденная венской и английской школами,

предприняла анализ языка науки, кэмбриджская и оксфордская школы, положившие начало лингвистической философии, поставили задачу концептуального, семантического, логического и прагматического анализа языка морали и, шире, аксиологических текстов.

Критика Мура, "выбившая" естественные основания из-под вззрений позитивизма и заменившая их интуитивно постигаемым денотатом ценностных категорий, в конечном счете обернулась против него самого и тем самым была доведена до своего логического завершения. Точно так же как Мур методом "открытого вопроса" опровергал редукцию "добра" к естественным и внеестественным свойствам объектов действительности, этот метод был распространен и на то "внеестественное" свойство, которое Мур считал обозначаемым предикатов *хороший* и *плохой*. Наиболее четко этот вид критики был применен к теории Мура А. Айером и Ч. Стивенсоном. Основная мысль их может быть обобщена следующим образом: точно так же как ни одно естественное или внеестественное свойство не может исчерпать значения аксиологического предиката (имелось в виду прежде всего его использование в этических текстах), не может его исчерпать и отнесенность к любому другому свойству, как бы оно не было воспринимаемо и к какому бы "миру" не принадлежало.

Рассуждение А. Айера развивается следующим образом. Предположим мы будем то "внеестественное" свойство объектов, которое Мур считал десигнатом предиката *хороший*, обозначать символически как X и везде, где употреблена позитивная оценка, заменять ее этим символом. Преобразованные суждения будут иметь совершенно тот же дескриптивный смысл, что и непреобразованные (исходные) высказывания, но между ними не будет функциональной эквивалентности, и замена одного другим в речи не может быть признана адекватной, ибо из дескриптивного значения предиката не вытекает та нормативная (т.е. регулятивная) функция, которую выполняют оценочные суждения. "Приспособив X замещать слово *хороший* в качестве дескрипции некоторого свойства, оттенка или тона ситуации, мы окажемся перед необходимостью в каком-то еще другом слове для выполнения той нормирующей функции, которую выполняет слово *хороший*. Если же с этим последним ассоциировать нормативность, то эта функция может быть приписана и X, но *хороший* окажется неидентичным X, ибо в этом случае утверждение, что X означает 'хороший' не сводится к утверждению, что X замещает некоторое свойство, это значит еще и утверждать, что все то, что этим свойством наделено, ценится, одобряется, является объектом стремлений, поисков и желаний, предпочитается другому и т.п. <...> Мы вправе настаивать на том, что содержание оценочных слов не ограничено содержанием опыта, ибо этим смешивается нормативное суждение с констатацией факта. Оценка не есть описание чего-то особого. Она вообще не есть описание" (Ayer, 1963, p. 241-242). В основе рассуждения Айера лежит поставленная Юмом проблема несводимости утверждения к модальности долженствования, интерпретируемой на этот раз в коммуникативном (иллокутивном) аспекте.

Таким образом, "открытый вопрос" Мура имел далеко идущее следствие. Расширение сферы его применения привело к смене принципиально разных концепций значения аксиологических предикатов: семантические (в логическом смысле) теории, занятые поиском десигната оценочных прилагательных, уступили место прагматическим концепциям, в которых смысловая специфика оценки объяснялась через коммуникативные цели соответствующих речевых актов.

Эта точка зрения со всей очевидностью связана с идеями Витгенштейна о множественности коммуникативных предназначений речи. В духе этих новых для того времени идей и интересов решался вопрос о значении вообще и об оценочном значении в частности. Специфику этого последнего видели в той цели, с которой используется оценочное высказывание. Ч. Стивенсон писал, что "главное назначение ценностных суждений не сообщать о фактах, а оказывать влияние (create an influence). Можно говорить о двух способах употребления языка. Первое состоит в том, чтобы фиксировать, прояснять и сообщать наши взгляды (beliefs). Второе заключается в том, чтобы давать выход нашим чувствам (ср. употребление междометий), создавать настроения (ср. поэтическую функцию речи) или побуждать людей к действиям и убеждениям (ср. речь ораторов)" (Stevenson, 1964, p. 16). Употребление первого типа Стивенсон называет дескриптивным, а употребление второго типа динамическим¹. Эти назначения речи определенным образом взаимодействуют со значением слов, хотя последнее должно быть определено в терминах по возможности независимых от целей использования речи.

В 70-е годы, как мы увидим, сторонники теории речевых актов настаивали на том, что основное различие между дескриптивным и оценочным (в широком смысле) значением сводится к различиям в иллокутивной силе соответствующих высказываний (Searle, 1976, p. 187). "Цель оценочных высказываний состоит не в том, чтобы описывать мир, а в том, чтобы выражать эмоции и отношения, хвалить или ругать, льстить или оскорблять, рекомендовать или советовать, отдавать приказы или руководить и т.п." (Searle, 1976, p. 183). Но уже Стивенсону, а позднее Р. Хэру и А. Айеру, было ясно, что значение оценочных предикатов имеет выход в прагматику речи, будучи связано и с эмоциональной сферой говорящего и с коммуникативной целью высказывания.

Стивенсон прямо писал, что значение не может быть совершенно оторвано от психологического состояния говорящего. Стивенсон считал, что дескриптивное значение соответствует когнитивному состоянию психики, если же состояние субъекта речи эмотивно или выражает некоторое отношение (attitude), то можно говорить о динамическом употреблении языка. Оценочные слова соотносительны с этим последним. «Слово

¹ Те различия, которые в лингвистике принято связывать с различиями в функциях языка, философы склонны относить непосредственно к значению слов. В частности, принято различать когнитивные и некогнитивные значения. Первые выполняют информативную функцию и различаются по характеру передаваемой информации. Вторые выполняют эмотивную функцию и функцию апелляции. Они разделяются на значения имажинативного, эмотивного и директивного типов (Feigl, 1949, p. 7).

хороший имеет эмотивное значение похвалы (laudatory emotive meaning), благодаря которому оно "динамично" и подходит для указания на наличие "благоприятствования" (suggesting favorable interest) (с. 23). Всякое ценностное суждение может положить начало спору, суть которого сводится не к несогласию в точках зрения, а к несогласованности интересов. Если один из собеседников говорит "Лучше пойти в кино", а другой ему возражает, предлагая лучше пойти на симфонический концерт, то каждый из них может основываться в своем предпочтении на однотипных мотивах» (с. 28). Оценка, по Стивенсону, предназначена для воздействия на адресата. Заключение в ней похвала не есть неадресованное выражение эмоции, она имеет своей целью вызвать у адресата определенное психологическое состояние, т.е. отражает не собственно семантический, а прагматический аспект знаковой ситуации (с. 153 и сл.). Концепция оценочного значения Стивенсона, сформулированная им в первом варианте еще в конце 30-х гг., известна в аксиологии как теория эмотивности. Этим подчеркивается, что "динамика" оценочных высказываний ограничена Стивенсоном психологическим состоянием говорящего и адресата и не "выведена" в практику поведения получателя речи, т.е. не достигла силы прескриптивности. Стивенсон отдавал себе отчет в том, что упоминание в дефиниции цели сообщения переключает значение из области семантики в сферу прагматики. В его книге о языке оценок глава о значении прямо названа "Некоторые прагматические аспекты значения" (Stevenson, 1944, p. 37 — 81). Однако, представляя лишь начало в развитии прагматического подхода к оценочному значению, концепция Ч. Стивенсона не содержит еще полного объема идей, вытекающих из нового взгляда на эту категорию.

Отвергнув денотативный подход к значению общеоценочных предикатов, представители английской школы положили начало коммуникативному анализу аксиологических текстов, т.е. текстов, в которых профилирующую роль играют оценочные слова (value-words). Это направление исследований согласовалось, как уже было сказано, с вызревавшей в 50-е годы концепцией значения как употребления слова, сформулированной идеями "позднего" Л. Витгенштейна и Дж. Остина. Значение слова определялось через ответы на следующие два вопроса: 1) Для чего используется слово? 2) В каких условиях уместно использовать слово для этой цели? Постановка этих вопросов казалась особенно необходимой в применении к оценочным высказываниям, образующим регулярный и очень существенный компонент обиходной речи и практического рассуждения — объекта непосредственных наблюдений представителей этой школы. Положив в основу определения значения слова его коммуникативную функцию, они тем самым предприняли и общее направление своих поисков: от текста (высказывания) к слову.

Уже самый первый взгляд на употребление оценочных высказываний обнаружил их чрезвычайное коммуникативное разнообразие. Характеризуя цели практической речи, П. Ноуэлл-Смит, мысли которого будут подробнее рассмотрены ниже, писал, что оценочные слова "выражают вкусы и предпочтения, решение и выбор, они составляют ядро критических текстов, с их помощью производится квалификация и ап-

робация знаний, умения и способностей, они составляют неотъемлемую часть советов, выговоров, предупреждений, убеждений, разубеждений, похвал, поощрений, осуждений, повышений по должности и дисквалификации. Во всех этих видах речевой деятельности прослеживается сложное переплетение оценочных значений. Задача исследователя — установить между ними связь и объяснить их функциональное многообразие" (Nowell-Smith, 1957, p. 87).

Различие между дескриптивным и оценочным значением связано, по мнению Хэара, с различием аналитических и синтетических суждений. Эту же точку зрения высказывал и Мур (см. выше). Даже если ценностному суждению предшествует полная экспликация мотивов оценки, оно не получает значения аналитической истины: мотивы оценки не есть доказательство истины. Это с очевидностью вытекает из положения Мура, сформулированного им в виде "открытого вопроса" (см. выше). В этом же коренится причина того, что, соглашаясь с качественной характеристикой того или другого объекта, люди могут расходиться в его оценке, и ни один из них при этом не вступает в противоречие с самим собой. Любая аксиологически нейтральная дескрипция может повлечь за собой разные квалификации. Это исключает возможность аналитизма. Предложение "Клубника, являющаяся сладкой, сочной и крупной, есть хорошая клубника" не может получить значения аналитической истины (Hare, 1967, p. 91).

Совершенно в этом же духе высказывался и Айер, связавший синтетизм ценностных суждений с принципиальной невозможностью их обоснования. Айер замечает, что всякий ответ типа "Это хорошо, поскольку способствует благополучию человечества или потому, что так считают наши наставники или потому, что ведет к оздоровлению среды и т.п." может вызвать встречный вопрос о том, почему же все-таки это хорошо. В конце концов ответы на *почему*-вопросы исчерпают все мотивы и оставят стороннику объективных и независимых от человека ценностей в качестве последнего прибежища тавтологический ответ "Цени это, потому что это ценно" (Value this because it is valuable) (Ayer, 1963, p. 244).

В оценочном тексте, таким образом, нет места ни аналитизму, ни необходимой истине, а отношения между оценкой и фактом не могут быть квалифицированы как логические (с. 236). Эта связь не является также и фактической, поскольку оценочные предикаты не имеют особого десигната, соотносительного с десигнатом других предикатов. Между тем очевидно, что оценочные предикаты каким-то образом обусловлены в своем употреблении наличием (или возможностью) тех или других свойств предметов и ситуаций. Оценочные суждения имеют основания и мотивы и это одинаково приложимо к этическим, эстетическим и другим подобным рассуждениям, однако основание оценки не составляет, заключает Айер, ни логического, ни научного доказательства. Не существует никакой особой процедуры исследования ценности фактов и ситуаций, отличной от исследования самих этих фактов и ситуаций. "Мы можем утверждать, что имеем основания для нашего этического суждения, но мы не можем отделить указание на эти основания от указания на то, для чего это служит основанием, а это значит, что в научном

смысле то, на что мы ссылаемся, вовсе не есть доказательство" (с. 237). Сам Айер считает, что основания, приводимые в поддержку оценочных суждений, составляют мотивы, цель которых заключается в том, чтобы сформировать некоторое отношение, мнение, оказать на других лиц воздействие, либо дать возможность самому принять практическое решение. Оценочный предикат уже сам по себе обладает иллюкативной силой.

Основное различие между дескриптивным и оценочным значением и в то же время природу соединяющего их отношения Хэар, таким образом, искал в цели речевого акта, которую обозначил термином *commendation* 'одобрение, рекомендация, прескрипция'. Одобрение, прескрипция, считал Хэар, представляет собой следующий шаг после описательной характеристики объекта, шаг, который говорящий, вынесший фактическое суждение, может и не делать. "Оценочные слова имеют в языке особую функцию — функцию предписания (*commending*) и не могут быть определены в терминах других слов, лишенных этой функции" (Hare, 1967, p. 91). Значение предписания элементарно и не сводимо ни к какому другому значению. Здесь нельзя не заметить, что Хэар вернулся к проблеме, поставленной Юмом, заменив модальность долженствования коммуникативной задачей рекомендации. "Перевод" оценочных суждений на язык фактов исключает эту функцию. Между тем апробация составляет неотъемлемую часть значения оценочного суждения. Вынося оценку, говорящий прямо или косвенно связывает себя данной рекомендацией, берет на себя ответственность за последствия ее принятия (*commits oneself, directly or indirectly, to some sort of precept of prescription about actual or conceivable decisions or choices*) (p. 51). Этот компонент оценочные высказывания разделяют с императивом.

Связь оценки с прескрипцией, положенная Хэаром в основу интерпретации оценочного значения, неоднократно отмечалась и раньше (см. раздел 7). Достаточно сказать, что само ценностное суждение всегда считалось ответом на основной вопрос этики "Что я должен делать?" В этом же духе высказывались и представители логического анализа. Так, например, Р. Карнап рассматривал суждения о ценностях как скрытый императив (Carnap, 1935, p. 24). Айер писал, что оценочные слова нередко придают высказыванию, в котором они употребляются, функцию приказа (Ayer, 1963, p. 108). Однако новым в постановке проблемы у Хэара, который четко сформулировал различие между оценкой и императивом (см. ниже), явилась идея рассмотрения отношений между фактической и оценочной стороной дела с точки зрения логики практического рассуждения. Это отношения не необходимого практического вывода. Некоторая сумма свойств объекта влечет за собой квалификацию объекта как хорошего. Свойство "хорошести" поэтому является вторичным (*supervenient or consequential*). Наличие этого свойства может служить побуждением к действию (с. 81).

Выяснение структуры практического рассуждения затруднено тем, что оно не следует логическим законам. В нем за высказыванием о предпочтительности одного объекта может следовать сообщение о выборе совсем другого. Однако в общем хаосе повседневной речевой деятельности выделяемы некоторые закономерности, относящиеся преиму-

шественно к контекстуальным импликациям высказывания, т.е. тому, что позднее было названо П. Грайсом коммуникативными импликатами (Grice, 1975). Нарушение импликаций не создает логических ошибок, но может вызвать у адресата недоумение. Первым привлек внимание к этому явлению Дж. Мур. Его пример "Идет дождь, но я так не считаю" известен под названием "парадокса Мура". Витгенштейн придавал парадоксу Мура большое значение, он видел в предложении Мура нарушение логики утверждения (Hallet, 1977, p. 656).

Автор оценочного текста часто бывает непоследователен, но это не ведет к логическим противоречиям, а создает лишь то, что Ноуэлл-Смит называет логической странностью или противоречием в употреблении (contradiction-in-use). Последнее возникает в результате нарушения правил коммуникации (Nowell-Smith, 1957, p. 72).

Стремясь к выявлению специфики оценочного дискурса, Ноуэлл-Смит выделяет две категории предикатов, которые, как он считает, выполняют в аксиологически окрашенном тексте определенные функции и значение которых не ограничено дескриптивностью. Оно прямо связано с коммуникативной целью речевого акта. Первая категория названа им "А-словами" (aptness-words). К ней относятся предикаты (по преимуществу прилагательные), обозначающие качество объектов через ту психологическую реакцию, которую они способны вызывать в человеке (разумеется, если эта реакция адекватна). Выше такого рода прилагательные были названы нами каузальными. К числу А-слов принадлежат: *ужасающий, удивительный, примечательный, отталкивающий, приятный, обманчивый* и др. Само то свойство, которое обозначают приведенные прилагательные, не конкретизировано. Под категорию "удивительных", например, могут быть подведены разнообразные признаки любых объектов, которые оказались для человека неожиданными и произвели эффект удивления. Поэтому А-слова противопоставлены дескриптивной лексике (Д-словам).

Вторая категория предикатов, регулярно присутствующих в аксиологическом тексте, обозначена Ноуэлл-Смитом термином G-слова (gerundive-words). Ниже мы будем называть их Джи-словами. Прилагательные этого типа могут быть определены как "обязывающие": они "требуют" от человека некоторого действия, "обязывают" его, подобно тому, как сорняк (вернее, наличие сорняка) "обязывает" огородника заняться его искоренением (с. 64). В этот разряд Ноуэлл-Смит зачисляет такие прилагательные как *похвальный, предосудительный, наказуемый, достойный похвалы (осуждения)* и т.п. В английском языке этому типу принадлежат прилагательные с суф. -worthy: *poteworthy* 'заслуживающий внимания, примечательный', *praiseworthy* 'заслуживающий одобрения'. Человек может быть *голубоглазым, увлекательным собеседником* и *достойным восхищения* (blue-eyed, amusing and admirable). В этой характеристике первая черта выражена дескриптивным предикатом (Д-словом), вторая — А-словом, третья — Джи-предикатом (с. 64).

Каждая из этих категорий имеет определенные контекстуальные импликации. Так, А-словам присущи следующие импликации: а) с у б ъ е к -

тивная: называя фильм смешным, говорящий подразумевает, что ему было смешно, однако если бы он сказал "Фильм, вообще говоря, смешной, но я не был расположен смеяться", это высказывание не содержало бы в себе противоречия; между предложениями "это страшно" и "я был этим напуган" нет логически необходимой связи: б) прогностическая (predictive): говоря, что фильм смешной, обычно имеют в виду, что у адресата (и вообще у других) он вызовет смех, хотя не было бы противоречивым высказывание "Фильм, вообще говоря, смешной, но тебе он может показаться даже скучным"; в) генерализующая: употребляя А-слова, говорящий имеет обычно для этого некоторые основания, проистекающие из человеческого опыта: *Быки устрашающи* (Bulls are terrifying); г) каузальная: А-утверждения обычно предполагают наличие в объекте некоторых свойств; так, животные устрашают тогда, когда они сильны, яростны и агрессивны; однако сами эти свойства, которые составляют переменную величину, не называются А-словами прямо.

Присутствие каузальной импликации вполне естественно, поскольку выделенные Ноуэллом-Смитом А-слова имеют своим источником глаголы аффективного воздействия (*удивлять, радовать, печалить* и др.), семантика которых складывается из каузального компонента и указания на каузируемое состояние (результат), при этом свойства субъекта каузации, обычно не выражаемые, могут быть эксплицированы либо в самом субъекте предложения, либо в периферийной синтаксической позиции, например: *Бык устрашает своей силой и рогами, Величественность гор поражает, Горы поражают своей величественностью* (Арутюнова, 1976, с. 153 и сл.; 1980; с. 238 и сл.).

А-предложения выполняют в тексте определенные функции. Одной из них является функция объяснения, мотивации: *Я смеялся: это было так смешно (забавно); Я испугался быка: он был так страшен; Книга мне понравилась: она такая увлекательная (забавная, интересная)*. Объяснение очевидно тавтологично. В нем нет указания ни на какие объективные черты предмета, которые послужили обоснованием оценки или стимулом той или другой реакции. Их задача — снять удивление. Она осуществляется благодаря наличию генерализующей импликации: *Я смеялся, потому что фильм оказался очень забавным* — такое высказывание сообщает о том, что реакция была естественной, адекватной, большинство людей реагировали бы точно так же. Ссылка на общепринятость, обычность (но не обязательно универсальность), вообще говоря, очень характерна для практического рассуждения. Приобретая квази-объяснительную силу, она, однако, не может выражать мотив той или другой реакции или оценки. Ее проникновение в эту сферу составляет фиктивный мотив: *Мне нравится, так как это нравится всем*. Индивидуальность вкусовой оценки нивелируется общим мнением. Замена логических отношений каузального типа их фиктивными аналогами представляет собой, как кажется, характерную черту обыденной речи. Вернемся к идеям Ноуэлл-Смита.

Высказывания, содержащие Джи-слова, в отличие от А-высказываний употребляются только в практических контекстах, т.е. в речи, имеющей своей целью воздействие на адресата. Джи-слова "настоя-

тельны", они "обязывают" поступать определенным образом. Их основная импликация — совет, побуждение, рекомендация. Разницу между А-словами и Джи-словами иллюстрирует следующий пример. Можно сказать о горе "Она доступна для восхождения (it is climbable), но я не советую вам на нее взбираться". Однако было бы странно сказать "Стоит подняться на эту гору (the mountain is worth climbing), но я не советую вам на нее подниматься"; так же звучало бы отклонением от нормы высказывание "Вам следует взобраться на эту гору, но я не советую вам это делать" (You ought to climb it, but I don't advise you to). В таких высказываниях говорящий в одно и то же время и побуждает к некоторому действию и отговаривает его совершать. Нелогичность, или, точнее, непоследовательность такого типа связана не с логикой мышления, а с логикой поведения. Она относится не к пропозиции, а к глаголам пропозиционального отношения, к коммуникативной установке, внедренной в суждение, проникшей в виде модального компонента, коннотации или основной функции в значение слова. Само значение слова оказалось прагматизованным.

Таким образом, А-предложения и Джи-предложения различаются по области речевого функционирования. Джи-предложения употребляются тогда, когда речь идет о выборе, совете, рекомендации. В них ясно выражена идея предпочтения или побуждения поступить определенным образом. Их часто можно встретить в путеводителях и дидактических текстах. А-предложения с этой точки зрения нейтральны и их прескриптивность выявляется только контекстом (с. 135).

Общая характеристика практической речи служит для Ноуэлл-Смита фоном, на котором он описывает употребление прилагательного *хороший* (с. 140 и сл., гл. 12).

Поскольку цель практического рассуждения состоит в том, чтобы ответить на вопрос "Что мне делать?", удобно выделить в качестве исходной ту функцию оценочных слов, которая связывает их с ответом на этот вопрос, т.е. соотносит с тем жизненным контекстом, который можно определить словами "предпочтение (выбор) — решение — действие". Вопрос "Как мне поступить?" может быть переформулирован как вопрос "Какой способ действия мне выбрать?" Выбор не может обойтись без сравнения. "Слово *хороший* может употребляться для выражения предпочтения, и в этом своем употреблении оно всегда является скрытым компаративом" (с. 91). Разумеется, на вопрос о причинах выбора можно дать ответ, содержащий указание на фактические преимущества избираемого, но и в этом случае имплицитно оценивается: быть основанием для выбора значит быть не только хорошим, но *лучшим* по сравнению с отвергнутым. Однако более простым и емким будет ответ "Я выбрал это, так как это лучше всего". Такой ответ контекстуально имплицитно, что выбор не каприз, он имеет под собой определенные основания. Логически странно спросить "Я знаю, что вы считаете эту модель автомашины лучшей, но почему же все-таки вы ее купили?"

Те же логические узы, которые связывают оценку с выбором, связывают ее и с другой, родственной выбору деятельностью — голосованием. Естественно сказать "Я проголосовал за это предложение, так как считаю его лучшим". Но если бы нам сообщили "Я думаю, что это лучшее

предложение, но не стану за него голосовать”, то это свидетельствовало бы о недобросовестности говорящего (с.141). Второй тип контекста, характерный для оценки — совет, инструкция, рекомендация и т.п. предскриптивные акты, в которых положительная оценка служит основанием для рекомендации, а отрицательная — для запрета. Третий контекст употребления оценочных предикатов связывает их с похвалой (praising and applauding). Когда мы говорим, что спектакль хороший, то, передавая наши слова третьему лицу, адресат может сказать, что мы похвалили спектакль. Четвертая функция оценочных предикатов — выражать одобрение (commending). В ней обнаруживается активная сила оценки (its gerundive force or its pro-force) (с. 143). Одобрение имплицитно рекомендацию. Если говорят “Это хорошее вино” или “Это хороший фильм”, то такие высказывания содержат не только отвлеченный от конкретной ситуации прогноз, касающийся того, что адресату вино или фильм понравятся, но они также дают понять, что, если он последует совету, его выбор будет вознагражден удовольствием. В-пятых, оценочные прилагательные используются для вынесения разного рода конкурсных и иных квалификаций (отклонений и апробаций). Вердикты выносятся на основании отношения к стандартам или критериям. Они определяют результат на конкурсе или соревновании. В-шестых, оценочные прилагательные в сочетании с именами специализированных объектов, указывают на их эффективность (efficiency). При этом было бы ошибочно думать, как подчеркивает Ноуэлл-Смит, что, например, *хороший нож* значит “острый, удобный, прочный и т.п.”. Связь между свойствами, которыми должен обладать нож, чтобы быть эффективным, и эффективностью является эмпирической. “Хороший нож” означает “нож, имеющий необходимые качества (каковы бы они ни были), которые обеспечивают выполнение им своей функции” (ср. также Wright, 1963, p. 19 и сл.). Наконец, в-седьмых, оценочные прилагательные в сочетании с именами функциональных имен (Ноуэлл-Смит имеет здесь в виду в основном имена профессий) указывают на ловкость, умелость, наличие навыков (skill) в осуществлении своего предназначения, ср. *хороший актер* (плотник, специалист).

Дескриптивное употребление оценочных предикатов является, по Ноуэлл-Смиту, вторичным. Оно может закрепляться за оценочными прилагательными вследствие стандартизации мнений и оценок. Заметим, что в русском языке связь с дескриптивностью прослеживается в употреблении таких слов как *худой* в значении “тощий”, “бедный” и “дырявый” (ср. также *прохудиться*), *плохой* в смысле “больной” и др. Оценочные предикаты, подчеркивает в заключение их характеристики Ноуэлл-Смит, обладают высшей степенью полифункциональности. Их можно с полным основанием назвать “Янус-словами” (Janus-words).

Все функции и способы употребления оценочных предикатов объединены понятием выбора. “В мире, в котором не существовал бы выбор, не могли бы существовать такие понятия как квалификация и шкала ценностей (appraising and grading)”, — пишет Ноуэлл-Смит (с. 158). Речевой узус вырос в этом случае из повседневной практики человеческой жизни. Именно через ситуации выбора только и можно за один “урок” дать понять, что значит слово *хороший*. Это достаточно убедительно пока-

зано Р. Хэаром. Разъяснять иностранцу, в языке которого нет аналога оценочного предиката, значение слова *хороший* через перечисление разных видов критериев и оснований оценки, нет ни нужды, ни пользы. Обращение к жизненной практике дает гораздо более эффективный результат. Предположим, в стране, из которой прибыл иностранец, существует игра, называемая "смэшмек". Игровое действие ("смэш") в ней осуществляется при помощи орудия, имя которого "шмакум". Наставник спрашивает иностранца «Как вы выбираете нужный для игры "шмакум"?» и если иностранец ответит «При прочих равных условиях, я беру тот, которым можно сделать больше "смэшей"» то он получит общее представление об оценке (Hare, 1967, p.104).

Таким образом, в итоге обследования употребления оценочных предикатов в речи, исчерпавшего возможности контекстуальных определений, было пробито "окно" в практическую жизнь, и ключ к объяснению значения прилагательного стали искать не столько в психологическом состоянии человека, сколько в его разумных и целенаправленных действиях.

Сейчас вернемся к тому, что можно назвать прагматическим (иллокутивным) подходом к значению оценочных предикатов. Согласно этому подходу, их значение, т.е. то, что остается после экспликации их фактического (дескриптивного) содержания, сводимо к коммуникативной цели соответствующего речевого акта. Почему эта точка зрения возможна именно в применении к оценочным предикатам? Почему дескриптивные предикаты совсем не наводят на такие мысли? Речевая цель таких утверждений как "Сейчас лето" или "Начинается дождь" не выводима прямо и однозначно из их содержания, хотя возможности "иллокутивных интерпретаций" не закрыты, и первое из приведенных высказываний можно понять как совет отдохнуть, а второе — как совет захватить зонтик. Однако в том и в другом случае адресат может спросить "Зачем ты мне это говоришь, ведь я и так знаю (вижу)?"

Между тем наличие в предложении общеоценочного предиката как бы само толкает и получателя речи и исследователя к иллокутивному истолкованию соответствующего речевого акта. Уже отрицательная оценка в речи, преподанной детям родителями и сконцентрированная в слове *бьяка*, всегда принимается не как простая информация, а как руководство к действию: она обычно нацелена на пресечение разного рода предметных манипуляций ребенка. В этом, возможно, заключено некоторое, хотя и не строгое, различие между значением слов *бьяка* и *плохой*: *бьяка* — это не только оценка, дающая общую жизненную установку, но и прескрипция (запрет) на данный конкретный случай (*Бьяка!* = Брось! Не трогай! Не бери в рот! Отойди!). Дети обычно узнают, что такое плохо, раньше, чем что такое хорошо, поскольку воспитание начинается с пресечения неосознанных ("естественных") действий и импульсов ребенка, и только за периодом запретов наступает время, когда в воспитание входят поощрительные оценки, ибо их объектом являются уже осознаваемые поступки, относительно которых ребенок способен вынести нормативное суждение. В речи, обращенной к детям, особенно ярко выступает "дидактическая" функция оценочных слов, их коммуникативная заостренность, причем в этом случае оценочная квалификация является стимулом для развития сознательного отношения к действию.

Итак, оценочные предикаты уже сами по себе обладают не только иллюкутивным (коммуникативным) ореолом, но еще и некоторой гальванизирующей человека, регулирующей его действия функцией (разумеется, в применении к тем объектам, которые поддаются регуляции или входят в поле сознательных действий). Ч. Стивенсон замечает: "Свойство "хорошести" обладает неким магнетизмом. Признавая, что X является хорошим, человек тем самым приобретает более сильную тенденцию действовать соответствующим образом (in its favor), чем если бы оценка не состоялась" (Stevenson, 1964, p. 130). Связь с действительной стороной составляет отличительную черту оценочного значения. Еще более определенно высказывался Хэар, подчеркивавший что "отличительной чертой всех ключевых слов этики является их предназначенность для того, чтобы руководить выбором и действием. Именно это их сущностное свойство отвергает любой их анализ, выполненный в фактических терминах. Но, чтобы руководить выбором или действием, этическое суждение имплицитно следующее: если человек его принимает, он должен также принять и выведенный из него императив" (Hare, 1967, p. 171). Этого требует логика поведения. Однако из этого никоим образом не следует, что хорошее может быть определено как избираемое, ибо даже отличая хорошее от дурного, человек не всегда ему следует: *Video meliora proboque, deteriora sequor* 'Вижу и одобряю лучшее, а следую худшему' (Овидий).

КОМПАРАТИВНЫЙ КЛАСС И ПРОБЛЕМА ВЫБОРА. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОЦЕНОЧНОГО ЗНАЧЕНИЯ ЧЕРЕЗ ОТНОШЕНИЕ К НОРМЕ

В конце предыдущего раздела мы подошли к вопросу о связи оценки со сравнением и выбором. Выбор так или иначе требует стандартизированного ориентира. И действительно мы имеем нормативы только для тех классов объектов, относительно которых возникает или в принципе мыслима ситуация выбора. Мы бы не говорили о хороших закатах, если бы нам хоть раз не пришлось решать, стоит ли пойти полюбоваться заходом солнца или лучше остаться дома (Hare, 1967, p. 128).

Все ценностные суждения скрывают за собой общее утверждение, т.е. отсылку к некоторому стандарту, применимому не только к данному, но и к другим случаям и в этом коренится их отличие от императива. Когда говорят *Купи эту машину*, то это не более, чем инструкция о выборе. Если же говорят *Это — хорошая машина*, то такое суждение содержит рекомендацию класса и вместе с тем указывает на релевантные для выбора данной модели признаки, т.е. имплицитно мотивировку рекомендации. Эта мотивировка вносит дескриптивный вклад в смысл оценочного суждения. Однако конкретные признаки не входят в значение предиката, и это сразу видно по тому, что сообщение о том, что машина хорошая, может повлечь за собой вопрос "Чем же она хорошая?" или "Что в ней хорошего?" или, наконец, "Какие качества машины служат основанием для рекомендации?" (ср. выше об "открытом вопросе" Мура).

Рекомендация данного автомобиля есть рекомендация модели в ее отношении к стандарту, применяемому к определенному классу. Речь идет о "компаративном классе", но уже не в той версии, которая была предложена Спинозой, исходившим из представлений об естественном добре и естественных классах. Компаративные классы, по мысли Хэара, формируются ситуациями выбора. Непротиворечивость оценочных суждений сводится к тому, что при одном стандарте резко различные модели (члены компаративного класса) не могут получить одинаковой оценки. Одна точка отсчета не может привести к разным точкам зрения.

В сущности цель употребления оценочных слов состоит в обучении стандартам, общим принципам выбора. Когда стандарт общепринят, он не эксплицируется, если же используется индивидуальная или изменяющаяся норма, то для правильной интерпретации оценочного суждения ее желательно указать. "Язык оценок, — пишет Хэар, — удивительно хорошо приспособлен к употреблению в ситуации принятия решения, при инструкции о выборе или в целях изменения принципов выбора и модификации стандартов (Nare, 1967, p. 136).

Как только в аксиологии центр тяжести переместился на понятие компаративного класса и выбора, встал вопрос о сравнительной оценке.

Проблема выбора, естественно, предполагает сравнение, ведь выбирается то, что лучше другого. Вопрос о выборе всегда дизъюнктивен, ответ снимает дизъюнкцию. Поэтому обычно считается, что определить значение оценочного компаратива легче, чем определить позитив. В этом отношении употребление прилагательного *хороший* сходно с употреблением таких других прилагательных как *горячий*. Можно на неоспоримом эмпирическом основании утверждать, что "Х горячее Y", но трудно дать объективный критерий утверждению "Х — горячий". Для этого необходима инверсия порядка введения понятий: сначала демонстрируется, что значит "быть горячее", а затем делается утверждение, что объект считается горячим тогда, когда он горячее обычной для своего класса нормы (с. 183). Хэар затронул проблему, хорошо известную лингвистам. В применении к оценочным словам она осложнена тем, что "хорошее" создается определенным и далеко не всегда одинаковым соотношением преимуществ и недостатков. Определить норму в этом балансе всегда затруднительно еще и потому, что для разных целей и в разных ситуациях может быть отдано предпочтение экземплярам с неодинаковой комбинацией плюсов и минусов. Норма в аксиологии по определению вариативна. Этого вопроса мы подробнее коснемся ниже.

Введенное Хэаром понятие компаративного класса, т.е. класса сопоставимых между собой в ситуации выбора объектов, оказало существенное влияние на развитие не только идей, но и самой техники логики оценок. Здесь мы хотели бы напомнить, что успех исследования во многом зависит от того, как формулируется его основной вопрос: структура "незнания", отраженная в вопросе, предопределяет и структуру знания, содержащегося в ответе. Понятие компаративного класса позволило заменить вопрос "Какие объекты могут оцениваться?" ("К каким объектам применимо понятие ценности?") вопросом "Какие компаративные классы существуют?", который повлек

за собой следующие вопросы: Какие объекты входят в какие компаративные классы? Какие объекты не входят ни в какие компаративные классы? Какие компаративные классы находятся вне оценки? Что значит понятие "безразличного" в применении к компаративным классам? Сумма этих вопросов образует определенную исследовательскую программу, положенную в основу работ Д.Л. Перри (Perry, 1964).

Перри начал с того, что уточнил используемую им терминологию, ограничив ее следующими четырьмя понятиями: 1) релевантные для оценки свойства объекта (good-making characteristics), 2) релевантные для оценки соображения (considerations), т.е. те факты, которые могут служить мотивом оценки, 3) критерии, т.е. то, что принимается во внимание при оценке, норматив, 4) компаративный класс, т.е. класс, для которого существуют критерии, обычно обозначаемый каким-либо именем нарицательным. Понятие компаративного класса, таким образом, определено Перри относительно критериев.

Само понятие компаративного класса говорит о том, что оценка невозможна вне сравнения объектов, входящих в один класс. Из этого тезиса следует, во-первых, что все, что оценивается, входит в некоторый класс, во-вторых, что все, что можно оценить как хорошее, можно оценить также как лучшее в сравнении с чем-либо другим (Perry, 1964, p. 188). Но беда в том, что неверно обратное: там, где можно выбрать лучшее, совсем не обязательно можно найти просто хорошее. Лучшее определяется по отношению к реальным объектам, а хорошее — по отношению к идеализированной модели.

Итак, оценка не может быть произведена, если объект не принадлежит ни к одному компаративному классу. Вопрос об оценке должен формулироваться не в отвлечении от класса, т.е. не просто "Хорошо это или плохо?", а с учетом аксиологической таксономии предмета (т.е. *Хороший это или плохой X?*), например: *Хороший ли это поступок?, Хороша ли эта собака в качестве подарка для охотника (не-охотника, хозяйки салона и пр.)?*

Перри отмечает, что не все множества объектов являются компаративными классами. Нет критериев для произвольно составленных множеств и для классов, состоящих из одного элемента. Прилагательное *хороший* не сочетается с именами собственными и с единичными географическими понятиями. Так, нельзя установить, хорош или плох Северный полюс, хотя как член класса "места обитания человека" он по всей вероятности хуже, чем Средиземноморье. Не может быть предметом оценки класс, взятый в его целостности, нельзя, например, сказать *Собаки есть хорошие собаки* (с. 190).

Таким образом, всякая оценка предполагает возможность сравнения. И если для целей логического доказательства и верно, что *comparaison n'est pas raison*, то весь "резон" оценки как раз и выявляется сравнением.

Естественно, что члены компаративного класса должны быть различимы. Однако, отмечает Перри, есть такие классы, члены которых различаются между собой, и в то же время сравнительная оценка их именно как членов данного класса произведена быть не может. Таковы, например, планеты, галактики, буквы алфавита, атомы,

континенты, арифметические операции, части речи, геометрические фигуры и т.п. (с. 190).

Причина того, что для одних классов существуют критерии оценки, а для других нет, объясняется тем, что оценка требует определенных прагматических условий, ее стимулирует ситуация альтернативы, обычно не отделенная от непосредственной или от далекой цели. Это положение отмечалось многими авторами, в частности Хэаром (Hare, 1967, p. 128). И это, конечно, в общем верно. Более того, альтернатива создает компаративные классы и позволяет включать в них объекты, не имеющие между собой ничего общего в онтологическом смысле, поскольку ценностное сравнение производится в силу необходимости разрешать альтернативу. Отношения между элементами компаративных классов в принципе мыслятся как находящиеся между собой в отношении дизъюнкции. Положение о том, что компаративные классы совпадают с естественными или по крайней мере соответствуют тому или другому имени нарицательному, верно лишь отчасти. Далеко не все естественные классы составляют регулярный компаративный контекст для оценки. Не так уж часто приходится слышать о хороших мышах, сусликах, о хорошем или плохом таракане или чертополохе, вороне или галке. И это легко понять. Естественные классы, сколь бы различны между собой были их представители, служат базой для оценки только тогда, когда они приобретают утилитарный статус, т.е. входят в практическую жизнь человека. Поэтому можно сказать *Хорошо, что в доме нет блох и Плохо, что в квартире завелись блохи*, но сказать "Это хорошие (плохие) блохи" может только человек, "практикующий" на блохах (например, повелитель блох, Левша, подковавший блоху, или король, повелевший сшить блохе-фавориту бархатный кафтан).

Из сказанного можно сделать следующие два вывода.

Во-первых, признаки естественных классов, по своей природе достаточно диффузные, не составляют в своем полном объеме критериев утилитарной оценки, и сами эти критерии, в существенной мере отличны от "естественности". В качестве критериев оценки используется только то, что отвечает нуждам или вкусам потребителя. Оценка производится не в рамках естественного класса, а в рамках потребительского класса. Именно цели практического применения определяют большинство сформированных человеком классов (например: *горючее, лекарственные растения, гончие собаки* и т.п.). Поэтому там, где речь идет об утилитарной оценке, компаративный класс никоим образом не может совпадать с естественным, а критерии оценки с естественными признаками. Утилитарные классы составляют, наряду с ранее отмеченными каузальными классами, вид особой таксономии, "навязанной" природе человеком и образующей "вторичную" картину мира, учитывающую интересы человека и его реакции на внешние раздражители.

Во-вторых, необходимо различать компаративные классы объектов, и компаративные классы "человеческих" (эгоцентрических, или гомоцентрических) ситуаций, в которые вовлечены те или другие объекты. Вне человека нет оценки, поэтому компаративные классы

предполагают то или другое отношение к человеку. Это, как правило, обладание (приобретение), времяпрепровождение, виды занятий (профессиональных и "свободных"), режимы жизни, удовлетворение естественных потребностей и желаний, жизненные цели и др. Объединяемые тем или другим отношением к жизни человека, компаративные классы весьма гетерогенны и часто не могут быть обозначены одним словом. Классификация ситуаций воспринимается как классификация объектов. Естественная таксономия подавляется "гуманистической", на фоне которой и разворачивается оценка. Компаративные классы создаются критериями оценки, а не выделяют эти признаки из числа присущих им черт. Они поэтому не обладают той стабильностью, которую можно ожидать от естественных или даже артефактных категорий. Если человеку представились возможности купить либо коня, либо дачу, либо киноаппарат, либо квартиру, либо совершить путешествие в Африку, либо жениться и приобрести обстановку для нового жилища, то все перечисленные объекты составляют компаративный класс, который на самом деле есть класс возможных "капиталовложений", а не объектов, в них вовлеченных. Компаративные классы, таким образом, в гораздо большей степени касаются таких категорий как возможности (возможные миры), ситуации, события, положения дел, чем предметов как таковых. Человек распределяет предметы по классам, исходя из своих интересов и конкретных возможностей. Предмет входит в них в своем "миропорождающем" (ситуативном) аспекте.

Вопрос о компаративных классах имеет еще один интересный аспект, не затрагиваемый обычно в работах по аксиологии. Он касается ценностных классов, т.е. классов, объединяющих различные ценностные категории, применительно к которым можно говорить не о вхождении в них хороших или плохих членов, а только о более хорошем (плохом) или менее хорошем (плохом). Как только оценка входит в состав предиката, то требование однородности характеризуемых объектов резко снижается, и отношения конъюнкции в тексте могут быть установлены между достаточно разнородными объектами. Если раньше речь шла о классах, члены которых при вхождении в текст мыслятся дизъюнктивно (парадигматически), то теперь речь идет о "конъюнктивных множествах", объединенных одинаковой оценочной характеристикой и мыслимых синтагматически. Это можно продемонстрировать на примерах, встречающихся в дидактической литературе. Следующие наставления взяты из индийской средневековой прозы: 1) Хорошо переваренной пище, хорошо обученному сыну, хорошо воспитанной жене, хорошо оберегаемому царю, хорошо обдуманному слову, хорошо рассчитанному делу — сколько бы ни прошло времени, не грозит никакая порча, 2) Отравленную пищу, шатающийся зуб и подлого советника — вырви себе на благо! 3) Женщины, пьянство, игра, охота, захват чужого имущества, жестокость в слове и наказании — вот пороки царей.

Таким образом, проблема компаративных классов приводит к двум важным для изучения оценочного значения темам: 1) "очеловеченной" картине мира и 2) оценочному сравнению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предыдущих разделах рассмотрены основные концепции, касающиеся природы оценки. Литература по этому вопросу необозрима. Она распределена между различными областями знания. Воззрения разных авторов — философов, логиков, лингвистов, правоведов — подчинены разным исследовательским целям; они входят в разный научный контекст и выражены разными системами терминологии. Полный учет всего того, что было сказано о природе оценки и значении оценочных предикатов, невозможен. В той мере, в какой количество написанного превосходит число выраженных точек зрения, он и не нужен. Выше были охарактеризованы лишь некоторые системы взглядов, взятые в их целостности (мы воздержались от их проблемного расчленения). Были отобраны те концепции, в которых содержится зерно, способное дать лингвистические побеги. Изложение было сделано в хронологическом порядке. Заключительная часть посвящена итогам по темам, сформулированным во введении к обзору. Они сгруппированы вокруг двух вопросов: 1) определения оценочного значения и 2) соотношения фактической информации и иллюкутивной функции в оценочном высказывании.

Оценочное значение противостоит дескриптивной семантике, фиксирующей воспринимаемые человеком черты объективного мира. Оно отлично и от тех предикатов, которые обозначают свойства невидимых миров — психического и физического. Аксиологические концепты (ценности) в одно и то же время зависят от внешнего мира и независимы от него. В этом состоит парадокс оценки.

Оценочное значение обусловлено фактическими свойствами предмета в той мере, в какой оно ими мотивируется. Мотив оценки всегда имеет объективный характер. В число мотивов (*good-making characteristics*) могут входить наблюдаемые свойства объекта, связанные с данным объектом факты и прогнозы, отношение к цели, закономерности и капризы восприятия, нормальные и "аллергические" реакции на разные виды объектов. Мотив оценки не находится с самой оценкой ни в каузальных отношениях, ни в отношении логического вывода. Строго говоря, между мотивом оценки и самой оценкой нет прямой связи, хотя они и находятся в постоянном эмпирическом взаимодействии в сознании людей. Их разделяет "пустота", которую не могут перекрыть логические законы. Речь идет о той пропасти, которой человек *qua* человек, т.е. как нравственная (духовная) личность, отделен от физического мира. Модус полагания (мнения) — составляет тот шаткий мост, который человек может перекинуть из мира ценностей (мира должного и желаемого) в мир физический. Этому модусу (глаголам полагания, мнения) и подчинены мотивы оценки, независимо от того, какую синтаксическую позицию они занимают в структуре предложения. Нередко критерии оценки оформлены в виде придаточного причины, подчиненного оценочному предложению. Между тем оценка не имеет причины. Нельзя спросить *Почему розы красивы (хорошо пахнут)? Почему солнечная погода хорошая, а дождливая плохая?*

Но мотивы оценки могут быть осмыслены как причины мнения. Можно поинтересоваться: *Почему ты считаешь розы красивыми цветами? Почему такую погоду принято считать (считают) хорошей?* Более корректными, впрочем, были бы вопросы следующих типов: *Что тебе нравится в розах? Что хорошего ты находишь в такой погоде? На каком основании ты считаешь Ивана Ивановича хорошим человеком? Что привело тебя к такому мнению?* и т.п.

Оценка может мотивироваться, но она не может верифицироваться, и это отличает ее от дескриптивных предикатов, отнесенных к действительному миру. Одни и те же мотивы могут служить обоснованием разных оценок; одни и те же причины не могут вести к разным следствиям. Первыми управляет человек, и он вносит в них долю произвола, вторыми — неумолимые законы мироздания.

Верифицируемость дескриптивного предиката обеспечивает ему прямую (минуя пропозициональное отношение мнения) связь с субъектом суждения. Верификация суждения преобразует мнение в знание, и это заполняет пропасть, отделяющую человека от мира, ибо мир познаваем. Суждение отчуждается от человека и становится объективной истиной. Иначе обстоит дело с идеализированной моделью мира. Она не столько познается, сколько создается. Ее творцом является человек, и это дает ему право на варьирование. Как и всякий конструктор, идеализированная модель мира состоит из блоков. Этими блоками являются нормы, изменчивые в одной части и устойчивые в другой, эксплицитные в применении к одним объектам и неэксплицитные в применении к другим. Этика создает устойчивые нормы. Они подобны истине и соответствуют им подобно истинностному значению дескриптивного суждения. Эстетика ускользает от нормирования, и мотивы эстетических оценок плохо поддаются экспликации. Нормы строятся на упрочении связи между мотивами оценки и самой оценкой. Отношение к ним дает наиболее объективное основание для ценностного суждения, способное устранить или ослабить роль субъективного фактора. Это, однако, не подрывает того главного для понимания природы оценки тезиса, что между оценочным предикатом и объектом оценки всегда стоит человек — индивид, социальная группа, общество, нация, Человечество. Из этого ключевого положения вытекают все частные свойства оценочных значений: субъективная варьированность, связь с множеством иллокутивных сил, зависимость от конкретных обстоятельств, в частности ситуации выбора и т.п.

Для того, чтобы оценить объект, человек должен "пропустить" его через себя: природа оценки отвечает природе человека. Идеализированная модель (картина) мира, таким образом, охватывает далеко не все его компоненты и параметры. Этим определяются границы оцениваемой действительности, то есть тех объектов, к которым приложимы оценочные предикаты. Оценивается то, что нужно (физически и духовно) человеку и Человечеству. Оценка представляет Человека как цель, на которую обращен мир. Ее принцип: "Мир существует для человека, а не человек для мира". В этом смысле она телеологична. Мир представляется оценкой как среда и средство для человеческого

бытия. Она не может быть независима от человека, и если жизнь Человечества имеет цель, оценка явно или неявно подчинена этой цели.

В идеализированную модель мира входит и то, что уже (или еще) есть, и то, к чему человек стремится, и то, что он воспринимает, и то, что он потребляет, и то, что он создает, и то, как он действует и поступает; наконец, в нее входит целиком и полностью сам человек. Более всего и наиболее точно оцениваются человеком те средства, которые ему нужны для достижения практических целей. Оценка целеориентирована в широком и узком смысле. Она применима ко всему, что устремлено к облагороженной модели малого и большого мира, то есть к тому, что человек считает добром. Это высшее добро лингвистика определить не может. Она может лишь подтвердить, что употребление общеоценочных предикатов (*хороший* и *хорошо*, *плохой* и *плохо*) обусловлено отношением к идеализированной модели мира.

Из рассмотренных выше определений оценочного значения мы отдаем предпочтение нормативному, обогащенному (или осложненному) телеологическим принципом (напомним определение добра как "того, к чему все стремится"): *хорошее* значит соответствующее идеализированной модели макро- или микромира, осознаваемой как цель бытия человека, а следовательно, и его деятельности; *плохое* значит не соответствующее этой модели по одному из присущих ей параметров. Последнее уточнение необходимо для того, чтобы отделить "плохое" от "безразличного" (неоцениваемого), то есть вовсе не причастного к идеализированному представлению о жизни на земле. Приведенное определение кажется нам наиболее близким к существу феномена оценки. Оно учитывает фундаментальное для языка противопоставление оценочных значений дескриптивным. Если последние фиксируют отношение высказывания к действительному миру, то первые характеризуют отношение между действительным миром и его идеализированной моделью, сам факт наличия или отсутствия соответствия между этими мирами, отражение одного в другом.

Приведенное определение не раскрывает сущности категории ценности. Вопрос "Что есть добро?" не входит в компетенцию лингвистики. Оно является лишь наиболее общей и объемлющей интерпретацией значения оценочных предикатов, взятых в самых разных их употреблениях. Если в нем есть преимущество перед другими дефинициями, то, на наш взгляд, оно состоит в том, что квалифицируя оценочное значение как реляционное (устанавливающее соответствие между миром и его идеализованной моделью), данное определение снимает неразрешимый вопрос об элементарном (внеестественном, сверхъестественном, интуитивно ощущаемом) свойстве объектов, составляющем референт оценочных предикатов. Будучи реляционными, предикаты *хороший* и *плохой* сообщают только о том, что данное свойство имеет аналог в идеализованной модели. Оценочное высказывание вскрывает присутствие (или отсутствие) в действительном идеального. Отношение между миром и его идеализированной картиной окрашено разными модальностями. Оно устанавливается через модусы желанного (желания) и должного.

удовольствия и необходимости. Реляционность оценочного значения хорошо согласуется с его модальными характеристиками.

Поскольку идеализованная модель мира не столь стабильна, достоверна и ощутима как мир реальности, оценочные суждения не только участвуют в ее создании, они способствуют также ее познанию. В этом познании, как и в познании действительности, немалую роль играет интуиция: через ощущение добра человек узнает идеальное в реальном.

Таким образом, первое следствие из того, что оценка "обращает" мир на человека, состоит в ограничении ее употребления освоенной и осваиваемой частью Вселенной, плодами человеческих рук и мысли, программами жизни и преобразования мира. Нераздельным достоянием оценки является сам человек в его статическом и динамическом аспекте. Все, что лежит вне этого круга, не подлежит оценке. Соотнесенность оценки с идеализованной моделью мира порождает разнообразные иллюкативные силы. И это вполне естественно. Когда речь идет об отношении высказывания к действительному миру, основным его параметром является истинность или ложность. Когда речь идет об отношении действительности к ее идеализованной модели, изменчивой и обманчивой, высказывание не сообщает об этом мире никаких конкретных сведений, но оно выполняет компенсирующие отсутствие конкретной информации коммуникативные задачи. В большинстве случаев эти задачи динамичны. Оценочное высказывание стремится повлиять на адресата, а через него и на ход практической жизни.

Итак, понятие "хорошего/плохого" выделяется среди других категорий чрезвычайной разноплановостью своих связей и функций. То, что обозначает общеоценочный предикат, имеет отношение к действительным свойствам объектов, их соответствию или несоответствию норме (существующей и идеальной), восприятию объектов, вызываемым ими ощущениям (приятному и неприятному), к активному психологическому началу человека (его желаниям, стремлениям, воле, долгу, обязанностям), к решению и выбору из ряда альтернатив, к жизненной программе человека и идеалам человечества, к прескриптивной функции речи, реализующейся в определенных типах речевых актов (таких как одобрение, осуждение, поощрение, рекомендация, совет, инструкция, приказание, убеждение, разубеждение, призыв, запрет, рекламирование и др.). Указанные связи распределяются по следующим планам: онтологическому, психологическому, деятельностиному и коммуникативному. Понятие ценности, таким образом, выполняет координирующую (между человеком и миром объектов), стимулирующую (направляющую деятельность), дидактическую и регулирующую (прескриптивную) функцию в механизмах жизни. Оценка в той же мере относится к области реакций, как и к области стимулов. Она столь же неуловима, сколь и вездесуща. Тот "жизненный комплекс", которому оценка придает целостность, во многом предопределяет поведение аксиологических значений в контексте речи и речевых актов.

Можно объясняться с теми, кто говорит на другом языке, но только не с теми, кто в те же слова вкладывает совсем другой смысл (Ж. Ростан).

ОЦЕНКА И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Если вывести мотивы (основания) оценки за пределы ее значения, то оценочные предикаты не оставляют места для семантического анализа. Однако их содержание постоянно является точкой приложения аналитических усилий философов, логиков и лингвистов. Смыслом оценочных слов в случаях их конкретного употребления интересуются и сами говорящие. Их интерес вызван неясностью критериев оценки. Между тем сами принципы выбора критериев могут быть установлены с достаточной степенью определенности. Они в большой мере зависят от принципов выделения классов объектов. Определяя критерии (основания, мотивы) применения оценок к тем или другим классам объектов, исследователь осуществляет концептуальный анализ. Последний неотделим от таксономии оценок. Эта мысль была высказана финским логиком фон-Вригтом в его исследовании форм "добра" (Wright, 1963в), к которому мы еще вернемся. По мнению фон-Вригта, там, где речь идет о нефиксированных критериях употребления слов, задача исследователя заключается в моделировании концепта и установлении его связей с другими концептами (с. 5). Такая задача, полагает фон-Вригт, наиболее естественно встает в применении к словам, составляющим специфику аксиологических текстов. Обращаясь к ним, исследователь стремится не столько описать смысл каждого отдельного слова, сколько определить специфику целого концептуального поля и логические отношения между входящими в него элементами. Фон-Вригт распределяет аксиологические концепты между тремя основными категориями: 1) собственно оценка (*value-concepts*): хорошее и плохое, добро и зло, 2) нормативные концепты (обязанность, дозволенность, разрешенность, право), 3) концепты, относящиеся к человеческим действиям, поступкам: практическое рассуждение, намерение, мотив, воля, желание, цель, необходимость, потребность (с. 6—7).

Концептуальный анализ оценочных предикатов (аксиологических, деонтических и психологических) направлен на экспликацию логических свойств той идеальной модели, относительно которой производится квалификация объекта; это — содержательный итог изучения прагматики их функционирования. То, что для дескриптивного предиката составляет область семантики, для оценочных слов, значение которых не является функцией их референции, относится к сфере прагматики.

Соотношение собственно семантического и прагматически обусловленного содержания различно для разных типов слов и высказываний. Там, где перевешивает прагматическое содержание, необходимо

не только понимание значения полученного сообщения, но и его интерпретация, расшифровка. Понимание обеспечивается знанием значений слов и предложений (семантической компетенцией), интерпретация — знанием механизмов употребления языка (прагматической компетенцией). Объект понимания — величина постоянная. Интерпретация направлена на переменный смысл слов в высказывании и самих высказываний. И тот и другой механизм в обыденной речи подводится под значение глагола *понимать* (Дмитровская, 1985).

Правильное понимание высказывания не исключает его неверной интерпретации. Оно также совместимо с непониманием коммуникативного смысла сообщения. Можно сказать *Я понимаю, что ты говоришь, но никак не пойму, что ты хочешь этим сказать*.

Интерпретация должна ответить на вопросы: *Что ты имеешь в виду? Что ты подразумеваешь? К чему ты это говоришь?* и т.п. Речь идет о смысле "на данный случай". Вопрос с глаголом *значить* также может быть употреблен в поисках прагматического смысла: *Что это значит?* Например, у Гоголя: *Подколесин. Как это пошли вон? Что это значит пошли вон?* Гоголевский персонаж требует интерпретации высказывания, употребленного в самом прямом смысле. В интерпретирующие вопросы с глаголом *значить* нельзя ввести метаязыковой классификатор. Можно спросить *Что значит хороший транзистор?*, но не **Что значит слово (словосочетание, выражение) хороший транзистор?* Это свидетельствует о том, что они обращены к прагматическому смыслу.

В английском языке различию между пониманием и интерпретацией соответствует различие в употреблении глагола *to mean* в следующих вопросах: *What does it mean? 'Что это значит?'* и *What do you mean? 'Что вы хотите этим сказать?'* Первый относится к конвенциональному смыслу высказывания, второй — к неконвенционализованному.

В той мере, в какой оценка выражает отношение говорящего к объекту (то есть в своем субъективном аспекте), она подлежит пониманию; в той мере, в какой она квалифицирует сам объект, она нуждается в интерпретации. Понимание оценочных предикатов не требует особых усилий, их интерпретация может затруднить. Поэтому в языке существует серия стандартизованных вопросов, цель которых — конкретизировать мотивы оценки. Вместе с тем редко требуют интерпретации предикаты восторга и возмущения, хотя и они имеют общеоценочный смысл. Никто обычно не интересуется мотивами оценок, выраженных такими прилагательными как *замечательный, изумительный, чудесный, сладостный* (не о съедобностях), *предестный, отвратительный* и пр. Это психологический аналог вкусовых оценок, основание которых коренится в неподдающихся экспликации ощущениях.

Если объект эмоционально нейтральной оценки известен обоим собеседникам, то запрос об интерпретации оценки может принимать одну из следующих форм: *Почему ты находишь (считаешь) эту квартиру хорошей (плохой)? Чем она хорошая? Чем она тебе нравится? Что тебе нравится (не нравится) в этой квартире? Что (ты находишь) хорошего (плохого) в этой квартире?*

Такие вопросы могут иметь своей целью выявление скрытых достоинств квартиры (неизвестных или неоцененных), уяснение вкусов и требований говорящего, они могут содержать в себе завуалированное возражение (Не понимаю, чем тебе нравится эта квартира. Я не нахожу в ней ничего хорошего).

Адресат ждет, чтобы говорящий выделил из числа известных ему свойств объекта те, которые могут быть квалифицированы как его достоинства. Если объект оценки неизвестен адресату, то делается запрос не столько об основаниях мнения, сколько прямо о свойствах объекта. Адресат стремится получить в ответ ту фактическую информацию, которой он не располагает. Вопрос может быть поставлен в следующих формах: *Что значит хороший? Что ты имеешь в виду? Какой хороший?* Последний вопрос интересен в следующем отношении. Оценочные прилагательные, которые в случае достаточно фиксированных критериев могут служить ответом на какой-вопрос (*Какая была погода? — Плохая*), в свою очередь стимулируют такой же вопрос, который должен осуществить переход от оценки к признакам предмета. Например: — Какую они получили квартиру? — Хорошую. — Какую хорошую? — Трехкомнатную, светлую, все три комнаты изолированные. Между тем вопросительное местоимение *какой* не может входить в соединение с дескриптивными прилагательными, не требующими уточнения. Нельзя спросить **Какой черный?* или **Какой полосатый?* Вопрос *Что значит черный (полосатый)?* может относиться только к языковому значению прилагательных.

Если оценка дается не конкретному объекту, а модели класса, то требование эксплицировать его свойства может быть сформулировано так: *Что значит хороший педагог? Каким, по-твоему, должен быть хороший педагог?* Это вопрос о моделях и идеалах. Как только вводится модальность долженствования, оценочное прилагательное становится избыточным. Когда спрашивают *Какой должна быть деревенская усадьба (овощная база, квартира для молодоженов)?*, имеют в виду хорошую (удобную, рациональную, образцовую) усадьбу (базу, квартиру).

Такие вопросы обычно задают про классы объектов, допускающие совершенствование. Ответ на них может быть двух типов: 1) эксплицирующий признаки, предъявляемые к идеалу, модели, норме и 2) дейктический, указывающий на образец — конкретный или условный. Например: — Какой должна быть квартира для семьи "отец — мать — ребенок"? — 1) В такой квартире должно быть две комнаты, общей площадью не менее 35 кв. м.; 2) Такой, как вот эта, или такой, как та.

Модальность долженствования в данном случае устанавливает образец, к которому следует стремиться. Не случайно на вопрос *Что значит хороший?* можно ответить *Такой, каким следует быть; Такой, каким должен быть ребенок в этом возрасте*. Ср. употребление франц. *comme il faut* в значении положительной оценки. Долженствование исключает отрицательную оценку. Нельзя спросить **Какой должна быть плохая квартира? Каким должен быть плохой врач?* Однако и общеприимательные прилагательные могут войти в контекст, свидетельствующий о том, что за ними стоит совокупность конкретных признаков. Резюмируя дидактический или просто критический текст, можно сказать

Теперь вы знаете, какими бывают плохие матери (сыновья) или Вот каковы плохие руководители (чиновники, ученые). Образец — положительный или отрицательный — связывает оценку с признаковым дейксисом. Образец — это предметная (овеществленная) модель, воспринимаемая как совокупность признаков, которые не во всех случаях могут быть эксплицированы. Это своего рода этап в переходе от предмета к признакам, от класса предметов к концепту класса.

Признаковый дейксис (отсылка к носителю некоторой совокупности признаков) представляет собой один из основных механизмов прагматической семантики, ресурс, которым компенсируются семантические лакуны в области предикатных слов и в то же время достигается существенное сжатие текста (описание заменяется указанием). Дейктическая замена предикатного (признакового) слова распространена в детской речи: *Я хочу такую куклу (игрушку, такое яблоко, такое платье). Какие тебе нравятся девочки? — Такие, как Люся.* Овладение семантикой (в числе прочего) состоит в переводе с языка признакового дейксиса на язык предикатов.

Семантический аппарат взрослого человека также не свободен от передачи значения через отсылку к объектам действительности, рассматриваемым со стороны их свойств. Такова, в частности, метафора, которая в одно и то же время служит выделению некоторого общего для разных классов объектов свойства (часто комплексного) и целостной характеристике индивида, достигаемой дейксисом, указанием на модель другого класса. В этом смысле метафора (как и образное сравнение) — это мостик от дейктического к эксплицитному обозначению свойств.

Мотивы оценки, эксплицируемые в ответах на приведенные выше типы вопросов, различны для разных категорий объектов. Указание на критерии употребления оценочных предикатов приводит к таксономии ценностей.

КЛАССИФИКАЦИЯ ОЦЕНОК

(система ценностных концептов Фон-Вригта)

В ранних работах по этике и аксиологии обычно выделялись немногие виды оценок. Общая классификация добра у Аристотеля сводится к трем основным типам: 1) внешние блага, 2) блага, относящиеся к душе, 3) блага, относящиеся к телу (Аристотель, 1984, с. 66). Гоббс выделяет три вида добра: "добро в обещании, т.е. *pulchrum*, добро в действии как желаемая цель, обозначаемое словом *jucundum* — приятное, и добро как средство, что мы обозначаем словами *полезное, выгодное*; столько же мы имеем видов зла: зло в обещании, называемое римлянами *turpe*; зло в действии и результате, называемое ими неприятное, тягостное, и зло как средство — бесполезное, невыгодное, вредное" (Гоббс II, 1964, с. 86). Большинство авторов резко различали две категории ценностей: добро как средство (*good-as-means*) и добро как цель (*good-as-the end*), или, иначе, относительное и абсолютное, тривиальное и высшее, внешнее (*extrinsic*) и инге-

рентное (intrinsic), инструментальное (утилитарное) и автономное (независимое) добро.

Однако по мере семантизации аксиологических исследований классификации добра становились все более дробными. Новые таксономические системы касались не онтологии добра, а смысла, который приобретают оценочные предикаты в разных контекстах употребления. Таксономия ценностей превратилась в таксономию смыслов, принимаемых оценочными предикатами.

Наиболее полная классификация оценок была предложена фон-Вригтом. Она выполнена в русле концептуального анализа и основывается на употреблении английского прилагательного *good* и его антонимов. Исследование фон-Вригта представляет большой лингвистический интерес, и мы остановимся на нем подробно, сопровождая изложение комментарием и указанием на русские аналогии.

Одно из важных теоретических положений, развиваемых фон-Вригтом, касается единства "добра". Эта проблема, как отмечалось, обсуждалась уже Аристотелем. Аристотель считал мотивы оценок частью значения предиката, и это не позволяло ему видеть в разных употреблениях оценочного слова реализации одного значения (см. выше). Фон-Вригт рассматривает разные типы отношений, позволяющие обнаружить единство в многообразии. Наиболее общий путь сводится к применению родо-видового принципа. Фон-Вригт отказывается от этой возможности по тем же основаниям, по которым Аристотель отклонил мысль о семантическом единстве оценочных определений разных категорий объектов. Фон-Вригт пишет не о видах, а о формах хорошего (*forms of goodness*). Речь не может идти также об отношениях явления к предрасположенности (*occurrence to disposition*), ни об отношении образца к типу (*token to type*), ни частного к общему (*individual to universal*). Финский логик отказывается от интерпретации этих отношений как деривативных: формы хорошего трудно возвести к общему источнику и невозможно выбрать значение, которое могло бы этому источнику соответствовать. Более подробно фон-Вригт останавливается на идее Витгенштейна об объединении на основе "семейного сходства" (*family resemblance*). Понятие семейного сходства было введено Витгенштейном в "Философских исследованиях" и проиллюстрировано примером употребления слова *игра*. Группы объектов, к которым применимо это наименование, лишены общего для всех них инвариантного признака, но их связывают отношения перекрестного сходства (Витгенштейн, 1985, с. 108). Фон-Вригт, однако, сомневается в полезности применения этого понятия к формам хорошего ("добра"). Группы объектов, объединенные "семейным сходством", обычно имеют нечеткие контуры (ср. такие понятия как искусство, язык и др.). Можно спорить о том, является ли фотография искусством или форма коммуникации пчел языком. Таких сомнений не возникает в связи с формами добра. Никто не станет колебаться при отнесении приятного, умелого, полезного, прекрасного, здорового и т.п. к формам добра (с. 12—17). "Тип значения, представленного оценочными предикатами, специфичен и загадочен", — заключает свои размышления фон-Вригт (с. 17).

Первый шаг к разгадке этой тайны автор видит в моделировании соответствующих форм добра.

Фон-Вригт различает следующие разновидности оценок: 1) инструментальные оценки (*хороший нож, хорошая ищейка*), 2) технические оценки, или оценки мастерства (*хороший администратор, плохой специалист*). 3) оценки благоприятствования (*beneficial goodness*): *плохой (вредный) для здоровья*, 4) утилитарные оценки (предыдущий тип может рассматриваться как частный случай утилитарных оценок): *хороший совет, плохой план, хорошая возможность*, 5) медицинские оценки, характеризующие физические органы и психические способности (*хорошее сердце, плохая память*), 6) гедонистические оценки (*хороший вкус, хороший обед, хорошая шутка*). Этическая оценка (*добрая воля, хорошее намерение, плохой поступок*) рассматривается фон-Вригтом как вторичная, производная от оценки благоприятствования (этой проблеме посвящена шестая глава его книги). Фон-Вригт не считает, что его классификация исчерпывает все многообразие употребления оценочных предикатов. Речь идет о выделении опорных категорий.

В дальнейшем изложении системы фон-Вригта выделены следующие аспекты оценочных концептов: 1) категория объектов, к которым они применяются, 2) логические отношения между антонимическими концептами, 3) проблема смысла оценочного предиката, 4) возможность верификации оценочного суждения, 5) коммуникативная функция оценочного высказывания, 6) отношение к сравнению.

Инструментальная и техническая оценки обе основаны на функциональном принципе, и фон-Вригт рассматривает их совместно. Поскольку функция объединяет оцениваемые объекты в класс, и именно она служит мотивом оценки, оценочный предикат характеризует объект как члена класса: *хороший нож* хорош как *нож*, *хороший генерал* должен удовлетворять требованиям, предъявляемым к полководцам. В принципе, однако, функциональная оценка может быть дана лицу и по непрофессиональному признаку, умению, мастерству.

Фон-Вригт считает функциональную оценку объектов логически вторичной. Ее пресуппозицией является суждение о пригодности объекта к выполнению некоторой задачи (*a judgment of goodness for some purpose*) (с. 20). Отрицательная оценка (англ. *poor*) имеет привативное значение: *плохой нож* = не хороший нож (лишенный тех качеств, которые делают нож хорошим). Инструментально хорошее и инструментально плохое находятся, следовательно, в контрадикторных отношениях. Инструментальная оценка проверяется практикой и может быть верифицирована, поскольку ее критерий достаточно четко определим. Фон-Вригт отмечает, что в основе верификации инструментальной оценки лежат два типа отношений: каузальные и логические. Каузальные отношения соединяют свойства остроты ножа и гладкости разреза (чем острее нож, тем более гладкой является поверхность разреза). Логические отношения соединяют гладкость разреза и ее оценку, а следовательно, и оценку ножа: чем ровнее поверхность разреза, тем лучше (с. 25).

И каузальные, и логические отношения связывают компаративы

(*острее и ровнее, ровнее и лучше*), и это не случайно. Автор подчеркивает, что, хотя абсолютная форма соответствующих прилагательных (*гладкий, острый, хороший, плохой*) обозначает расплывчатый концепт, этого нельзя сказать о сравнительной степени, которая указывает на четко формулируемое понятие. Инструментальная оценка более, чем какая-либо другая, компаративна. Когда речь идет о "предназначенном" предмете, выбирается тот, который лучше всего соответствует своему предназначению.

Из того, что суждения инструментальной оценки допускают верификацию, не следует, что они дескриптивны. Дескриптивность предполагает использование предложения с целью описания некоторого положения дел. Инструментальные оценочные суждения служат целям рекомендации и прогнозирования. Не будучи дескриптивными, они, однако, обладают некоторым дескриптивным содержанием, относящимся к "возможному факту, который, если он реализуется, обеспечивает истинность суждения" (с. 30).

Техническое (специализированное) "добро" относится к способностям, ловкости, натренированности человека, словом, его мастерству в определенном виде деятельности: хороший плотник эффективен как плотник. Сочетание *хороший плотник* вторично. Оно базируется на оценке вида "X хорошо выполняет данную функцию (X is good at something)".

В области технического добра отношения между антонимами (good и bad или poor) имеют скорее контрадикторный, чем контрарный, характер. При этом в привативном смысле понимается отрицательный антоним: *плохой* значит лишенный нужных качеств или способностей. Техническое добро выявляется всякого рода тестами и соревнованиями.

Техническая оценка распространяется на три вида деятельности: 1) деятельность игрового типа, выдвигающую собственно технические критерии, 2) профессиональную деятельность, оценка которой производится по инструментальному принципу, т.е. с применением функциональных критериев, 3) творческую деятельность, оценка которой не может быть сведена к инструментальным или техническим критериям. Эти три вида деятельности теснейшим образом связаны между собой: профессиональное мастерство может перерасти в творчество, и, напротив, творческая активность нередко опускается до уровня рядовой профессии.

Высказывания технической оценки могут быть использованы с целью рекомендации, но для них более естественна другая функция — функция похвалы (laudatory or praising function) (с. 39). Техническая оценка не так тесно, как инструментальная, связана с выбором и предпочтением. Однако она имеет с ними точки соприкосновения. Стремление человека к совершенствованию своего мастерства может быть уподоблено предпочтению лучшего. Нельзя стремиться стать плохим специалистом, как нельзя сознательно выбирать плохие или непригодные для поставленной цели инструменты.

Следующая, третья, форма добра близка инструментально хорошему. Это — добро благоприятствования (бенефактивно хорошее). Оно

представлено употреблением слова good в сочетаниях to be good for 'хорошо для (здоровья)' и to do good to somebody 'приносить пользу кому-нибудь'. Во многих, но не во всех случаях благоприствование может рассматриваться как вид утилитарно хорошего, составляющего четвертую форму добра. Эти формы объединяет каузальная направленность хорошего на достижение положительного эффекта во внеположенной области. Этот эффект может быть охранительным (protective), и в этом случае речь идет только о полезности, но он может состоять в создании нового и желательного положения дел, и в этом случае то, что этому способствует (promote), есть собственно добро благоприствования. Связь с каузальными отношениями обеспечивает этим типам оценки дескриптивное содержание и, следовательно, возможность верификации.

Утилитарные и бенефактивные оценки отличаются от инструментальной тем, что они относятся не к специализированным объектам. Инструментальная оценка указывает на превосходство данного объекта над другими объектами, служащими той же цели, утилитарная оценка основана на выборе того, что может быть полезным или благоприствовать выполнению некоторой задачи. В первом случае полезность отходит в область пресуппозиций, во втором — о ней делается сообщение. Утилитарное добро определяется безотносительно к классу.

Утилитарное и бенефактивное добро находятся в противоречивых отношениях к "бесполезному" (антонимия *полезное* — *бесполезное*) и в контрарных к вредоносному (антонимия *полезный* — *вредный*, *приносить пользу* — *делать зло, вредить*). Фон-Вригт замечает, что существительное evil 'зло' употребляется для обозначения причины вреда (the cause of harm) и для обозначения самого причиненного вреда (the harm caused). Слово же harm 'вред' обычно применяют только к результату, причиненному злу (с. 46).

Пятая форма — медицинское добро — относится к телесным органам (*хорошее сердце*) и к некоторым ментальным способностям (*хорошая память*). "Хорошее сердце" сближается с инструментальным добром, "хорошая память" — с техническим. Медицинское добро характеризует основные функции организма. Оно отвечает норме данного вида или рода. Отрицательная медицинская оценка составляет маркированный член оппозиции, а положительная — привативный. Физическая и ментальная полноценность, следовательно, соответствует привативному концепту. Маркированное значение логически предшествует привативному. Поэтому суждения отрицательной медицинской оценки первичны, а суждения положительной оценки вторичны.

Отношения между хорошим (здоровым) и плохим (слабым, больным) в рамках медицинского добра, как и во всех случаях привативных отношений, противоречивы. Маркированность отрицательной оценки в этом и подобных случаях отчасти объясняется тем, что понятие причины ассоциируется, прежде всего, с отрицательными явлениями, отклонениями от нормы.

Точка зрения фон-Вригта о "естественном добре" противоположна

достаточно стойкому мнению, согласно которому именно плохое составляет привативный концепт, не поддающийся дефиниции (ср. мнение Августина и Спинозы). Оценочные суждения, устанавливающие причину болезненных симптомов в форме отрицательной оценки соответствующего органа (*У вас плохое сердце, У ребенка слабые легкие*), могут быть верифицированы. В противном случае мы не могли бы говорить о врачебных ошибках.

Концепт здоровья рассматривается фон-Вригтом в качестве модели более широкого концепта блага живого существа, прежде всего, человека (*good or welfare of a being*).

Наряду с первичным привативным концептом здоровья можно говорить о вторичном позитивном (маркированном) концепте здоровья, — о цветущем здоровье, о наслаждении здоровьем. Этот концепт связан с удовольствием и может быть отнесен к гедонистическому добру, составляющему последнюю из выделенных фон-Вригтом форм хорошего. Разновидности гедонистического добра покрываются в обыденной речи употреблением слова *удовольствие*. Понятие удовольствия, сыгравшее громадную роль в формировании этических теорий, не было, по мнению фон-Вригта, объектом глубокого анализа. Удовольствие квалифицировалось то как ощущение, то как эмоция, то как нечто промежуточное между ощущением и чувством. Юм называет удовольствие то впечатлением, то восприятием (перцепцией). Бентам пишет об "интересных восприятиях". Противники натурализма в этике (Мур, Брод) относили приятное к естественным свойствам объектов. Фон-Вригт считает эту точку зрения ошибочной. Он различает по крайней мере три формы приятного: пассивное удовольствие (приятное для чувств, для восприятия), активное удовольствие (радость деятельности, в том числе игровой, удовольствие активного образа жизни), довольство (радость удовлетворения желания, достижения цели).

Фон-Вригт подчеркивает, что гедонистическая оценка (*value attribute*) относится к самому ощущению, независимо от того, какой категорией объектов оно вызвано. По этому поводу нам хотелось бы обратить внимание на следующее. Ощущение обычно в предложении не обозначается. Оценка связывает себя непосредственно с тем, что вызывает ощущение. Каузатор ощущения может осмысляться как состояние, процесс или действие, осуществлять которое приятно или неприятно, свойство (параметр) предмета или сам предмет. Соответственно возникают конструкции трех типов: 1) *Приятно есть яблоко (собирать грибы, лежать на пляже); Есть яблоко приятно*; 2) *Вкус этого яблока приятен; У этого яблока приятный вкус*; 3) *Яблоко вкусное*.

Во всех типах предложений указание на оцениваемое ощущение скрыто. Синтаксис предложений гедонистической оценки как нельзя лучше демонстрирует общую тенденцию языка к объективации аксиологических суждений, переноса оценки с субъективных категорий на объективные, с ощущения на его причину. Это объяснимо. Человеку полезнее знать, что именно вызывает приятное или неприятное ощущение, чем характеризовать свое ощущение как приятное или неприятное. Предложения с субъектом — каузатором ощущения — допускают генерализацию относительно категории объектов (*Сирень хорошо пахнет*),

предложения о текущих ощущениях обобщаются только в форме утверждений о вкусах говорящего (*Я люблю запах сирени*).

Без указания на каузатора ощущения суждение гедонистической оценки терпит информативный ущерб. Отсутствие же упоминания того, что оценка в конечном счете относится к ощущению, не ущемляет смысла высказывания. Это вытекает из значения прилагательных *приятный* и *неприятный*, *вкусный* и *невкусный*, *ароматный* и *зловонный*.

Итак, в суждениях гедонистической оценки наблюдается тенденция к понижению логического статуса (уровня) субъекта, к большей его конкретности. Особенность русских предложений с предикативом, на наш взгляд, состоит в том, что "категория состояния" в них одновременно характеризует ощущение человека ("рецептора") и вызывавший это ощущение процесс (или действие). Поскольку ощущение не обозначено, субъектную функцию стремится принять на себя инфинитив. Обозначаемое им действие или состояние становится объектом оценки (тем, что оценивается): *Приятно купаться в море*.

Любопытно под этим углом зрения сравнить инфинитивные предложения гедонистической и утилитарной оценки: *Вкусно есть яблоки* и *Полезно есть яблоки*. В последнем случае также трудно определить, что собственно полезно: яблоки сами по себе или есть яблоки в определенном режиме, причем не для всех людей и не всегда. Поэтому и здесь субъект предложения каузативизируется, и язык разрешает два типа конструкций: *Есть яблоки (для тебя) полезно*, *Полезно есть яблоки* и *Яблоки (для тебя) полезны*. Имя предмета нередко воспринимается в пропозитивном смысле: *Яблоко на ночь — доктора прочь*, *Это лекарство* (принимать это лекарство) *хорошо от подагры*.

Однако между инфинитивными предложениями гедонистической и утилитарной оценки есть существенное различие. Его можно показать на следующих примерах: *Хорошо обтираться холодной водой* и *Обтираться холодной водой хорошо (от нервов)*. Гедонистически хорошее бесцельно. Оно несет награду в самом себе. Утилитарное добро целенаправленно. Этим определяется различие в синтаксисе и в трансформационных возможностях соответствующих конструкций. Сама синтаксическая позиция предикатива в них различна. В конструкциях утилитарной оценки оценочное слово стремится приобрести реляционное значение, установив отношение между средством и целью: *Обтираться холодной водой хорошо (полезно) для здоровья* (= укрепляет здоровье, оздоравливает). Указание на цель перетягивает оценочное слово из начальной позиции, соответствующей автономному (относящемуся к ощущениям, состоянию) предикативу, в серединную, соответствующую реляционному предикату. В первом случае предложения типа *Хорошо! Приятно!* могут составить законченное высказывание, субъект которого ощущение. Во втором случае — нет. Предложение *Полезно* информативно недостаточно.

Вернемся к гедонистической оценке. Гедонистические суждения, субъектом которых является ощущение, фон-Вригт считает первичными. Решение вопроса об их истинности требует различения высказываний от первого лица и высказываний, сделанных в третьем лице. К числу пос-

ледних принадлежат и суждения о прошлых или будущих ощущениях говорящего. Высказывания гедонистической оценки, сделанные говорящим о текущих чувственных переживаниях, вообще не являются суждениями. Они, подобно междометиям, дают прямой выход ощущению (в том числе и нравственному возмущению или одобрению), но не констатируют факт его наличия. Выражение чувств не имеет логической структуры, а следовательно, и параметра истинности. Оно не допускает ошибки (с. 74). Этим следует объяснить неупотребительность высказываний типа *Я полагаю, что мне приятно*. Формула "я полагаю, что..." вводит суждение, то есть является знаком выбора из двух взаимоисключающих истинностных значений. Симптом ощущения не является знаком сознательного выбора (решения). Человек не может сказать во время еды **Я полагаю, что это блюдо вкусное*. Блюдо может быть вкусным и невкусным, но испытываемое в момент речи вкусовое ощущение не предполагает выбора между этими взаимоисключающими характеристиками. В условиях "текущего ощущения" естественней всего сказать просто *Вкусно!* или *Невкусно!* Такое восклицание может послужить основанием для высказывания, сделанного от лица наблюдателя, которое допускает верификацию. Но это не суждение гедонистической оценки, а суждение о гедонистической реакции "первого лица", и оно верифицируется в качестве такового. Таким образом, собственно гедонистическая оценка не подлежит верификации в логическом смысле этого термина.

МЕХАНИЗМЫ ВЫВЕДЕНИЯ ОБЩЕЙ ОЦЕНКИ И ИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ

Фон-Вригт построил классификацию форм, или концептов, добра на анализе употребления прилагательного *good*. В большинстве случаев имелось в виду такое его использование, при котором оно эквивалентно более конкретным синонимам, таким как *useful* 'полезный', *beneficial* 'благоприятный', *pleasant* 'приятный', *efficient* 'эффективный', *healthy* 'здоровый'. Однако замена общей оценки частной не всегда допустима. Особенно трудно найти эквивалент прилагательного *хороший* (мы будем в дальнейшем иметь в виду русское словоупотребление) тогда, когда оценка дается по совокупности разнородных свойств. Именно такое употребление является основным для прилагательных *хороший* и *плохой*. Мы будем называть их общеоценочными, противопоставляя частнооценочным прилагательным, в значении которых входит какой-либо дополнительный компонент, отношения к цели).

Употребление общеоценочных прилагательных в качестве эквивалентов частных оценок в известном смысле вторично. Оно определяется двумя факторами: во-первых, тем, что и при частной оценке ее основание не сводимо к одному признаку, а обычно охватывает ряд свойств, во-вторых, тем, что общеоценочные прилагательные более явственно, чем частные оценки, выражают сопутствующую высказыванию иллюкутивную силу рекомендации или одобрения, запрета или осуждения.

Необходимость в общеоценочных предикатах продиктована механизмами выведения оценки. Каждый объект действительности (вещь или положение дел, человек или событие) обладает неопределенным по числу и составу набором аксиологически релевантных свойств, которые должны быть приняты во внимание при выведении общей оценки, т.е. при включении объекта в один из двух аксиологических разрядов. Эти свойства постоянно вступают между собой в конфликт. Объект может в одном отношении характеризоваться положительными свойствами, а в другом — отрицательными. Аксиологическая противоречивость объектов заложена в их природе. Мир состоит из несовершенств. *Omnia, praeclara rara*. Идеалы монтируются человеком из деталей, розданных разным владельцам. Стремление к идеалу нарушает права "неотчуждаемой собственности". Гоголевская невеста, стоя перед проблемой выбора, сделала следующий коллаж жениха: "Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича — я бы тогда тотчас же решилась" (Н. Гоголь). Метод коллажа обычно приписывался и самой Природе, ср. у Шекспира: "Так Природе повелели Небеса — чтоб слила Прелесть всю в едином теле, И тогда она взяла: Клеопатры горделивость, Аталанты чистоту, И Лукреции стыдливость, И Елены красоту. Так в Розалинде дали боги Созданий высших образец. Вручив ей лучшее из многих Прекрасных лиц, очей, сердец" ("Как вам это понравится").

Таким образом, основная трудность и в то же время основная специфика общеаксиологической таксономии (хороший или плохой?) состоит в том, что классификации подлежат комплексные объекты, свойства которых могут частично совпадать с признаками, задающими противоположные классы. Аксиологическая классификация свойств — статических и динамических — оказывается асимметричной относительно классификации самих объектов. Свойства объектов пересекаются, сами же объекты поляризуются.

Еще большую аксиологическую неоднозначность обнаруживают события. Оптимисты интерпретируют ее в том смысле, что нет худа без добра, пессимисты обращают внимание на то, что у каждой медали есть обратная сторона. Интересы людей постоянно сталкиваются, и это заставляет их заведомо метить по-разному одно и то же событие.

Общая оценка составляет своего рода баланс положительных и отрицательных факторов. Как и всякий баланс, она достигается соотношением количеств. Чтобы вывести общую оценку, нужно перевести качество в количество, т.е. приписать разным свойствам, отношениям, фактам и обстоятельствам то или другое число очков, или баллов, в соответствии с прейскурантом, принятым в данной области, т.е. так, как это делается в спортивных и карточных играх, на олимпиадах, экзаменах, конкурсах и других видах регламентированной аксиологической деятельности человека.

Таким образом, вывод холистической, как принято ее называть

в логике, оценки нуждается в переводе качеств в количества. Моделью этой процедуры может послужить простая арифметическая операция: необходимо сложить все плюсовые величины, сложить все "минусы", сопоставить полученные суммы и в зависимости от результата дать общую оценку несовершенному объекту. Арифметические манипуляции с количествами, однако, уступают в наглядности взвешиванию (весовому сопоставлению): на одну чашу весов кладутся "плюсы" (достоинства, преимущества, позитивные стороны явления), на другую — "минусы" (недостатки, дефекты, отрицательные стороны явления). Именно такая модель чаще всего и воспроизводится в представлениях о справедливых судах, будь то суд человеческий, божественный или суд истории. Весы, считающиеся символом правосудия, являются атрибутом как богини Фемиды, так и архангела Михаила, предполагаемого вершителя эсхатологического суда. "Весовое" представление о процедуре получения общей оценки соотносительно с рядом черт аксиологического текста и его компонентов. Асемантический образ взвешивания как бы развертывается в семантико-синтаксическую структуру текста. Подобно тому, как лексическая метафора соотносительна с отвлеченной семантикой слова, образ, т.е. развитая динамическая метафора, соотносителен с синтактико-семантической организацией предложения и смысловой структурой коммуникации. "Весы" являются своего рода ключевым образом, через который могут быть осмыслены и приведены в систему характеристики аксиологического аспекта языка и речи.

Лингвистическую релевантность имеют следующие свойства процедуры выведения общей оценки:

1. Чтобы прийти к холистической оценке какого-либо объекта, необходимо пометить его конкретные свойства — статические и динамические, постоянные и акцидентные — знаком плюс или знаком минус, т.е. распределять их между чашами весов. Общеоценочный результат, свидетельствующий о перевесе плюсов или минусов, складывается из соотношения частных характеристик, каждой из которых приписывается определенная количественная значимость. Аксиологический маркер прочно срастается с обозначениями многих частных свойств объекта; вследствие этого общеоценочным предикатам противостоит большая группа предикатов, выражающих частнооценочные значения, а также дескриптивных предикатов, имеющих оценочные коннотации.

2. Общая положительная оценка объекта может быть снижена дефектами ("отдельными недостатками"); общая отрицательная оценка не исключает плюсов ("отдельных достоинств") объекта. Поскольку плюсы и минусы находятся на разных чашах весов, одна из которых перетягивает другую (иначе общая оценка не может быть выведена), между ними складываются отношения неравенства (неравновесности). Если равновесие утрачено в пользу положительной оценки, то частные достоинства компенсируют частные недостатки (*Мал, да удал; Удал, хотя и мал; Хоть мал, да зато удал*). Если равновесие утрачено в пользу общей отрицательной оценки, то достоинства ("плюсы") недостаточны для компенсации (*Хоть удал, да уж очень мал*). Таким

образом, "весы" задают синтаксис частнооценочных предикатов, способных характеризовать объекты, принадлежащие к одной категории. Предикаты с противоположной аксиологической маркировкой могут быть в равной степени истинны относительно своего субъекта, но не равноценны с точки зрения того количества "аксиологических очков", которое им сопоставляется. Синтаксические связки и порядок введения предикатов выражают, по крайней мере, два значения: 1) различие в оценке и 2) различие в весе, важности (Левин, 1970).

3. Поскольку при выведении общей оценки сравниваются количественные показатели (ценностные эквиваленты), стирающие все частное, нивелирующие качественные различия, аксиологическое сравнение не предполагает с необходимостью, что сопоставляемые объекты должны иметь между собой нечто общее (основание сравнения).

4. Разногласие в вопросе общей оценки объекта не исключает согласия в частных оценках, а возражение в ходе аксиологического разговора может состоять не в отрицании довода собеседника, а в его "перевешивании". Аксиологический контраргумент может вообще никак не соприкасаться семантически с аргументом, против которого он направлен. Диалог-спор о ценностях ведется по принципу "да, но ..." ("то, что вы говорите верно, но важнее другое"). Каждая из несогласных сторон поочередно кладет гирию на "свою" чашу весов. Спор идет не об истинности утверждений, а об иерархии ценностей: "зато" одного собеседника сводится к "хотя" другого. Правота в оценке устанавливается не благодаря истинности аргумента, а благодаря его полновесности. Не случайно говорят *веский* (*легковесный*) аргумент (довод). Вот образчик аксиологического разговора: "Помилуй ты меня, — сказал он [гость] с удивлением, — Чем любоваться тут? Твой хор горланит вздор!" — "То правда, — отвечал хозяин с умилением, — они немножечко дерут; зато уж в рот хмельного не берут, и все с прекрасным поведением". — "А я скажу: по мне уж лучше пей, да дело разумеи" (И. Крылов). Истинность утверждения в таком диалоге не гарантирует правоты, а согласие с истинностью слов не имплицитно согласия с собеседником.

5. По этому же принципу строятся и монологические виды аксиологически ориентированных текстов, целью которых является определение общей ценности объекта, такие как рецензии, отзывы, характеристики, представления к званиям и наградам, "разносы" и доносы и пр. В таких текстах любые утверждения, даже сообщения о фактах, приобретают аксиологическую маркированность, поляризуются. Если читатель текста, подчиненного задаче выведения общей оценки, не улавливает в каком-нибудь его месте аксиологический знак, он вправе спросить автора "Я не понял: хорошо это или плохо?". Предложения в такого рода текстах часто вводятся аксиологическими операторами типа: *хорошо, что ..., плохо, что ..., достойно одобрения, что..., большим недостатком следует считать то, что..., положительным фактом является ...* и т.п.

Таким образом, особенности процедуры выведения общей оценки прямо соотносятся со следующими аспектами языка и речи: 1) зна-

чением обще- и частнооценочных предикатов, 2) спецификой аксиологического сравнения и ценностной эквивалентности, 3) спецификой аксиологической конъюнкции, 4) смысловой организацией аксиологического текста — диалогического и монологического.

ОБЩЕ- И ЧАСТНООЦЕНОЧНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

Итак, аксиологические значения представлены в языке двумя основными типами: общеоценочным и частнооценочным. Первый тип реализуется прилагательными *хороший* и *плохой*, а также их синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками (*прекрасный, превосходный, великолепный, отличный, замечательный, скверный, нехороший, дурной, поганый, худой* и др.). Эти прилагательные выражают холистическую оценку, аксиологический итог. Вторая группа более обширна и разнообразна. В нее входят значения, дающие оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения. В предлагаемой классификации принят характер основания оценки, ее мотивации. Выделяемые ниже группы частнооценочных значений существенно различны между собой по диапазону сочетаемости, т.е. по тому, какие виды объектов они способны квалифицировать. В то же время каждая группа может квалифицировать разные по своей природе объекты. Расширение сферы сочетаемости оценочных определений несет на себе следы логики обыденного аксиологического рассуждения; оно происходит также за счет метонимических переносов, процессов номинализации (*руководить умело* → *умелое руководство* → *умелый руководитель*) и компрессии текста (*кресло, в котором удобно сидеть* → *удобное кресло*). Этот последний механизм освещен З. Вендлером (Вендлер, 1981).

Частнооценочные значения могут быть разделены на следующие категории: 1) сенсорно-вкусовые, или гедонистические, оценки (*приятный — неприятный, вкусный — невкусный, привлекательный — непривлекательный, душистый — зловонный; то, что нравится, — то, что не нравится* и др.); это наиболее индивидуализованный вид оценки; 2) психологические оценки, в которых сделан шаг в сторону рационализации, осмысления мотивов оценки: а) интеллектуальные оценки (*интересный, увлекательный, захватывающий, глубокий, умный — неинтересный, неувлекательный, скучный, банальный, поверхностный, глупый*), б) эмоциональные оценки (*радостный — печальный, веселый — грустный, желанный — нежеланный, нежелательный, приятный — неприятный*), 3) эстетические оценки, вытекающие из синтеза сенсорно-вкусовых и психологических оценок (*красивый — некрасивый, прекрасный — безобразный, уродливый*), 4) этические оценки (*моральный — аморальный, нравственный — безнравственный, добрый — злой, добродетельный — порочный* и др.), 5) утилитарные оценки (*полезный — вредный, благоприятный — неблагоприятный*), 6) нормативные оценки (*правильный — неправильный, корректный — некорректный, нормальный — аномальный, ненормальный; стандартный — нестандартный, бракованный; доброкачественный — недоброкачествен-*

венный, здоровый — больной), 7) телеологические оценки (*эффективный — неэффективный, целесообразный — нецелесообразный, удачный — неудачный*).

Перечисленные категории образуют три группы. В первую группу входят сенсорные оценки, т.е. оценки, связанные с ощущениями, чувственным опытом — физическим и психическим. Они ориентируют человека в природной и социальной среде, способствуя его аккомодации, достижению комфортности. В эту группу входят первые две категории оценок. Эти оценки (прежде всего те из них, которые основываются на физическом опыте) обычно не мотивируются. Оценка прямо происходит из того ощущения, которое, независимо от воли и самоконтроля, испытывает человек. Стремление говорящего объяснить свои вкусовые предпочтения не может не завести его в порочный круг, например, "Вы любите ли сыр?" — спросили раз ханжу. "Люблю, — он отвечал. — "Я вкус в нем нахожу" (К. Прутков).

Предикаты этой группы, независимо от того, к чему они относятся, характеризуют в большей мере вкусы субъекта оценки (человека), чем ее объект. Субъект оценки выступает в этом случае как психический или физический рецептор и в качестве такового характеризуется тонкостью или грубостью восприятия — с одной стороны, и глубиной или поверхностностью переживаний — с другой (ср. *тонкий вкус, тонкий человек, тонкий наблюдатель, глубокие впечатления, глубокий человек, глубокое переживание, глубокое проникновение в суть дела, глубокое понимание* и пр.).

Вторую группу образуют сублимированные оценки. К ним относятся две категории — эстетические и этические оценки. Они возвышаются над сенсорными оценками, "гуманизируя" их. Первые связаны с удовлетворением чувства прекрасного, вторые с удовлетворением нравственного чувства. Эти два вида чувствований составляют ядро духовного начала человека, моделируемое, в соответствии с его телесной ориентацией, по вертикали. Не случайно, в эти виды оценки вовлечены метафоры и интенсификаторы "высоты" и "низости" (ср. *высоконравственный человек, низкая личность, низменные цели, высокие порывы, низкие подозрения, высокий моральный дух, высокие идеалы* и т.п.). Эта группа оценок не безразлична к понятию архетипа — нормы, образца, примера, потенциальных требований, предъявляемых к объекту. При этом положительная эстетическая оценка исключает строгую нормативность. Эстетическое чувство не может быть удовлетворено стандартом. Высокая эстетическая оценка имплицитно подразумевает уникальность произведения искусства. Между тем положительная этическая оценка в общем случае требует ориентации на этическую норму, соблюдение нравственного кодекса, т.е. большего или меньшего количества правил и заповедей. Требование уникальности, таким образом, не является необходимым условием моральности (положительной этической оценки), но оно необходимо предъявляется к произведениям подлинного искусства.

Последние три разряда входят в группу рационалистических оценок. Эти оценки связаны с практической деятельностью, практичес-

кими интересами и повседневным опытом человека. Их основные критерии: физическая или психическая польза, направленность на достижение определенной цели, выполнение некоторой функции (в том числе и той, к которой данный предмет предназначен), соответствие установленному стандарту. Они были подробно проанализированы фон-Вригтом (см. выше). Речь идет о тех видах ценности, которые принято считать тривиальными, или относительными (о различии абсолютных и относительных оценок см.: Wittgenstein, 1965). Представления об относительных ценностях формируются в ходе практической деятельности человека. Они предназначены для того, чтобы упорядочивать, облегчать и регулировать эту деятельность.

Основное синтаксическое различие между обще- и частнооценочными значениями состоит в том, что общие оценки могут выступать как в функции модального оператора, в сферу действия которого входит пропозиция, так и в функции предиката, пригодного для характеристики объектов разных видов. Между тем частнооценочные значения обслуживают в основном вторую из названных функций. Можно сказать *Хорошо (плохо), что сейчас зима; Хорошо, когда зима; То, что сейчас зима, хорошо (плохо); Зима была хорошей (плохой)*, но нельзя сказать *Красиво, что сейчас зима*, при том, что зима может быть исключительно красивой. Нельзя также сказать: *Безнравственно, что ты так поступил*, даже если поступок и в самом деле не отличался нравственностью. В дидактической речи обычно говорят в этом случае *Плохо, что ты так поступил* или *Так поступать стыдно (безнравственно, недопустимо)*.

СМЫСЛОВОЙ ОБЪЕМ ОБЩЕОЦЕНОЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Общая оценка, как отмечалось, присуждается по совокупности признаков: *хороший чай* (напиток) подразумевает и то, что он высокого качества (ароматный), и то, что свежесварен, и то, что горячий, и то, что достаточно крепкий, а иногда и то, что в меру сладкий. Когда гостиничный номер квалифицируют как *хороший*, то это значит, что комната снабжена необходимыми удобствами, светлая, не слишком тесная и не шумная.

Комплексность содержания общеоценочных предикатов чувствуют и носители языка, например: Но не хочу ли я сказать: лучший мемуарист тот, кто пишет о самом себе? Нет, конечно. Хотя лучший мемуарист — тот, кто хорошо пишет (а в понятие "хорошо" включается и правда, и мастерство, и искренность) (А. Латынина, ЛГ, 1982, № 47). Приведенный пример показателен в том отношении, что в нем речь идет не о значении, а о понятии (концепте), которое ассоциируется со словом *хорошо* применительно к определенной категории объектов.

Разные категории объектов в разной степени имплицитно требуют, чтобы они были удовлетворены для их общеположительной квалификации. Ср. наблюдения Ходасевича: «Самая манера вести игру, даже сдавать, брать карты со стола, весь стиль игры, все это искусственному взгляду говорит очень многое о партнере.

Должен лишь указать, что понятия "хороший партнер" и "хороший человек" вовсе не совпадают полностью: напротив того, кое в чем друг другу противоречат, и некоторые черты хорошего человека невыносимы за картами; с другой стороны, наблюдая отличнейшего партнера, иной раз думаешь, что в жизни от него надобно держаться подальше». Хороший друг, однако, едва ли может оказаться плохим человеком.

Наиболее определенны требования, предъявляемые к специализированным предметам — орудиям, инструментам, приспособлениям, машинам и другим видам артефактов, предназначенных для выполнения определенной практической задачи. Оценочное прилагательное в сочетании с инструментальным именем или именем номинального класса получает фиксированное содержание (ср. *хороший шахматист, хороший вратарь, плохая пишущая машинка, превосходный фотоаппарат*). Различия в интерпретации, и соответственно в предъявляемых требованиях, релятивизованы не столько относительно субъекта оценки, сколько относительно эпохи (времени оценки). В этом случае частно- и общеоценочные значения сближаются, поскольку в определяемом имени содержится указание на основание оценки.

Но и в сочетании с многими номинальными классами функционального типа, которым оценка дается по фиксированному аспекту, общеоценочные прилагательные сохраняют прагматическую обусловленность. Так, сочетание *хороший педагог (учитель, преподаватель)* может быть отнесено к педагогу, о котором известно, что он опытен, строг, знает свой предмет, владеет методикой преподавания, требователен, возможно, суховат. С другой стороны, этим же сочетанием может быть охарактеризован преподаватель, увлеченный своим предметом и умеющий увлечь своих учеников, при этом допускается дефицит опытности, методики преподавания, строгости, требовательности и систематичности, т.е. как раз тех качеств, которые ставятся в особую заслугу "хорошему преподавателю" в первом случае. У хорошего преподавателя "холодного" типа часто бывают плохие отношения с учениками, но редко бывают плохие ученики, а у хорошего преподавателя "горячего" типа часто бывают хорошие отношения с учениками, бывают ученики с будущим, но нередко встречаются плохие ученики и лентяи. "Холодных" хороших учителей любят родители учеников, "горячих" хороших учителей любят ученики, но родители не приглашают их для подготовки своих детей к экзаменам. Совершенно то же можно отнести к таким концептам как *хороший (плохой) отец, хорошая (плохая) мать, хороший (плохой) руководитель (начальник, директор, инспектор, ревизор)*. Во всех этих и подобных случаях оценка вовлекает личные свойства специализированной личности. Отношения между хорошим и плохим эквивалентны, а не привативны, а эквивалентность всегда допускает варьирование обоих концептов.

Возможность одинаковой оценки различающихся между собой представителей одного функционального (специализированного) класса в большой степени проистекает из того, что к одной цели могут вести

разные пути. Результат не имплицитно однозначно способ его получения. Оценка нивелирует эти различия. Она не задает дескриптивной характеристики объекта.

Приведенный выше пример показывает, что некоторые "плюсовые" качества редко совмещаются: "холодный" педагог обычно не увлекает, хотя и заставляет учиться, а "горячий", если он не вспылит, не проявляет строгости. С другой стороны, все плюсы (особенно в структуре личности) почти неизбежно влекут за собой минусы. Между плюсами складываются отношения регулярной дизъюнкции. Для отношений между плюсами и минусами, напротив, характерна регулярная конъюнкция. Поэтому совмещение плюсовых качеств приобретает особую ценность: одно плюсовое качество неизмеримо повышает ценность другого: трудолюбие увеличивает эффективность таланта, а талант — трудолюбия. Напомним идею Мура о том, что ценность целого не равна сумме ценностных баллов его частей. Синтез качеств "холодного" и "горячего" педагога, возможно, удовлетворил бы и учеников и их родителей.

В целом положительные свойства, равно как и отрицательные, взаимонезависимы. Но между теми и другими часто складываются отношения достаточно регулярной совместной встречаемости. Требования, предъявляемые к объектам нечеткой специализации и индивидуального потребления, колеблются в зависимости от "потребителя". Соответственно, колеблется и объем содержания общеоценочного предиката. Покажем это на следующем примере. Один из героев шекспировского театра говорит: "Пока я не встречу женщины, привлекательной во всех отношениях зараз, ни одна не привлечет меня. Она должна быть богата — это обязательное условие; умна — или мне ее не надо; добродетельна — или я за нее не дам ни гроша; красива — иначе я и не взгляну на нее; кротка — иначе пусть близко ко мне не подходит; знатна — иначе ни за какие деньги ее не возьму; она должна приятно разговаривать, быть хорошей музыкантшей, а волосы пусть будут такого цвета, как богу угодно" ("Много шума из ничего"). Если бы, обдумав свои требования, Бенедикт сказал о конкретной девушке "Вот это хорошая невеста!", то это бы означало: "богатая, умная, добродетельная, красивая, кроткая, знатная, музыкальная, владеющая изящной речью". Разумеется, не все женихи ставят так много условий. По мере того, как сокращается число требований, уменьшается и количество компонентов, вводимых в концепт хорошего. Например, другой персонаж Шекспира восклицает: "Это лучшая девушка на свете! Семьсот фунтов стерлингов чистыми деньгами и много фамильного золота и серебра" ("Виндзорские насмешницы").

Итак, признаки, мотивирующие оценки, не только вариативны, но не стабилен сам их объем, а также характер свойств, оставшихся вне его пределов.

Когда говорят, например, "Маша — хорошая девочка", то это может значить: послушная, добрая, отзывчивая, не капризная, помогает маме, любит родителей и друзей, хорошо учится. Возможен и другой набор признаков и другой их объем. Однако ни один набор, по-видимому, не будет включать таких качеств как здоровье, красота,

спортивность, таланты. "Неспециализированная" личность определяется, прежде всего, по совокупности нравственных качеств и норм поведения. Однако, хотя названные выше свойства не входят в понятие "хорошей девочки", они аксиологически маркированы и могут участвовать в выведении общей оценки ребенка в качестве своего рода "довесков", помогающих "плюсовой" чаше весов опуститься. Наряду с позитивными "довесками" есть и негативные. Существует серия частноотрицательных свойств (недостатков, дефектов, изъянов и проступков), которые могут воспрепятствовать положительной квалификации ребенка: можно ли считать хорошей девочкой плаксу, упрямицу, девочку, которая по вечерам не хочет ложиться спать, нетерпелива, предпочитает играть не с куклами, а со спичками, неловка и бьет посуду. Эти свойства, как бы к ним ни относиться, участвуют в подведении аксиологического баланса, и если им не удастся перетянуть чашу весов, то они (иногда в смягченном виде) могут войти в уступительные отношения с общеоценочным определением: Она хорошая девочка, хоть и немного озорная (бывает, что капризничает; не всегда вежлива; случается, что нагрубит бабушке). Изъяны объекта оценки, точно так же как и его достоинства, входящие в понятие хорошего, нестабильны. Их прагматическая обусловленность зависит не только от того класса, к которому принадлежит оцениваемый объект, они также релятивизованы относительно субъекта оценки, ср. у Крылова в "Разборчивой невесте": "Но в выборе ее и вкус и мысли тонки: Такие женихи другим невестам — клад. А ей они не женихи, а женишонки! Ну, как ей выбирать из этих женихов? Тот не в чинах, другой без орденов; А тот бы и в чинах, да жаль, карманы пусты; То нос широк, то брови густы; Тут этак, там не так; Ну, не придет никто по мысли ей никак" (И. Крылов). Приведенный отрывок показывает, что в ситуации выбора большой вес могут приобрести очень частные признаки, обычно не участвующие в мотивизации оценки.

Таким образом, немалую роль в выведении общей оценки играют и те черты объекта, которые входят в понятия хорошего и плохого, и те, которые в это понятие не могут войти по той причине, что они имеют противоположный аксиологический знак.

Положительная оценка предполагает не только наличие у объекта тех или других достоинств, но также и то, что их общий "вес" превосходит "вес" отрицательных свойств. Точно так же отрицательная оценка объекта указывает не только на его изъяны, но и на то, что имеющиеся позитивные качества недостаточны для того, чтобы их компенсировать. Действующая в этой области система паритетов (она весьма субъективна) не сводится к численному соотношению. Она связана с иерархией ценностей, в которой внешним достоинствам придается меньший вес, чем внутренним качествам.

Из сказанного выше следует, что, наряду с объемом собственного содержания, пусть нестабильным, общеаксиологический предикат говорит и об определенном соотношении признаков, заведомо не входящих в его дескриптивный смысл, но эксплицируемых при его интерпретации. Последняя не сводима к признакам, составляющим

непосредственные мотивы оценки. Неупоминание о дефектах при общей положительной оценке может быть поставлено в вину интерпретатору. Неупоминание о достоинствах при общей отрицательной оценке может быть воспринято как проявление несправедливости.

ЭКСПЛИКАЦИЯ ОЦЕНОК

Не будучи дескриптивными, оценочные предикаты стирают индивидуальность объекта. Последняя варьируется в широких пределах. И за положительной, и за отрицательной оценкой могут стоять различные наборы аксиологически релевантных признаков. Поэтому оценочные предикаты нуждаются в экспликации.

Это понимают и носители языка. Употребляя прилагательные общей оценки, они нередко дают им содержательный комментарий: "Познание жизни — это труд, для которого нужны силы. Источником этих сил и служит хорошая литература. Под словом *хорошая* я понимаю ту литературу, что наполнена жизненной правдой, связана с действительностью, а не отвлеченна, не умозрительна" (Ю. Коконев, ЛГ 2-Х-1985 г.).

Вот еще пример разночтений, вызванных общей оценкой. Аристотель в "Поэтике" писал, что в трагедии характеры должны удовлетворять четырем условиям. Они должны быть *хорошими, сообразными, похожими, последовательными* (1454 а). Первое требование породило споры, вызванные возможностью по-разному интерпретировать прилагательное *хороший*. Обычно "хороший" интерпретировалось как 'добродетельный'. Корнель в этой связи писал "Не могу понять, почему слово *хорошие* пожелали истолковать как добродетельные". Далее он высказывает предположение, что требование Аристотеля "означает необходимость яркого и приподнятого изображения свойств, присущих и подобающих выведенному на сцене персонажу, независимо от того, являются ли они добродетелями и пороками". Вслед за тем Корнелю пришло в голову еще одно предположение. Согласно этому предположению, характеры должны быть по возможности добродетельны, в силу чего злодеи и порочные люди появляются на сцене лишь тогда, когда это необходимо для избранного нами сюжета". В заключение Корнель приводит еще одно истолкование: "Я нахожу у Кастельветро третье объяснение, которое, по-видимому, может понравиться. Согласно Кастельветро, требование хороших характеров относится только к главному персонажу, который должен вызывать приязнь, быть добродетельным, в отличие от тех, кто его преследует или способствует его гибели" (цит. по кн.: Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 370).

Нужда в расшифровке отрицательных свойств продиктована часто стремлением устранить дефекты. Конкретизация хорошего нередко проистекает из дидактических целей. Сопутствующая общеоценочным предикатам экспликация определяет привычное для них место в тексте: они регулярно либо предваряют дескриптивные фрагменты, либо их резюмируют. Вот два примера из Шекспира, в которых развернуто понятие "хорошая жизнь". В первом оценка предшествует дескриптив-

ному тексту; во втором она за ним следует: 1) *Ни одной женщине в Виндзоре не живется так хорошо как ей [миссис Пейдж]: делает все, что хочет, говорит, что вздумает, покупает, тратит деньги, ложится когда ей угодно, встает когда ей заблагорассудится — все по ее желанию* ("Виндзорские насмешницы"); 2) *Фальстаф. У меня были самые благородные наклонности, какие подобают дворянину: я был в меру добродетелен, божился редко, играл в кости не чаще семи раз в неделю ..., возвращал долги раза три или четыре, словом жил хорошо, держался в границах* ("Генрих IV").

Понятие хорошей и плохой жизни вариативно, и ее оценка может исходить из разных критериев (благополучия, нравственности, успеха, здоровья, содержательности, разнообразия). Эксплицитность коммуникации требует сообщения мотивов оценки.

Однако тому же бесконечно варьирующемуся феномену жизни может даваться положительная (реже, отрицательная) оценка без всяких комментариев, и адресат ею вполне удовлетворяется, он не только не требует, он опасается подробностей. Общеоценочный предикат служит в этом случае сжатием текста. Конденсирующая функция общей оценки видна на примере цейтнотных диалогов. Когда спрашивают при беглых встречах *Как дела?* или *Как живешь?*, то обычно ожидают не конкретное жизнеописание, а общеоценочный ответ типа *Хорошо! Неважно; Так себе; Прекрасно*. Аксиологический ответ подводит итог. В нем фиксируется оценочный балл на данный момент. За общеоценочным сообщением могут следовать сообщения о фактах и текущих делах. При оптимистическом стандарте отрицательная оценка нуждается в специальном обосновании: *Как живешь? — Плохо! — Что-нибудь случилось? — Да, болен отец (Сын провалился на экзамене)*. Недовольство жизнью требует особых мотивов, довольство может простекать из одного отсутствия отрицательных факторов. Общеотрицательная характеристика объекта или положения дел в денотативном отношении более разнообразна, чем общеположительная.

Нормативные ситуации однотипны. Во всяком случае, они менее разнообразны, чем отрицательные. Паскаль писал, что "зло дается всем без труда, и оно многолико, тогда как добро, можно сказать, всегда одинаково". Действительно, отклонений от нормы может быть сколь угодно много. Это позволило Л. Толстому справедливо заметить, что "все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему". Стремясь к индивидуальному, писатели отдают предпочтение несчастливым семьям.

Оценка жизненной ситуации как хорошей или плохой делается, таким образом, на несколько различающихся основаниях: для общехорошего достаточно отсутствия частноплохого, общеплохое предполагает наличие частноплохого. Тем самым отрицательные оценки с большей настоятельностью требуют конкретизации. Однако и они используются для сжатия текста. Эта функция проявляется в ситуациях не рекомендации: *Не покупай этот транзистор. Он плохой; Не смотри этот фильм. Он плохой*.

Есть, конечно, много других случаев, когда фактические данные.

использованные при выведении общей оценки, не эксплицируются. В этом нет нужды, если определяющей для данной категории объектов является аксиологическая классификация, конкретизируемая в применении к каждой ситуации достаточно однозначно. В этом случае на вопрос, начинающийся вопросительным словом *какой* и требующий дескриптивной или идентифицирующей информации, может быть дан ответ, содержащий оценочный предикат: *Какая у вас там погода? — Хорошая (плохая)*. Такой ответ вполне удовлетворит собеседника. Природная среда, обладающая большим разнообразием состояний, в основном характеризуется как хорошая или плохая. Когда спрашивают "Какая была осень?", то обычно получают аксиологический ответ "Хорошая (плохая)", который не обманывает ожиданий собеседника, поскольку может быть достаточно правильно интерпретирован по координатам места и времени года. Хорошее и плохое настроение, так же как хорошая и плохая погода, приравниваются к прагматически обусловленным состояниям психической среды. Хотя физических ощущений бесконечно много и добросовестный врач стремится выяснить специфику каждого из них, в быту говорят о хорошем и плохом самочувствии.

Речь идет о спонтанных состояниях и стихийных явлениях и оценочный предикат не может быть осложнен никакими дополнительными коммуникативными функциями, такими как одобрение, похвала, поощрение, побуждение к действию и т.п. Природу не осуждают за дождливую осень и не хвалят за солнечную весну. Говорящий сообщает о том, что лето выдалось хорошее, а осень плохая, с информативной целью. Такие высказывания мало чем отличаются от сообщений о фактических свойствах субъекта.

В двух приведенных случаях имплицитные мотивы оценки стремятся проникнуть в значение оценочного предиката, которому на этом основании приписывают функцию замещения. "Слово *хороший*, — пишет А.А. Ивин, — является заместителем имен естественных свойств, но не именем особого естественного свойства" (Ивин, 1970, с. 43). Лингвист, возможно, предпочел бы говорить в этом случае о шифтерном типе значения. Оно может быть охарактеризовано также и как прагматическое значение в собственном смысле, поскольку его интерпретация всецело зависит от условий употребления. Вопрос о субъекте мнения в этих условиях не встает. В оценочном сообщении прежде всего ищут фактическую информацию, а не оценку. Фактическая информация связана со знанием, а не с мнением. Поэтому в случае недоверия адресат скорее задает вопрос об источниках знания, чем о субъекте мнения: — *Погода там стоит хорошая. — Откуда ты знаешь? Ты там был? Нет? Кто тебе это сказал?* (но не *Кто так считает?*).

Фактическая информация в высказываниях этого разряда может сопровождаться той или другой коммуникативной целью: рекомендацией, предостережением и др.

Мотивы оценки не указывают тогда, когда они уже известны из опыта, предтекста или какого-либо иного источника. В этом случае оценочное высказывание утрачивает свою информативность и

его функция ограничивается коммуникативными целями. Оценочное высказывание может выражать похвалу, одобрение, поощрение, комплимент, осуждение, удовлетворение или недовольство (Вольф, 1985, с. 163 и сл.).

Наиболее интересный и сложный случай представляют собой высказывания со значением эстетической, отчасти этической и вкусовой оценки. Мотивы этих видов оценки с трудом поддаются экспликации. В языке часто вовсе нет дескриптивных предикатов для обозначения тех свойств объекта, которые мотивируют оценку. В воспоминаниях детства П.А. Флоренский, рассуждая о неуловимости значения этической оценки, выражаемой прилагательным *неприличный*, пишет: "Бытие в основе таинственно и не хочет, чтобы тайны его обнажались словом" (П. Флоренский. Природа // Литературная Грузия. 1985. № 9. С. 83). Несмотря на туманность дескриптивного содержания некоторых видов оценок, П.А. Флоренский обращает внимание на четкую разграниченность противостоящих категорий и уловимость разделяющей их границы. Действительно, оценочное высказывание несет в себе таксономические сведения, которые с долей допущения можно приравнять к фактической информации, ибо поступки и произведения искусства делятся прежде всего на хорошие и плохие.

Аксиологическая таксономия имеет дидактическую цель. Когда речь идет об эстетике, она воспитывает вкусы; когда речь идет об этике, она воспитывает нравственность. Иллокутивная сила не может быть отделена от информативного содержания высказывания.

Уже приведенный материал показывает, что разные виды оценки характеризуются разной пропорцией в соотношении иллокутивной функции и фактической информации. Чем менее информативно высказывание, тем более оно иллокутивно. Ущербность фактического содержания восполняется коммуникативными целями. Поэтому не случайно смысл оценочных высказываний иногда приравнивали к их иллокутивной ауре.

СЕНСОРНАЯ ОЦЕНКА И ДИСПОЗИЦИЯ СУБЪЕКТА

В разделе о классификации оценок отмечалась тенденция языка к переносу сенсорно-вкусового предиката с ощущения на тот предмет, соприкосновение с которым его вызывает. Человек аксиологически маркирует объекты внешнего мира, входящие в круг его вращения. Однако, хотя сенсорные предикаты могут быть отнесены непосредственно к объекту, они не семантизируются, то есть не имплицитуют дескриптивных характеристик. Предикат *вкусный* не поддается даже частичному переводу на язык дескрипций: *вкусный* в применении к яблоку вовсе не значит 'сочный, ароматный и хрусткий'. Эти свойства могут присутствовать и у невкусного яблока, например, очень кислого или терпкого (вяжущего). Обычно не спрашивают "Чем вкусно яблоко?", "Какое вкусное?", "Что значит вкусное?". Могут спросить только "На что похож вкус этого сорта яблок?". Но это вопрос о вкусе, а не о вкусоности. Предикаты сенсорной оценки редко открывают валентность на причинное предложение. Не говорят

Сыр вкусный, потому что острый; Биштекс вкусный, потому что сочный. Вкусовая оценка не может быть мотивирована отсылкой к объективным свойствам объекта уже по одному тому, что эти свойства не концептуализованы. Предикаты, порожденные вкусовыми, осязательными, обонятельными и слуховыми впечатлениями, не обильны. Вкусы, запахи и звуки (тембры) воспринимаются синтетически, индивидуально. Они неотделимы от соответствующих классов предметов (*вкус вишни, запах розы, звук органа, шелковистость*). Человек различает в ощущениях гораздо больше свойств сравнительно с теми, которые зафиксированы в его понятийной системе. Исключение составляют зрительные восприятия. Они не только тонко дифференцированы, но и глубоко концептуальны. Однако и здесь бывает трудно сформулировать то именно свойство образа, которое составляет зрительное удовольствие или, напротив, отталкивает.

Бедность и недискретность сенсорной семантики (за исключением зрительно воспринимаемых свойств), ее отделенность от концептуальных систем выдвигает в ней на первый план аксиологическую классификацию. Оценочная характеристика ощущений и впечатлений, несмотря на свою прагматическую зависимость, оказывается важной для человека. Сказать о том, вкусна ли пища, приятен ли у человека голос, хорошо ли пахнет цветок, иногда бывает достаточно для характеристики объекта. Возможно, что именно та роль, которую отводит человек сенсорной оценке, блокирует создание в этой области разветвленных концептуальных систем.

Наряду с указанной выше функцией предикаты сенсорной оценки широко применяются для характеристики склонностей субъекта. Это естественно. Чувственные восприятия, а следовательно, и относящиеся к ним оценки, индивидуальны. Козьма Прутков так заключает басню "Разница вкусов": "Читатель! в мире так устроено издавна: мы разнимся в судьбе, Во вкусах и подавно. Я это басней пояснил тебе: С ума ты сходишь от Берлина, Мне ж больше нравится Медынь. Тебе, дружок, и горький хрен малина, А мне и бламанже полынь". Не случайно поэтому, люди выясняют склонности своих новых знакомых. И действительно ничто так не сближает как общность вкусов. В любовном письме к миссис Пейдж Фальстаф писал: "Вы любите херес, и я люблю херес. Что может связать двух людей теснее?" (Шекспир). Наоборот, существенно препятствует установлению людской общности ситуация, когда "тот хотел арбуза, а тот соленых огурцов" (Г. Державин).

Оценочные определения объекта различаются между собой по каналу связи. Они содержат указание на тот параметр предмета, который соответствует способу его восприятия человеком: *вкусный, душистый, благозвучный, мелодичный, ароматный, зловонный, благоуханный* и др. Универсальным является сенсорно-оценочный предикат *приятный*, а также общеоценочные предикаты *хороший* и *плохой*, употребленные в значении гедонистической оценки. Предикаты аффективного значения, суть которых состоит в квалификации объекта через ту реакцию, которую он вызывает в субъекте, также обладают достаточно широкой сочетаемостью: *очаровательный, восхитительный, изумительный,*

отвратительный и пр. Характеристики вкусовых диспозиций субъекта единообразны. Они выражаются, в частности, глаголами *нравиться* и *любить*. Ниже будут рассмотрены значения именно этих глаголов русского языка. Они могут выражать отношение к любому предмету и аспекту предмета: нравиться может и цвет и запах, и произведение искусства и предмет потребления, и человек и зверь, и действие и материальный объект. Анализ употребления предикатов вкусовой оценки, тесно связанных с ситуациями речи, дает хорошую возможность показать процесс формирования прагматических, то есть устранимых, импликаций, истинность которых не может быть установлена логически. Под прагматическими импликациями имеются в виду те выводы и предположения, которые адресат речи строит на основании полученного сообщения. Высказывания о вкусовых склонностях человека дают возможность прогнозировать его действия. Адресат обычно не удовлетворяется сведениями о потенциальных вкусах, он стремится извлечь из сообщения о них более практически значимую информацию. Ради нее люди и выясняют, что кто любит и не любит.

Оба глагола — *любить* и *нравиться* — относятся к диспозициям, а не к непосредственным (актуальным) состояниям субъекта. Этот признак противопоставляет их предикатам *приятно*, *противно*, *неприятно*: *Приятно купаться в море, Неприятно входить в холодную воду, Больно бегать босиком по гальке*.

Нет сомнений в том, что вкусовые диспозиции создаются не только природой, но и опытом. Они связаны с сенсорными впечатлениями (ощущениями). Приятные ощущения согласованы с вкусовыми склонностями. Неприятные ощущения определяют тактику уклонения. Когда человек говорит, что он любит морские купания, это значит, что он получает от них удовольствие. Когда он говорит, что не любит смородину, то вероятней всего, что он ее не ест. Эта связь закономерна, но условия жизни мешают ее регулярной реализации. Она действует в узком кругу капризов, но и в нем она относится к житейскому поведению, а не к логике мышления.

Итак, глаголы *любить* и *нравиться* относятся к числу диспозиционных. Т.В. Булыгина показала близость предикатов этого типа к предикатам качества и на этом основании включила их в число предикатов свойств (привычек, умений, рода занятий). Эти предикаты не могут обозначать «однократных ситуаций, ни серию повторяющихся отдельных "случаев" (*ненависти, *увлечения и т.п.). Иными словами, они обладают (подобно именным предикатам "качества") признаком неквантифицируемости» (Булыгина, 1982, с. 56). О.Н. Селиверстова называет соответствующую категорию "предикатами класса". Она выделяет в качестве основного следующий их признак: "денотаты предикатов класса не имеют точной локализованности на оси времени: они соотносятся с тем или иным временным отрезком, но не занимают ни одной из точек этого отрезка. Таким образом, — пишет автор, — можно считать, что они абстрагированы от непосредственного протекания во времени" (Селиверстова, 1982, с. 93). Автор видит в предикатах класса обобщение разнородных конкретных

действий. Применительно в группе сенсорно-диспозициональных предикатов более приемлемо рассмотрение их в одном ряду с другими свойствами субъекта по той причине, что их верификация, как было отмечено Т.В. Булыгиной, не зависит от фактов реализации. О них нельзя утверждать, что они не соотносятся ни с одной точкой оси времени уже по одному тому, что они истинны или ложны в применении к любой из этих точек. Не соотносится с временной осью соответствующее действие или процесс. Но они и не находятся в фокусе сообщения. Вкусовые диспозиции, как и любые другие свойства предмета, допускающие изменение, соотносятся с временем. Эта связь устанавливается через фазы существования предмета (периоды жизни лица): *В молодости я любил купаться в горных речках*. Для наших целей важно то, что между вкусовыми диспозициями и действиями отсутствует логическое отношение, поскольку истинность диспозициональных утверждений не зависит от истинности утверждений, касающихся существующей практики. Связывающие эти утверждения отношения импликации носят чисто прагматический характер. В разных ситуациях эти отношения обладают разной степенью вероятности. Из предложений *Он любит нравиться, Она любит успех* рискованно делать выводы о реальном успехе (сие от субъекта не зависит), но нет большого риска в предположении, что лица с такими диспозициями добиваются успеха или прилагают усилия, чтобы понравиться.

Степень имплицативности предикатов отрицательных диспозиций еще более прагматически обусловлена. Следующий ряд высказываний расположен по шкале уменьшения импликаций: *Я не люблю много есть (спать), Терпеть не могу рыбий жир, Ненавижу убирать квартиру, Не люблю лето*.

Утверждение отрицательных диспозиций часто составляет реакцию на существующую ситуацию, и это не позволяет полагаться на прагматические импликации, но усиливает допущение реальности неприятного для субъекта положения дел.

В то же время, даже составляя реакцию на ситуацию, диспозициональное высказывание не может рассматриваться как высказывание об этой ситуации. Диспозициональное значение не актуально относительно этой ситуации, но оно "актуально" относительно свойств субъекта. Объект вкусовой склонности, следовательно, не может быть единичным: им является либо класс предметов, либо не конкретизируемая серия эпизодов. Класс предметов, будучи объектом восприятия, вовлечен в деятельность субъекта. Поэтому и он может быть представлен как серия эпизодов. Это хорошо показывает следующий диалог: — *Ты любишь помидоры?* — *Есть люблю, а так — нет*. Первая часть ответа в сущности не анекдотична. Она вносит законную поправку в речевое употребление, исключающее предикат. Нелепо скорее вторая часть ответа, допускающая "любовь так" к предметам потребления (ср. загадочность "любви к трем апельсинам"). Касаясь референции имен, служащих объектом глаголов *любить* и *нравиться* (в диспозициональном значении). А. Вежицкая отметила, что универсальная квантификация объекта, имплицитруемая этими глаголами,

охватывает некоторое множество событий или эпизодов, которое не может быть сведено к закрытому списку (Вежицкая, 1982, с. 255). «Мы склонны предполагать, — пишет автор, — что мощность (количество элементов) таких множеств событий — не "много", а "континуально", то есть рассматриваемые множества не могут быть определены экстенционально» (с. 256). А. Вежицкая распространяет этот тезис и на употребление глагола *любить* с личным объектом. Она полагает, что в таких предложениях как *Я люблю Яна* "предицируемый признак приписывается, строго говоря, не Яну, а множеству событий, которые тем или иным способом связаны с Яном (множество, которое нельзя просто перечислить, так как его нельзя приравнять ни к какому закрытому списку)" (с. 255). К этому тезису мы вернемся ниже.

Поскольку класс предметов или событий, на который обращена диспозиция субъекта, весьма вариативен, из утверждений о склонностях человека нельзя вывести заключения о его отношении к тому или другому конкретному объекту или событию. Из "вообще" не следует "в частности" (Селиверстова, 1982, с. 94). Не говорят *Я люблю все морские купания*. Из сообщения "Я люблю борщ" не вытекает, что мне понравился тот борщ, который я съел в вагоне-ресторане. Вероятностные отношения между общим утверждением и утверждением о частной ситуации все же существуют. На вопрос "Тебе понравились Гагры?" можно ответить "Да, я вообще люблю южную природу", а на вопрос "Тебе понравилось сегодняшнее купание?" естественно сказать "Да, я очень люблю купаться". В то же время ответ "Я люблю купаться" может быть интерпретирован и как нежелание высказаться о том эпизоде, к которому относится вопрос. В приведенных вопросо-ответных парах видна разница в референтных возможностях имени, сочетающегося с глаголами *любить* и *нравиться*. Она была отмечена Т.В. Булыгиной (Булыгина, 1982, с. 29).

Глагол *нравиться*, в отличие от глагола *любить* (мы отвлекаемся от интерперсональной любви), может относиться к конкретным, единичным предметам: *Тебе нравится этот пирог? Тебе понравилась наша прогулка? Мне не понравился доклад (спектакль, выступление)*. С этим связано основное различие в семантике этих глаголов в русском языке. Хотя глагол *нравиться* и может относиться к классам предметов и событий (эпизодов) и в этом значении он употребляется параллельно с глаголом *любить*, от которого отличается тем, что обозначает меньшую степень склонности, он может обозначать также и ощущение или впечатление, замкнутое одним эпизодом и не перерастающее в диспозицию. Можно сказать, например, *Мне этот фильм вообще не нравится, но вчера он мне как-то даже понравился. Видно, попал под настроение. Формы полюбить и понравиться различны по смыслу: полюбить значит 'начать и продолжать любить', понравиться не имеет импликаций на продолжение; ср.: Я тогда полюбил Испанию и Мне тогда понравилась Испания*. Указание на время (*тогда*) в первом предложении будет воспринято как точка отсчета, а во втором оно будет скорее

понято как граница, замыкающая эпизод. Очень характерно, что можно сказать *С тех самых пор я полюбил Испанию*, но неправильно **С тех самых пор мне понравилась Испания* (нужно непременно употребить глагол в настоящем времени: *нравиться*). Можно сказать *Я полюбил Испанию на всю жизнь*, но не **Мне понравилась Испания на всю жизнь*. Приведенный пример показывает, что глагол *любить* диспозиционален, а глагол *нравиться* в основе своей "импрессионален". Он может выражать реакцию на конкретную ситуацию. В этом случае его истинностное значение прямо зависит от реализованности этой ситуации. Она составляет пресуппозицию утверждения. Диспозициональное значение этого предиката представляет собой расширение "импрессионального". Глагол *нравиться* может обозначать и устойчивые и мимолетные впечатления; ср.: *Мне нравится купаться* и *Сегодня мне понравилось купаться*. Глагол *любить* не образует аналогичной пары; ср.: *Я люблю купаться*, но не **Сегодня я полюбил купаться*.

То, что глагол *любить* и глагол *нравиться* (в диспозициональном смысле) выражают субъективную оценку не единичного предмета или события, а класса предметов или событий, предопределяет и форму зависимого от них инфинитива: он обычно ставится в несовершенном виде со значением итеративности: *Я люблю купаться (бродить по лесу, рассказывать небылицы), Мне нравится съезжать на санках с высоких гор (тянуть через соломинку ледяной коктейль)*. Совершенный вид в этих условиях имеет экзemplифицирующее значение: *Любил я встать пораньше, взять лукошко и бегом в лес*. Такое употребление аналогично совершенному виду в итеративной функции: *Бывало, встану пораньше, возьму лукошко и в лес*.

В предложениях типа *Она любит поболтать (поспорить, поплакать кому-нибудь)* форма инфинитива обращает внимание на периодичность действия, его реализуемость в виде отделенных друг от друга эпизодов; ср.: *Он любит спорить по каждому пустяку* и *Он любит иногда поспорить*, *Он, вообще говоря, молчалив, но, когда выпьет, любит поболтать*. Речь идет об эпизодической или обусловленной диспозиции.

Инфинитив, зависимый от диспозиционального предиката, может быть преобразован в отглагольное имя в форме множественного числа: *Я люблю морские купания (прогулки по лесу), Мне нравятся морские купания*. Единственное число отглагольного имени имеет референцию не к единичному объекту (процессу, событию), а к классу объектов: *Люблю утреннюю прогулку по берегу реки*. Инфинитив и, соответственно, отглагольное имя при глаголах *любить* и *нравиться* в разряде предложений гедонистической оценки могут выражать действие, субъект которого совпадает с субъектом оценки и такая ситуация обычна: *Люблю купаться (пить лимонад, есть пироги с грибами)*. Однако допустима и другая ситуация, в которой субъект оценки совпадает с субъектом восприятия некоторого действия, производимого другим агенсом: *Я люблю пение соловья (игру Рихтера)*. Важно только, чтобы субъект оценки совпадал с субъектом восприятия. Поскольку гедонистическая оценка дана человеку в

ощущениях, субъект оценки не может быть сторонним лицом (об этом шла речь выше). Позиция субъекта восприятия замещается обычно конкретно-референтным словом: *Я люблю кататься с гор, Мальчику нравятся апельсины*. Возможен также субъект, относящийся к классу или части класса: *Все (некоторые, многие) любят путешествовать, Находятся такие, которым нравится смотреть на уличные драки* и пр. Практически не встречаются предложения, в которых позиция субъекта восприятия оставалась бы незамещенной: **Любят пироги с яблоками, *Нравится купаться в море*. Это отличает диспозициональные предикаты от предикатов состояния: *Приятно купаться в море*. Однако, если на диспозициональный глагол падает фразовое ударение, то позиция субъекта может остаться незамещенной: *Пироги с яблоками (обычно) любят, Морские купания нравятся*. В этом случае оценка сдвигается в сторону характеристики объекта.

Выше подчеркивалось, что диспозициональные предикаты обозначают только склонности и предпочтения, но не действия или процессы. Однако диспозиции составляют звено некоторого механизма жизни, в который, наряду с ним, входят такие компоненты как возможный реальный опыт, даваемое им ощущение, желание его возобновить или прекратить, узуальные действия. Различие в значении глаголов *любить* и *нравиться* выявляется через отношение к другим "деталям" этого механизма. В последнем наиболее важна "приводная цепь", идущая от опыта к диспозиции и от диспозиции к действию: опыт → диспозиция → практика. Связь диспозиции с опытом образует прагматическую пресуппозицию диспозиционального значения, а ее отношение к действиям (поведению) может рассматриваться как прагматическая импликация этого значения.

Эти отношения образуют своего рода естественную логику, которой человек по мере возможности руководствуется в своем поведении, но которая не программирует его однозначно.

Адресат вправе заключить, что сообщение о вкусах и склонностях опирается на практику. Тот, кто говорит *Я люблю Малый театр*, должен был побывать в нем не раз. Иначе ему следовало ограничиться оценкой виденного им спектакля. Точно так же единичное знакомство с предметом дает повод сказать, что он понравился, но не может служить достаточным мотивом для диспозиционального утверждения; ср. *Пирог с яблоками мне понравился* и *Мне нравятся пироги с яблоками*. Правда, в самый момент действия говорят "Мне нравится пирог с яблоками", но это не сообщение о диспозициях. Глагол *нравиться* не может в нем быть заменен глаголом *любить*. Отрицательные диспозиции могут возникнуть в результате разового, или даже воображаемого, знакомства.

Итак, глагол *любить* (мы здесь не имеем в виду "любовь полов") предполагает наличие достаточного опыта для того, чтобы субъект восприятия мог убедиться, что данный вид "любви" не является для него случайным впечатлением. Для глагола *нравиться* эта пресуппозиция не обязательна.

Эти глаголы находятся в разном отношении и к прагматической

импликации. Глагол *любить*, если говорящий не делает специальной оговорки, понимается в имплицативном смысле. Высказывания типа *Он любит выпить (поспать, поест, поболтать, посплетничать), Он любит кино (театр, музыку), Она любит юг (дачу, лыжи)* будут интерпретированы адресатом в том смысле, что данный вид "любви" влияет на образ жизни. Если речь идет об удовлетворении потребностей, то "любовь" имплицитно означает отсутствие меры: *Он любит поест (поспать)* означает 'Он много ест (спит)', или, точнее, 'Он склонен есть больше, чем нужно'. Указание на несоблюдение количественной меры выявляется в отрицательной форме: *Я не люблю много есть (спать)*.

Импликация может быть устранена: *Мальчик любит ананасы, но где их возьмешь?; Он любит выпить, да нечего; Я люблю всякие пикантности, а мне запрещено все, кроме пикантных анекдотов.*

В целом же связь глагола *любить*, употребленного в диспозиционном смысле, с пресуппозицией и импликацией достаточно прочна. Утверждение, что глагол *любить* выражает более сильную склонность, чем глагол *нравиться*, верно, но недостаточно. Тот вид склонности, который обозначается глаголом *любить*, включает в себя желание, а желание ищет удовлетворения; последнее же требует действия. Глагол *любить* смотрит в будущее. Он перспективен. Иначе обстоит дело с глаголом *нравиться*. Обозначаемое им отношение к объекту не включает активного начала — желания повторить удавшийся сенсорный опыт. Этот предикат, скорее, ретро-спективен. Он не прогнозирует действий. Тот, кто любит выпить, ищет возможности это сделать, тот, кому нравится выпить, не откажется, если эта возможность ему представится. "Любовь" в области сенсорно-вкусовой оценки не оторвана от жизненной практики, глагол же *нравиться* может обозначать и отрешенное отношение.

Проиллюстрируем это следующим примером. Отец Сергей пустил в свою келью барыню, она осмотрелась вокруг. *Келейка эта казалась ей прелестной. Узенькая, аршина в три горенка, длиной аршина четыре, была чиста, как стеклышко. В горенке была только койка, на которой она сидела, над ней полочка с книгами. В углу аналойчик. У двери гвозди, шуба и ряса. Над аналойчиком образ Христа в терновом венке и лампадка. Пахло странно: маслом, потом и землей. Все нравилось ей. Даже этот запах* (Л. Толстой). Очевидно, что Маковкина не хотела бы остаться в этой келье жить, и если она позднее и приняла малый постриг, то побудила ее к этому, конечно, не обстановка кельи отца Сергия.

Различие между *нравиться* и *любить* в их предметно ориентированном употреблении состоит в том, что первый из этих глаголов направлен на объект (имеется в виду конкретный объект) в его явлении, а второй — в его сущности. Поэтому глагол *нравиться* допускает ограничительные компоненты, а глагол *любить* — нет (или, по крайней мере, гораздо реже). Для глагола *нравиться* объект может быть сведен к серии явлений (эпизодов), для глагола *любить* — нет. Приводившееся выше высказывание А. Вежбицкой не может быть принято безоговорочно.

Можно сказать *Такою ты мне нравишься, Эта местность мне нравится зимой, Сегодня ты мне нравишься*, даже *Вот в этом платье ты мне нравишься (не нравишься)*, но нельзя любить кого-нибудь в одном платье и не любить в другом. В высказывании *Я люблю тебя таким* глагол *любить* употреблен как эмпфаза глагола *нравиться*. Любовь не исключает того, что предмет любви иногда нравится, а иногда и вовсе не нравится.

Предикат *нравиться* может относиться к эпизоду и не выходить за его рамки. То, что нравится, не отделено от антуража. Предикат *любить* свидетельствует о том, что некоторая "эссенция" объекта отделилась от случайного и эпизодического. Это различие особенно заметно тогда, когда речь идет о человеческих отношениях. В этом случае оно, однако, не проходит четко.

Таким образом, диспозициональные глаголы сенсорного значения ставят проблему прагматических импликаций, связанных с реальными действиями. Мостик от оценки к действию перекинут желанием. Те ситуации, в которых желание составляет активное начало, обозначают глаголом *любить*, те же ситуации, в которых гедонистическая оценка не порождает стимула к действию, обозначаются глаголом *нравиться*. Это различие отражено в синтаксисе: глагол *любить* образует активную конструкцию, глагол *нравиться* — нет.

Рассмотрение диспозициональных предикатов *любить* и *нравиться* не имело своей целью лексикографического толкования их смысла. Его задача состояла в том, чтобы показать влияние механизмов жизни на формирование прагматических пресуппозиций и импликаций. Последние не являются обязательными. Они возникают вследствие того, что адресат речи старается извлечь из сообщения о вкусовых склонностях человека сведения о его действиях и прошлом опыте, соотнести потенциальное с реальным.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ОЦЕНОЧНЫХ ПРЕДИКАТОВ

Проблема интерпретации оценки, как отмечалось, тесно связана с синтаксическими свойствами высказывания. Можно даже утверждать, что оценка задает определенные параметры текста. Оценочные предикаты информативно недостаточны. В тексте так или иначе компенсируется их смысловая неполнота и неоднозначность, проистекающая из нестабильности их смыслового объема и тех нормативов, на которых основана оценка. Самым простым приемом является дескриптивное развертывание оценки, состоящее в том, что вслед за оценочным предикатом эксплицируется эталон или фактическое положение вещей. Хотя, как говорилось выше, общая оценка является итогом сопоставления положительных и отрицательных свойств объекта (предмета или положения дел), последовательность сообщений часто не отражает ход практического рассуждения: говорящий сначала сообщает аксиологический итог, а потом приступает к фактической характеристике объекта. Отношения в тексте между оценкой и дескрипцией аналогичны катафоре. Вот несколько примеров: *Ночь Алексей*

Иванович провел плохо: болело сердце, были частые перебои, приходилось мочить в холодной воде платок и класть на грудь (Сергеев-Ценский); Место для обороны немцы выбрали хорошее — западный берег гораздо выше восточного и густо порос лесом (Казакевич); Передать невозможно, как хорош был день: весенний, яркий, так и сверкает, так и тонут там, в голубом небе золотые блески и движутся в воздухе, и сверкают, и собираются, исчезая там, выше, выше, совсем вверху (Гарин-Михайловский); Ей нужно хорошее питание, — сказал строгим тоном доктор, — крепкий бульон, старый портвейн, свежие яйца и фрукты (Куприн); Погода очень плохая — дождь, сыкоть и очень холодно (М.П. Чехова); Но лес плохой: или погорелый, или сгнивший (Гарин-Михайловский); Дорога была плохая: ямы, выбоины, то и дело попадались разлапавшиеся по земле корни (Гайдар); Хорошая попалась мне девка! Смирная, веселая, угодливая и умница, не мне чета (Шолохов).

Практически всегда интерпретируется краткое прилагательное *хорош*, *хороша* (*собой*) в значении 'красивый'. Это находит себе естественное объяснение в том, что красота не стандартна. Поэтому отсутствие дескриптивной информации по этой части отрицательно сказалось бы на восприятии текста. Сообщение о том, что герой или героиня повествования были хороши собой всегда сопровождается словесным портретом, например: *Авдотья Романовна замечательно хороша собою — высокая, удивительно стройная, сильная, самоуверенная, что выказывалось во всяком жесте ее* (Достоевский); — *Ну что ж? Правда ли, что он так хорош собою?* — *Удивительно хорош, красавец, можно сказать. Стройный, высокий, румянец во всю щеку* (Пушкин); *Она хороша до невозможности: росту высокого, брюнетка, с чудными, почти совершенно черными глазами, стройная. Ее плечи и руки античные* (Достоевский). Как бы мало ни были индивидуализированы такого рода описания, они составляют необходимое продолжение оценки.

Катафорические отношения устанавливают связь между оценкой и фактической стороной дела. Вопрос о характере этих отношений не совсем прост. Дескриптивные свойства объекта и фактические сведения могут быть поняты как выполняющие роль оснований (мотивов, причины) оценки, либо как интерпретация, своего рода "заполнение" семантических выхолощенного предиката. Эти два вида экспликативных отношений не расчленены четко.

Интерпретирующие отношения предполагают ответы на вопросы: Что значит хороший (плохой)? Что значит хороший чай? Что ты хочешь этим сказать? Что ты имеешь в виду? Что ты подразумеваешь? Что ты понимаешь под словом хороший (плохой)? Какой именно? Какой хороший? Вопросы этого типа апеллируют к "значению говорящего", и это отличает их от вопросов типа *Что значит зеленый? Что такое праздник?* В первом случае речь идет о прагматическом значении, и поэтому ответ допускает варьирование. Сам вопрос вызван отнюдь не незнанием языка. Спрашивающему не просто знакомы оценочные предикаты *хороший* и *плохой*, но он умеет с ними правильно обходиться. Вместе с тем его вопрос правомерен, по-

сколько диапазон ситуаций, к которым приложимы эти предикаты, велик и вариативен. Вопросы же типа *Что значит зеленый? Что такое стол?* проистекают именно из незнания языка. Спрашивающему неизвестно стандартное значение этих слов.

Интерпретирующие вопросы могут относиться и к оценке конкретного факта, и к оценке класса объектов (ситуаций): — *Питание было хорошее. — Что значит хорошее? Какое именно? — Большим нужно хорошее питание. — Что значит хорошее? Какое именно?* В первом случае вопрос о значении особенно легко переключается на сами факты или свойства объекта: — *Я плохо себя чувствую. — Что с тобой? — Как живешь? — Плохо. — Что-нибудь случилось? Он выстроил себе хорошую дачу. — Какую? Опиши ее.* Такой переход закономерен, поскольку интерпретация общеоценочных предикатов имеет своей целью указание на дескриптивные признаки объекта (предмета или ситуации) или на его частные достоинства и дефекты. Приводимые ниже примеры показывают, что интерпретация осуществляется либо через дескрипции, либо через частные оценки. В первых двух примерах интерпретация осуществляется самим говорящим: *Познание жизни — это труд, для которого нужны силы. Источником этих сил и служит хорошая литература. Под словом "хорошая" я понимаю ту литературу, что наполнена жизненной правдой, связана с действительностью, а не отвлеченна, не умозрительна* (Ю. Коконов, ЛГ, 2/Х-1985 г.); *Нету, что ли, в Шанхае хорошего чаю? Все дело в слове хороший. Мы называем "хорошим" нежные, душистые цветочные чаи* (Гончаров, Фрегат Паллада); *Таким образом, с помощью фигур и уподоблений, мы догадываемся, наконец, что такое этот "хороший образ мыслей", который в последнее время пустил такие сильные корни в нашем обществе* (Салтыков-Щедрин).

Интерпретирующие отношения особенно там, где они входят в состав темы сообщения, сводимы к *то-есть*-конструкции, например: *Чтобы читать хорошо, то есть нескучно и с пользой для слушателей, нужно, кроме таланта, иметь еще сноровку и опыт* (Чехов); *Плохой, т.е. заболоченный и полугнилой, лес был предназначен на вырубку; Приходилось топить плохими, т.е. сырыми, дровами.* Знак экспликации *то есть* может быть опущен, например: *Была бы хорошая погода, солнце, весна, ты бы гулял, и все было бы хорошо* (Горький); *Мальчик он был хороший, добрый и послушный* (Лесков).

Каузальные отношения предполагают ответы на вопросы типа *Почему хороший (плохой)? Почему это хорошо (плохо)? Почему (на каком основании) ты считаешь это плохим (хорошим)?* Будучи связанными с модусом (а не диктумом), эти отношения указывают на основания мнения, например: *Мастаков: Знаешь — я разорву этот рассказ, а? Он — плох. Елена: Почему плох? Мастаков: Да вот скажут — фантазия, выдумка ... неправда, скажут* (Горький); *Шура: Забудь все плохое, что я тебе говорила о нем. Антонина: О Тятине? А — что ты говорила? Я не помню. Шура: Ну, что он свататься хочет ко мне. Антонина: Почему это плохо? Шура: Из-за денег* (Горький).

Каузальные отношения более конкретны. Они используются преимущ-

щественно тогда, когда нужно привести фактические основания оценки вполне определенного (известного) объекта; ср. *Что значит плохой мальчик?* и *Почему (он) плохой мальчик?*

Различие между каузальными и интерпретирующими отношениями нейтрализуются в синтаксической конструкции, оформленной творительным падежом: *хороший (хорош) чем? плохой (плох) чем?* Например: *Песа хороша уж тем, что короткая; Осень хороша тем, что много фруктов; Крым хорош своими красками.* Эта конструкция нередко приобретает иронический смысл: *Тем-то именно и хороша розга, что избавляет почтенных педагогов от придумывания новых, более гуманных и толковых педагогических приемов* (Добролюбов). Общеоценочные прилагательные обладают синтаксической валентностью на творительный подчиненного имени, реализующейся более всего тогда, когда прилагательное занимает место предиката и стоит в краткой форме: *Чай хорош тем, что крепок.*

Таким образом, общеоценочные предикаты обладают сильной валентностью на смысловое развертывание. Эта валентность предопределена их информативной недостаточностью. Последняя составляет одно из основных свойств прагматического значения. Будучи тесно связанным с ситуацией общения, прагматическое значение восполняется общими для собеседников знаниями и нормами. При отсутствии такого рода общих норм и знаний говорящий дополняет оценку дескриптивными характеристиками объекта или приводит фактические данные.

Реальный мир один и един. Идеальный мир вариативен. Он распадается на множество возможных миров. И даже каждый из этих миров содержит множество эталонов идеала. Естественно поэтому, что, указывая на отношение к идеальному миру, общая положительная оценка открывает валентность на дескриптивный текст. Сравнение с идеалом (нормой) позволяет яснее увидеть и определить разнообразие отступлений от желаемого стандарта. Общая отрицательная оценка еще более настойчиво, чем положительная, требует экспликации.

Конструкции с творительным экспликативным, о которых упоминалось выше, подводят к другой, в известном смысле противоположной особенности синтаксиса общеоценочных предикатов, представленной ограничительными или аспектизирующими конструкциями. Общая оценка не всегда нуждается в развертывании. В тех случаях, когда она не является глобальной, а характеризует лишь один из аспектов объекта (лица, предмета или ситуации), возникает необходимость в ограничении сферы ее действия. Аспектизация большей частью выражается атрибутивными конструкциями в предикате: *Он был хороший рассказчик (лыжник, специалист, остролов).* Этой же цели служат ограничительные конструкции: *Это место плохое для купания (рыбной ловли), Это хорошее средство от кашля, Эти места хороши своими лесами, Книга убога по содержанию, Яблоко на вид хорошее, но на вкус не очень, Эти цветы хороши своим запахом.* При ограничении указывается аспект объекта, цель, относительно которой дается оценка, часть, оценка которой перенесена на целое.

Входя в ограничительные конструкции, общая оценка сближается с частной — утилитарной или гедонистической: *хороший* в приведенных конструкциях получает одно из следующих значений: пригодный, полезный, эффективный, подходящий, владеющий определенной практикой, вкусный, ароматный. Отрицательная оценка соответствует антонимичным значениям: неэффективный, непригодный и т.д.

Синтаксис экспликативных (конкретизирующих) и ограничительных (аспектизирующих) отношений составляет основную особенность общеоценочных предикатов. В гораздо меньшей степени он свойствен частнооценочным прилагательным. В том и другом случае отрицательные оценки обладают более сильным валентностным потенциалом, чем положительные. Мы не спрашиваем о том, чем человек здоров, или о том, чем вкусен суп, но интересуемся тем, чем болеют наши друзья, или чем невкусно то или другое блюдо. Общеотрицательную оценку может прямо замещать набор частных характеристик: *Хорошая квартира больше располагает человека к доброте, нежели сырая, мрачная, холодная* (Чернышевский).

Синтаксический "пафос" частнооценочных предикатов предопределен не необходимостью в экспликации их содержания (некоторые из них вообще не допускают конкретизации), а аксиологической многогранностью и противоречивостью объекта. Частнооценочные предикаты охотно образуют разные виды конъюнкции: чистую конъюнкцию (*и-отношения*), противительную конъюнкцию (*но-отношения*, *да-отношения*, *реже*, *а-отношения*), уступительную конъюнкцию (*хотя-отношения*), возмещающую конъюнкцию (*зато-отношения*). Между тем общеоценочные предикаты выражают некоторый итог. Они объемлют аксиологически релевантные признаки. Поэтому для них конъюнкция гораздо менее характерна. Конклюдентность и семантическая объемность общей оценки аннулирует или ослабляет присоединительную валентность: *Погода хорошая и?*; *Роман хороший и?*; *Пьеса скверная и?* Если аксиологический предикат употреблен в ограничительном смысле, то *и-конъюнкция* допустима: *Это хорошие* (-доброкачественные, съедобные) *грибы и даже очень вкусные*.

Союз *и* присоединяет предикаты с тем же аксиологическим знаком. Общеоценочные прилагательные часто входят в бессоюзные отношения с другими атрибутами, которые, при определенной интонации, могут пониматься в конкретизирующем смысле. Из общего объема ценностных качеств выделяются те черты, которые особенно важны в данной ситуации. Вот несколько примеров вхождения общей оценки в определительные цепочки: *И везде ее встречали весело и дружелюбно и уверяли ее, что она хорошая, милая, редкая* (Чехов); *Ольга потом, может быть, нашла бы "приличную партию", каких много, и была бы хорошей. умной, заботливой женой и матерью* (Гончаров); *Вы чуткий, хороший человек и не замечаете самых ясных вещей* (Паустовский); *Я сказал ей, что ты очень хороший, честный и трудолюбивый человек* (Достоевский); *Было приятно и весело смотреть на эту хорошую, дружную жизнь в борьбе с огнем* (Горький).

Противительная и уступительная конъюнкция присоединяет пре-

дикаты с противоположным аксиологическим знаком. Общеоценочный предикат может входить в состав как первого, так и второго конъюнкта. Если общая оценка стоит во втором конъюнкте, она подавляет собой частные достоинства или дефекты: *Рояль старый, но очень хороший; Рояль новый, но очень плохой*. Второй конъюнкт констатирует аксиологический итог. Первая часть предложения может включить знак уступительности: *Рояль, правда, старый, но очень хороший; Рояль, хоть и новый, но плохой*. Союз *но* сигнализирует о нарушении аксиологической гармонии (Санников, 1986).

Если общеоценочный предикат занимает первое место, возможны два вида конъюнкции — противительная и уступительная: *Пьеса хорошая, но несколько затянута; Пьеса плохая, но смешная (веселая); Лето хорошее, но для меня слишком жаркое, Видел я "Федру". Хорошо, но скучно (Чехов, Письма); Сад у меня хорош, но все как-то не убрано, мусорно, это — сад-дилетант (Чехов, Письма)*. Она девочка хорошая, *хоть* и упряма. Возмещающая частица *зато* не может войти в *но*-конъюнкт, если в первой части стоит общая положительная оценка. Со значением уступительности эта частица вообще несовместима.

В принципе, для выражения уступительного значения предназначен первый конъюнкт. Перемещение уступки в постпозицию есть результат инверсии, которая интонационно маркируется понижением тона. Поэтому *но*-конъюнкт имеет больший вес, чем уступительное придаточное, независимо от его места; ср.: *Сад у меня плохой, но в нем много цветов* и *Сад у меня плохой, хоть в нем и много цветов*. Очевидно, что автор первого предложения склоняется к общей положительной оценке своего сада, а автор второго высказывания склонен считать сад плохим. В первое предложение можно ввести модальность допущения *может быть*, отстраняющую автора от отрицательной оценки. Второе высказывание этого не позволяет; ср.: *Сад у меня, может быть, и плохой, но зато в нем много цветов* и **Сад у меня, может быть, и плохой, хотя в нем много цветов*.

Таким образом, для общеоценочных предикатов наиболее характерна уступительная конъюнкция, и наименее естественна "чистая" *и*-конъюнкция.

Для частнооценочных предикатов одинаково приемлемы все виды конъюнкции. Рассмотрим их подробнее, уделив основное внимание союзу *да*, наиболее ярко выражающему противительные отношения.

Собственно конъюнкция соединяет слова, отмеченные одинаковым оценочным знаком: *Она умная и добрая девочка; Он хулиган и пьяница*. Нельзя сказать **Петя добрый и агрессивный мальчик, *Статья содержательная и нудная*. Когда говорят *Он был красив и вероломен, Она хороша собой и коварна*, изображение рисует особый тип демонической красоты. Противительная, уступительная и возмещающая конъюнкция соединяет предикаты, которым говорящий приписывает разный аксиологический знак. Тот, кто сказал *Ребенок был резов, но мил*, видел в детской резвости скорее недостаток, чем достоинство, ср. также: *Мысль правильная, но тривиальная; Статья интересная, но слишком длинная; Сочинение грамотное, но бедное по языку*;

Никанор Иванович недурен, хотя, конечно, худощав; Иван Кузьмич тоже недурен. Да если сказать правду, Иван Павлович тоже, хоть и толст, а ведь очень видный мужчина (Гоголь); Войска было нас немного, зато храбры удалцы; У него не было идиолов, зато он сохранил силу души, крепость тела, зато он был целомудренно горд (Гончаров); Приют наш мал, зато спокоен (Лермонтов); И подлинно, как жар, Червонец заиграл; Да только стало В нем весу мало, И цену прежнюю Червонец потерял (Крылов).

Мы рассматриваем *хотя (хоть)* и *зато* как союзы при отсутствии другой союзной связи (см. примеры выше) и как частицы тогда, когда в предложении присутствует союз *но*, а *или да*. Уступительная частица может входить только в первый конъюнкт: *Хоть лоб широк, да мозгу мало! Он был весьма хорошего общества, хорошей фамилии, хорошего воспитания и хороших чувств, и хотя жуир, но весьма невинный и всегда приличный (Достоевский).* Возмещающая частица *зато* может входить только во второй конъюнкт. Это объясняется ее анафорической природой: она должна иметь антецедент.

Уступительность выводит признак из игры: говорящий признает его наличие, но придает ему малое значение. В споре о ценностях, выдвигая контраргумент, говорящий низводит довод противника до уступительного конъюнкта: — *Мальчик очень способный. — Хоть он и способный, да проку от этого никакого.*

Второй конъюнкт, если он не введен уступительным союзом, содержит указание на более существенный для формирования мнения признак. Возмещающая частица *зато* по своему прямому смыслу должна бы указывать на паритет, в контексте же второго конъюнкта, ассоциируемого с возражением, она часто соединяется с более аксиологически значимыми атрибутами: дефекты возмещаются достоинствами с лихвой (или, соответственно, наоборот). Вот характерные примеры: *Единственный недостаток Теренция — некоторая холодность; зато какая чистота, точность, утонченность, грация, какие характеры! (Лабрюйер), Мне Лизавета Михайловна показала духовную кантату, которую вы ей поднесли, — прекрасная вещь! Вы, пожалуйста, не думайте, что я не умею ценить серьезную музыку, — напротив: она иногда скучна, но зато очень полезна (Тургенев), В ненастье и во время прибыли воды клева не было. Но зато как хороши были туманные и свежие утра (Паустовский); На фрак и панталоны суконные пойдет как раз до ста рублей; но зато уж они будут у меня навсегда (Гоголь).*

Частица *зато* может сопутствовать не только положительной, но и отрицательной оценке (в современном языке такое употребление иронично): *Правду молвить, молодница Уж и впрямь была царица: Высока, стройна, бела, И умом и всем взяла; Но зато горда, ломлива, Своенравна и ревнива (Пушкин), Вот Рябинин — другое дело: чертовски талантливая натура, но зато лентяй ужасный (Гаршин), Раздевшись, я прилег на отдых, и, действительно, мухи в темноте скоро затихли, но зато минуты через три я почувствовал, что бесчисленные блохи, а, может быть, и клопы впились в меня немилосердно (Фет).*

Частица *зато* (*зато уж*) может, таким образом, входить и в конъюнкт, компенсирующий отрицательные свойства, и в конъюнкт, обесценивающий позитивные факты или качества. Общая уравнивающая направленность этой частицы делает естественным ее употребление после отрицания: *Особенных способностей к какой-нибудь науке в нем не оказалось ... , но зато оказался в нем большой ум с другой стороны — со стороны практической* (Гоголь), *Дуэли, конечно, между ними не происходило, потому что все были гражданские чиновники, но зато один другому старался напакостить, где было можно* (Гоголь), *Пьянство не особенно было развито между ними; зато преобладающими чертами являлись: праздность, шутовство и какое-то непреодолимое влечение к исполнению всякого рода зазорных "заказов"* (Салтыков-Щедрин).

Союз *да*, подобно союзу *но*, означает противительную конъюнкцию оценочных предикатов. Соединяемые им предикаты аксиологически противопоставлены: *Дорого, да мило, дешево, да гнило; Мал, да удал; Мал золотник, да дорог*. Союз *да* указывает на аксиологическое неравноправие предикатов (конъюнктов): предикат, следующий за союзом, более весом, чем предикат, ему предшествующий. Расположение оценок по ту или по сую сторону союза *да* не фиксировано: более весомый второй конъюнкт может выражать как положительную, так и отрицательную оценку. В первом случае конъюнкция будет иметь компенсирующий, во втором — обесценивающий характер. Если продающий, торгуясь с покупателем и желая продать ему какой-нибудь предмет подороже, скажет *Дорого, да мило*, то покупатель может ему ответить *Мило, да дорого*. Такой ответ может быть понят как отказ заплатить требуемую сумму. Инверсия конъюнктов как бы переносит гирю на другую чашу весов: продающий хочет сказать, что удовольствие, которое может дать его товар, окупит или даже превзойдет его стоимость, а покупатель ему возражает, говоря, что вещь неплохая, но цена на нее слишком высока. Союз *да* стилистически маркирован. Он принадлежит разговорной речи, диалогу, и это отражается на интонации высказывания: оно произносится тоном убеждения собеседника. Это придает второму конъюнкту еще ббльшую значимость, чем в предложениях с союзом *но*.

То, что оценка, выражаемая или коннотируемая вторым конъюнктом, более весома, ясно подтверждается следующими примерами: *А как попал под нож, То оказался уж не так хорош: Что толку, что велик? Велик, да толстокож* (Михалков. Арбуз); *Вот в Нице и много рыбы, да черта ли в ней! то ли дело наша стерлядь!* (Салтыков-Щедрин); *То же на небе солнце, да не греет. Зелен лес, да иглами; есть на щеках румянец, да признак недуга; зреет плод, да червь подточил; есть звуки, да нет голоса; есть тепло, да с угаром* (Вельтман); *Хотя при стаде там И множество собак, Да сам пастух дурак; А где пастух дурак, Там и собаки дуры* (Крылов); *Фекла: О купце и слышат не хочет. "Мне, — говорит, — какой бы ни был муж, хоть и собой-то невзрачен, да был бы дворянин"* (Гоголь).

В первый конъюнкт могут входить уступительные частицы *хоть*,

и, правда, пусть: Тучкова, право, не смешна: Пером содействует она Благотворительным газет недельных видам. Хоть в смех читателям, да в пользу инвалидам (Пушкин); Хоть немного, да проживем в свою волю (А. Островский); Молчи, пустая голова! Слыхал я истину бывало: Хоть лоб широк, да мозгу мало! (Пушкин); И будем все, Хоть на день, Да испанцы (Маяковский); Правда, он жених богатый, да не люб он ей (А. Островский); И богат, да не люб; И смешно, да не весело; Что же неуклюжая пусть одежда — да наша (Маяковский).

Во второй конъюнкт могут входить частицы *зато*, *ведь*, *только*, *все же* и др. Частица *зато* входит преимущественно в состав положительной оценки; частица *только* сочетается с отрицательной оценкой. Утвердительные частицы *ведь* и *все же* безразличны к характеру оценки: *Жизнь своя особенная была и у нас, хоть какая-нибудь, да все же была, и не одна официальная, а внутренняя (Достоевский); Я получаю, конечно, не много барыша, да зато идет обо мне добрая слава (Карамзин); Десять рублей деньги хорошие, да ведь чужого-то ребенка брать страшно! (Чехов).*

* * *

Противительная конъюнкция в аксиологическом контексте отражает логику спора, предметом которого является обсуждение плюсов и минусов какого-либо объекта или положения дел. В первом члене выражается согласие с тем, что объект обладает некоторыми достоинствами (недостатками), а во второй части выставляется контрдовод, то есть открывается другая сторона медали. Допущение передается вводными словами *конечно*, *возможно*, *разумеется*, *надо признать* и др.

Если в первом члене содержится допущение положительной оценки, то во втором может указываться: 1) количественная недостаточность (*Мило, да мало*), 2) обесценивающее свойство (*Суп вкусный, да слишком жирный*), 3) совместность положительного явления с отрицательным (*Были радости, но было и горе*), 4) избыточность той цены (в широком смысле), которая была заплачена за удовольствие (*Пирог вкусный, да много с ним возни; Кольцо, правда, красивое, но уж очень дорогое*), 5) возможность отрицательных последствий (*Сейчас-то им хорошо, конечно, а что их ждет впереди?*), 6) несоответствие внешней стороны объекта его практичности (*Платье модное, но неудобное*), 7) недолговечность (*Мех-то этот, конечно, красив, да непрочен : Красив-то он красив, да непрочен*), 8) бесполезность (*Хоть лес красив, что проку в том — в нем нет ни ягод, ни грибов*), 9) неэффективность (*Светит, да не греет*), 10) недостижимость (*Хороша Маша, да не наша*) и т.д.

Все (или почти все) эти отношения легко инвертируются, то есть происходит перераспределение "весов", и пессимистический взгляд на вещи заменяется оптимистическим: 1) *Хоть мало, да мило*, 2) *Суп, хоть жирный, да вкусный*, 3) *Было горе, но были и радости*, 4) *Хоть и много возни с пирогом, да зато какой вкусный*, 5) *Платье неудобное, но зато модное*, 6) *Что бы их ни ожидало, сейчас*

им хорошо, 7) Пусть мех непрочен, зато наряжен, 8) Хоть и нет в лесу ягод и грибов, зато он красив и могуч, 9) Хоть не греет, зато светит, 10) Хоть Маша и не наша, зато любо-дорого смотреть на нее.

Аксиологический спор обречен на циркулярность. Очередной ход в нем может достигаться инверсией конъюнктов, превращением *зато* в *хоть* и наоборот. Это разговор не о свойствах объекта, а о ценностных показателях свойств. Разумеется, в иерархии ценностей есть и непреодолимые расстояния, но в этом случае спор не возникает.

Глава третья

ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ НЕГО ЗНАЧЕНИЯ

Заблуждения могут сталкиваться с другими заблуждениями, но истины всегда поддерживают друг друга (*Б. Паш*)

ТИПЫ НЕПРЕДМЕТНЫХ ОБЪЕКТОВ

Два мира властвуют от века
Два равноправных бытия;
Один объемлет человека,
Другой – душа и мысль моя (*А. Фет*)

В последние десятилетия интерес философов, логиков, а затем и лингвистов переключился с предметно-пространственного аспекта мира на его событийно-временные характеристики и соответствующие им концепты. Этот сдвиг был вызван изменением общей модели мира. Мир предстал не как "вещевой склад, на полках которого лежат рассортированные по классам предметы и признаки" (Кацнельсон, 1972, с. 141), а как совокупность фактов (Витгенштейн, 1958, с. 31; см. об этом Арутюнова, 1976, с. 22 и сл.). Перестройка модели мира, как убедительно показал Ю.С. Степанов, охватила естественные и гуманитарные науки, а также разные виды искусства, в том числе словесного (Степанов, 1985, гл. IV). Мир не только осмыслялся, но и ощущался прежде всего в его динамическом изменчивом аспекте, и это ощущение пронизывает все: искусство, эстетические воззрения, язык науки. Метафора стала инструментом не только художественного мышления, но и логики (Степанов, 1985, с. 182).

"Событийное" представление мира выдвинуло на первый план идею связей и отношений. Оно «характеризуется учетом всеобщей связи, "системности" в противопоставлении "атомизму"» (Степанов, 1985, с. 130). Эта направленность исследовательской мысли не отменяла проблемы сегментации потока происходящего и моделирования его типовых единиц. То, что происходит во времени, не может быть идентифицировано ни дейксисом, ни именем собственным. Оно может

быть только обозначено. Онтология происходящего моделируется в виде системы концептов, реконструируемых по данным языка. Между тем, если классы предметов обозначаются в языках достаточно гомогенной категорией имен и именных словосочетаний, кванты событийного потока коррелируют с очень разными и даже резко противопоставленными в системе языка единицами, такими как предложение (пропозиция), его номинализации, глаголы (их лексическое значение), видо-временные и модальные формы предикатов, имена обще- и конкретнособытийного значения. Результаты анализа этого материала разноречивы. Концепты, определенные относительно форм предиката, не совпадают с концептами, построенными по данным значения и употребления событийных имен. Гетерогенность материала, однако, вуалируется гомогенностью используемой терминологии, в качестве которой употребляются признаковые и событийные классификаторы естественных языков. Принято говорить о событиях, процессах, действиях, изменениях, фактах, признаках, свойствах, качествах, поступках и т.п. Скрывающиеся за этими именами концепты варьируются в зависимости от использованного материала. Так, например, для употребления существительного *событие* релевантен признак выделенности из потока происходящего, важности, но для функционирования видо-временных форм предикатов он несуществен.

Концепты, моделирующие кванты происходящего, формируются на перекрестке именных и глагольных категорий. И хотя, казалось бы, перевес должен был бы быть на стороне предиката с его видо-временной парадигмой, оказывается, что категории, выражаемые конкретным именем, такие, как счетность, массовидность, гомогенность, играют немалую роль в создании моделей "событий" (Mourelatos, 1978, с. 430; там же дана библиография по теме). Языковое сознание переносит на временную ось мира принципы, отработанные в применении к его предметно-пространственной стороне. Концептуальный анализ в данном случае имеет своей целью обнаружение принципов спонтанного, и в силу этого не всегда четкого, моделирования жизненного материала и доведение их до большей определенности.

К "наполнителям" времени, как отмечалось, применимы именные, предикатные и пропозитивные единицы со всеми свойственными им грамматическими категориями. Учитывая это, в данной главе был использован материал, отражающий их взаимодействие. Такие имена, как *факт*, *событие*, *ситуация* и др., постоянно вступают в анафорические и катафорические отношения в тексте, замещая или вводя пропозициональные конструкции, номинализации и даже целые фрагменты текста. В этом взаимодействии скрещиваются именные, предикатные и пропозициональные характеристики концепта. Это момент перехода от предложения или его предиката к имени. Интерес к нему был возбужден известной работой Р. Лиза (Lees, 1966), стимулированной генеративным подходом к языку. В настоящее время акценты сдвинулись в сторону определения единиц событийного плана. Это смещение интереса произошло под влиянием логико-философских работ по концептуальному анализу — с одной стороны, и исследований текстовых отношений — с другой. О роли номинализаций в тексте см. последнюю

главу в книге Е.С. Кубряковой (1981, с. 179 и сл.). Если для генеративного подхода к языку важно было понятие правила преобразования, то для лингвистической философии первейшее значение приобрела методика конструирования концептуальных систем.

Нас будут интересовать преимущественно два концепта, представленные именами *событие* и *факт*. Эти имена относятся к разным семантическим типам — событийному и пропозитивному. Они занимают место на границе этих сфер, и именно поэтому их анализ и сопоставление представляет особый интерес. Если дистанция между фактами и событиями предельно сокращена, то семантическое расстояние между пропозицией и процессом, напротив, максимально. Сравнение этих категорий вскрывает наиболее яркие особенности резко между собой различающихся семантических типов. О каких же типах идет речь? На чем основано их противопоставление?

Первый тип отражен в обобщающем значении таких слов, как *событие, состояние, свойство, действие, поступок, изменение, процесс* и т.п., и в конкретном значении таких имен, как *встреча, прощание, отъезд, краснота, хождение* и т.п., восходящих к предикату предложения. Второй тип отражен в обобщающем значении таких слов, как *суждение, мнение, утверждение, сообщение, факт* и пр., и в конкретном значении соотносительного с ними изъяснительного придаточного. С небольшой долей метафоричности можно утверждать, что первый ряд объединяет все то, что составляет среду погружения человека в мир, а второй — то, что есть результат погружения мира в сознание человека. Для человека жизнь складывается из событий, но ее анкетное представление превращает события в факты.

Категории событийного (онтологического) ряда могут различаться между собой по таким параметрам, как статичность/динамичность, градуированность/неградуированность, кульминативность/некульминативность, результативность/нерезультативность, гомогенность/негомогенность, счетность/несчетность и т.п. Эти и им подобные признаки используются при описании значений предикатов. Для второго ряда характерны различия по признакам реальности/гипотетичности, верифицируемости/неверифицируемости, истинности/ложности, утвердительности/отрицательности (логическому качеству), по референции субъекта (логическому количеству) и другим чертам, используемым при классификации суждений. С указанными рядами объектов соотносятся два принципиально различных типа значения: событийное (в широком смысле) и пропозитивное, или фактообразующее. Оба значения связаны с предложением и чаще всего выражаются его номинализациями. Первое — полными номинализациями: *Розы приятно пахнут* → *Приятный запах роз известен всем*. Вторые — неполными: *Розы приятно пахнут* → *То, что розы приятно пахнут, известно всем* (Vendler, 1967; Адамец, 1973; Падучева, 1974, гл. 8). Сравнив приведенные примеры, можно убедиться в том, что полная номинализация относится непосредственно к реалиям, а неполная — к суждениям о реалиях. Это различие имплицитно и разницу в значении предиката. В первом примере

известен значит 'эмпирически знаком' и предполагает погружение человека в мир роз. Во втором примере *известен* допускает любой источник знания, в том числе минующий прямой контакт с розами. Речь идет о погружении в когнитивный мир (ноосферу).

И событийное и пропозитивное значения могут быть выражены не только номинализациями, но и другими языковыми средствами (инфинитивом, личной формой глагола и пр.). Различие между ними нередко вуалируется общностью формы. Если при этом неоднозначен и предикат, то предложение допускает двоякую интерпретацию, например: *Появление в городе канатоходца Тибула не было замечено*. Такое различие поддается выявлению. Только фактообразующее значение допускает развертывание в придаточное: *То, что Тибул появился в городе, осталось незамеченным*. Поэтому его можно условно назвать *то-что-значением*¹. При фактообразующем субъекте предикат приведенного выше предложения означал бы, что никто не обратил внимания на приезд Тибула (хотя, возможно, некоторые из жителей были свидетелями этого события), так как он не нарушил привычного течения городской жизни. При событийной (процессуальной) интерпретации субъекта предикат должен быть понят в самом прямом смысле: никто из жителей не видел, как Тибул входил в город.

Однако основным средством выражения этих значений остаются номинализации. Под номинализацией мы имеем в виду только тот тип субстантивации, который базируется на предикате высказывания и составляет семантический эквивалент его пропозитивной части, отчуждаемой от перформатива и субъективного модуса (если они не получают статуса основного предиката): *Я же говорю, что я уверен, что преступник уже арестован* → *То, что преступник уже арестован, всех обрадовало* (неполная номинализация) → *Арест преступника всех обрадовал* (полная номинализация, эквивалентная по смыслу неполной) → *Арест преступника произошел при свидетелях* (полная номинализация с событийным значением).

В случае неполной номинализации предложение не претерпевает структурных преобразований, а функциональная транспозиция отмечается субстантиватором "то, что", иногда включающим классифицирующее имя *факт*: *Тот факт, что преступник обезврежен, всех успокоил* (Крейдлин, 1973). Ресурс номинализации используется в следующих основных случаях. 1. В придаточных предложениях, вводимых союзными словами (несобственно союзами): *Несмотря на то, что дул сильный ветер, рыбаки вышли в море* → *Несмотря на сильный ветер, рыбаки вышли в море*. В этих условиях полная по форме номинализация всегда эквивалентна неполной. При бытийном предикате предложение свертывается к имени бытующего предмета: *Несмотря на то, что у него была борода, он не казался старым* → *Несмотря на бороду, он не казался старым*. 2. В сложных предложениях с пропозитивным субъектом, характеризуемым предикатом второго порядка: *То, что он решил столь трудную*

¹ Связь фактов с *что*-придаточными (*that*-clauses) отмечалась П. Стросоном (Strawson, 1971).

задачу, дало ему возможность не сдавать других экзаменов. 3. В сложных предложениях с пропозитивным объектом: *Я радуюсь тому, что он решил столь трудную задачу.* В объектной позиции указательное местоимение является не столько номинализатором, сколько показателем формы управления: *Я радуюсь тому, что ..., Я огорчен тем, что* 4. В предложениях, в которых произошла инверсия модуса и диктума (пропозиции). *Я знаю (мне известно), что они переехали в другой город → То, что они переехали в другой город, я знаю (мне известно).* Четвертый тип является в определенной мере источником двух предшествующих. Поэтому он будет рассмотрен особо. Изучение семантических контекстов номинализаций дает ключ к пониманию их природы. Этому вопросу отведено центральное место в настоящей главе.

Полные по форме номинализации пользуются отглагольными и отадективными существительными со значением действия, процесса, состояния, бытия, пребывания, осуществления, свойства, качества, отношения и события: *Они вчера ездили за грибами → их вчерашняя поездка за грибами, Братья поссорились → ссора братьев.*

3. Вендлер называет событийные имена скрытыми номинализациями (*disguised nominals*) (Vendler, 1967, 141). События, по определению 3. Вендлера, составляют простейшие элементы, входящие, наряду с предметами и фактами, в онтологию мира. События — это родовой термин, охватывающий такие понятия как процессы, действия, условия (*conditions*), ситуации, изменения, положения дел. Они могут обозначаться полной номинализацией, но не *то-что-придаточным* (Vendler, 1975, 255). К вопросу о соотношении фактов и событий мы еще будем иметь случай вернуться.

Естественно, что полная номинализация, употребленная в событийном значении, исключает из предложения все категории, связанные с предикативным отношением, такие как модальность, частицы (*уже, еще, едва, еле-еле, чуть не* и пр.), вводные слова и отрицание.

Неполные номинализации (*то-что-придаточные*) допускаются практически любым повествовательным предложением, а полные номинализации ограничены возможностями лексики и словообразования данного языка. Первые не зависят от значения номинализуемого предиката, вторые предъявляют к предикату определенные семантические требования.

Значение неполных номинализаций, как отмечалось, принадлежит области эпистемологии (знаний, мнений, утверждений и других категорий ментального плана), а значение полных номинализаций относится к сфере онтологии — действительности, того, что происходит *in regim natura*. Однако указанное соотношение не является строго обязательным, причем среди неполных номинализаций сдвиги сравнительно редки (они относятся к *то-как-придаточным*), а среди полных номинализаций сдвиги происходят регулярно и бывают то резкими, то едва уловимыми. Полные по своей форме номинализации, имеющие значение существования и бытия, отношения обладания и принадлежности, локализации, тождества и таксономии,

всегда эквивалентны неполным (Арутюнова, 1980; Шатуновский, 1984): *Авторство Лермонтова не может считаться доказанным* = *То, что Лермонтов автор этого стихотворения, не может считаться доказанным*.

ДИАЛОГИЧНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ЭКСПЛИЦИТНЫМ МОДУСОМ

Основным средством выражения фактообразующего значения является предложение. Предложение в той мере, в какой оно совпадает с высказыванием, автономно. Изучение же особенностей каждого типа значения требует анализа его взаимодействия с другими значениями, в частности с обслуживающими данное значение предикатами. Ключ к семантике субъекта лежит в его предикатах. Для того, чтобы получить возможность соединиться с предикатами, предложение должно быть номинализировано. Номинализованное предложение может занять позицию субъекта в составе более сложного предложения. Первым шагом на пути к получению такой синтаксической структуры является топиализация (тематизация) фактообразующего значения, то есть придание ему функции темы сообщения. От темы может быть осуществлен переход к субъекту предложения.

Тематизация фактообразующего значения достигается инверсией модуса и пропозиции, которая обнаруживает один из источников (возможно, главный) предикатов, способных сочетаться с фактообразующим значением. Основная их масса соответствует семантике модуса или пропозиционального отношения (установки). Между этими категориями есть различие: пропозициональное отношение выделяется, прежде всего, по своей способности установить связь между говорящим субъектом и пропозицией. Модус переносит центр тяжести на постулируемое говорящим отношение содержания высказывания к действительности¹. Такие модусы, как *возможно, что ...*, *может быть, не может быть, чтобы ...* и им подобные, обычно не включаются в категорию предикатов пропозиционального отношения (установки). Это различие сейчас для нас несущественно. Мы будем говорить о постоянном партнере пропозиции (диктума), обозначая его общим термином модус. Обособленный от диктума модус Ш. Балли назвал эксплицитным (Bally, 1942). Дополнительные отношения модуса и диктума были подробно рассмотрены Т.Б. Алисовой (Алисова, 1974). Чтобы не усложнять картины, мы не включаем в категорию модуса глаголы речи (перформативы), хотя они, устанавливая связь между говорящим и высказыванием, близки к глаголам пропозиционального отношения и имеют модальные коннотации. Различия в коммуникативном статусе эксплицитных модусов и вводимых ими пропозиций будут отмечаться по ходу изложения.

Изменение в коммуникативных акцентах перевертывает отношения

¹ В логике проводится достаточно четкое различие между личными (типа *Отто считает, что ...*) и безличными (типа *возможно, что ...*) модальностями, проявляющее себя в различиях употребления кванторных выражений (Сааринен, 1984).

модуса и пропозиции: *Что волки жадны, всякий знает* (Крылов); *Что она несчастна, горда, самолюбива, скрытна, а главное, несчастна — это для меня не подлежит сомнению. Почему она несчастна — этого я до сих пор еще не знаю. Что она натура честная — это мне ясно; добра ли она — это еще вопрос. Да и существуют ли вполне добрые женщины, если они не глупы? и нужно ли это?* (Тургенев); *В чем единство воров, ты знаешь. Что есть единство чужого блага ради, тебе известно лучше нас. Что ты сам по себе, а все друг за дружку цепляются, и оттого намяли тебе бока — это ты и сам признаешь* (Ч. Амирэджиби).

Приведенные примеры раскрывают с очевидностью некоторые особенности модально-диктальной инверсии, и прежде всего внутреннюю диалогичность таких высказываний. Эксплицитный модус порождается диалогом — внутренним или явным. Он проистекает из принципа диалогичности речи: *Почему она несчастна? — Этого я не знаю → Почему она несчастна, этого я не знаю или Я не знаю, почему она несчастна; Добра ли она? — Это еще вопрос → Добра ли она, — это еще вопрос или Еще вопрос, добра ли она.*

Порожденный диалогом эксплицитный модус выражает отношение адресата к реплике говорящего. Этим задается возможная двумодальность высказывания. Модус может занимать по отношению к диктуму как начальную, так и конечную позицию (парентетической функции модуса мы не касаемся). В последнем случае пропозиция топикализована. Топикализация пропозиции повышает возможность двумодальности высказывания, поскольку вынесенный в конец модус соответствует второй реплике диалога и может выражать реакцию несогласия: — *Она очень добра. — Я в этом сомневаюсь = Что она добра, я в этом сомневаюсь.* Характерно, что тема поддерживается местоименной репризой, выраженной указательным местоимением.

Внутренняя диалогичность объясняет ряд особенностей и контекстов, характерных для пропозитивной темы. Последняя может соотноситься с утверждением и вопросом — общим и частным.

Всякое утверждение способно стимулировать не только реакцию на ту реальную ситуацию, о которой оно сообщает, но и реакцию на истинность сообщения; ср.: *Кажется, завтра будет дождь.* — (1) Надо снять с веревки белье (Не забыть бы зонтик), (2) Сомнительно (маловероятно, возможно). Реакции этого второго типа являются утверждениями об утверждениях. Их вызывают преимущественно сообщения недостоверной информации: прогнозы на будущее, предположения и мнения, то есть утверждения с шатким или субъективным истинностным значением. Говорящий, делая такое утверждение, часто заинтересован в том, чтобы узнать соответствующее мнение адресата. Это аппеляция к модусу. Реакции на них адресата поставляют пропозитивным субъектам модальные предикаты. Последние характеризуют утверждения, которые, хотя и не категоричны, но в то же время обладают вполне определенным ("выбранным") истинностным значением. Если адресат выражает реакцию несогласия, то его высказывание двумодально. Оно содержит утверждение, модус которого отличен от модуса утверждения-темы: *Она добра. — Это неверно →*

То, что она добра, (это) неверно. Модальности в этом случае взаимно-исключают друг друга. Имеет место полное несогласие участников диалога. Их суждения контрадикторны. Однако возможна и другая диалогическая ситуация, в которой адресат допускает (хотя бы словесно) возможность правоты собеседника, но в то же время сам придерживается иной точки зрения: — *Она добра. — Возможно, но я в этом сомневаюсь → То, что она добра, возможно, хоть и сомнительно.* Такое высказывание отражает определенную диалогическую тактику.

И в первом и во втором случае высказывание двумодально. В нем объединены разные точки зрения, отражающие позицию говорящего и "другого" (диалогического партнера, антагониста). Эти точки зрения могут обладать разной степенью категоричности и разной мерой совместимости, но они определены: и говорящий и "другой" выбрали удобные для себя позиции.

Пропозитивная тема может соответствовать не только утверждению, но и вопросу — общему, и частному. Если тема коррелятивна вопросу, то в ней может сохраняться дизъюнкция: *Добра ли она? — Это неясно → Добра ли она, неясно; Куда он пошел — в гости или на лекцию? — Не знаю (Мне неизвестно) → Куда он пошел — в гости или на лекцию, неизвестно.* Тема включает в себе альтернативы, т.е. суждение не определено (не выбрано). Предикат имеет при этом значение незнания, безразличия или утайки, соответствующее коммуникативной осечке: спрашивающий получает ответ, не содержащий нужных ему сведений. В сущности, он получает "неответ". Только в условиях экзамена (или его бытового аналога) "не знаю" квалифицируется как ответ, но и об экзамене чаще говорят *Он не ответил на этот вопрос, чем Он ответил, что не знает.*

Сказанное подтверждает связь анализируемых высказываний с диалогом. Обращение к диалогу помогает не только лучше понять природу и происхождение эксплицитных модусов, но также уточнить классификацию восходящих к ним предикатов.

Поиск наиболее естественных для номинализаций предикатов приводит к рассмотрению сложной и интересной проблемы модального партнера пропозиции, типов эксплицитных модусов, механизмов их взаимодействия с пропозицией.

Сказанное подтверждает связь эксплицитного модуса с диалогом. Некоторые модусы необходимо предполагают наличие адресата. Во внутренней речи не эксплицируется модус полагания (думаю, полагаю, считаю). Это диалогический вызов собеседнику, апелляция к его мнению. Обращение к диалогу помогает не только лучше понять природу и происхождение эксплицитных модусов, но и уточнить их классификацию. Проблема модального партнера пропозиции — это обширная тема. Ниже приводятся некоторые наблюдения, связанные с вполне конкретной задачей — определением условий выделения из высказывания пропозиции, с одной стороны, и возможностей передвижения модуса в позицию предиката — с другой.

ТИПЫ МОДУСОВ. ИНВЕРСИЯ МОДУСА И ПРОПОЗИЦИИ

Возможности инверсии модуса и пропозиции зависят прежде всего от семантики модуса. Значения эксплицитного модуса распределены по следующим основным планам: перцептивному (сенсорному), ментальному (когнитивному, эпистемическому), эмотивному и волеизъявительному (волитивному). Перфомативов, то есть плана речи, мы касаться не будем.

К сенсорному плану принадлежат модусы чувственного восприятия: *видеть, слышать, чувствовать, замечать, ощущать, слышно, видно* и др.

К ментальному плану принадлежат модусы, выражающие: 1) полагание (мнение): *думать, считать, полагать, представляться, казаться* и пр.; 2) сомнение и допущение: *сомнительно, возможно, может быть* и пр.; 3) истинностную оценку: *правда, ложь, верно, неверно, невозможно, невероятно, не может быть* и др.; 4) знание: *знать, быть известным*; 5) незнание, сокрытие и безразличие: *не знать, неизвестно, тайна, секрет, все равно, не существенно, еще вопрос, трудно сказать, еще не решено, не берусь судить* и т.п.; 6) общую аксиологическую оценку: *хорошо, плохо, дурно, скверно*.

К эмотивному плану принадлежат модусы эмоционального состояния и отношения: *грустно, жаль, противно, радостно* и т.п.

К волитивному плану относятся модусы: 1) желания и волеизъявления: *хотеть, требовать, приказано, велено* и др.; 2) необходимости: *необходимо, нужно*.

Некоторые из модусных слов имеют субъектную валентность. Таковы личные формы глаголов: *думать, считать, полагать, знать, сомневаться* и др. Для того, чтобы отвлечь эти глаголы от субъекта, они либо ставятся в неопределенно-личной форме (*считается, что ...*), либо вводятся модальным глаголом (*принято думать, что; можно полагать, что; можно усомниться, в том, что* и т.п.). Этот процесс мы будем называть объективацией, или имперсонализацией, модуса. Введение безличного глагола обычно не разрывает связь с субъектом мнения, и такие формы как *можно полагать (думать)* конвенционально воспринимаются как выражающие мнение автора речи. Форма *думается* употребляется только в ее отнесенности к лицу говорящего: *мне думается, что ...*, но не **ему думается, что ...*. Возвратное местоимение — знак невольного (неконтролируемого, но осознаваемого) ментального состояния, которое естественней всего соотносится с лицом говорящего. "Думается" необдуманное, "считается" просчитанное. Глагол *считаться* выражает результат целенаправленных мыслительных усилий, осуществляемых с участием воли и под контролем разума. Его возвратная форма получает значение неопределенно-личности, выражая общее мнение или мнение "другого": *думается мне, считается ими*. Форма *думается* не допускает отрицания. Она не употребляется в будущем времени. Этих ограничений нет у глагола *считаться*.

Многие модусные слова лишены субъектной валентности: *возможно, вероятно, нужно, необходимо, сомнительно, жаль, противно,*

хорошо, плохо и др. Если субъект специально не оговорен, суждение приписывается говорящему: *Жаль, что тебя не было на концерте; Приятно, что дети хорошо учатся*. Иногда таким формам придается значение солидаризации (эмпатии) с адресатом: *Как приятно, что твои дети хорошо учатся*. В литературном тексте автор может без специальных оговорок относить модус к герою повествования. Это один из признаков несобственно прямой речи.

Такие модальные слова, как *возможно* и *может быть* не всегда отражают точку зрения автора речи. Это модусы допущения, оставляющие говорящему свободу "отречения". *Возможно, что он и умен, но я в этом сильно сомневаюсь*. Они тяготеют к парентетической позиции: *Возможно, ты и прав, но я придерживаюсь иного взгляда*. Этот признак отличает модальные слова *может быть* и *возможно* от близких им по смыслу модусов *сомнительно*, *вероятно*, а также от отрицательных форм *не может быть*, *невозможно*. О вводном употреблении пропозициональных глаголов см. (Зализняк, Падучева, 1987).

Часть нейтральных модусов способна приобретать отнесенность к разным лицам: *ему жаль, мне грустно, ей нужно* и т.п. Этот процесс мы будем называть субъективизацией модуса. Другие нейтральные по форме модусы, такие как истинностная и аксиологическая оценки, модус допущения, не могут непосредственно присоединять к себе показатель субъекта. Они лишены субъектной валентности. Их атрибуция другому лицу производится через глагол полагания: *Он считает ложью, что волки жадны*.

Субъективированный и нейтральный по форме модусы пересекаются по таким параметрам, как атрибуция говорящему лицу и "другому", истинностная оценка в момент речи и в прошлом, способность/неспособность занимать вводную позицию, согласие/несогласие говорящего с субъектом суждения и некоторым менее существенным аспектам. Сейчас мы коснулись этого вопроса только потому, что форма модуса — субъективированная или нейтральная — влияет и на возможность инверсии, и на ее результат: личный глагол не может дать замкнутой субъектно-предикатной структуры, а нейтральный по форме модус, перемещаясь в позицию предиката, способен образовать грамматически завершенное двусоставное предложение; ср.: *То, что отец уехал, я знаю* и *То, что отец уехал, мне известно*. В первом случае пропозиция топикализована (она занимает место темы), во втором она является субъектом предложения. Мы не употребляем термин 'подлежащее', поскольку оставляем без обсуждения проблему согласования составов предложения (*то ... известно*), и идентичности прямых и инвертированных конструкций.

Предикаты чувственного восприятия ориентированы на актуальное состояние мира в его предметном, процессуальном и событийном аспектах. Человек воспринимает индивидуальные объекты, непосредственно входящие в его перцептивную зону. В этом своем значении предикаты восприятия не выражают пропозициональных установок. Однако восприятие не отделено от ментальных операций,

таких как отождествление, таксономия, интерпретация, извлечение импликаций и др. Вследствие этого перцептивные глаголы по-разному и в разной степени развивают эпистемические смыслы, а вместе с ними и способность вводить пропозицию, приобретая тем самым функцию глаголов пропозиционального отношения. Ниже мы остановимся на этой их функции.

Вопрос о том, насколько велика дистанция между восприятием и мышлением, обсуждался практически всеми философскими школами и когнитивно ориентированными психологическими направлениями. В античной философии познание нередко отождествлялось с восприятием, что не мешало греческим мыслителям полагать, что подлинное знание относится к вечному и неизменному, между тем как объект восприятия находится в постоянном движении и изменении (Хинтиikka, 1980, с. 355—429, особенно 410—411). Р. Декарт, расширенно понимавший мышление как все то, что присутствует в сознании человека, будь то воспринимаемые образы или суждения (этому вопросу посвящено третье из его "Метафизических размышлений"), не противопоставлял чувствований интеллекту (Декарт 1950, с. 352). Декарт полагал, что в состав чувствований, эмоций и ощущений, входят мысли. Содержание души, по Декарту, пропозиционально. Впрочем другие философы, в том числе и предшественники Декарта, например, схоласты, на идеи которых он во многом опирался, все же отделяли восприятие от ментальных действий и состояний, указывая на различия в свойствах их формальных объектов: восприятие может иметь своим объектом только конкретные (индивидуальные) предметы; объекты мысли, напротив, всегда нематериальны, т.е. пропозициональны (см. подробно: Vendler, 1972, гл. VII). Объекты восприятия, как подчеркивает З. Вендлер, принадлежат *res extensa*, а не *res cogitans* (с. 162). Но и Декарт, не отождествлял полностью мышление и восприятие. Он, в частности, усматривал разницу между восприятием и актами мысли в том, что в эти последние, в отличие от первого, вовлечена воля, участвующая в механизмах утверждения и отрицания.

Ассоциирование воли с разумом (а не действием практического типа) характерна и для других философов. Спиноза отождествлял разум и волю ("Воля и разум — одно и то же"). Под волей он разумел "способность утверждения и отрицания, а не желание, по которому душа домогается какой-либо вещи или отвращается от нее" (Спиноза, 1957, с. 446—447). "Волевая" интерпретация разума сближала ментальные и практические действия, но укрепляла оппозицию воли и желания. С этим принципом связано проводимое Декартом деление мыслей на действия (волеизъявления) и страсти. Действия состоят из пропозиционального содержания (идеи) в сочетании с некоторой волевой ментальной рамкой. Страсти души, или "пропозициональные страсти", как позднее назвал их З. Вендлер, состоят из идеи и эмотивной рамки, создаваемой страхом, надеждой, опасением и т.п.

Беркли, в отличие от Декарта, четко разделял восприятие и мышление. "Одно дело воспринимать, а другое — судить ...". Вещи внушаются и воспринимаются чувствами. С помощью разума мы высказываем

ваем суждения и делаем выводы" (Беркли, 1978, с. 145). Впрочем в одном отношении Беркли все же сближал восприятие и мышление: и то и другое осуществляет операции со знаками. Бесконечно разнообразные модификации света и звука, способные давать неограниченное разнообразие знаков, — полагал Беркли, — создают свой естественный язык. Знаки этого языка находятся между собой в естественной, хотя и не необходимой связи (с. 144). Беркли усматривал участие семиологического принципа в механизме синтеза гетерогенных сенсорных восприятий. Зрительные впечатления создают иллюзию гомогенности воспринимаемых свойств (например, того, что доступно осязанию, слуху и зрению) благодаря наличию между ними естественной связи (с. 146—147). Мир искони воспринимался как книга, которую следует научиться читать, но принципы чтения менялись. Беркли предлагал своего рода "перцептивный код" дешифровки чувственно воспринимаемой действительности.

Распространение семиотического принципа на область естественного взаимодействия человека и мира в конечном итоге привело к концепции человека как "символического существа", т.е. существа, способного к семиотической деятельности (Cassirer, 1970, ч. I, гл. 2; анализ концепции Кассирера см.: Свасьян, 1981).

Современная когнитивная психология настаивает на неразрывной связи восприятия с эпистемическими процессами. То, какую сторону предмета или явления воспринимает человек, зависит от его установки, предопределяемой ситуацией и конвенциональной категорией стимулов (Найссер, 1981, с. 93 и сл.).

Здесь для нас важно подчеркнуть следующее. Значение пропозиционального отношения непосредственно связано с ментальным (когнитивным, эпистемическим) модусом. Оно может быть присуще другим предикатам лишь в той степени, в какой они включают в свое значение когнитивный компонент, позволяющий им вводить пропозицию. Для глаголов восприятия этот компонент вторичен — он вырастает из перцептивных смыслов, произведен от них, что в ряде случаев подтверждается этимологическими данными; так нем. *wissen*, швед. *veta* восходят к предикату зрительного восприятия. Когнитивный цикл развивается от восприятия к знанию. Эмоции имеют под собой когнитивную основу: они базируются на знаниях и предположениях. Когнитивный компонент в них первичен относительно эмотивного. Поэтому переход в категорию глаголов пропозициональной установки связан для них с побледнением эмотивного значения и выдвижением на первый план эпистемического смысла; между тем для глаголов восприятия этот переход сопровождается развитием в них нового — когнитивного — значения. Волеизъявление основано на "планирующей" и коррегирующей деятельности разума, и оно, также как эмоции, следует за когнитивной (ментальной) фазой. Хотя в значении предикатов пропозициональной установки ментальные смыслы сложно переплетены с перцептивными, эмотивными и волеизъявительными, в этом переплетении есть определенная упорядоченность, вносимая отношением к фазам развития психических процессов.

Способность к приобретению когнитивных значений различна у разных перцептивных глаголов. Она зависит от первичного значения глагола, в частности его семантического типа, а также от специфики конкретных языков. Значение пропозициональной установки несовместимо с обозначением деятельности. Оно поэтому не развивается у таких глаголов как *слушать*, *смотреть*, *нюхать*, *ощупывать*. Оно возникает у глаголов результативной, "констатирующей" семантики (*слышать*, *видеть*, *чувствовать* и под.).

Один из перцептивных глаголов — обычно это "глава" перцептивной иерархии — начинает более активно развивать когнитивные смыслы, чем другие предикаты поля восприятия. Чаще всего это предикат зрительного восприятия, занимающий доминирующее положение в иерархии чувств (Viberg, 1984, p. 147–149), но возможен также предикат слуха. Любопытно отметить, что доминирующая позиция визуального восприятия дает о себе знать и в таких философских терминах как *мировоззрение*, *миросозерцание*. Однако в концепциях, обращенных к временному аспекту мира, к потоку происходящего, быстротекущим ощущениям (ср. разные версии экзистенциализма), акцент перенесен на "мировнимание" (М. Хайдеггер призывал *внимать* миру). Но и ход изменяющих мир событий может восприниматься по-разному. Прозаики и публицисты предпочитают говорить о "зримых приметах времени", поэты — о "шуме времени" и "музыке революций".

Совершенно особую и очень интересную проблему составляет употребление перцептивных глаголов для обозначения восприятия при помощи "шестого чувства" (интуиции), дающего познание и прозрение. Его объекту всегда приписывается знаковая природа. Кроме универсального глагола *чувствовать* (*чуять*), интуиция обуславливается по преимуществу предикатами зрения и слуха; ср. *внутренний слух* и *внутреннее зрение* (*прозрение*), *тайнослушание* и *ясновидение*. Это в большей мере зависит от интра- или экстравертной направленности восприятия, а также от природы воспринимаемого объекта; так, пророчества и предсказания словесны и человек воспринимает их внутренним слухом; ср. у Ходасевича: *Психея! Бедная моя! Дыханье робко затая, внимать Не смеет и не хочет: Заслушаться так жутко ей Тем, что безмолвие пророчит В часы мучительных ночей*. Это очень типичный пример.

В целом можно предположить, что зрительные образы легче поддаются когнитивной обработке, чем слуховые впечатления. Первые больше связаны с чувственной и рациональной природой человека, вторые ассоциируются скорее с его иррациональным началом. В этом смысле интуиция ближе к слуху, чем к зрению.

Для индоевропейских языков, по-видимому, характерно выдвижение на первый план глагола зрительного восприятия. На это обращал внимание уже Бл. Августин: "Видеть — собственно дело глаз. Но мы пользуемся этим словом и для остальных чувств, если речь идет о познании <...> Мы не только говорим: *погляди, как светло*, о чем могут дать знать только глаза, но и говорим также: *смотри, как звучит, гляди, как пахнет, гляди, как вкусно, смотри,*

как *твердо*. <...> Дело созерцания, которое преимущественно принадлежит глазам, присваивается и прочим чувствам, когда посредством их приобретаются какие-либо знания" (Исповедь Бл. Августина в 13 книгах. М., 1914. С. 287). Дж. Беркли четко поставил вопрос о том, "как происходит, что мы с помощью идей зрения постигаем другие идеи, которые непохожи на них, не причиняют их, не вызываются ими, не имеют какой-либо необходимой связи с ними" (Беркли, 1978, с. 145).

Л. Витгенштейн в характерной для него манере автодиалога писал: "Есть ли что-нибудь удивительное в сочетании зрения и мышления? — Нет. Многие наши концепты пересекаются в этом пункте" (Wittgenstein, 1958, p. 197).

Возможна, однако, и другая языковая ситуация. Так, в грузинском языке когнитивные значения ассоциируются преимущественно со слуховым восприятием. Имена *goneba* 'разум' и *goni* 'разум, дух' (в философском смысле) связаны с глаголом *ga'-goneba* 'слышать'. С именем *steba* 'слух' связаны значения понимания и знания: *me-smi-s* 'слышу/понимаю, знаю'. Даже *qigeba* 'смотреть' (в древнегрузинском он означал 'слышать') произведен от *qigi* 'ухо' (пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить М.В. Мачавариани за интересные сведения о грузинском языке).

В русском языке наиболее эпистемически активен глагол *видеть*. С ним может соперничать только глагол *чувствовать*, но за недостатком места, он не включен в анализ.

Философы, психологи и офтальмологи уже давно заметили, что поступающая через зрение информация не сводится к цвету и свету. Она не сводится даже к формам, чувству расстояния, плотности. Она гораздо богаче. В нее включены процедуры узнавания, классификации, интерпретации, установления каузальных и иных связей. Не случайно Дж. Беркли писал, что "зрение является языком Творца природы" (Беркли, 1978, с. 143). Подчеркивая, что зрительное восприятие во многом зависит от сложившихся концептов, Л. Витгенштейн специально выделял "визуальную установку" (*visual attitude*), способ видения (*seeing as*) (Wittgenstein, 1958, p. 197, 204–205). В зависимости от визуальной установки человек может в одном и том же рисунке увидеть изображение разных объектов, например, утки и кролика (см. образ *duck-rabbit* в: Wittgenstein, 1958, с. 194).

В логико-философской литературе предложения, в которых глагол *видеть* вводит предметный объект, приписывается разная логическая структура в зависимости от того, как этот объект обозначен: "оптически" (*что-то красное, мерцающее пятно*) или "эпистемически" (*звезда, планета*) (Вежбицка, 1986, с. 340, 341, 347 и сл.). В первом случае имеет место обычная структура с двухместным предикатом типа *f* (*x*, *y*); во втором можно говорить о конъюнкции двух суждений: *f* (*x*, *y*) & (*y*-*z*).

Зрительному восприятию сопутствуют следующие ментальные операции: 1) таксономия (отнесение к классу), 2) идентификация индивида (узнавание), 3) интерпретация, 4) выявление импликаций. Первые два акта основаны на сравнении с образом, то есть определении

сходств и различий, третье — на установлении знаковых отношений, "прочтении", четвертый — на знании каузальных, следственных и др. связей. Предложения зрительного восприятия (даже с предметным объектом) разлагаются на перцептивную и эпистемическую пропозиции. Вторая может оказаться ошибочной и вызвать возражение. Примеры: 1. *Я вижу мяч* (= Я вижу шарообразный предмет. Мне кажется, что это мяч) — *Это не мяч, а воздушный шар*. 2. *Я вижу Иванова* (= Я вижу человека. Мне кажется, что это Иванов). — *Нет, ты обознался. Это не Иванов, а Соколов*. 3. *Я вижу, что он плачет* (= Я вижу слезы на его глазах и интерпретирую их как знак того, что он плачет). — *Нет, он не плачет. У него слезятся глаза от дыма*. 4. *Я вижу, что собирается дождь* (= Я вижу тучи и заключаю, что будет дождь). — *Нет, ветер уносит тучи в другую сторону*. Возражение направлено на когнитивный акт.

Таким образом, зрительное восприятие совместимо не только с достоверным знанием, но также с незнанием или неуверенностью: — *Видишь, что я держу в руке?* — *Вижу, но не знаю, что это такое*. Вместе с тем предложение *Я вижу кусок шелка, но не знаю, какого он цвета* в общем случае будет отвергнуто адресатом (мы оставляем в стороне экзотические ситуации), поскольку цвет и свет являются "собственными" объектами зрения. Можно сказать *Я вижу что-то качающееся на волнах. Думаю, это лодка*, но неприемлемо: *Я вижу шелк. Думаю, что он синий*. Предикаты, базирующиеся на сенсорных данных, несовместимы с модусом полагания. В случае нужды (например тогда, когда речь идет о смутном впечатлении или воспоминании) говорят *Мне кажется, что шелк синий*.

Личный субъект перцептивного глагола синкретичен. В нем совмещены две роли — роль субъекта опыта, восприятия (*experiencer*) и роль субъекта ментального действия, агенса.

Зрительное восприятие непосредственно направлено на предмет в его динамических и статических состояниях. Состояния предмета так или иначе интерпретируются субъектом восприятия. Отделяясь от предмета, они концептуализируются и получают отдельную номинацию: *Я видел мальчика. Он ехал верхом* → *Я видел едущего верхом мальчика* → *Я видел, как мальчик ехал верхом*. Способность восприятия к анализу, расчленению понятия предмета и его актуальных состояний уже само по себе сближает его с эпистемическим модусом. Глаголы восприятия, подобно когнитивным предикатам, получают возможность управлять придаточным предложением. Если изъяснительное придаточное, следующее за ментальными глаголами, вводится союзом *что*, то перцептивные предикаты соединяются с придаточным при помощи местоимения *как*. Оно служит показателем того, что перцептивные глаголы имеют в качестве своего объекта доступную восприятию действительность. Мы видим, как разворачиваются события, как протекают процессы, как расположены предметы, как осуществляются действия, как живут люди, но знаем, что все это происходит, случается, сбывается, существует, осуществляется и живет, или, наоборот, не происходит, не протекает, не осуществляется и не обитает в мире.

Местоимение *как* устанавливает контакт между модусом восприятия и предикатом придаточного. Если *думать, что ...* управляет "сокровенной" связкой, или предикативным отношением, организующим суждение (см. подробно ниже), то *видеть (слышать), как ...* формально управляет предикатом, поскольку местоимение *как* связано с глаголом: оно замещает зависящее от глагола наречие (даже если последнее не может быть эксплицировано). Поэтому придаточное после перцептивных глаголов допускает (хотя и не всегда) свертку к полной номинализации или событийному имени: *Я видел наступление наших войск (войну, битву, прошлогоднее наводнение, вчерашнюю бурю и пр.)*. После глаголов слухового восприятия, непосредственно не направленного на предмет, придаточное всегда эквивалентно полной номинализации: *Я слышал скрип (хрип, лай, хrap, визг и пр.)*.

Местоимение *как* частично утрачивает прономинальную функцию (оно не замещает конкретных наречий). В высказываниях с модусом восприятия *как* отделилось от других вопросительных местоимений и приобрело особую роль, близкую к союзной; ср.: 1) *Я видел, как ты на меня смотрел. — Скажи: как я на тебя смотрел? Я не понимаю, что ты имеешь в виду* и 2) *Я видел, как они возвращались. — Скажи: когда это было?* (но не **Скажи: как же они возвращались?*).

Вместе с тем, *как* нельзя считать и союзом, вводящим фактообразующее (пропозитивное) значение. Это подтверждается тем, что после *как* избегается синтаксическая негация, несовместимая с процессуальной (событийной, онтологической) семантикой (Рассел, 1957, с. 155). Нельзя сказать **Я видел, как не остановился поезд*. Можно быть очевидцем только того, что заполнило "пустоту", создаваемую отрицанием: *Я видел, как поезд прошел мимо, не останавливаясь*. То, что не осуществляется, не может иметь способа осуществления. Образ действия, процессы, протекающие во времени, конфигурация предметов в пространстве служат признаками наблюдаемого и ощущаемого мира¹: *как* — показатель событий и процессов, *что* — знак фактов и пропозиций.

Нельзя считать, *как* союзом еще и потому, что оно не может вводить придаточные, предикат которых не имеет валентности на наречие образа действия (в широком смысле). В *как*-придаточных не может, в частности, фигурировать адъективное сказуемое: **Я вижу, как лампа зеленая*. Однако уже в контексте *как*-придаточных начинается переход от зрительных образов к суждениям.

В *как*-придаточных может быть выражено не только значение процесса, но и значение события, мыслимого вне временной протяженности; ср.; *Я видел, как они шли домой* и *Я видел, как они пришли домой*. В первом случае могут иметься в виду образы (кадры) фрагмента действительности, во втором, скорее, констати-

¹ Если не сказано, *как* проходило событие, его нельзя себе представить. В ответ на сообщение С.С. Высотского об одной защите диссертации А.А. Реформатский писал: «... в вашей реляции мало "мяса" для умов восторженных, к коим я имею честь принадлежать. Меня же интересует, что было дальше, кто что сказал, кто что ел, кто упился и плясал, кто мирно опочил в упитии. Вообще, люблю "как"!» (Ильина Н. Дороги и судьбы. М., 1985. С. 517).

руется факт. В предложении *Я видел, как косят траву* происходит абстрагирование от частного случая. Речь идет о приобретенном знании.

Высказывалось мнение, что как в отличие от *будто* "сигнализирует о полном совпадении позиций субъекта сообщения и говорящего лица, оценивающего это сообщение как вполне достоверное" (Кручина, 1978, с. 176). Перцептивное значение постепенно сближается с когнитивным: восприятие влечет за собой знание разной степени достоверности, и это отражается на языковом употреблении.

В текстах, особенно диалогических, употребление глаголов восприятия и знания постоянно пересекаются: — *Ты знаешь, кто пришел?* — *Да. Я видел* (или: *Знаю. Видел*). Речь идет о достоверном знании. Общность модусов восприятия и знания выражается, в частности, в том, что в придаточных, вводимых теми и другими, допускается прономинализация ремы: *Я видел (знаю), кто пришел, Я слышал (знаю), о чем ты разговаривал*. На важность этих признаков при различении групп пропозициональных глаголов указал З. Вендлер (Vendler, 1979, р. 223). Оба модуса (знания и восприятия) соотносятся с придаточным, выражающим известную информацию, вследствие чего его рема и может замещаться местоимением.

Употребление отрицания при перцептивных глаголах также сходно с правилами негации при модусе знания. Отрицание и в том и в другом случае сочетается с *как-придаточным*: *Я не видел, как они возвращались; Я не знаю, как это делается*. Отрицание не распространяет своего действия на истинностное значение придаточного. Предложение *Я не видел, как он возвращался* опирается на presupпозицию истинности придаточного. Если такой предпосылки нет, в придаточном должна быть дизъюнкция истины и лжи или неизъявленное наклонение: *Я не видел, ушел он или нет; Я не видел, чтобы он уходил*. Первое выражает незнание, второе — сомнение.

Сближаясь с ментальной пропозициональной установкой, констатирующие глаголы *слышать, видеть, ощущать, чувствовать* получают возможность управлять *что-придаточным*: *Я видел, что соседи вернулись; Он слышал, что кто-то стучал в дверь*. Подобные предложения легко интерпретируются в когнитивном смысле: *Я видел, что соседи вернулись* = Достоверно, что соседи вернулись, поскольку я видел, как они возвращались; или: У меня есть основания считать, что соседи дома, поскольку я видел, как они возвращались домой. А. Вежицкая отметила, что предложения, начинающиеся с *видеть, что* ... обычно не могут служить ответом на вопрос *Что вы видите?* (Вежицкая 1986, с. 360). Они оторвались от акта зрительного восприятия. Вежицкая называет такие предложения эвиденциальными заключениями (с. 361).

Когнитивное значение модуса часто побуждает предпочесть в *что-придаточных* совершенный вид глагола, отвлекающий действие от временной протяженности и этим сближающий событийное значение с фактообразующим; ср.: *Я видел, как он садился на поезд* и *Я видел, что он сел на поезд*. В последнем предложении из процесса как бы экстрагируется факт.

Еще бо́льшая степень деактуализации наступает тогда, когда пропозиция теряет отнесенность к конкретному событию. Глагол *видеть* весьма часто относится к суммарному опыту экстравертного наблюдения, выводу из далеко не только зрительных впечатлений, полученных в разное время (это значение отмечается толковыми словарями): *Мать видела, что дети что-то от нее утаивают*. В этом случае возможен только союз *что*. Точно так же употребителен только союз *что* в ситуации, когда говорящий обращает внимание на самоочевидность того, что ему сообщают: *Я прекрасно вижу, что Коля идет в школу. Незачем мне об этом говорить* (= Не слепой. Сам вижу). Это реакция на суждение "Коля идет в школу". Ответ, поэтому, сохраняет форму суждения, выражающего достоверное знание.

Глагол *видеть* может получать и другие когнитивные смыслы. Он сближается с модусами полагания и сомнения: *Я вижу, что ты чем-то недоволен (что ты на меня сердись)*; *Я не вижу, чтобы ты усердно трудился*. Выбор перцептивного модуса прагматически обусловлен желанием говорящего либо отвести возможные возражения адресата, либо, напротив, побудить его снять сомнения, объяснив факты. В приведенных контекстах замена как на *что* обязательна. Придаточное выражает фактообразующее значение и может включать отрицание. В нем содержится новая информация. Поэтому присутствие в придаточном вопросительных местоимений невозможно; ср.: *Я вижу (=знаю), кто в тебя влюблен* и *Я вижу, что Иван в тебя влюблен*. Во втором предложении глаголу *видеть* соответствует мнение, сформированное на основе впечатлений и наблюдений. Это возможно тогда, когда речь идет о невидимом, но все же "мерцающем" мире.

Форма *Я не вижу, чтобы ...* ближе всего по значению к модусу сомнения: *Я не вижу, чтобы он усердно трудился* = Я сомневаюсь, что он усердно трудится, и мое сомнение основано на наблюдении.

Будучи связаны с прагматической установкой, эти значения обычно проявляются в 1-м (реже 2-м) лице. В предложении *Он видел, что его обманывают* выражено достоверное знание. "Всеведающий" автор подтверждает истинность суждения. Такое предложение не допускает опровержения: **Он видел, что его обманывают, но ошибался*. В предложении *Я вижу, что ты меня обманываешь* выражено скорее предположение, догадка. Адресат или третье лицо могут возразить: — *Я вижу, что меня обманывают. — Ты ошибаешься*; ср. также: *Я явственно видел, что меня обманывали, но, как оказалось, ошибся*.

Эпистемические смыслы отвлекают "в¹идение" от наблюдаемого внешнего мира и могут обратить его на внутренний мир. Обозначая "внутреннее зрение", глагол *видеть* синонимизируется с глаголами *понимать* и *сознавать* (*осознавать*, *осознать*), семантически между собой близкими: *Я вижу (понимаю), что неправ; Сознавать всегда хорошо. На этот раз я увидел (осознал), что не принадлежу к числу людей, разьедаемых сомнениями*.

Глагол *видеть*, переключаясь в когнитивный план, колеблется между значениями, характерными для ряда ментальных модусов. Эти колебания связаны с различиями в истинностном значении вводимыми пропозиции. Перцептивные данные играют большую роль в установлении истины, причем очевидец всегда ценится больше, чем "слух". Целая серия модальных слов базируется на значениях зрительного восприятия: *видно, видимо, очевидно, по-видимому, как видно, как я вижу, как видишь, ясно*. Положение слов "сенсорной модальности" на шкале истинностной оценки зависит от двух факторов: от их синтаксической позиции и (для личных оборотов) от лица глагола. Позиционная зависимость может быть показана на примере слов, способных занимать разные позиции.

В позиции предиката сенсорные модальные слова повышают шансы на истинность пропозиции. Функция предиката более определена, чем функция модуса: *То, что он недоволен, (это) видно; Что вы ее не любите, очевидно*. В парентетической позиции слова сенсорной модальности снижают истинностную оценку, выраженную в суждении, снимают категоричность утверждения, что, вообще говоря, для перцептивных значений не характерно: *Очевидно, он недоволен; Он, очевидно, недоволен; Вы, видно, не в курсе дела; Мы, видно, опоздали на поезд*. Закрепление за безличными (сенсорными) значениями парентетической функции бесспорно уводит их в эпистемическую сферу и столь же безнадежно заменяет свойственное модусу восприятия значение достоверности значением предположительности: *видимо, по-видимому, как видно*, вообще не могут иметь иного значения.

В позиции модуса сенсорные модальные слова выражают серединную истинностную оценку между значением достоверности (в предикате) и недостоверности (в парентетической позиции): *Очевидно (видно), что он не придет*. Снижение шансов на истинность объясняется, по крайней мере, в некоторых контекстах, тем, что "сенсорный приступ" нередко вводится говорящим для того, чтобы снять сомнения в правильности исходных предпосылок своего рассуждения: *Очевидно, что кошки и собаки не уживаются в одном доме. Поэтому, раз у вас уже есть Барсик, вам не следует брать собаки*. Модальный старт часто связан с прагматическими задачами. Он раскрывает адресату коммуникативные ожидания говорящего. Начиная высказывание с *очевидно, что ... ясно, что ...* говорящий хочет этим нейтрализовать попытку собеседника оспорить суждение.

Парентетические модальные выражения, содержащие глагол в личной форме, снижают истинностную оценку, если глагол стоит в первом лице: ср.: *Я вижу, что ты устал* и *Ты, как (я) вижу, устал*. Второе предложение менее категорично, чем первое. Однако, если говорящий апеллирует в подтверждение своего сообщения к восприятию собеседника то истинностная оценка повышается: *Отец, слышишь, рубит; Мальчик, как видишь, ушел*.

Апелляция к восприятию собеседника нередко делается с целью обратить его внимание на происходящее: *Слышишь, идет поезд; Видишь, мальчики катаются на коньках*. Это классические предложения наблюдения, истинность которых обычно не ставится под сомнение,

но все же его допускает (см. выше). Апелляция к восприятию собеседника не имеет статуса вводного слова, но ее нельзя идентифицировать и с модусом, поскольку пропозиция не вводится ни союзом, ни местоимением. Это своего рода объединение двух самостоятельных, но неравноценных высказываний; ср. *Соловей поет. Слышишь? На дороге бревно лежит. Разве ты не видишь?*

Модус восприятия и сенсорные предикаты дают богатейший материал для наблюдений над формированием суждения, переходом от событийной семантики к пропозициональной (фактообразующему значению), над синтаксисом модальности и многим другим. Для наших целей важно подчеркнуть, что до тех пор, пока перцептивный глагол сохраняет прямую связь с придаточным, высказывания с сенсорным модусом не могут стать источником фактообразующего значения. Предикаты ощущений не способны характеризовать неполную номинализацию предложения. Они могут быть предикатами только при полной номинализации и при *то-как-субъекте*, обозначающем протекающий в предметном мире процесс: *То, как мальчики дерутся, мне видно; То, как Собинов исполняет партию Ленского, я не слышал* (= Я не слышал его исполнения партии Ленского). Этот класс предложений, пока в нем сенсорное значение не пустило эпистемических "побегов", оказывает инверсии наиболее упорное сопротивление. Даже в тех случаях, когда придаточное предложение содержит уже известную информацию, оно обычно не выдвигается на первое место: *Тебе видно, как дети пляшут? — Да, мне видно, как они танцуют.*

Выше было показано, что перцептивный модус (для русского языка, прежде всего, глагол *видеть*) способен непосредственно преобразовываться в эпистемический. Это повышает его уровень в когнитивном цикле: *Я вижу выражение его лица. Думаю, что он недоволен — Я вижу, что он недоволен.* Следующим этапом развития когнитивного цикла является богатый и сложный по своему составу ментальный модус.

Модус ментального плана распадается на несколько разрядов.

Первый разряд — модус полагания (*belief*). Он может быть предпослан практически любому предложению, в том числе и такому, которое уже содержит модус. Связывая суждение с говорящим субъектом, он образует прагматическую рамку, входя в которую предложение становится высказыванием (о соотношении предложения и высказывания см. Бенвенист, 1974; Падучева, 1985, гл. 2, § 5). Модус полагания — это знак связи суждения с его автором (об авторизации суждений см.: Золотова, 1974, 1982). Его значение реляционно.

Модус полагания предназначен для введения сообщения. Однако есть случаи, когда он неупотребителен. Соотносительное с этим модусом сообщение всегда пропозиционально¹.

Квазиуниверсальный модус полагания требует определенных условий для того, чтобы стать эксплицитным (Дмитровская, 1985, гл. 3). Обычно он выражается тогда, когда вводит мнение, истинность

¹ Некоторые авторы отрицают пропозициональный статус конструкций, вводимых глаголами пропозициональных установок (Сааринен, 1984).

которого недостоверна и которое может быть оспорено. Он иногда эксплицирует¹ специально для того, чтобы пригласить собеседника к модальному диалогу. Модус полагания не употребляется при глаголах сенсорного восприятия, которые (по крайней мере в настоящем актуальном) не допускают оспаривания истинностного значения сообщения. При глаголах восприятия показателем недостоверности служит выражение *мне кажется*: *Мне кажется, что я вижу, как распускаются цветы; Мне кажется, что я слышу (слышал), как открывается (скрипнула) дверь.*

Хотя модус полагания принадлежит ментальному плану, он не способен выполнять функции предиката в применении к пропозиции. Иными словами, содержащие его высказывания не допускают инверсии: *Я полагаю (считаю, думаю), что собрание отменили* → **То, что собрание отменили, я полагаю (считаю, думаю).* Даже формальная объективация модуса не открывает возможности инверсии: **То, что собрание отменено, считается (думается).* Невозможность инверсии в этом случае обусловлена совсем другими причинами, чем при модусе сенсорного восприятия. Их следует связать с тем, что при глаголах полагания пропозиция замещается признаковым (адвербальным) местоимением *так* (а не *это*), выявляющим ее непредметный семантический статус. Анафора основана в этом случае на идее сходства, подобия, а не тождества.

Тогда, когда вводится новая информация, пропозиция, естественно, воспринимается со стороны смысла. Смысл, еще не верифицированный, не "слившийся" с действительностью, замещается местоимением *так*; ср.: *Случилось так, что с утра началась метель* и *То, что с утра началась метель, помешало нашему отъезду.* Мы никоим образом не хотим сказать этим, что признаковое местоимение *так* не может занять место темы сообщения. Таких случаев сколько угодно: *Так было, так будет; Так не бывает.* Мы только обращаем внимание на то, что *так* и *это (то)* в функции заместителя пропозиции взаимодополнительны.

Симптоматично, что при наличии отрицания инверсия модуса и диктума не столь одиозна, как без него: *То, что мой друг может совершить нечестный поступок, я этого не думаю (не считаю).* Отрицательный модус, содержащий возражение, может нести на себе логическое ударение, соотносительная с ним пропозиция заключает в себе уже введенную информацию. Это облегчает вынос модуса в позицию ремы: *То, что волки жадны, я этого не думаю. Они просто вечно голодны* или *Что волки жадны, я так не считаю*, но не **То, что волки жадны, я так считаю, *Что волки жадны, я думаю.* (Можно: *Волки жадны. Я так считаю*). При отрицании предпочтение отдается местоимению *это*.

Итак, предложения, зависящие от модуса полагания, не допускают внутренней коммуникативной перестройки (инверсии модуса и пропозиции). Номинализуясь, они отбрасывают модус полагания и выходят в сферу собственных синтаксических связей. Вопрос о немодусных предикатах, способных характеризовать *то-что*-значение, будет рассмотрен нами особо.

Второй разряд ментальных модусов составляет модус сомнения и допущения: *сомнительно, маловероятно, сомневаюсь, не верится, еще не доказано, отнюдь не факт, маловероятно* и т.п. Выражая отношение к истинностному значению пропозиции, принимаемой как уже введенная в коммуникативный фокус данность, а не как новая информация (сообщаемое), эти модусы ментального отношения в большинстве случаев допускают инверсию: *То, что противным сторонам удастся достигнуть соглашения, сомнительно.*

При отсутствии указания на лицо модус воспринимается как выражающий точку зрения говорящего: *сомнительно* = я сомневаюсь, *маловероятно* = я считаю маловероятным. Говорящий оценивает суждение скорее как ложное, чем как истинное. В диалоге такие реплики, как *сомнительно, маловероятно*, обычно следуют за позитивным высказыванием и выражают несогласие с собеседником. Эта же функция сохраняется и в позиции предиката: *То, что волки жадны, сомнительно (еще нужно доказать, отнюдь не факт, скорее всего вымысел баснописцев, неправдоподобно и т.п.).*

Предикаты этой группы относятся к пропозиции с вполне определенным истинностным значением, причем позитивным. Они открыто ставят его под сомнение: говорящий склонен считать более приемлемой противоположную истинностную оценку. Категория истинности—ложности рассматривается не как бинарная оппозиция (дизъюнкция), а как шкала вероятностных оценок.

Модусы допущения *возможно* и *может быть* (не в парентетической функции) также разрешают инверсию: *Вполне возможно, что брат уже приехал* → *То, что брат уже приехал, вполне возможно.* Эти предикаты способны в равной мере характеризовать как позитивные, так и негативные пропозиции: *То, что брат ничего об этом не знал, вполне возможно.* Высказывание не исключает альтернативной ситуации (того, что брат об этом знал). Предикат *возможно*, не создавая контрадикторности, может характеризовать пропозиции с противопоставленным истинностным значением. Однако, он не может относиться к дизъюнкции того и другого. Нельзя сказать: **Возможно или то, что он придет или то, что он не придет; *Возможно, что он придет или не придет.* Такие высказывания были бы лишены информативности. Допуская обе возможности, этот предикат способен характеризовать их конъюнкцию, но не дизъюнкцию: *И то, что он придет, и то, что он не придет, одинаково возможно.* Смысл такого сообщения состоит в указании на паритет шансов, равновероятность.

Предикаты *возможно, может быть* относятся, как и предикаты сомнения, к выбранной, фиксированной пропозиции. Предикаты возможности способны выражать допущение точки зрения собеседника, которое, однако, не исключает несогласия с ним: *То, что все соберутся во-время, вполне возможно, но сомнительно (я в этом сомневаюсь).* Модусы и предикаты этого типа снимают спор, но не различия в вероятностной оценке. Допущение иной точки зрения не мешает говорящему считать свое мнение более обоснованным

или правдоподобным. Разногласие имеет количественный характер; оно касается балла истинности.

Третий тип ментальных (эпистемических) модусов — истинностная оценка: *правда, верно, ложно, не может быть, исключено*. Они не допускают градуирования по шкале вероятностей. Модальные слова этой категории, вводящие *чтобы*-придаточные, закреплены за начальной позицией: *Невозможно, чтобы он не сдержал обещания*. Они не поддаются инверсии. Тематизация придаточного несовместима с неизъявительным наклонением, обусловленным в данном случае отнесенностью суждения к будущему времени. Модальные слова *невозможно, не может быть* замещают модусы истины и лжи, когда речь идет о суждениях, не поддающихся верификации; ср.: *Правда (неправда, ложь), что он не сдержал своего обещания и Не может быть, чтобы он, не сдержал своего обещания; Неправда, что я это говорил (так думаю) и Не может быть, чтобы он так думал*.

Положение в начале и конце предложения немодализованных слов одинаково естественно: *Правда, что вы помирились? То, что мы помирились, правда (неверно)*. Однако в начальной позиции модусы истины или лжи употребляются редко. Автономное высказывание не нуждается в такого рода старте. Вопрос же нередко начинается со слов *правда, что ..., верно, что ..., возможно ли, что ...*: *Правда, что слоны в диковинку у вас?* Такое начало является знаком выбранности исходной предпосылки вопроса. Модус вопроса подсказывает предикат ответа: *То, что слоны в диковинку у нас, истинная правда (совершенно верно, никак нельзя отрицать, несомненно, очевидно, ясно всякому, теперь уже не соответствует действительности и т.п.); То, что волки жадны, ложь (клевета, выдумки, сплетни, ерунда, чушь, басни, неверно, ни на чем не основано, никак нельзя допустить, ошибка, ошибочно и т.д.)*.

И модус и предикаты этого типа разрешают вопрос об истинности высказывания. Многие из них с очевидностью свидетельствуют о связи суждений о суждениях с диалогической речью: они отсылают к предшествующему (предтекстовому) высказыванию, а иногда и к его автору и его коммуникативным намерениям (или злонамеренности). Модусы и предикаты отрицательной истинностной оценки широко пользуются номинациями речевых актов, квалифицирующими их по несоответствию действительности (*клевета, выдумки, сплетня, басни* и пр.).

К четвертому типу относится модус знания: *знать, быть известным, догадываться, понимать, понятно* и пр. Этот эпистемический (в узком смысле) модус вводит верифицированную пропозицию, которая не обязательно содержит для адресата новую информацию. Поэтому внутри нее возможна прономинализация. Это отличает модус знания от модуса полагания, не допускающего местоименных замен внутри пропозиции, на что обратил внимание З. Вендлер (Vendler, 1972, гл. 5), например: *Я все знаю, милостливый государь! Знаю, с кем вы объяснялись вчера в любви; знаю, кого вы пленили вашей счастливой наружностью и красноречием; знаю, кто допускает*

вас к себе в комнату после десяти часов вечера! (Тургенев). Приведенный пример любопытен тем, что в нем местоимения недвусмысленно воспринимаются как кореферентные, хотя это никак не выражено формально. В контексте знания вопросительные местоимения всегда имеют конкретную референцию и говорящий может заменить их именами.

Между глаголами знания и полагания существует глубокое различие. Оно состоит не только в том, что модус полагания, в отличие от знания, не допускает прономинализации внутри вводимой им пропозиции, но также в том, что эти модусы занимают разные синтаксические места. Это дает возможность им сосуществовать в одном высказывании: *Я думаю (полагаю), что знаю, с кем вы объяснялись вчера в любви*. Фокус сообщения в этом случае сосредоточен не на модусе полагания и не на пропозиции, а на глаголе *знать* (см. об этом: Шатуновский, 1985). Коммуникативная выделенность обеспечивает модусу знания по праву принадлежащую ему предикатную позицию. В конец предложения могут быть вынесены как субъективированные (личные), так и объективированные формы: *Что Климыч на руку не чист, все это знают* (Крылов), *То, что Климыч на руку не чист, всем известно*. Из различия в синтаксическом статусе вытекают и все прочие расхождения между пропозициональными отношениями мнения и знания: возможность инверсии для модуса знания, но не для полагания, возможность прономинализации в предложениях, вводимых модусом знания, но не полагания, повышение ранга отрицания при глаголах полагания, но не знания (ср.: *Я не знаю, когда приходит поезд* и *Я не думаю, что поезд приходит так рано*). Сравнительный анализ употребления этих глаголов см. (Дмитровская, 1985; Шатуновский, 1985).

Но и этим не ограничивается различие между модусами знания и полагания. Они различаются также и по 1) референции имен, входящих в зависимую пропозицию, 2) модальным словам, которые они допускают, 3) функции в ответных реакциях. Глаголы полагания не ставят никаких ограничений на квантификацию имени в зависимой пропозиции: *Я думаю (считаю, полагаю), что Иван (всякий, любой, каждый, все, некоторые, кто-то, кто-нибудь и т.д.) способен (способны) выполнять эту работу*.

Модус знания избегает некоторых типов референции. К нему тяготеют показатели определенной (конкретной) референции в любых ее модификациях: *Я знаю, что Иван (один из вас, кто-то, некоторые из вас, все вы) не выполнил домашнего задания, Я знаю, что волки серы*. Модус знания (в собственно эпистемическом смысле) не сочетается с показателями "модальной референции", такими как *кто бы то ни был, всякий, любой, отчасти каждый*: В предложениях типа *Я знаю, что любой (всякий) способен выполнить это задание, Я знаю, что любой из вас готов на подвиг, Я знаю, что найдется кто-нибудь, кто сумеет выполнить это задание* глагол *знать* имеет значение 'быть уверенным'. Таково же его значение в сочетании с большинством пропозиций, обозначающих будущее действие или

событие: *Я знаю, что ты меня не обманеешь (не подведешь, сдержишь обещание)*. Ни модус полагания, ни модус знания не сочетаются с модальностью возможности. Однако это вызвано разными причинами.

Модус полагания уже сам эквивалентен модальности возможности. Это не позволяет ему соприсутствовать с вводными словами этого значения. Не говорят **Полагаю, что он, вероятно (возможно, скорее всего), придет*. Такое высказывание содержало бы дубль модуса. С другими модальными словами, такими как *сомнительно, маловероятно* и пр., модус полагания не совместим семантически.

Модус знания не сочетается с вводными словами, указывающими на неопределенность истинностного значения, по той естественной причине, что знание (в эпистемическом смысле) требует установленности истины. В высказываниях типа *Я знаю, что Иван, возможно, придет; Я знаю, что, вероятно, Иван уже приехал*, если их вообще допустить, глагол *знать* имеет другое значение — знание информации, а не истины. Его можно приблизительно сформулировать так: *Ты мне уже говорил, что Иван, возможно придет; Мне уже сообщили, что есть основания полагать, что Иван приехал*. В такой ситуации, соответствующей употреблению глагола *знать* в ответной реплике, речь идет о знании некоторой информации, истинное значение которой может быть любым. Таким образом, следует различать знание о действительности (собственно знание) и информированность. Первое значение глагола *знать* можно назвать эпистемическим, второе — информационным. В этом втором смысле ограничения на модальность и референцию, отмеченные нами выше, снимаются, ср.: *Возможно, к нам придет в гости Иван. — Знаю. Ты мне это уже говорил*. В ответных репликах диалога обычно говорят просто *Знаю*, не эксплицируя зависимую пропозицию. Отмечалось также употребление глагола *знать* в значении 'помнить' в таких контекстах: — *Тебе пора учить уроки. — Я знаю. Не нужно мне об этом напоминать* (Малкольм, 1987, с. 247; Дмитровская, 1985, с. 92).

В этом случае так же речь идет не столько о знаниях о действительности, сколько о знании некоторой информации и ее присутствии в памяти. В тех случаях, когда имеется в виду знания о себе, глагол *знать* регулярно приобретает значение 'помнить', иногда осложненное прагматической коннотацией: *Я помню это и буду действовать надлежащим образом*.

Эпистемическому модусу знания непосредственно противостоит модус незнания (*не знаю, неизвестно, тайна, загадка, безразлично, невыяснено* и пр.), составляющий пятый тип ментальных модусов. Казалось бы, наличие или отсутствие отрицания при одном и том же предикате не может быть поводом для отнесения их к принципиально разным категориям. Между тем это различие фундаментально. Суть его состоит в том, что модус знания не разрешает дизъюнкции истины и лжи. Незнание в модусе или предикате имплицитно разрешает дизъюнцию в соотносительной пропозиции, даже если она и не выражена прямо: *Люблю ли тебя я не знаю, но кажется мне, что люблю*. Знаком дизъюнктивных отношений в приведенном примере является

частица *ли*. Это знак неразрешенного вопроса. Более того, неизвестность истинного положения дел не рассматривается в данном случае как основание для предположений и вероятностной оценки. Иными словами, модус незнания оставляет невыбранной пропозицию с тем или иным истинностным значением. Это отличает его от модусов (и соответствующих им предикатов) со значением сомнения и вероятностной оценки, которые также оставляют истинностное значение суждения неопределенным. Однако они относятся к пропозиции с выбранной истинностной оценкой. Одни соответствуют реакции на вопросительный стимул с его дизъюнкцией истины и лжи, другие можно рассматривать как реакции на утвердительный стимул, содержащий вполне определенное суждение; ср.: 1) — *Миша уехал?* — *Не знаю* → *Уехал ли Миша, мне неизвестно* и 2) — *Миша, говорят, уехал.* — *Сомнительно* → *То, что Миша уехал, сомнительно*; — *Миша, кажется, уехал.* — *Вполне возможно* → *То, что Миша уехал, вполне возможно*.

Модусы сомнения и возможности (вероятностной оценки) выражают отношение к некоторому утверждению или мнению с точки зрения его истинности.

Модусы незнания, неизвестности выражают отношение к дизъюнкции истины и лжи, оставляя несформированным мнение о степени вероятности взаимоисключающих положений дел. Это своего рода "не-ответ" — *неизвестно, как знать, кто знает, бабушка на двое сказала, покрыто мраком неизвестности, трудно предугадать, еще не решено, не берусь судить, время покажет, будет видно, так и осталось тайной, сам знаешь, скажи сам, не скажу, догадайся сам, трудно разобратся и т.п.*, например: *Он испытывал даже некоторое успокоение. Было ли то следствием деревенского затишья, воздуха, лета, вкусной пищи, удобного жилья, происходило ли оно оттого, что ему в первый раз отроду случилось изведать сладость соприкосновения с женской душой?* — *сказать трудно* (Тургенев). Первая часть предложения оформлена в приведенном тексте вопросительным знаком, которому, однако, уже не соответствует интонация вопроса. В высказываниях с модусом не-ответа фигурирует пропозитивная тема, соответствующая вопросу. Это еще раз свидетельствует о том, что субстратом ряда сложных синтаксических образований является диалог — явный или внутренний. Дизъюнкция контрадикторных суждений исключает номинализатор *то* (сочетание *то ли* выполняет функцию парного дизъюнктивного союза: *То ли правда, то ли ложь*). Дизъюнкция ставит пропозитивную тему на ступень ниже номинализации. Близость этих категорий и в то же время их неидентичность покажет сравнение следующих предложений: *Пришел ли он, никому неизвестно* и *То, что он пришел, никому неизвестно*. В первом предложении *никому* соответствует квантору всеобщности, во втором — оно относится к "другим", т.е. ко всем за исключением участников коммуникации: никто = никто другой, кроме нас (присутствующих). В первом предложении истинностное значение предложения остается неразрешенным, второе предложение имеет пресуппозицию истинности пропозиции "он пришел". Кван-

тор всеобщности, таким образом, не свободен от прагматической зависимости.

Неполная номинализация предложения должна выражать либо одно, либо другое истинностное значение, но не их равновероятность или индифферентность. Она может быть демодализована (*То, что был дождь, неправда*), но не "двумодальна" (**Был ли дождь или не был, неправда, *То, что дождь был или не был, неизвестно*). Применительно к предложениям с модусом или предикатом незнания прагматизируется также само понятие истинности пропозиции. Прагматизация наступает вследствие того, что эпистемическое состояние человека постоянно меняется. Дизъюнкция соответствует эпистемическому состоянию говорящего в момент речи. Если в это время говорящий уже знает истинное положение дел и не скрывает его от адресата, то дизъюнкция обычно снимается. Пропозиция номинализуется: *То, что ты уже приехал, мне не было в то время известно*. Предложение *Люблю ли я ее, я тогда еще сам не знал* (не сознавал, не понимал) семантически не вполне корректно, поскольку наречие *тогда* в сочетании с частицей *еще* ограничивает неведение прошедшим временным планом и дает понять, что в момент речи истина уже известна. Это должно быть выражено в высказывании: *То, что я ее люблю, я тогда еще не осознавал*. Если имеется в виду транспозиция повествования в план былого, предполагающая разрешение дизъюнкции в дальнейшем тексте, то следует употребить прошедшее время: *Любил ли я ее, я тогда еще не мог понять (решить, осознать)*.

Итак, знание в момент речи исключает дизъюнктивную модальность, заменяя ее фактивной: *То, что я ее люблю (любил), я тогда еще сам не знал (не понимал, не осознавал)*.

Дизъюнкция истины и лжи соответствует общему вопросу. Более сложной оказывается проблема тематизации частного вопроса. Выполнять функцию темы может частный вопрос с любым вопросительным словом: *Как (почему, зачем, с кем, для чего) он пришел, неизвестно* (я не знаю); *В кого он влюблен, секрет*; *Кому он передал деньги, осталось невыясненным*; *Для кого эти цветы, я не знаю*; *Где мы будем ночевать, еще не решено*. Пропозиция и в этом случае содержит дизъюнкцию: всякое вопросительное слово указывает на многочисленную дизъюнкцию, которая может получать те или другие контекстуальные реализации: *Куда мы пойдём — в театр или на концерт, я еще сказать не могу*.

Тема, соответствующая частному вопросу, может сочетаться со всеми предикатами "не-ответа", т.е. со всеми предикатами, не разрешающими дизъюнкции (см. примеры выше). В этом отношении частный и общий вопросы ведут себя одинаково; ср.: *Ездил ли он на дачу или нет, неизвестно* и *Куда он ездил, неизвестно*.

В отличие от общего вопроса, частный вопрос может сочетаться не только с предикатами, не разрешающими дизъюнкции, но и с предикатами, утверждающими известность, апеллирующими к знанию (тип 4), однако его не эксплицирующими: *Куда он ездил, всем известно* (было установлено, ни для кого не секрет, всем и так ясно, не удалось скрыть и т.п.). Референция местоимения в вопросе (*Куда он ушел?*),

тематизированном вопросе при предикате незнания (*Куда он пошел, неизвестно*) — с одной стороны, и в тематизированном вопросе при предикате знания (*Куда он пошел, всем известно*) — с другой, по-видимому, не одинакова. Решение в этом случае упирается в проблему личного знания говорящего или желания сказать и связи референции с коммуникативной установкой. Если эти факторы учитывать, то в первых двух случаях следует считать, что местоимение относится к дизъюнктивному ряду, или, точнее, что дизъюнкция предполагает выбор из ряда высказываний вида *Он пошел в А, Он пошел в В ..., Он пошел в С*, причем не все члены ряда могут быть спрашивающим эксплицированы. В третьем случае местоимение анафорично в том смысле, что оно может при желании быть замещено конкретным именем. Для определения истины в этом смысле нет нужды производить выбор.

Коммуникативный модус не-ответа типа *не скажу, секрет, тебе незачем знать* и пр. даже при том, что говорящему известно истинное положение дел, сохраняет в теме дизъюнкцию.

Сообщение может содержать сомнительную, недостоверную, предположительную или явно ложную информацию, но оно не может, в отличие от вопроса, содержать "невыбранное" мнение или суждение, дизъюнкцию истины и лжи. Именно поэтому в том случае, когда имеет место избранность мнения, не исключающего сомнения, пользуются глаголами полагания, имплицитно или явно сопровождающими любое сообщение, а когда мнение не определено, прибегают к предикатам не-ответа. В приводимом ниже фрагменте диалога ясно видна как заместительная функция глагола *не знать* по отношению к глаголу *думать*, так и связь модуса незнания с вопросом: *Если до ушей мадемуазель де Ламье доползет хотя бы часть того, что случилось с Хаджи-Сеидом, она тут же попытается улизнуть от нас. — Вы думаете, ее лучше брать сразу? — спросила Зарандиа. — Не знаю. Я не составил себе об этом мнения. Иначе зачем бы мне вас спрашивать* (Ч. Амирэджиби). Приведенный пример показывает также, что модус полагания даже в вопросе свидетельствует о избранности исходного предположения. Нельзя спросить *Вы думаете, нам пора идти или нет?* Сохранение альтернатив требует другой формы модуса полагания: *Как вы думаете, что лучше — уйти или остаться?* Вопросительное местоимение всегда конкретизирует альтернативу.

Глаголы полагания допускают в зависимой пропозиции дизъюнктивное отношение, которое, однако, никогда не может быть контрадикторным (либо истина, либо ложь) и не может составить вершины ремы высказывания. Так, можно сказать *Я думаю, что он приедет либо сегодня, либо завтра*, но неправильно **Я думаю, что он либо приедет, либо не приедет*. Дизъюнкция *либо сегодня, либо завтра* входит в состав мнения, противопоставленного мнению о возможности другого срока приезда (*послезавтра, через неделю и пр.*), но не мнению о невозможности приезда.

Вернемся к проблеме номинализации пропозиций. Дизъюнкция препятствует завершению этого процесса. Выбранность утверждения,

его определенность благоприятствует номинализации. Однако это последнее условие не является достаточным для инверсии модуса и пропозиции. Последняя невозможна в тех случаях, когда пропозиция замещается местоимением *так*, то есть при модусе полагания.

Наконец, последний — шестой — модус ментального плана принадлежит не эпистемической, а аксиологической сфере. Это — модус общей оценки: *Хорошо, что скоро весна; Скверно, что у тебя поднимается температура; Плохо, что начинается буря*. В позиции модуса, соотносительного с пропозицией, может стоять только общая оценка. С придаточным изъяснительным не сочетаются ни экспрессивные (эмоционально окрашенные) предикативы *отлично, прекрасно, чудно, замечательно* и т.п., ни частные оценки типа *полезно, вредно*. Предложения с модусом общей оценки инвертируются: *То, что у тебя поднялась температура, скверно; То, что идет снег, — это хорошо*.

Если оценка выносится относительно гипотетической ситуации, последняя обозначается условным придаточным: *Если ты не провалишься на экзамене, это будет хорошо; Хорошо, если ты не провалишься на экзамене*. Инвертированное предложение *Если ты не провалишься на экзамене, это будет хорошо* демонстрирует различие между субъектом и темой: тема может сохранить гипотетическую модальность в явном виде, субъект должен ее тем или другим способом подавить: модальность ирреальности либо лексикализуется такими словами как *возможность, необходимость, мнение, предположение* и т.п., либо проминализуется местоимением *это*, как в приведенном примере. Обладая анафорической функцией, местоимение *это* может замещать предложения — автономные и придаточные — независимо от их модальности (функции этого местоимения прекрасно проанализированы в ст.: Падучева, 1982).

Модус эмотивного плана (шире, психической реакции) выражается словами разной грамматической природы: предикативами (*грустно, радостно, противно, приятно*), краткими прилагательными и причастиями (*рад, огорчен*), возвратными и невозвратными глаголами (*жалеть, сожалеть, бояться, опасаться*).

Однако неоднородность этой категории обусловлена не только грамматическим фактором, но еще и тем, что, во-первых, значение "партнера" модуса колеблется между событийным и пропозициональным (фактивным и нефактивным) типами (о чем уже шла речь), и, во-вторых, различиями в интерпретации отношений, связывающих эмоциональное состояние человека с внешними стимулами. Если модус выражает эмоциональное состояние субъекта, то его отношение к стимулу интерпретируется как каузальное: *Я огорчен тем, что вы меня покидаете*. В таких конструкциях, строго говоря, нельзя видеть соединение модуса и пропозиции. Однако элемент каузальности дает о себе знать и во многих других случаях. Эмоциональное состояние естественно мотивировать указанием на причину, его вызвавшую: *Я рад, что вы пришли*. Если модус выражает отношение к некоторому событию, то "партнер" модуса должен быть конкрети-

зирован указанием на объект отношения: *Боюсь, что вы устали; Жаль, что опадают листья*. Отношения стимула и реакции, в которых обычно интерпретируется связь между событиями жизни и вызываемыми ими переживаниями, преломляются в языке в весьма текущих и зыбких формах.

Инверсия модуса и пропозиции избегается. Ее допускает объективированный модус: *Печально, что уже опадают листья → То, что уже опадают листья, (это) печально*. Указание на субъект состояния в инвертированной конструкции невозможно: **То, что уже опадают листья, мне грустно*. Топикализация стимула вносит определенность в отношения между стимулом и реакцией: они интерпретируются как каузативные, и это выражается семантикой предиката: *Я рад, что ты пришел → То, что ты пришел, меня радует; Я огорчен, что он болен → То, что он болен, меня огорчает*.

Каузативизация выявляет характерный для фактообразующего значения контекст. Им является контекст логических отношений, определяющий ту роль, которую играет фактообразующее значение в сложном предложении. В этом состоит тот вклад, который вносит эмотивный модус в функционирование пропозиции в тексте.

К этому же разряду могут быть отнесены такие модусные слова как *удивительно, странно, не верится, достойно удивления, любопытно, интересно* и др., выражающие спонтанную психическую реакцию на происходящее. Они составляют в известном смысле промежуточное звено между эмоциональным и ментальным планами, и это сказывается на их поведении. Большинство из них допускает инверсию подобно ментальным модусам: *Странно (удивительно), что от него нет писем → То, что от него нет писем, странно (удивительно)*. Однако среди слов этой группы возможен также процесс каузативизации, характерный для эмоциональных реакций и не чуждый ментальному отношению: *То, что от него нет писем, удивляет (вызывает удивление); То, что в последнее время участились зимние грозы, привлекло к себе внимание (вызвало интерес) климатологов*.

Модус психической реакции противостоит модусу восприятия тем, что не может вводить как-придаточных; ср.: *Мне видно (слышно), как дерутся мальчики и Мне неприятно, что мальчики дерутся*. Это свидетельствует о существенной разнице между синтаксическим статусом этих двух типов модусов. Восприятие (в широком смысле) лежит в основе эмоциональных реакций. Вследствие этого эмотивные значения совместимы с перцептивными: *Печально смотреть на опадание листьев; Приятно чувствовать приближение весны; Грустно видеть, как вырубают леса*. Восприятие опосредует стимул и реакцию. Перцептивный "посредник", однако, обычно указывается лишь тогда, когда эмоциональная окраска придается самому процессу восприятия, то есть когда восприятие и переживание совмещены во времени. Исключение фактора восприятия может вести к переносу эмоциональных характеристик непосредственно на объективные события и процессы: *Печально листьев опадание; Приятно приближение*

весны. Такие предложения в норме не инвертируются, и в этом обнаруживает себя связь открывающего их предиката с модусом.

Психические реакции выражаются разнородными синтаксическими структурами. При этом обозначающие их слова допускают индивидуальные, с трудом поддающиеся систематизации трансформационные ряды, на которых мы не будем останавливаться.

Модус волитивного плана, имеющий значение волеизъявления и необходимости (нужды), вводит придаточное ирреальное: *Желательно, чтобы ты принял участие в обсуждении; Надо, чтобы ты ушел* (инфинитивных конструкций мы не касаемся). Предложения с эксплицитным модусом, у которых в придаточной части присутствует модальность ирреальности, не допускают коммуникативной инверсии, исключая этим соединение *то, чтобы ...* Ирреальная тема отчасти обслуживается инфинитивом: *Необходимо, чтобы ты пришел → Прийти тебе необходимо*. Однако любопытнее здесь другое: ирреальная пропозиция, если она получает функцию темы, может принимать форму полной номинализации: *Необходимо, чтобы вы пришли → Ваш приход необходим, Желательно, чтобы вы выступили → Ваше выступление желательно, Важно, чтобы вы присутствовали на вскрытии сейфа → Ваше присутствие важно, Маловероятно, чтобы он отказался → Его отказ маловероятен, Невозможно, чтобы он вмешивался в это дело → Его вмешательство невозможно, Недопустимо, чтобы он участвовал в комиссии → Его участие недопустимо*. Полная номинализация в таких контекстах соответствует пропозиции, модальность которой выражена в предикате. Е.В. Падучева говорит в подобных случаях о нейтральной модальности, понимаемой как модальность "снятой утвердительности" (Падучева, 1974, с. 197 и сл.).

В заключение раздела подчеркнем следующие положения.

Диалог, как наиболее естественная форма коммуникации, играет первостепенную роль в формировании предложений, в которых фактообразующее значение занимает место темы или субъекта. В таких предложениях высказывается суждение о суждении. В ходе модального диалога (обмена мнениями) в ответных репликах, тема которых соответствует реплике-стимулу, в позицию предиката выдвигается модус, выражающий пропозициональное отношение — знание, сомнение, убежденность, оценку, допущение; психическую реакцию. Эти категории, особенно те из них, которые ассоциируются с ответной репликой, составляют основной пласт предикатов, обслуживающих *то-что*-значение. В зависимости от характера диалогической реакции пропозициональная тема приобретает такие характеристики, как разрешенность или неразрешенность дисъюнкции истины и лжи, тип референция имен и местоимений, входящих в пропозицию, ее истинностное значение. Благодаря диалогическому источнику, в высказываниях оказывается допустимой двумодальность, выражение в них разных мнений.

Связь с диалогом объясняет варьирование модальных значений в зависимости от занимаемой ими синтаксической позиции. Это особенно хорошо показывают модальные слова, значение которых

связано с сенсорным восприятием (*видно, по-видимому, очевидно* и др.). Предложения с *то-что*-субъектом образуют тот вид сложных предложений, который подчинен не столько нуждам выражения мысли, умозаключения, сколько задаче опровержения или исправления чужого мнения. Становясь объектом рассмотрения в реплике собеседника, "чужое мнение" (пропозиция) номинализуется. Этому процессу препятствуют следующие факторы: а) наличие внутри пропозиции дизъюнкции (невыбранность истинностного значения), б) неизъявительное наклонение, в) введенность сенсорным модусом. Второе ограничение снимается, если возможна полная номинализация предложения (*Ваш приход необходим*). Третье ограничение ослабляется или аннулируется, если сенсорный модус развивает эпистемический смысл.

Номинализация пропозиции может характеризоваться предикатами, соответствующими модусам знания, сомнения, допущения, возможности, психического воздействия, общей оценки. Все они интенциональны. Модус полагания, будучи также интенциональным, не переходит в позицию предиката, но зато в реакции возражения он непосредственно принимает отрицание, которое не может интерпретироваться иначе как относящееся к содержанию пропозиции, точнее, ее реме: — *Я думаю, что придет Петя. — А я так не думаю* (= Я думаю иначе: я думаю, что придет не Петя). Так называемый подъем отрицания (*negative raising*) объясняется, как нам кажется, следованием "модели возражения", в которой противопоставление сосредоточено в модусах, а не в пропозициях; ср.: *Я сомневаюсь, что ... — А я не сомневаюсь, что ...; Хорошо, что ... — Нет ничего хорошего в том, что ...; Странно, что ... — Ничуть не странно, что ...*

При обмене мнениями оппозиции могут быть образованы не только суждениями, но и модусами. Не случайно за высказыванием может следовать апелляция к модусу собеседника: *Ты согласен со мной? Ты ведь тоже так думаешь?* Естественно, что при несогласии оппозиция утверждения и отрицания выражается через модусы, а не через пропозиции. Этот механизм особенно развит в английском языке с его системой вопросных привесков к высказыванию (*tag-questions*), часть которых апеллирует к модусу и программирует ответ обратного истинностного значения, выражающий солидаризацию с мнением говорящего: *He is clever, don't you think so? — Yes, I do.* Оппозиция модусов оборачивается согласием собеседников. Исходя из того, что реакция возражения более естественна, чем реакция согласия, говорящий тактикой отрицательного вопроса превращает диссонанс в унисон.

СПЕЦИФИКА ПРОПОЗИТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Пропозиция составляет часть предложений с эксплицитным модусом. Для того, чтобы получить право на самостоятельное функционирование в разных контекстах, она должна разорвать связь с модусом. Но уже ее вынос в позицию субъекта, при котором модальное значение выполняет роль предиката, придает ей автономность. Рассмотрим

те черты, которые создают специфику пропозитивного значения, противопоставляя его значению событийному (в широком смысле).

Первой особенностью пропозитивного значения является его способность включать в свой состав отрицание, сохраняя этим существенную черту предложения, отличающую ее от других единиц языка, например: *То, что принц не отличил девочки от куклы, удивительно; То, что розы не пахнут, ложь*. Факты могут быть в равной степени утвердительными и отрицательными. Это отличает пропозитивные номинализации от событийных, способных иметь только положительное содержание. Действительно, трудно судить о непротекающих процессах или о развитии несостоявшегося события. Входя в полные номинализации, отрицание либо срастается с их лексическим значением, либо создает эквивалент неполной номинализации: *Сонечкин неприход ко мне в последний раз был тот же Володин приход ко мне — в последний раз ... Сонечкин неприход ко мне был — любовь* (Цветаева), где *Сонечкин неприход* означает "тот факт, что Сонечка не пришла". Таким образом, пропозитивная номинализация, независимо от того, как она выражена, принимает оба логические качества суждения.

Второй важной чертой пропозитивного значения является его соотнесенность с целиком взятой пропозицией: *Вчера я опоздал на урок физкультуры → То, что я вчера опоздал на урок физкультуры, лишило меня права участвовать в соревнованиях*. Этот тезис следует понимать не в том смысле, что ни один элемент исходного предложения (пропозиции) не может быть опущен в процессе номинализации. Напротив, такого рода эллипсис происходит постоянно: *Мое опоздание не было вызвано уважительной причиной*. Сформулированное положение означает только то, что ни один из элементов, образующих пропозицию (простое предложение), и синтаксически между собой связанных в ее рамках, не может быть вынесен за пределы номинализации и занять внешнее по отношению к ней место предиката (сказуемого).

Иначе говоря, предикат (рема) при пропозитивной номинализации не соответствует ни одному члену простого предложения: он не может иметь ни объектного, ни обстоятельственного, ни орудийного, ни адресатного значений. Следующие предложения семантически неправильны: *То, что я опоздал, произошло вчера / было на пять минут / случилось на уроке физкультуры / было в первый раз / было невольно*. Между тем при событийной номинализации это вполне возможно: *Его пребывание на выставке длилось несколько часов; Наша встреча произошла случайно; Их свидание состоялось вчера; Мое опоздание не превысило и пяти минут; Удар пришелся ему в спину; Удар был нанесен кулаком; Сообщение о происшествии было передано начальнику станции; Сообщение было передано трижды*.

С пропозитивным (фактообразующим) значением дело обстоит иначе. Как бы мы не редуцировали такое значение, помещая его в позицию субъекта, ни один из исключаемых из него компонентов или их семантических аналогов не может занять по отношению к нему позиции предиката. Пропозитивное значение потенциально вклю-

чает в себя все члены простого предложения. Последние, соответствуя частным вопросам, предопределяют те виды информации, которые могут составить внутрипропозитивный (внутренний) предикат. Особенно важно подчеркнуть недопустимость для пропозитивного значения темпоральных и локальных сказуемых. Факт не соотносится ни с координатами пространства и времени, ни тем более с их осями, взятыми в протяженности. О факте нельзя сказать, что он произошел во времена Рюрика, что он был длительным или кратковременным, протекал быстро или медленно, имел начало и конец (Vendler, 1967, с. 144). Пропозитивное значение относится к единицам, локализованным не в реальном, а в логическом пространстве. Поэтому суждения, вынесенные об этом значении, касаются концептуального образа мира, а не "сырой" действительности. Они, следовательно, не могут характеризоваться в точности теми же типами информации, которая сообщается об объектах действительности. Это свойство резко отличает пропозитивные номинализации от событийных (в широком смысле), на которых мы сейчас коротко остановимся. "События не принадлежат к числу языковых объектов. Подобно деревьям и молекулам, события могут составить предмет речи, к ним можно осуществить референцию, их можно описать. Но сами они не являются ни утверждениями, ни предложениями, ни дескрипциями, ни иными языковыми единицами. Их нельзя считать и пропозициями. Последние представляют собой абстрактные сущности; между тем как события следует рассматривать в качестве связанных пространством и временем индивидуальных объектов, существующих независимо от людей" (Kim, 1969, p. 198).

Событийные номинализации обычно возникают в результате внутрипропозитивных преобразований, происходящих с привлечением лексических средств языка. Включающее полную номинализацию предложение обычно не выходит за рамки исходной пропозиции, компоненты которой перераспределяются между субъектом и предикатом трансформированного предложения: *Петя ходил быстро* → *Петина ходьба была быстрой*; *Они разговаривали громко* → *Их разговор был громким*; *Они разговаривали в гостиной* → *Их разговор произошел (состоялся) в гостиной*; *Они разговаривали по-французски* → *Их разговор шел по-французски*; *Они разговаривали вечером* → *Их разговор состоялся (имел место) вечером*. Такого рода преобразования нерегулярны. Они зависят не только от существующих в данном языке словообразовательных средств, но также и от того, насколько лексика сумела впить в себя значения грамматического типа (ср. значения глаголов *быть*, *состояться*, *случиться*, *происходить*, *проходить* и пр.). Эти глаголы помогают поместить в позицию сказуемого обстоятельства места, времени и образа действия.

Полная номинализация может относиться к нескольким событиям, то есть иметь дистрибутивную референцию: *Он разговаривал со мной трижды* → *три его со мной (наши) разговора*. Дж. Лич различает понятие ситуации (как категории смысла) и понятие осуществления ситуации (a situation and the occasion of a situation). Осуществление

ситуации не приравнивается им к кратности действия или события. Одно (в родовом смысле) действие может осуществляться много раз, распределенное между несколькими приемами, каждый из которых соответствует одному нерасчлененному отрезку времени: *Он забегал ко мне по нескольку раз в день* (Leech, 1969, p. 125–126). А. Мурелатос, основываясь на употреблении временных форм в английском языке, считает событийным такое значение предиката, при котором обстоятельство кратности относится к самому действию (точнее, действиям), а не к периодам времени (occasions): *He knocked at the door three times* 'Он трижды постучал в дверь' (Mourelatos, 1978, p. 429).

Внутрипропозитивные преобразования направлены на выявление изменений в актуальном членении предложения, на то, чтобы привести семантический ранг субъекта в соответствие со значением предиката. Получая обстоятельственный предикат, субъект меняет предметное значение на событийное. В процессе номинализации актанты переходят из приглагольной позиции в приименную и получают функцию детерминативов имени, помогая адресату речи понять, о каком именно событии делается сообщение: *Я с ним встретился у него дома* → *Моя с ним (наша) встреча произошла у него дома*.

Е.В. Падучева среди различий между фактом и процессом отметила, что в русском языке субъект действия при процессуальной (событийной) номинализации выражается местоименным прилагательным, а при номинализации, обозначающей факт, — творительным падежом; ср. *Его исполнение Шопена было великолепно* и *Исполнение им Шопена было неуместно* (Падучева, 1974, с. 201).

Итак, внутренняя номинализация приводит грамматическую структуру предложения в соответствие с его коммуникативной структурой. Номинализация в этом случае не охватывает всех составных частей исходного предложения. Пропозитивные номинализации, в отличие от событийных, никогда не получают предикатов, извлеченных изнутри простого предложения. Этим, в частности, предопределяется различие в счете фактов и событий. Предложение *Он трижды со мной об этом разговаривал* сообщает о трех событиях (*У меня с ним было три разговора об этом; Все три мои с ним разговора были безрезультатны*), но об одном факте: *тот факт, что он со мной трижды об этом разговаривал, свидетельствует о его упорстве*. Факт может соответствовать сколь угодно большому числу событий. Это является одним из доводов в пользу того, чтобы сопоставлять значение предложения (пропозиции) именно с фактом.

Какова же семантическая сфера предикатов, обслуживающих *то-что-субъект*? Сделаем маленький эксперимент. Если мы начали предложение так: *То, что Пьер переплыл Ламаниш ..., то как естественней всего его кончить?* Как показывает опрос, приведенное начало влечет за собой прежде всего следующие концовки: *То, что Пьер переплыл Ламаниш, всех поразило / вызвало сенсацию / раздосадовало его соперников* и т.п. Этот тип завершений относится к области психологической реакции, восприятия факта. Факт оказывает именно психологическое, но никак не физическое воздействие.

Между тем событийная номинализация не исключает предикатов физического ощущения, например: *Удар по голове был болезненным.*

Пропозитивное значение обладает преимущественным "правом" сочетаться с предикатами психологического воздействия, образующими первый семантический тип "завершенный". Это видно уже по одному тому, что причины психологических состояний могут корениться как в позитивных, так и в негативных фактах: *То, что он не сказал ни слова, всех удивило; То, что он сказал это, всех удивило.*

Между тем многие предикаты психического воздействия совсем не исключают событийных номинализаций и их эквивалентов. Природа того, что воздействует на человеческую психику, неоднородна (см. об этом ниже). Многие психические состояния и реакции возникают вследствие зрительных или слуховых впечатлений, т.е. впечатлений от непосредственно воспринимаемого и осмысляемого. Таковы эстетические переживания: *Это зрелище (фильм, спектакль, поэма, игра актеров, пейзаж, пение соловья и т.п.) поразило меня (восхитило, доставило истинное наслаждение, очаровало).* Понятно, что и здесь есть известное сокращение — сокращен предикат: природа-красота или необычность природы, панорама = грандиозность или величественность панорамы, пение соловья = прелесть соловьиного пения, певческое искусство соловья. Возможность введения предиката подтверждается возможностью вопросов типа *Чем же тебе понравился этот фильм (игра актеров, природа степных районов и т.п.)?* Однако обычно в оценочных предикатах нет нужды, так как они практически ничего не добавляют к таким сказуемым психического воздействия как *восхищать, очаровывать, приводить в восторг*: *Меня очаровала прелесть пейзажа = Меня очаровал пейзаж.* Даже если и можно в приведенных примерах видеть сокращение предиката, то речь может идти только о стяжении событийного, но не пропозитивного значения.

Ряд предикатов психического воздействия может иметь в качестве своего субъекта как пропозитивную, так и событийную номинализацию и их эквиваленты. Таковы: *пугать, вызывать страх, навевать тоску, раздражать, вызывать отвращение, доставлять удовольствие, восхищать* и некоторые др., ср.: *То, что я опоздал, вызвало у моего начальника раздражение и Капание воды раздражало; Сообщение о том, что Иван Иванович благополучно долетел, успокоило его жену и Морской прибой успокаивал.* В этих предложениях использован один и тот же глагол, но природа называемого им воздействия не совсем одинакова: при событийном субъекте речь идет о воздействии "через ощущения", при пропозитивном — через анализ ситуации и ее возможных последствий (см. Зализняк, 1985).

Чем теснее связано психическое состояние с прямым воздействием предметной и событийной действительности, тем дальше отстоит субъект от пропозитивного типа семантики. Если эстетические ощущения возникают преимущественно в ходе непосредственного восприятия (этим и объясняется их кратковременность), а чувства удовольствия, восхищения, раздражения, страха могут как возникать

под влиянием прямого впечатления, так и быть результатом анализа ситуации, превращенной тем самым в факт или ряд фактов, то другие психические состояния (радость, печаль, огорчение, удивление, обида и др.) могут быть вызваны только фактами, и предикаты каузации этих состояний ориентированы на пропозитивный субъект. Сравнение структуры субъекта при глаголах психического воздействия способствует раскрытию специфики различных состояний психики.

Вторая серия предикатов устанавливает отношение факта к последующему событию: *То, что Пьер переплыл Ламаниш, укрепило его положение в спортивных кругах / отразилось на его здоровье / помешало ему продолжать дипломатическую карьеру*. И здесь, как и в предыдущем случае, предикат включает в свое значение компонент каузации. К этой группе примыкают дедуктивные предикаты, т.е. предикаты, извлекающие из пропозиции (факта) ее логические следствия. Говорящий стремится выявить те суждения, истинность которых определяется истинностным значением исходной пропозиции (*то-что-значения*). Интерпретирующий глагол (*означать, доказывать, свидетельствовать, говорить о чем-либо*) вводит соистинную пропозицию или указывает на отсутствие соистинности: *То, что Пьер переплыл Ламаниш, означает, что у него хорошее сердце / не значит, что его переплывет Жорж / свидетельствует о том, что он много тренировался / доказывает, что у него волевой характер / говорит о его выдержке / еще ни о чем не говорит*.

Все перечисленные концовки вводят пропозитивный субъект в контекст логических отношений с некоторым противочленом пропозитивного или событийного типа (проблемы природы второго члена отношений мы здесь касаться не будем; см. об этом: Vendler, 1975).

Третья серия возможных завершений определяется понятиями знания и коммуникации: *То, что Пьер переплыл Ламаниш, остается тайной / еще никому не известно / было сообщено по радио / не новость*.

Четвертую область образует предикаты круга истинности и модальности: *То, что Пьер переплыл Ламаниш, правда / сомнительно / не получило подтверждения / маловероятно / ложь / чепуха / пустой слух*. Такого рода предикаты возможны только при нефактуальном *то-что-субъекте*.

Наконец, пятый и последний семантический тип предикатов принадлежит оценке: *То, что Пьер переплыл Ламаниш, просто замечательно / приятное событие*. Оценочные предикаты имеют в языке очень широкую сферу приложимости. Здесь важно подчеркнуть, что оценки фактов и оценки событий могут не совпадать. Процесс может оцениваться по вызываемым им физическим ощущениям, факт — по вызываемому им нравственному переживанию. Фактообразующее значение лишено эстетического параметра и не может, следовательно, получать эстетической оценки: *Игра ее была проникновенной* (= Она играла проникновенно), но не **То, что она играла (эту роль), было проникновенным*.

Все перечисленные группы предикатов (предикаты логических от-

ношений, знания и коммуникации, модальные и оценочные предикаты) создают интенциональный контекст для пропозитивного значения. Специфика области предикатов составляет третью важную черту пропозитивного значения.

Часть названных выше предикатов, как отмечалось, соотносительна с эксплицитным модусом. Однако далеко не все глаголы пропозиционального отношения могут служить предикатом при пропозитивном субъекте. Последний не может быть соотнесен с модусом ощущений. Поставив в субъекте *то-что*-значение, нельзя поместить в предикат глагол чувственного восприятия. Хотя ссоры и скандалы бывают очень шумными, нельзя услышать факт скандала и сказать — *Тот факт, что они поссорились, был мне слышен*. Можно услышать (= узнать) только о том, что ссора произошла. Факты могут быть неслыханными и невиданными (поразительными), но не бывает увиденных, услышанных, осязаемых, обоняемых, т.е. органолептически воспринимаемых фактов. Несоотносительность с модусом физического восприятия составляет четвертую особенность пропозитивного значения, отличающую ее от значения событийных номинализаций: *Драку мальчиков увидел милиционер, Их скандал был услышан соседями*.

Эксплицитный модус является источником не только предикатов *то-что*-значения, но и определений к слову *факт* (см. ниже). И это еще раз подтверждает, что констатируя факты, т.е. убеждаясь в их достоверности, соответствии действительности, мы в то же время не исключаем их из интенциональной сферы.

Итак, область предикатов, обслуживающих *то-что*-значение, как и определений, относимых к имени *факт*, ограничена и семантически исчислима. Она никогда не претупает пределов интенциональности. Ее можно, по-видимому, считать универсальной. Но важно и другое: *то-что*-значение имеет мало лексических ограничений на сочетаемость. Любая по своему содержанию и наполнению пропозиция может сочетаться с любым из предикатов, взятых из обозначенных выше категорий. Это составляет пятую черту пропозитивного значения. Действительно, можно достаточно произвольно менять *то-что*-субъект при одном предикате, не нарушая семантической правильности предложения: *То, что Пьер переплыл Ламанш / поссорился с женой / сбрил бороду / провалился на экзамене / написал поэму / выступил на собрании* и т.п., *всех удивило / обрадовало / всем известно / маловероятно / не значит, что это может повториться / знаменательно* и т.п.

Пропозитивное значение нелексично. Замена одного пропозитивного субъекта другим, не отражаясь на семантической правильности предложения, не может не повлиять на его истинностное значение. Так, предложения *То, что Пьер стал лауреатом, всех поразило* и *То, что Пьер стал альпинистом, всех поразило* относятся к разным ситуациям и имеют, следовательно, разные условия истинности. Но этим еще не все сказано. На условия истинности влияет изменение не только в реальном содержании субъектной пропозиции, но и в ее логической структуре при том же лексическом напол-

нении¹ : *То, что в окне появилась девочка, было неожиданностью и То, что девочка появилась в окне, было неожиданностью.*

Обе номинализации указывают на то же реальное происшествие, но объекты вероятностной оценки различны: в первом случае эффект неожиданности возник постольку, поскольку ожидалось появление не-девочки, во втором случае он объясняется тем, что было обмануто ожидание появления девочки не в окне. Номинализации могут быть противопоставлены по различиям в актуальном членении: *Меня удивило то, что Петя сказал эти слова*, а моего друга удивило то, что *эти слова* сказал *Петя*, сам же Петя удивился тому, что *он* *сказал эти слова*. Не исключено, что нашелся бы еще кто-нибудь, удивившийся тому, что *Петя сказал эти слова Наде*. Удивление всех четырех персонажей было вызвано одним и тем же событием (репликой Пети, обращенной им к Наде), но причины удивления оказались разными. Можно было бы удивляться и тому, что слова были сказаны в неподходящее для них время, или в мало пригодном для объяснений месте, или в присутствии нежелательных свидетелей, или, наконец, обидным для адресата тоном. В одном и том же событии кроется множество причин для удивления, обиды, возмущения и других последствий, в нем кроется тем самым и множество фактов. Переход от события к фактам ведет к умножению сущностей. Но так как факты населяют логическое пространство, популяция реального мира от этого не увеличивается. Если факт — это тень, отброшенная событием на экран знания, то одно и то же событие может иметь несколько теневых отображений в зависимости от того, где помещен источник света. События, таким образом, каузально неоднозначны. Указать на глобальное ("сырое") явление действительности еще не значит вскрыть причину, приведшую к тому или другому следствию. Это значит только ограничить область поиска причины данным фрагментом действительности.

Релевантность различий в актуальном членении, их способность к фактообразованию составляет шестую черту *то-что*-значения, отличающую его от значения событийной номинализации. Последняя стремится нейтрализовать возможные варианты в логической организации исходного предложения. Компоненты такой номинализации не утрачивают способности вступать в отношения контраста, ср. *С Петей разговор у меня состоялся до́ начала лекции, а с его жено́й — по́сле; Мо́й разговор с Петей состоялся до́ начала лекции, а мое́й жено́й — по́сле*. Однако как бы не менялись места контрастивного ударения, это несколько не отразится на истинностном значении предложения. Сообщение о том, что у говорящего до лекций произошел разговор с Петей, будет либо истинным, либо ложным вне зависимости от того, какой член сообщения сосредоточит на себе эмфазу. Условия истинности у таких сообщений одинаковы, а коммуникативная организация, обусловленная контекстом употребления,

¹ О роли эмфазы внутри номинализаций при их включении в разные контексты см. (Dretske, 1979; Kim, 1979).

различна. Таким образом, изменение в актуальном членении (логической структуре) предложения влияет на истинность интенциональных предикатов, характеризующих *то-что*-значение, но не меняет истинности предикатов, характеризующих событие (как категорию онтологическую).

Направленность номинализации на идентификацию события всегда открывает возможность обогащения значения признаками денотата (ср. значения имен типа *бунт, восстание, забастовка* и т.п.). Имена действия и качества с самого начала заряжены лексически. Раз возникнув, они сразу же попадают в поток семантических процессов, нередко прибавляющих их к вполне конкретным "берегам" (ср. переходы абстрактного значения в значения результата и места действия, в собирательное значение, предметное значение и т.п.¹). Лексикализуется в основном тот вид синтаксической деривации, который связан с преобразованиями внутри пропозиции: *Они боролись самоотверженно* → *Их борьба была самоотверженной*. Пропозитивное значение резистентно по отношению к такого рода семантическим процессам. Показательно, что абстрактные имена, обозначающие факт, такие как *авторство, отцовство, отсутствие, тождество* и им подобные, редко развивают производные смыслы (ср., например, *присутствие* в значении 'присутственное место'). Это то уточнение, в котором, как нам кажется, нуждается положение Е. Куриловича о соотношении синтаксической и лексической деривации: из двух путей номинализации предложения только один имеет выход в лексику. Другой путь обычно упирается в лексический тупик. Это свойство пропозитивной номинализации, отличающее ее от номинализации событийной, составляет ее седьмую особенность.

Подведем итоги. Неполным (пропозитивным) номинализациям предложения присущи следующие черты, противопоставляющие их полным (событийным) номинализациям: 1) сохранение отрицания как синтаксической категории, 2) соответствие полному объему простой пропозиции, 3) способность соединяться только с определенными классами предикатов (модальными, логическими, эпистемическими и оценочными) и невозможность иметь предикаты локального, темпорального, процессуального, качественного, количественного и актантных значений, 4) несоотносительность с модусом физического восприятия, 5) отсутствие лексических ограничений на сочетаемость, 6) влияние изменений в актуальном членении внутри номинализации на истинностное значение предложения, 7) слабая способность развивать производные смыслы.

¹ Подробно о метонимическом развитии абстрактных значений см. (Апресян, 1974, с. 193-200).

Перечисленные выше особенности пропозитивного значения должны получить единое объяснение. Характер отличий пропозитивных номинализаций от событийных (в частности отсутствие лексических ограничений на выбор предиката) наводит на мысль о том, что в вершине первых стоит некоторая константа, а в вершине вторых — переменная. Общим для всех предложений может быть только предикативное отношение, или, говоря терминами формальной логики, связка.

Предикативное отношение, в отличие от других типов синтаксических отношений, образует отдельный структурный компонент предложения, соотносительный с субъектом и предикатом и их соотносящий. Автономность связки подтверждается тем, что она может иметь собственных "подчиненных". Ими являются модальные слова, которые в предложении столь же обособлены, как обособлены составы субъекта и предиката. Связка не только является автономным элементом предложения, но она должна быть признана его конститутивным элементом, выражающим истинность или ложность. "Истинное и ложное имеются при связывании и разъединении. Имена же и глаголы сами по себе подобны мысли без связывания и разъединения, например, "человек" или "белое", когда ничего не прибавляется, нет ни ложного ни истинного, хотя они и обозначают что-то: ведь и "козлоолень" что-то обозначает, но еще не истинно и не ложно, когда не прибавлен глагол "быть" или "не быть" — либо вообще, либо касательно времени, — писал Аристотель (Аристотель 1978, с. 93). Через связку предложение соотносится с положением дел в мире, которому оно может либо соответствовать, выражая истину, либо не соответствовать, выражая ложь. По-видимому, именно тот факт, что связка составляет центральный компонент предложения, устанавливающий его соответствие состоянию мира, побудил Г. Фреге, различавшего во всех языковых единицах смысл и значение (денотацию), считать, что денотация предложения направлена только на два объекта — истину и ложь ("так или не так"). "В денотате предложения, — замечает Г. Фреге, — все частное стирается" (Фреге, 1977, с. 192).

Каждая из составляющих предложения может стать вершиной номинализации¹. Номинализация предложения, не влекущая за собой изменений в его значении, должна опираться на его конститутивный компонент, каковым является предикативное отношение; связка, следовательно, занимает вершинное положение в синтаксическом дереве пропозитивных номинализаций. В вершине же полных (событийных) номинализаций находится предикат, как категория, обладающая лексическим (понятийным) содержанием, индивидуализируемым в результате его отнесенности к конкретным объектам (*зелень этой листвы, встреча друзей*). Пропозитивная номинализация, таким образом, не получает "реального" денотата, а событийная его получает. Свер-

¹ Мысль о том, что семантическое (но не синтаксическое) отношение может выступать в качестве представителя (вершины) целой конструкции, высказывалась применительно к материалу словосочетаний З.М. Шаляпиной (см. Шаляпина, 1975, с. 15).

тивания предложения к его актантам, в частности к субъекту, мы можем здесь не касаться.

Итак, событийные номинализации базируются на предикате, т.е. на величине переменной. Пропозитивные номинализации ставят "во главу угла" общий для всех предложений компонент — предикативное отношение. Отрицание, представляющее собой, по-видимому, категорию значения связки, не разрушает предикативного отношения. В номинализации, возглавляемой связкой, отрицание сохраняет свои позиции; в номинализации, базирующейся на предикате, оно фигурировать не может (конечно, если оно не лексикализировалось). Факт может быть отрицательным, событие — нет.

Вершинное положение связки объясняет и другие свойства пропозитивных номинализаций. Единство их вершины обуславливает и единство области обслуживающих их предикатов. Если акт познания вершится через связку, устанавливающую отношение между миром вещей и событий и миром человеческих понятий (концептов), то ее предикаты не могут не принадлежать эпистемическому (когнитивному) плану. Они более всего указывают на познавательную ценность суждения, его отношение к действительности и к другим суждениям, степень новизны знания. Способность пропозитивного значения получать предикаты каузации психических состояний человека объясняется тем, что события производят свой психологический эффект, проходя через "пропускник" знания и осознания происходящего. Эмоции, возникающие вследствие прямого контакта с действительностью, как было показано, становясь предметом сообщений, попадают в поле действия событийных имен и номинализаций.

Поскольку изменение актуального членения предложения предполагает изменение места связки (синтаксической вершины), оно не может не отразиться на значении высказывания, имеющего пропозитивную номинализацию в качестве своего субъекта. Становится ясным также, почему истинность условного периода по правилам логики не зависит от реального содержания посылки и следствия: в условном периоде устанавливается отношение между связками (их истинностными значениями), а не между предикатами как категориями, обладающими некоторым лексическим содержанием (так называемые материальные импликации).

Различие в статусе дополнительных придаточных при разных глаголах пропозиционального отношения может быть объяснено (хотя бы отчасти) тем, что эти последние соотносятся с разными компонентами их логической структуры. Так, глаголы полагания вводят пропозицию, истинностное значение которой еще только должно быть установлено: *Я думаю (считаю, полагаю), что эта мысль правильна*. Они управляют связкой. Поэтому объект таких глаголов не может принять форму событийной номинализации, в вершине которой находится предикат: **Я считаю правильность этой мысли; *Я полагаю полезность прогулок*.

Глаголы чувственного восприятия управляют не связкой, а предикатом: *Я видел, как играет эта команда, Я слышал как поет соловей*.

Итак, перечисленные выше особенности пропозитивных номинализаций находят себе объяснение в том, что их вершина образована "сокровенной связкой". Из этого положения вытекает ряд последствий, касающихся структуры как простого, так и сложного предложения. Так, например, обстоятельства места и времени входят в состав простой пропозиции и соотносятся с событийной номинализацией, обстоятельства логического значения (причины, уступки, следствия) занимают внешнее по отношению к простой пропозиции место и соотносятся с целиком взятой пропозицией: *Петя вчера приехал в институт с опозданием из-за перебоев в движении поездов* (= из-за того, что в движении поездов были перебои).

Предложение организовано принципом тринарности, а не бинарности, и это отличает его от словосочетаний, в которых синтаксическое отношение не имеет статуса автономного компонента (очевидно, например, что определительные и подчинительные связи не способны иметь при себе зависимые элементы). Предложение объединяет по крайней мере три составляющих: субъект, реализующий денотативное значение, предикат, выражающий значение сигнификативного типа, и связку, наделенную истинностным значением. Связка тем самым соединяет гетерогенные сущности — денотат и сигнификат: предмет, его словесный знак, и понятие, мир и человеческие представления о мире.

Предложение представляет собой, таким образом, синтаксическое триединство. "Единство есть не что иное, как троичность, потому что означает неразделенность, различенность и связь" (Кузанский, 1979, с. 63). Эти слова взяты из трактата Н. Кузанского "Об ученом незнании" из главы под названием "О том, что понимание троичности в единстве все превосходит".

СВЯЗКА

Существуют истины настолько очевидные, что убедить в них невозможно
(А. Маре).

Будучи конститутивным компонентом предложения, связка занимает вершинное место в его номинализациях. Этим определяется ее роль в механизмах синтаксиса и семантики. Между тем связка далеко не всегда представлена в структуре предложения¹ (в разных типах языков

¹ Любопытно, что в неомеланезийском языке ток-писин, базирующемся на английском корнеслове, связка регулярно выражается автономным предикативным маркером i: *Man i toktok* 'Человек говорит'; *Ston i hevi* 'Камень тяжелый'; *Mipela i wokboi* 'Мы рабочие'. Предикативный маркер несет словесное ударение, отделяющее его от предиката, который может принадлежать любому грамматическому классу. Показатель предикативной связи опускается только перед местоимениями 1 и 2-го лица (Дьячков и др., 1981). Такая "чистая" (или почти "чистая") картина, по-видимому, обусловлена тем, что в креольских языках логическая структура предложения не затемнена процессами стихийного развития.

ее судьба сложилась неодинаково). Вследствие этого она была в конечном счете исключена из универсального синтаксиса. Этому способствовали антилогистические тенденции, особенно острые в языкознании конца прошлого и первой половины нашего столетия. Позднее, когда поднялась новая волна влияния на лингвистику логических теорий, она уже не принесла с собой связи, поскольку к тому времени в логике ее поглотило более широкое понятие пропозициональной функции, в котором связка была объединена с предикатом (признаковым значением). Таким образом, для связки не нашлось места ни в логике, ни в лингвистике. И здесь и там понятие связки, как постоянного компонента предложения-суждения, получило архаизирующие коннотации.

Мы считаем своевременным вернуться к обсуждению этой большой проблемы. Обоснование необходимости введения связки в формальную репрезентацию предложения было предложено нами в предыдущем разделе. Ниже будут суммарно изложены те идеи и проблемы, которые занимали логиков и лингвистов, обращавшихся к этой категории.

Понятие связки возникло в нерасчлененных логико-грамматических концепциях языка, впервые у греческих мыслителей. Предполагается, что связка была выделена в качестве самостоятельного и универсального элемента суждения комментатором Аристотеля Александром Афродизийским (II-III вв.) (см. Ахманов, 1960, с. 134). Под связкой разумелся постоянный компонент (константа) логической структуры предложения-суждения, представленной формулой *S est P*. Связка в этой формуле выражает отношение между субъектом и предикатом, и именно оно формирует суждение ("мысль"). Глагольным предложениям приписывалась имплицитная связка, выявляемая путем преобразования глагольного сказуемого в именное: *Сократ бежит* → *Сократ есть бегущий*. Указывая на присущность или неприсущность признака предмету, связка придает высказыванию способность выражать истину или ложь: "истинное и ложное имеются при связывании и разъединении" (Аристотель, 1978, т. 2, с. 93).

Поскольку истинность суждения определяется отношением к действительности, первичным для связки является значение бытия, вследствие чего оно обычно выражается так называемым глаголом существования (*verbum substantivum*). Этот термин был, по-видимому, введен Присцианом в качестве кальки с греческого. «"Sum" — глагол, который греки называли 'существительный', мы же можем назвать субстантивным» (цит. по Coxito 1981, с. 96).

Перевод Присциана повел к смешению понятий существования и субстанции. Вследствие этого некоторые логики, прежде всего модисты времен Абеляра (XI-XII вв.), полагали, что *sum* 'я есмь' обозначает субстанцию через модус действия: "*Verbum enim substantivum non id quod est actio significat, sed solam substantiam. Idcirco tamen actionem dicitur significare, quia licet substantiam significet, modo tamen actionis eam significat, ut determinatum est*" 'Субстантивный глагол обозначает не действие, а только субстанцию. Но в то же время говорят, что он обозначает действие, хотя ему должно

обозначать субстанцию, но он обозначает ее способом действия, как это следует из определения' (цит. по: Coxito, 1981, p. 99).

Но уже греческие мыслители, в частности Аристотель, полагали, что связка утратила всякое "вещественное" значение и "лишь указывает на некую связь, которую, однако, нельзя мыслить без составляемых" (Аристотель, 1978, т. 2, с. 95). Связка считалась, таким образом, синкатегорематическим словом. Ей приписывались две функции: 1) функция выражения синтаксической соотнесенности субъекта и предиката (лат. *copula*, франц. *fonction cohesive*) и 2) функция утверждения истинности суждения (лат. *assertum*, франц. *fonction assertive*). Сочетанием этих функций (или указанием на одну из них) в лингвистике нередко определялось (и определяется до сих пор) предикативное отношение (см. ниже). Эта же функциональная двойственность кладется в основу характеристики глагола (Бенвенист, 1974, с. 170).

Античные теории связки не были последовательными. Так, связка выделялась в качестве автономного элемента предложения-суждения, выражающего предикативное отношение, и вместе с тем признак предикативности приписывался тому члену предложения, который связка присоединяет к субъекту (т.е. предикату).

Идеи Аристотелевой логики прямо или через посредство римских грамматиков (в частности Присциана) вошли в логико-грамматические трактаты схоластов. Взгляды схоластов группируются вокруг двух концепций связки, которые иногда называют теорией ингерентности (присущности) и теорией тождества (Moody, 1953). До XIV в. превалировала теория ингерентности, восходящая по-видимому, к Боэцию. Ее придерживались в основном реалисты. Согласно этой теории, связка указывает на то, что субъект суждения должен пониматься экстенционально. Это знак, замещающий индивидуальные объекты. Предикат же должен пониматься интенционально, как обозначение общей категории, или универсалии. Связка соединяет экстенционал и интенционал, соответствующие субъекту и предикату. Фома Аквинский (XIII в.) писал, что в суждении субъект мыслится материально, а предикат — формально. Человеческий разум интегрирует эти разные по своей природе категории для того, чтобы установить отношение присущности признака предмету в соответствии с онтологией мира, в котором форма неотделима от материи.

Фома Аквинский считал связку частью предиката, преобразующей признаковое понятие (атрибут) в предикативное. В XIV в. получила большое распространение вторая, номиналистическая, точка зрения, согласно которой связка идентифицирует экстенционалы двух термов (имен) — субъекта и предиката. Суждение истинно, когда субъект и предикат относятся к одному и тому же объекту действительности. Семантическая природа субъекта и предиката признается в этом случае однородной (Coxito, 1981, p. 99 и сл.).

В той мере, в какой теория ингерентности основывается на признании принципиальных различий между значением субъекта и значением предиката, а также между семиологическими функциями того и другого, а теория тождества это различие нивелирует, первая

представляется нам более отвечающей сущности предложения (о семантической специфике субъекта и предиката см.: Арутюнова, 1976, с. 371 и сл.; об их семиологических различиях см.; Степанов, 1985)

Сложившаяся в античной и средневековой науке концепция связки широко использовалась в период господства всеобщих (спекулятивных) грамматик, имеющих логические основания. В "Грамматике Пор-Рояля" (1660 г.) в предложении выделяются два обязательных члена — субъект и атрибут, между которыми находится связка (*liaison*) "есть" (*est*). Опираясь на учение о том, что человеческий рассудок может производить три операции: представлять или созерцать (*concevoir*), судить или размышлять (*juger*) и рассуждать или умозаключать (*raisonner*), грамматисты Пор-Рояля полагали, что понятия субъекта и атрибута отвечают первой операции рассудка, "связка же (связывание) принадлежит второй операции, которая является собственно деятельностью нашего сознания и соотносится со способом соединения исходных представлений, или с мышлением" (*Grammaire generale*, ч. II, гл. I). Построение сложного периода — третья операция разума. Значение утверждения является основным не только для связки, но и для глагола вообще. Стремление к сжатию побуждает говорящих присоединять к этому значению разные другие смыслы — лексические и грамматические (лицо, число и время). "Глагол сам по себе должен был бы употребляться лишь в роли связки, при помощи которой мы мысленно соединяем два члена предложения. Но только один глагол — *être*, называемый субстантивным (*substantif*), сохранил эту элементарность значения" (*Grammaire generale*, ч. II, гл. XIII). Все другие глаголы содержат, наряду со значением утверждения, еще и указание на разного рода атрибуты, иногда на субъект предложения, на время протекания действия и др. "Разнообразие этих значений, объединенных в одном слове, как раз и явилось причиной того, что многие мудрые и искушенные авторы не смогли постичь природы глагола. Вместо рассмотрения его неотъемлемой черты — способности к утверждению — совокупно с прочими преходящими свойствами глагола, они обращали преимущественное внимание на эти последние" (*Grammaire générale*, ч. II, гл. XIII). В итоге, грамматисты Пор-Рояля дают следующее определение глагола: "Слово, обозначающее утверждение некоторого атрибута, сопровождаемое указанием на лицо, число и время" (*Vox significans affirmationem alicujus attributi, cum designatione personal, numere et temporis*)¹ (Там же).

Большинство русских языковедов XVIII в — первой половины XIX в. (М.В. Ломоносов, Л.-Г. Якоб, И. Орнатовский, А.Х. Востоков, И.И. Давыдов и др.) придерживались концепции связки, сложившейся в европейских всеобщих грамматиках. Так, М.В. Ломоносов писал: "Сложение знаменательных частей слова, или речений, производит речи, полный разум в себе составляющие через снесение разных

¹ Мы пользовались переводами "Грамматики Пор-Рояля" Н.Ю. Бокадоровой, которые она нам любезно предоставила.

понятий. Например: Начало премудрости есть страх господень" (1952, с. 418). Л.-Г. Якоб называл глагол, выражающий только связь, чистым глаголом (*verbum purum*), а прочие — смешанными (*verba mixta*) (1812, с. 41). Якоб обращал внимание на то, что все три части предложения — подлежащее, сказуемое и связь — могут быть представлены слитно "через сопряжение ... в одно действие мышления" (1812, с. 20). В некоторых грамматиках (например, И. Орнатовского) связка называлась по выполняемой ею функции "подтверждением" (*assertum*) (Орнатовский, 1810).

А.Х. Востоков считал, что "всякое предложение состоит из двух частей, называемых подлежащим и сказуемым" (1831, с. 222). Однако "между подлежащим и сказуемым должна быть связь... Когда сказуемое состоит из одинокого глагола, тогда связано с подлежащим посредством окончания своего, показывающего лицо, число и время. Когда же сказуемое есть глагол составной, тогда связью служит вспомогательный глагол *есть, суть, был, будет* и пр." (с. 223). Здесь выразилась общая для логизированных грамматик тенденция к унифицированному анализу глагольных и именных сказуемых и к объединению связки со сказуемым. Совершенно сходно с Востоковым интерпретировал состав предложения-суждения И.И. Давыдов: "Сверх двух существенных элементов (т.е. подлежащего и сказуемого — Н.А.), в предложении находится связь, которою сказуемое с подлежащим соединяется в одно целое. Эта связь выражается или глаголом *есть*, или окончанием сказуемого" (1852, с. 272). Ф.И. Буслаев, следовавший логической традиции и определявший предложение как выраженное словами суждение, а суждение — как "присоединение сказуемого к подлежащему", в то же время отрицал необходимость в выделении связки в качестве третьей составляющей предложения на том основании, что "самим сказуемым обозначается уже его связь с подлежащим" (1858, с. 8). Так, постепенно связка "растворилась" в предикате и более не выделялась в качестве автономного, универсального и постоянного компонента предложения, равноправного с подлежащим и сказуемым. Ассоциируемая со связкой проблематика, видоизменяясь соответственно новому направлению мысли, продолжала обсуждаться в рамках двух тем: 1) предикативного отношения и 2) структуры и значения именного сказуемого.

Итак, связка сохранила свои позиции только в качестве компонента составного именного сказуемого: она выражает его грамматические значения (время, лицо, модальность и др.) и обычно представлена глаголом *быть* или его лексикализованными эквивалентами — полусвязочными глаголами. С бытийной связкой ассоциируется собственно лингвистическая (грамматическая, типологическая, семантическая) проблематика, определившаяся к концу XIX в. и стимулированная отходом грамматистов от логических оснований синтаксиса, пробуждением интереса к форме и типологическим особенностям языков. Эта тенденция продолжается и в настоящее время. Автор интересной монографии о связке в русском и чешском языках Р. Зимек настаивает на том, что "связку в грамматике следует понимать иначе, чем в логике; необходимо руководствоваться подлинно лингвистичес-

ким критерием. Другой, чем в логике должна быть так же интерпретация предикации" (Zimek, 1963, p.146).

В русской грамматической традиции понимание связки как компонента составного именного сказуемого обосновывалась А.А.Потебней, отрицавшим существование логической связки (1958, с. 118). Различая предикативную связку и предикативную связь, составляющую существенный признак простого сказуемого, Потебня определил связку как "особое слово, заключающее в себе предикативную связь, но важное не само по себе, а как средство присоединения атрибута к подлежащему" (с. 116). Считая, что связка имеет формальное (в противоположность вещественному) значение, Потебня в то же время относил к связке некоторые причастия, управляющие творительным предикативным (например: И если карлой *сотворен*, то в великаны не таясь). Вместе с тем русские предложения, в которых творительным управляет глагол *быть* (явный или подразумеваемый), как в *Ты виною всех несчастий*, Потебня связочными не считал, приписывая глаголу собственное вещественное значение ('служить', 'являться') (с. 496—499).

Трудности, возникающие в ходе анализа связочного компонента именного сказуемого, обусловлены не только и даже не столько частными случаями его эллипсиса (т.е. возможностью нулевой связки), сколько его бифункциональностью, отражающей дуализм предикативного отношения и определяющей типологическое разнообразие в выражении связки в разных языках.

Связка как компонент именного сказуемого выполняет две функции: 1) формальную — выражение синтагматической связи (согласования) между подлежащим и сказуемым (этой цели служат категории лица, числа, классный показатель, согласовательный маркер) и 2) содержательную — утверждение истинности суждения (этой цели служат время и модальность). Указанные функции имеют в ряде языков раздельное выражение: утверждение истинности представлено в них бытийным компонентом (или его эквивалентами), а согласование субъекта и предиката — местоимением. Взаимодействие двух функций и специфических для каждой из них способов выражения может иметь своим следствием объединение в формах связки элементов глагольного и местоименного происхождения и их взаимную компенсацию. В суахили функции связки в предложениях с именным сказуемым выражаются отдельно: классным показателем и бытийным глаголом¹. В настоящем времени неотрицательных предложений бытийная связка опускается, а приглагольный классный показатель субъекта приобретает автономность: *Sukari i tamu* букв. 'Сахар он сладкий'. Такая языковая ситуация позволяет говорить о местоименной связке.

В тюркских языках большинство аффиксов сказуемости восходят к личным местоимениям (подробнее см.: Гаджиева, 1973, с. 156 и сл., Баскаков, 1975, с. 63 и сл.). Разговорный китайский язык развил связку, независимую от бытийной связки *у*, путем оглаголивания

¹ Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить И.С. Рябову за сведения о синтаксисе предложения в суахили.

местоимения *shih* (Graham, 1967, p. 10). В ряде языков, в том числе в диалектах осетинского, образовалась супплетивная парадигма связки, в которой форма третьего лица ед. числа наст. времени имеет местоименное происхождение. О роли местоимений в формировании связки см. (Бенвенист, 1974, с. 205-208). Примеры весьма причудливой типологии связки, обусловленной участием в ее формировании двух принципиально разных категорий — местоимений (или классных показателей) и глагола, можно было бы умножить (см.: Verhaar, 1967 — 1972).

В существенно меньшей степени типология связок определяется различием в их логических функциях, которые отражаются больше на формах имени (его референции), чем глагола. Вопрос о логическом значении связки в именном сказуемом был поставлен в период создания развитых логических систем, пользующихся формализованными языками, прежде всего в логике отношений. В Аристотелевой логике связка считалась синкатегорематическим словом, и вопрос о ее значении, тем более о ее полисемии не обсуждался. В символической логике, в частности в системах Г. Фреге и Б. Рассела, различия в логическом содержании связочных предложений стало принято сводить к различиям в значении связки (Stupeckí, 1955, s. 13). Обычно выделяют следующие значения связки: 1) значение членства, т.е. вхождения индивида в состав класса: *Socrates is a man* 'Сократ — человек' ($A \in B$); к этому типу принадлежит и предикация признака: *Socrates is mortal* 'Сократ смертен'; 2) значение включения подкласса в состав класса: *The dog is an animal* 'Собака — животное' ($A \in B$); 3) значение тождества: *Socrates is the husband of Xantippe* 'Сократ — муж Ксантиппы' ($A=B$). В артиклевых языках эти различия передаются оформлением имен.

Однако зарегистрированы также случаи использования в разных значениях разных связок, причем распределение значений не обязательно соответствует различиям в логических отношениях. В классическом китайском языке различаются следующие связки: 1) приименная связка *уш*, выражающая значение вхождения единичного предмета или вида предметов в состав класса; предложения с этим показателем рассматриваются как сложные имена, называющие некоторый факт подобно тому, как простое имя называет предмет, 2) связка тождества *shi*, 3) связка преходящей функции, социальной роли и т.п. *wei* 4) связка, вводящая признаковые слова, *гап*; этот показатель устанавливает отношение составной номинации к положению дел в действительности (Graham, 1967). Функции связки усложняются, когда она соединяет имена непредметного значения. В этом случае связка может выражать причинно-следственные отношения (*Нерешительность — это поражение*), сравнение (*Жизнь есть сон*), условие (*Богатство еще не есть счастье*) и др. Эти значения соответствуют функциям пропозициональной (сентенциональной) связки, устанавливающей отношения между пропозициями и аналогичной союзам сложного предложения.

В некоторых направлениях современной логики, в частности в теоретико-игровой семантике, различия в значении связки были

отнесены за счет контекста. В результате анализа "трихотомии Фреге", Я. Хинтика приходит к выводу об отсутствии необходимости "постулировать существование различных смыслов связки *есть*" (1980, с. 330).

В лингвистике проблема связки как компонента именного сказуемого постоянно находится в фокусе обсуждения. Она затрагивает такие важные вопросы, как генезис предложения и глагольность (Meillet 1906). В ходе развития языков может наблюдаться как процесс универсализации связки (романские языки), так и процесс ее частичного исключения из состава именного сказуемого (тюркские, восточнославянские языки). Если условия отсутствия связки могут быть сформулированы в достаточно строгих грамматических терминах, принято говорить о нулевой связке. Именно так оценивал А.М. Пешковский опущение связки в русском языке (1956, с. 254-266).

Более сложным является вопрос об относительно нерегулярном эллипсисе связки. Л.Ельмслев, применив метод коммутации, пришел к заключению, что в именных предложениях типа лат. *Omnia graecula ga* 'Все прекрасно редко' могут быть выделены свойственные эксплицитной связке *sunt* грамматические значения 3-го лица мн. числа наст. времени изъявительного наклонения. Он относил бессвязочные предложения к одному типу со связочными (Hjelmslev, 1948). Э.Бенвенист, напротив, усматривал между ними структурные и семантические различия. Он рассматривал именные (т.е. бессвязочные) предложения как особый синтаксический тип, не выражающий категорий времени и наклонения, а также не соотносящий время события с временем сообщения об этом событии. Специфика бессвязочных предложений, по Э. Бенвенисту, состоит в том, что они употребляются в прямой речи и выражают общие истины. Э. Бенвенист опирался в основном на материал гомеровского эпоса (1974, гл. XIV и XVII).

В целом можно констатировать, что в условиях нормативного присутствия связки ее опущение, представляющее собой обычно архаичное явление, удерживающееся в разговорной речи и фольклоре, приобретает семантическую или стилистическую маркированность; на фоне же нормативного отсутствия связки ее употребление так или иначе значимо.

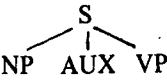
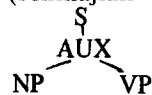
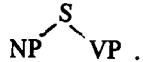
Проблема связки в составе именного сказуемого, как было показано, имеет и логический и лингвистический аспекты, которые не сопрягаются между собой. Мысль логика и языковеда развивается в разных направлениях. Лингвистический анализ устанавливает типологию именных предложений и их значения, логический — типологию отношений между терминами. Первый конкретен, второй универсален.

В середине XX в. произошли коренные изменения в направлении лингвистической мысли, которая обратилась к логико-семантическому анализу предложения. В синтаксисе стали различать уровень абстрактного представления структуры предложения и уровень его языковой реализации. Иногда эти уровни называют глубинными и поверхностными структурами. Однако не это для нас существенно. Важно то, что всякая абстрактная репрезентация структуры пред-

ложения необходимо стремиться учесть его наиболее общие свойства и в конечном счете, его логические характеристики. Уже говорилось, что волна логических идей, захлестнувшая в последние два десятилетия лингвистику, не вынесла связи на ее берега. Однако появился ее аналог — некоторая универсальная (необходимая) категория, присущая любому предложению и отдельная от его субъекта и предиката. Аналог универсальной связи в то же время не совпадал и с концептом предикативного отношения. В рамках разных версий порождающей грамматики и логического анализа естественных языков были предложены разные модели аналога связи. Согласно одной из точек зрения, логическая структура предложения двучленна и состоит из пропозиции и предикативного или модального значения, актуализующего целиком взятую пропозицию. Структура предложения представлялась либо как $S + is$ ("предложение + есть") (Hurford, 1978), либо как $M + P$ ("модус + пропозиция") (Филлмор, 1981, с. 404). Эти представления соответствуют концепции "внешней предикации", то есть интерпретации предикации как отношения между высказыванием и действительностью.

Авторы одной из статей на эту тему на основании сопоставительного анализа разных групп языков (по преимуществу уто-ацтекских) приходят к заключению, что "аналог связи" (аух от англ. auxiliary 'вспомогательный') составляет особую категорию, отличную по своему синтаксическому поведению от имен и глаголов. Эта категория обнаруживает в разных языках гораздо больше сходства, чем, например, категория имени (Акмаjian et al., 1979, с. 51, 54, см. также Steele, 1978).

Согласно другой теории "аналог связи" понимается как совокупность определенных грамматических значений (вида, времени, модальности, иногда также отрицания и согласовательных маркеров). Эта точка зрения принята в синтаксисе, представляющем структуру предложения в виде дерева зависимостей. Были предложены разные схемы, в которых узел аух занимает разное место: 1) между именной и глагольной группами на одном с ними уровне:

 (Акмаjian et al, 1979, p. 45); 2) в вершине дерева

 (Ross, 1967); эта версия называется main

Узел аух обычно получает дальнейшее развитие. В этой грамматизированной версии константного компонента предложения из него было исключено основное и обобщающее понятие истинности (отношения к действительности), растворившееся в разных грамматических значениях (времени, модальности). Грамматическая константа предложения тем самым утратила связь и с предикативным отношением и с коммуникативным членением предложения.

Ценным в этой теории, возможно, является попытка объединения, систематизации и иерархизации частных значений, зависимых от

связки. Однако в ней не отмечается близость связки к модусу полагания или утверждения. Между тем указание на родственность этих компонентов высказывания содержится уже в самом обозначении связки как *assertum* 'утверждение' (см. выше). Характерно, что Г. Фреге, исключив связку из символической записи суждения (высказывания), ввел в нее компенсирующий знак утверждения. Связка и пропозициональное отношение утверждения обслуживают значение истинности высказывания. Последнее осуществляет эпистемическое или коммуникативное действие, орудием которого является связка, а двигателем — модус полагания.

Связка членит высказывание на составы. Соединяя, она разделяет, а разделяя, властвует. Если сама связка подчинена модусу утверждения, то в ее подчинении находится весь модальный комплекс.

В предложениях с эксплицитным модусом роль связки идет на убыль в зависимости от степени верифицированности суждения. Объекты мнений и утверждений не утрачивают связи с "хозяином" (говорящим). Объекты же знаний не имеют владельцев — факт быстро эмансипируется от того, кто его установил. Истина становится объективной. Поэтому в предложениях с эксплицитным модусом полагания из зависимой пропозиции не может быть исключена "сокровенная связка", в предложениях с эксплицитным модусом знания это возможно; ср.: **Я полагаю (утверждаю) о его прибытии и Я знаю о его прибытии.*

ФАКТ

Не будем недооценивать значение факта: когда-нибудь на нем распустится цветок истины (Г. Торо)

Повествовательные предложения, освобожденные от модуса, и их полные номинализации в составе других высказываний соотносительны с существительным *факт*. Этот классификатор может вводить номинализации (Крейдлин, 1973; Арутюнова, 1980; Seriot, 1985), замещать их, а также использоваться в качестве их предиката: Конференция была отменена. То, что конференция была отменена, факт. Тот факт, что конференция была отменена, всех огорчил. Этот факт всех огорчил.

Употребление имени *факт* в конструкции с изъяснительным придаточным отличает синтаксис этого существительного от синтаксиса имен онтологического плана, таких как *событие, происшествие, случай* и др., которые не могут выполнять интродуктивную по отношению к пропозиции функцию: **то событие, что..., *тот случай, что...* Такое употребление вводит имя *факт* в одну категорию с классификаторами ментального и информационного плана (это было отмечено в Крейдлин 1973, Seriot 1985), а также с соотносительным (в синтаксическом смысле) словом *обстоятельство* (Крейдлин 1973). К числу ментальных и информационных классификаторов относятся: *известие, что..., сообщение, что..., слова о том, что..., утверждение, что..., гипотеза, что..., предположение, что..., подозрение, что..., слух о том, что...* и т.п.

Нетрудно заметить, что речь идет об именах, произведенных от пропозициональных глаголов. Сходство с этими именами является существенным аргументом в пользу того, что факт коррелятивен суждению, а не непосредственно положению дел в мире. Иными словами, значение независимого предложения имеет фактообразующий (пропозитивный), а не событийный (ситуативный) характер.

Ф. Рамзей еще в 1972 г. обратил внимание на распространенную ошибку, связывающую значение предложения с событием, тогда как предложение или суждение соответствует факту (Ramsey 1950, p. 141). От предложения идут по крайней мере три линии семантического развития. Первая восходит к самому суждению — это линия пропозитивной семантики (в узком смысле); она приводит к имени *факт* или *то-что*-значению: *Иван уехал* → *То, что Иван уехал (этот факт), расстроило все мои планы*. Вторая линия ведет к отпредикатным значениям, выражаемым событийными именами (девербативами и деадъективами): *Иван уехал* → *Отъезд Ивана был печальным событием*. Третья линия ведет к "ментальной" семантике: *Иван уехал* → *Твое предположение, что Иван уехал, необоснованно (Твое подозрение, что Иван уехал, недостойно)*. Источник семантики первого типа — пропозиция. Второй тип значения берет начало в лексическом значении предиката. Третий тип значения восходит к модусу. Он неоднороден и может относиться либо к психологическому состоянию, и тогда он аналогичен отпредикатным значениям, либо к факту наличия этого состояния, и тогда он аналогичен пропозитивному значению. Следовательно, линия, восходящая к модусу, раздваивается, порождая значения либо пропозитивного (фактообразующего), либо отпредикатного типа. Значения пропозитивного типа однородны. Их можно дифференцировать только по критерию истинности (ср. факты и возможности, по Вендлеру). Отпредикатные значения разнородны, что подтверждается целым рядом классификаторов, употребляющихся по отношению к девербативным и деадъективным именам, а также особенностям их употребления. Слова и выражения, восходящие к пропозициональному отношению (модусу), могут относиться либо к ментальному состоянию (отпредикатная семантика), либо иметь пропозитивный смысл. Тогда они входят в один класс с именем *факт*. При этом наличие или отсутствие зависимой пропозиции при имени не играет никакой роли, поскольку ментальное "состояние души" пропозиционально. Тип значения субъекта выявляется в контексте предиката; ср.: *Убеждение (в том), что люди добры, прочно укоренилось в его душе* (отпредикатное значение состояния) и *Убеждение (в том), что люди злы, необоснованно* (пропозитивное значение); *Мысль, что обезьяна — это деградированный человек, недоказуема* (пропозитивное значение) и *Мысль о том, что человек, деградируя, становится ниже и хуже животных, определяла его отношение как к людям, так и к животным* (отпредикатное значение). Следует заметить, что в сфере классификаторов ментального типа (особенно не в позиции субъекта) фундаментальная для языковой семантики грань, разделяющая пропозитивные и отпредикатные значения, ослаблена.

Теперь необходимо коснуться вопроса референции предложения и производных от него имен и конструкций. Тезис о том, что высказывание

является знаком ситуации, обосновывался В.Г. Гаком (Гак, 1969). Этот вопрос был недавно вновь поднят в интересной статье Е.В. Падучевой (Падучева, 1986, там же см. библиографию по теме). Вслед за Фреге (см. об этом выше) мы придерживаемся той точки зрения, что в применении к независимому предложению, а также к предложению, вводимому модусом полагания, можно говорить только о референции к истине или лжи, организующим ментальное пространство. Однако, поскольку лингвист не может принять тезис о том, что предложения являются именами и отличаются от других имен только типом денотации (такова была точка зрения Фреге), мы предпочитаем считать предложения нереферентными выражениями. В нетерминологическом смысле, однако, допустимо говорить о референте того или другого предложения. Рассмотрение проблемы референции предложения в работе Е.В. Падучевой, с одной стороны, приводит к категориям модальности и коммуникативной структуры (ею выделены реальная и нейтральная модальности с дальнейшей дифференциацией по признакам известности/неизвестности, ассертивности/имплицативности), а с другой, возвращает к классификации суждений в зависимости от референции (квантифицированности) субъекта и от значения предиката (в основном видового). Этот последний аспект (особенно применительно к зависимой пропозиции) представляет наибольший интерес (Падучева, 1986, с. 30 и сл.). Таким образом, проблема референции предложения распределилась между его модальностью, логическим количеством субъекта, семантикой предиката и коммуникативной организацией высказывания. Введение референтного аспекта в анализ и описание предложения не представляется необходимым. Референтный подход, кроме того, не отвечает сущности предложения, растворяя среди прочих центральную для него категорию истинности.

Однако номинализации предложения, в том числе и неполные, а также имена, коррелятивные предложению (*факт, суждение, мнение* и др.), приобретают референцию к категориям ментального плана: *Это мнение нелепо; То, что он примет ваше предложение, более чем сомнительно*. Референтом неполной номинализации является пропозиция (факт или возможность). Денотация и коннотация (референция и значение) в этом случае совпадают.

Имя *факт*, таким образом, референтно, а предложение нет. Вместе с тем *факт*, как мы постараемся показать, не может иметь в качестве своего референта события и ситуации действительности. Факт получает доступ к действительности только через значение истинности, то есть контрадикторную оппозицию истины и лжи (соответствия/несоответствия действительности).

Замещая простые предложения, имя *факт* вводит их в другие высказывания, вследствие чего они утрачивают коммуникативную автономность.

Устранение субъективного модуса, связывающего суждение с говорящим лицом, укрепляет связь "факта" с действительностью и дает ключ к распространенным определениям этого концепта. "Большинство фактов, — писал Рассел, — не зависит от нашего воления; поэтому они называются *суровыми, упрямыми, неустрашимыми*" (Рассел, 1957, с. 178). Далее Рассел пишет о фактах-верификаторах (с. 186). Акцент на объективной стороне факта побудил Рассела, как и ряд других авто-

ров, определить "факт" как "то, что делает наши утверждения истинными или ложными" (с. 177). Согласно этой дефиниции, факты выступают в качестве первичных, заранее данных сущностей, а истинные суждения, их констатирующие, — в качестве вторичных. Факты считаются независимыми от наших утверждений. Представление о том, что факты первичны, а суждения, о них сделанные, вторичны, ошибочно. Суждение структурирует действительность так, чтобы можно было установить, истинно оно или ложно. Это наглядно показывает концепция истинности А. Тарского, согласно которой суждение *Снег бел* истинно, если и только если снег бел. Факты не существуют безотносительно к суждениям. Существует лишь некий аналог, отвечающий выраженному в суждении концепту (the worldly counterpart of a proposition). В этом смысле суждение задает факт, а не факт — суждение. Реальность существует независимо от человека, а факт — нет. Человек вычленяет фрагмент действительности, а в нем определенный аспект, концептуализирует его, структурирует по модели суждения (т.е. вводит значение истинности), верифицирует и тогда только он получает факт.

Возможно, именно это имел в виду Л. Витгенштейн в "Логико-философском трактате", когда писал о необходимой аналогии в структуре мыслимого образа и факта (Витгенштейн, 1958, с. 34—36, § 2.1—3.03). Б. Рассел в предисловии к "Трактату" выделяет этот тезис как основополагающий для излагаемой Витгенштейном концепции (там же, с. 12). Утверждения раннего Витгенштейна о том, что "мир определен фактами и тем, что это все факты" (1.11), что "мир распадается на факты" (1.2), что "совокупность всех фактов определяет как все то, что имеет место, так и все то, что не имеет места" (1.12), что "факты в логическом пространстве суть мир" (1.13) и др., относятся к концептуальной картине мира, а не к "сырой" реальности. Речь идет о мире в той мере, в которой он может быть воспринят и познан человеком, ср. следующее утверждение З. Вендлера: "Если нам дан язык и мир, то нам тем самым даны все факты" (Vendler, 1970, р. 96). Все познанное в мире формально: оно принимает форму факта. "Сырых фактов" просто не может быть¹. "Сырыми" могут быть только ощущаемые человеком процессы и состояния.

Суждение есть форма человеческой мысли, а не форма действительности. Его конституирующий компонент — связка. Этот компонент наследуется концептом факта. Вместе с ним наследуется и способность принимать отрицание. Факты могут быть отрицательными, а события — нет. Конституирует факт значение истинности, противопоставленное значению ложности. Оно выявляется в диагностической для любого концепта предикатной позиции: *То, что конференция не состоялась, факт* (= верно, правда, истина). "Факт" частично повторяет структуру суждения. Он отличается от суждения прежде всего тем, что снимает необходимость производить истинностную оценку: факты не оспариваются. Однако предикат *факт*, как и любой другой предикат, может быть отвергнут: *Это еще не факт*.

¹ Еще более ясно эта мысль выражена в последней работе Л. Витгенштейна "О достоверности": "«Я знаю» должно выражать отношение не между мной и смыслом предложения (подобно «я полагаю»), а между мной и некоторым фактом. Так что факт воспринимается моим сознанием" (Витгенштейн, 1985, с. 144, § 90).

Связь "факта" со значением истинности проявляет себя также в употреблении имени *факт* перед полной (по форме) номинализацией предложения или обозначением события (Кубрякова, 1981, с. 179 и сл.). Когда говорят о *факте знакомства*, *факте выступления*, *факте присутствия* и т.п. имеют в виду только то, что соответствующее событие произошло. Имя *факт* превращает полную номинализацию в неполную, выделяя в качестве ее вершины истинностное значение. Если полная номинализация всегда эквивалентна неполной, то имя *факт* не вносит в конструкцию ничего нового: *факт тождества* = тождество, *факт отцовства* = отцовство (Шатуновский 1984). Существительное *факт* может префигурироваться именам еще не происшедших событий: *Мне необходим был только факт знакомства с этой актрисой* = Было необходимо, чтобы знакомство с этой актрисой состоялось и только это; ср. также следующие контексты: *Мне не важно, что и как ты скажешь. Важен лишь сам факт твоего выступления (участия в дискуссии). В самом факте выполнения этой работы нет ничего постыдного. Стидно выполнять ее плохо*. Приведем отрывок из воспоминаний В.Г. Шершеневича, в котором ясно видна разница между событиями и фактами: *Я не случайно останавливаюсь на ряде скандалов. Скандал в дореволюционной России был одним из легальных способов протеста. Скандал был и способом саморекламы. Позже, после революции, имажинисты (и я в том числе) пробовали "по традиции" пойти по этому пути. Но в изменившейся обстановке факт скандала стал давать уже иной резонанс: реклама получалась печальная, протеста, естественно, не получалось совсем... Факт скандала описать невозможно, какой бы широкий отзвук он ни получил, а скандальное событие, собственно сам "литературный скандал", автор описывает в своих мемуарах с видимым удовольствием и множеством деталей, которых лишен факт (каждая деталь сама эквивалентна факту).*

В приведенных контекстах обнаруживает себя еще одна черта фактов: факты не дескриптивны. Они призваны устранить все частные характеристики события и сохранить только его бытие. Поэтому часто говорят о неприукрашенных и голых фактах: *Вот вам, господа, веселая картинка бурсацкой бани, в повести, в которой одни лишь голые факты* (Помяловский). Между тем сама по себе "картинка" (даже бани) не может быть "голым фактом", поскольку факты не описывают (их излагают), а "картинка" требует описания; она не может быть констатирована. Можно описывать, как разворачиваются события, но не как происходят факты. Факты вообще не происходят, и это уже само по себе снимает валентность на способ осуществления.

Есть, впрочем, условия, в которых человек не может оперировать "голыми фактами". Голые факты не могут фигурировать в обвинениях и оправданиях, в упреках и оценочных суждениях. Они не могут лежать в основе приговоров и вердиктов. В ходе судебных разбирательств множество разнообразных обстоятельств прикрывают собой наготу факта. Не случайно существительное *обстоятельство* способно вводить пропозицию (Крейдлин 1973), которая обозначает дополнительный, иерархически подчиненный главному ("голому") факту более мелкий факт. В этом смысле *обстоятельство* принадлежит другому семантическому

кругу, чем такие имена как *случай*, *происшествие* и *событие*. "Описывая" факты, оно не становится дескриптивным, так как, подобно имени *факт*, обладает пропозитивным значением.

Сведение фактов к образам (моделям) действительности, элементы которых соединены между собой аналогично тому, как соединены друг с другом вещи (Витгенштейн, 1958, с. 34—35, § 2.1 и сл.)¹, возможно только в применении к семантическому аспекту пропозиции, особенно к модели управления многоместного предиката. В этом случае между речевым выражением (пропозицией) и действительностью имеет место то же отношение, которое существует между именем и соответствующим ему стереотипом класса. Подпись под иллюстрацией, изображающей некоторую ситуацию, не обязательно делается в форме предикатных конструкций. Семантический (номинативный) аспект предложения не разрушается даже его полной номинализацией. Суждение рушится, но его семантика сохраняется. Может измениться только форма выражения актантных отношений.

При определении истинности суждения правильное обозначение актантных отношений играет ту же роль, что и правильное обозначение самих актантов. Это лишь предварительное требование, которое должно быть удовлетворено перед актом верификации. Семантический (концептуальный) образ ситуации входит в множественные противопоставления и отношения, акт верификации сводит их к бинарной оппозиции истины и лжи (мы отвлекаемся от многозначных логик). Факт и элементарное событие различны в том отношении, что первый конституирован значением истины, второе — нечеткими актантными отношениями, вставленными в пространственно-временную рамку.

Сказанное свидетельствует о том, что ключ к пониманию "факта" следует искать не в независимой от языка действительности, не в положениях дел или событиях, а в суждении о действительности. Имя *факт* постоянно взаимодействует в тексте с предложениями и их неполными номинализациями, и этот контакт не безразличен для семантики "факта". И хотя конструкция *тот факт, что...*, как справедливо заметил Дж. Остин, дает возможность нерасчлененно говорить о мире и о наших знаниях о мире ("The fact that..." is a way of speaking compandiously about words and world together) (Austin 1970, с. 165), лидирует в этом комплексе концепт истинности суждения (знания), а не "неприкасаемый" мир, действительность "как она есть".

Тезис о том, что факты вторичны по отношению к суждениям, имеет

¹ Мысль о предложении как образе действительности возникла у Л. Витгенштейна под впечатлением от книги о дорожных инцидентах, в которой описание каждой ситуации сопровождалось иллюстрацией. Возражая Витгенштейну, Я. Хинтиikka писал, что предложения, содержащие кванторы, "сами по себе не есть образы положений дел", а "предписания для построения этих образов, точнее — для построения модельных множеств, включающих указанные предложения" (Хинтиikka 1980, с. 53). Ср. также следующее его высказывание: "...предложения сами по себе не являются образами положений дел, в которых они могли бы быть истинными. Они представляют собой инструкции по построению некоторого числа альтернативных образов" (там же, с. 289). Но и эта поправка не меняет сути дела. Речь и в этом случае идет о семантической стороне предложения, но не о выраженном в нем акте мысли.

далеко идущие последствия. Семантика имени *факт* (концепт факта, "факт") в большой степени наследственна. Факт — наследник и представитель не любой пропозиции, а только верифицированной и получившей оценку "истинно". Из этого ограничения проистекают основные семантические различия между суждениями и фактами. Эти различия выявляют себя в экстенсionaле имени *факт*. Последний образуется теми пропозициями, которые это имя может замещать или вводить.

Истинность замещаемой именем *факт* пропозиции предполагает ее верифицированность. Верификация может быть осуществлена, только если есть возможность сопоставить утверждение с действительностью. Такая возможность предоставляется тогда, когда речь идет об актуальном положении дел или о совершившихся событиях.

В самом деле, факты бывают чаще всего уже свершившимися, локализованными в прошлом (*factum* и значит 'сделанный', 'свершенный'). Имя *факт* не может замещать предложений, относящихся к "проблематичному" будущему и имеющих гипотетическую модальность (Вендлер называет их значения "возможностями"). Становясь темой сообщения, такие предложения оформляются условным придаточным, которое составляет антецедент для местоименного субъекта *это*: *Если ты откажешься, это всех огорчит*. Факт должен быть установлен, и тогда он станет достоверным. Факт противопоставляется домыслу, догадке, шутке, выдумке и клевете, неправде, словом, небылице или предположению, например, *Это не шутка — факт самый доподлинный* (Фурманов), *Нет, ты фактов подавай. Я все понял! У тебя фактов нет, у тебя одни только дрянные, ничтожные догадки заматовские* (Достоевский).

Но даже в тех случаях, когда речь идет о существующем положении дел или уже известном событии, пропозиция не всегда может быть верифицирована. Верификации препятствуют идущие от говорящего субъекта субъективные оценки и эмотивные коннотации. "Факт" требует, чтобы вещи были названы своими именами. Он стремится избавиться от *ges sentiens* 'чувствующего субъекта'. Соответствующее факту суждение порождено *ges cogitans*, человеком, освободившимся от того человеческого, что не чуждо всякому человеку. Рамка *тот факт, что...* требует нейтральной лексики, отвечающей условию "прозрачности" (см. ниже). Если требование прозрачности не соблюдено, то говорят об искажении фактов, в чем обычно упрекают друг друга полемисты; ср., например, у Достоевского в "Дневнике писателя": *Я смеялся над фактом, переданным во всеуслышанье корреспондентом "С.-Петербургских ведомостей", — и не прибавил от себя ни одного слова, которое могло бы исказить этот факт. А клеветой называется только искажение факта, лживая выдумка, а никак не суждение о том или другом*. Факты не терпят прибавок и привнесений.

Итак, факт противостоит фантазии, "кривому зеркалу". Эмансипировавшись от эмоций говорящего, предложение, чтобы стать констатацией факта, должно исторгнуть из себя все, что проистекает от субъективного модуса. Предложение *Наш простопфиля женился на этой "штучке"*, если оно претендует на констатацию факта, должно быть переформулировано как *Иван женился на Изольде*.

Против такой информации не может быть выдвинуто возражение.

"Факт" исключает из своего состава также все вводные слова и конструкции, представляющие собой прямой "вклад" говорящего индивида и нарушающие структуру пропозиции. Можно даже предположить, что если в речи вслед за сообщением *Наш бездельник, к сожалению (как ты можешь догадаться), опять засыпался* идет высказывание *Этот факт всех расстроил*, то под именем факт подразумевается уже очищенная от субъективных привнесений, стилистически нейтральная пропозиция *Иван не сдал экзамена*.

Итак, будучи величиной объективной, "факт" должен "выбирать выражения", отбрасывая все то, что обнаруживает связь с личностью говорящего, — его оценки, комментарии, дополнения, разъяснения и т.п., словом, все то, что затрудняет верификацию или вносит побочные субъектно-предикатные связи. Это не всегда легко сделать.

В своем эссе о Гоголе В.В. Набоков следующим образом комментирует веру Гоголя в объективность фактов: *Беда в том, что голых фактов в природе не существует, потому что они никогда не бывают совершенно голыми: белый след от часового браслета, завернувшийся кусочек пластыря на сбитой пятке — их не может снять с себя самый фанатичный нудист. Простая колонка чисел раскроет личность того, кто их складывал* (В. Набоков. Николай Гоголь // Новый мир. 1987. № 4. С. 214).

"Факт" требует, чтобы пропозиция могла быть верифицирована простым и прямым сличением с действительностью. Он не может обойтись без так или иначе выраженной конкретной референции. Всякого рода отвлеченные построения (теории, концепции, общие суждения) не подвоятся под категорию фактов, даже если они могут быть проверены и апробированы. Факт, в отличие от концепций, не требует доказательств. К установлению фактов ведет детективный сыск. Он пользуется иными методами, чем доказательство теоретических положений и законов или обобщение эмпирических данных.

Так называемые "вечные предложения" Куайна относятся именно к фактам. Теории и мнения признаются тем ближе к истине, чем на большем количестве фактов они основываются; ср. употребление имени *факт* в следующих контекстах: *Нам следовало бы стремиться познавать факты, а не мнения, и напротив, находить место этим фактам в системе наших мнений* (Лихтенберг). *Всякая теоретическая наука основывается на возможно полном и точном исследовании фактов* (Чернышевский), *Специалисты на основании достоверных фактов утверждают, что на пятьсот грамотеев двести непременно оказываются негодаями* (Салтыков-Щедрин). Противопоставленность фактов и теорий поддерживается и тем, что эти имена входят в разные типы интенционального контекста: теории надо понимать, а факты — знать. Факты нуждаются в установлении, а теории — в обосновании и развитии. Факты в этом смысле представляются в виде единиц конкретного (эмпирического) знания, полученного в результате наблюдений или опытных данных. Однако факты далеко не всегда поддерживают теории. Для методологии науки более важно то, что они способны их фальсифицировать (Поппер, 1983, с. 105 и сл.). Факты и теории (не говоря уже о мнении) постоянно враждуют между собой. Теории могут быть фальсифицированы, факты —

нет. Поэтому в логике научного знания считается важным, чтобы употребление имени *факт* не выходило за пределы своего места в системе терминов, определяемого противопоставленностью не только теориям и законам, но и "данным". Между тем, как только за обобщением или законом признается истинность и способность прогнозирования, к нему тотчас начинает применяться имя *факт*. Протестуя против такого расширения экстенционала имени *факт*, Р. Карнап писал: «Ученые часто обращаются с универсальными утверждениями — или, скорее, с тем, что выражает такие утверждения, — как с "фактами". Они забывают, что слово *факт* первоначально применялось (и мы будем применять его исключительно в этом смысле) к единичным, частным событиям». — И несколько далее: «Зоологи могут говорить неформально о таких фактах, как *ворона — черная* или *осьминог имеет восемь конечностей*, но в нашей, более точной, терминологии все подобные утверждения будут называться *законами*» (Карнап, 1971, с. 42). В конце книги Р. Карнап возвращается к проблеме факта: «Некоторые физики могут говорить о законе теплового расширения, законе Ома и других как о фактах. Конечно, они могут сказать, что теоретические законы помогают объяснить такие факты. Это похоже на мое утверждение, что эмпирические законы объясняют факты, но слово *факт* используется здесь в двух разных смыслах. Я ограничиваю его значение частными конкретными фактами, которые могут быть охарактеризованы пространственно-временным образом. Фактически ведь наблюдается не тепловое расширение вообще, а определенное расширение этого железного бруска, когда он нагревается утром в 10 часов» (с. 307).

Показательно, что в приведенном тексте Р. Карнап, настаивая на том, чтобы не был превышен уровень абстракции того, к чему приложимо имя *факт*, в то же время допускает такое словоупотребление, которое то ставит знак равенства между фактами и событиями, то между фактами и утверждениями. Ни то, ни другое нельзя признать корректным. Приравливание фактов к событиям позволяет Р. Карнапу говорить о пространственно-временной характеристике фактов, что также не точно. Факты сами по себе лишены пространственно-временной локализации (см. выше). Речь может идти только о том, что пространственные и временные локализаторы входят во внутреннюю семантическую структуру факта; *тот факт, что данный брусок расширился, когда его нагрели вчера в 10 часов утра в лаборатории* представляет собой правильную номинализацию, но едва ли можно счесть корректным следующее предложение: **Факт расширения бруска при нагревании произошел (имел место) вчера в 10 часов утра в лаборатории*.

Семантический объем "факта" предопределен синтаксическим объемом простого конкретного предложения. В отличие от *факта*, имена онтологического плана, такие как *событие*, *происшествие* и т.п., обладают рыхлым и весьма растяжимым объемом.

Объем факта имеет, по-видимому, не только нижний, но и верхний предел, т. е. не только минимум, но и максимум. Если нижний предел определяется составом простого предложения, то верхний предел выявляется, хотя и не вполне четко, в отношении факта к сложному предложению. "Факт" допускает развертывание в придаточное таких "объек-

тивных” позиций простого предложения как обстоятельства места и времени, ср. *Тот факт, что Петя приходил, когда никого не было дома, наводит на подозрения*. Нам представляются, однако, менее естественными предложения, в которых под факт подводятся логические отношения, отличающиеся от временных и локальных связей своей ненаблюдаемостью. Даже если высказывание относится к вполне конкретной, наблюдаемой ситуации, оно с большей легкостью включает в себя временное придаточное, чем причинное, ср. *Тот факт, что брусок расширился, когда был нагрет, уже не удивил мальчиков и* Тот факт, что брусок расширился потому, что был нагрет, не удивил мальчиков*. Первое предложение “проходит” легко, а второе — “со скрипом”.

Факты, как подчеркивалось, не являются онтологическими единицами. Поэтому их границы устанавливаются не физическими, а семантическими параметрами. Сколько бы мы ни настаивали на соответствии факта действительности, он не может оторваться от смысла и логической структуры той пропозиции, в которой берет свое начало. Именно пропозиция очерчивает границы факта. Эти границы совпадают с объемом простой пропозиции. Эксплицитность или неэксплицитность ее членов (например, обстоятельств места и времени) не влияет на идентичность факта, если при этом не изменяется его логическая структура. Так, в следующих двух предложениях речь идет об одном факте: 1) Тот факт, что 27 января на Черной речке состоялась дуэль Пушкина с Дантесом, был предопределен ходом событий последних дней, 2) Тот факт, что дуэль Пушкина с Дантесом состоялась, был предопределен ходом событий последних дней. Однако в предложении *Тот факт, что дуэль Пушкина с Дантесом состоялась на Черной речке, объясняется уединенностью этого места* речь идет уже о другом факте, хотя и там и тут имеется в виду одно событие действительности.

Факт наследует от пропозиции не только границы (объем), но и “семантическую глубину”, то есть уровень погружения в действительность, количество сообщаемой информации (ср. *умер, убит и застрелен*). Пословица *Не умер Данила, болячка задавила*, если отрицание употреблено в ней в “вытеснительном” (корректирующем) смысле, применима не ко всякой ситуации. Конечно, отрицать тот факт, что Данила умер, не приходится, но из этого не обязательно следует, что он (этот факт) тождественен тому факту, что Данилу “задавила болячка”. Незэквивалентность подобного рода фактов стала бы более очевидной, если бы мы сказали *Не умер Данила, убили его*. При условии контрастивного статуса отрицания предложение *Лермонтов не умер, а его убили на дуэли* логично. Контрастивное отрицание в нем может быть мотивировано не только тем, что значение глагола *умереть* интерпретируется в данном случае как “умереть естественной смертью (т.е. от старости)”, и даже не тем, что прагматика коммуникации требует сообщения той информации, которая относится к “чрезвычайным происшествиям”, если они имели место. Важнее здесь контекст употребления. Высказывание о гибели Лермонтова может входить в разные контексты. При выяснении даты смерти поэта, данные об обстоятельствах и причине смерти несущественны: *умер и был убит на дуэли* в этом случае эквивалентны и констатируют один и тот же факт. В

этих условиях ироничность упомянутой поговорки оправдана. Вот еще пример. В ситуации покупки Чичиковым мертвых душ, сведения об обстоятельствах смерти каждой "души", сообщаемые Чичикову Собакевичем, избыточны. Но если речь идет о том, что жизнь поэтов часто кончается трагически, и в подтверждение этой гипотезы приводится, в частности, судьба Лермонтова, то вполне можно сказать *Вот и Лермонтов не умер, а его убили на дуэли*, или *Тот факт, что Лермонтов не умер, а его убили на дуэли, подтверждает мысль С. Цвейга, сказавшего: "Судьба склонна облекать в трагические формы жизнь великих людей"*. В данном контексте факт смерти Лермонтова и тот факт, что он был убит, не тождественны.

Таким образом, не только логическая структура свернутой к "факту" пропозиции, но и количество передаваемой об одном событии информации существенны при идентификации фактов. Избыточная же для данных коммуникативных целей информация может быть сброшена со счетов. Так, оба приводимых ниже ответа на вопрос констатируют один факт: — *В каком году умер Лермонтов?* (= Какова дата смерти Лермонтова?) — 1) *Лермонтов умер в 1841 г.*; 2) *Лермонтов был убит в 1841 г.*

Факт (его значение) есть способ анализа событий действительности, имеющего своей целью выделение в них таких сторон, которые релевантны с точки зрения семантики текста. Факт не может быть уподоблен ни единицам административного деления пространств, ни единицам календарного членения временного потока, ни естественным реалиям природного мира. Известная метафора Маяковского (*Воспаленной губой / Припади и попей / Из реки по имени факт*) основана на амальгаме "факт-событие". В бытовой речи все же говорят о текущих событиях, но не о текущих фактах. Семантические пространства, соответствующие разным фактам, могут частично пересекаться и входить одно в другое. Они определяются потребностями коммуникации.

Факт — наследник пропозиции, а пропозиция может констатировать как единичное действие или событие, так и серию действий или событий, разделенных во времени. Точно так же, как не совпадает счет утверждений и соответствующих им событий действительности, нет совпадений в счете событий (ситуаций, действий) и фактов. Факт вовсе не обязательно указывает на единичное происшествие: *Тот факт, что он в течение многих месяцев ежедневно приходил к больной жене, (факт его ежедневных посещений) свидетельствует о его к ней любви.*

Счет фактов ведется в согласии с арифметикой мысли, а не действительности. Это служит одним из доводов против мнения о том, что денотатом пропозиций и фактов является ситуация или событие действительности.

Экстенционал имени *факт*, как отмечалось, образуют истинные пропозиции. Из этого не следует, однако, что само это имя употребляется только с конкретной референцией. Оно может входить в контексты, исключающие определенную референцию, в частности в бытийные предположения — утвердительные и отрицательные. Область бытия при этом обозначается как личная или эпистемическая сфера, но не как

реальное пространство: *У вас фактов нет; В исследовании нет фактов, подтверждающих эту гипотезу.* При отсутствии конкретной референции *факт* должен быть специфицирован. Факты задаются либо по той цели, которой они служат (*Нет фактов, доказывающих его вину*), либо по классу, в который они входят (*Нет фактов нарушения трудовой дисциплины*).

Первый тип контекста вводит имя *факт* в эпистемическую сферу. При этом акцентируется вспомогательная роль факта по отношению к теориям и гипотезам. Поиск фактов, необходимых для определенной цели, может оказаться бесплодным. Тогда говорят об *отсутствии фактов*. Отсутствие фактов не то же, что отрицательный факт.

Второй тип контекста переключает *факт* в событийное поле, сближая его с именем *случай*: *В Институте нет фактов (случаев) нарушения дисциплины.* В подобных контекстах речь идет о событийных сущностях (случаях, эпизодах, происшествиях). Это подтверждается, во-первых, тем, что область бытования может быть задана как фрагмент реальности, во-вторых, тем, что указание на нее не входит в семантический объем факта; ср.: *В Институте не было фактов нарушения дисциплины* и *Тот факт, что в Институте не было случаев нарушений дисциплины, радует.*

Несмотря на экстенциональный контекст, говорящие нередко отдают предпочтение имени *факт*. Это, по-видимому, объясняется его большей семантической универсальностью. Оно может быть отнесено к происшествиям любого калибра и значимости. Между тем имена событийного ряда ставят проблему выбора из числа видовых обозначений, таких как *случай, инцидент, происшествие, событие, эпизод* и др. "Факт" компенсирует отсутствие родового, лишенного каких-либо коннотаций имени в событийном ряду, ср. у А. Ахматовой: *Ее /поэмы/ появлению предшествовало несколько мелких и незначительных фактов, которые я не решаюсь назвать событиями.*

Итак, *факт* соотноситель с простой, конкретной и истинной пропозицией, отвлеченной от субъективного модуса и всех тех элементов и коннотаций, которые вводятся им в высказывание. Факт наследует от пропозиции следующие признаки: 1) значение истинности как конститутивный компонент семантической структуры, 2) отрицание, 3) структурированность (связку, субъектно-предикатные отношения), 4) ограниченность определенными рамками, 5) недескриптивность, 6) концептуализацию действительности: факты, как и соответствующие им утверждения, не бывают глобальными, 7) принцип счета.

Проблема различения фактов и пропозиций неоднократно обсуждалась в логико-философской литературе (Ramsey, 1950; Moore, 1959; Austin, 1970). З. Вендлер видит различие между фактами и пропозициями в том, что факты обладают прозрачностью, а пропозиции, даже если они истинны, затемнены (Vendler 1970, с. 96-97). "Точно так же, как пропозиция, представляет собой результат абстрагирования от множества синонимических средств выражения, факты (и возможности) являются результатом дальнейшей абстракции, на этот раз от эквивалентных способов выражения" (Там же; см. также Vendler, 1979).

Проблема тождества непредметных объектов сложна. Но с тех пор, как Куайн выдвинул тезис о том, что "нет сущностей вне понятия тождества" (No entity without identity), она постоянно дискутируется в логико-философской литературе. Приведенное положение было сформулировано Куайном в поддержку мысли Фреге, согласно которой мы не можем оперировать сущностями, если не способны осмыслить предложения, утверждающие и отрицающие их тождество. Процедуры индивидуации стали применяться к таким объектам, которые не имеют в языке собственных имен и обозначаются дескрипциями. Однако, если индивидуация событий осуществляется пересечением координат пространства и времени (см. об этом в след. разделе), то индивидуация пропозиций и фактов, а следовательно, и установление принципов их отождествления затруднены тем, что они входят не в онтологию мира, а в ментальное пространство. З. Вендлер полагает, что тождество пропозиций как единиц более абстрактных, чем факты, определяется интенциональной эквивалентностью (синонимией), а тождество факта определяется экстенциональной эквивалентностью. Факт, в понимании З. Вендлера, представляет собой абстрактную единицу, объединяющую набор истинных пропозиций, содержащих эквивалентные по своей референции именные выражения. Предложения "Эдип женился на Иокасте" и "Эдип женился на своей матери" выражают разные пропозиции, но констатируют один и тот же факт, поскольку именные выражения *Иокаста* и *мать Эдипа* совпадают по своей референции (Vendler, 1975, p. 259-261). Между тем, если искать, вместе с Вендлером, причины происходящего именно в фактах (а не в событиях), то приходится признать, что причиной трагедии была женитьба Эдипа на своей матери. Указать на брак Эдипа с Иокастой еще не значит раскрыть причину последовавших за ним бедствий. Упоминание о том, что Иокаста была матерью Эдипа не столько служит целям идентификации жены Эдипа, сколько вводит важную с точки зрения каузальных отношений информацию. Приведенное предложение соответствует не одной, а двум пропозициям.

Вместе с тем соображения Вендлера о том, что значение языковых выражений играет меньшую роль при установлении тождества факта, чем при идентификации пропозиций, справедливо. Отказавшись от субъективно окрашенной лексики, факт тем самым закрепил за собой право придерживаться только "грубых" различий между значениями слов.

Однако, сколь бы ни была прозрачна референция имен, индивидуация фактов не может быть сведена к экстенционалу по той причине, что в факт, как и в пропозицию, входит предикат¹. Говоря об одном и том же событии, можно регулировать количество сообщаемой о нем информации, а также выделять в нем разные аспекты. Это ставит трудный вопрос о допустимом семантическом различии в обозначении од-

¹ Не случайно У. Куайн, отводивший фактам, как и значению, роль посредника между суждением и соответствующей ему реальной ситуацией, считает, что само существование этих промежуточных категорий ставит под сомнение теорию истины как отношения высказывания к действительности (Quine, 1970, p. 1).

ного факта, о чем уже упоминалось выше. Можно спросить, идет ли речь об одном или разных фактах в номинализациях, подобных следующим: *тот факт, что Лермонтов умер* и *тот факт, что Лермонтов был убит на дуэли*; *тот факт, что Мартынов убил Лермонтова* и *тот факт, что Мартынов убил великого поэта*; *тот факт, что Мартынов убил Лермонтова* и *тот факт, что Лермонтов был убит Мартыновым*; *тот факт, что Лермонтов погиб* и *тот факт, что Лермонтов был убит*; *тот факт, что Лермонтов был убит* и *тот факт, что Лермонтов был убит Мартыновым*. В связи с приведенными парами номинализаций возникают следующие вопросы: 1) влияет ли на тождество фактов степень полноты информации о событии (ср.: *умер* и *убит*, *убит* и *застрелен*, *умер* и *погиб*, *убит* и *убит Мартыновым*), 2) влияет ли на тождество фактов способ идентификации индивида (значение дескрипции); ср.: *Лермонтов* и *великий поэт*, *Иокаста* и *мать Эдипа*, 3) влияет ли на тождество фактов коммуникативная (логическая) структура обозначающей их пропозиции (ср. актив и пассив). Эти вопросы подчинены более общей проблеме, касающейся удельного веса сигнификативного и денотативного аспектов номинализации при установлении тождества фактов. Поскольку *факт* по определению имеет значение истины, денотативный критерий в отождествлении фактов не может быть сброшен со счетов. Это достаточно очевидно. Для нас гораздо важнее подчеркнуть другое. При идентификации фактов следует принимать во внимание семантический и логический аспекты номинализации, т.е. количество сообщаемой информации и ее пропозициональную организацию. Первый критерий (количество сообщаемой информации) не является стойким и определяется теми требованиями, которые предъявляет коммуникативная цель сообщения и контекст. Второй критерий — следствие того, что *факт* входит только в интенциональный контекст.

Факты идентичны в том случае, если они занимают одно место в логическом и семантическом пространстве текста (коммуникации), а это место, прежде всего, определяется системой причинно-следственных отношений (данный критерий был выдвинут Д. Дэвидсоном в применении к событиям, см.: Davidson, 1969). Если согласиться с этим, то все те семантические различия, которые могут ввести факт в разный каузальный контекст, релевантны при установлении его тождества. Все различия в субъектно-предикатной структуре, в частности конверсия отношений, относясь к одному событию, констатируют разные факты; ср.: *Тот факт, что Мартынов убил Лермонтова, положило конец его военной карьере (повело к его разжалованию в солдаты)* и *Тот факт, что Лермонтов был убит Мартыновым, было следствием их давней вражды (ссоры, насмешек Лермонтова)*. Релевантно также и различие в количестве информации о событии постольку, поскольку оно может отразиться на причинно-следственных отношениях или других логических процедурах, таких, например, как генерализация (формирование общих суждений). Вместе с тем стилистическая синонимия (*убить* и *укокошить*, *напиться* и *нализаться*, *убежать* и *удрать*) не влияет на тождество фактов.

О факте существует большая литература. Этот концепт в разной связи обсуждался в философских, логических и лингвистических работах. В философии — это проблема реальности факта, то есть его отнесенности к онтологии или эпистемологии. В логике — это, прежде всего, вопрос о структуре атомарного факта и способах ее представления. В лингвистику проблема факта вошла вместе с концепцией presuppositions — той информации, которая, входя в высказывание, принимается за истинную (Kiparsky, 1970).

В каждой из этих наук проблема факта вызвала много споров, которые продолжают и теперь. Поскольку многие аргументы противных сторон опираются на языковое употребление, остановимся на этом вопросе более подробно.

Значение имени *факт*, как и многих других существительных непредметного значения, расшатано небрежным с собой обращением говорящих и пишущих, которое наблюдается как в обыденной речи, так и в речи философов и методологов науки. Семантика "факта" не является ни единой, ни постоянной величиной, причем ее дестабилизация различна в разных языках. Чтобы показать, насколько далеко может зайти "вторжение" фактов на "территорию" событий, приведем один пример из английской прозы: *The green merino shawl was round her shoulders, but could not hide the fact that she was in a long-sleeved nightgown* (J. Fowles). 'Зеленая шерстяная шаль, окутывавшая ее плечи, не могла скрыть тот факт, что она была в ночной сорочке с длинными рукавами'. Совершенно очевидно, что из-под шали виднелась ночная сорочка, а не *факт* ее присутствия. Поскольку, однако, автор имеет в виду отсутствие дневного костюма, имплицитное отрицание побуждает его перейти на "язык фактов". Об употреблении грамматизованных конструкций с именем *le fait* см. (Реферовская, 1972); сопоставительный анализ русского и французского употреблений см. (Seriot, 1986); об особенностях употребления соответствующего итальянского имени см. (Муравьева, 1986, гл. 2). Наши наблюдения основываются на данных русского языка.

Значение имени *факт* в некотором роде служит точкой приложения сил рака, лебедя и щуки. Рак неустанно тащит этот концепт вспять — к прошлому, щука старается погрузить его в глубины действительности (конкретного), а лебедь силится поднять его на все большую высоту познающего человеческого духа.

В научной речи факт чаще всего контаминируется с понятием теории (см. выше наблюдения Карнапа), превышая этим дозволенный для него уровень абстракции и отрываясь от реально существующих предметов. Здесь ощутимо усилие лебедя.

Однако это не единственный семантический процесс. Философы-позитивисты в своем стремлении сохранить "чувство реальности", о чем всегда заботился Б. Рассел (Рассел, 1982, с. 43, 44), смешивали концепт факта с событиями действительности. «Все, что имеется во вселенной, я называю "фактом", — писал он, — Солнце — факт; переход Цезаря через Рубикон был фактом; если у меня болит зуб, то моя зубная боль

есть факт. Если я что-нибудь утверждаю, то акт моего утверждения есть факт, и если это утверждение истинно, то имеется факт, в силу которого оно является истинным, однако этого факта нет, если оно ложно» (Рассел, 1957, с. 177). Нужно помнить, однако, что, став истинным и тем самым освободившись от своего автора, утверждаемое становится фактом, но оно не может обрести плоть и кровь, т.е. превратиться в то событие, которому оно обязано своим существованием. Утверждение может трансформироваться в факт, но ни утверждение, ни факт не могут превратиться в событие. Можно говорить о *факте кровавой расправы*, но не о *кровавом факте*: *По-видимому, факт кровавой расправы с Улитой был до того возмутителен, что подавлял собой дальнейшие мелочи и отвлекал внимание от них* (Салтыков-Щедрин). Событие же принадлежит области реальности. Поэтому новизна события определяется недавностью его осуществления.

Мысль о том, что, благодаря фактам, утверждения (пропозиции) обретают истинность или ложность, имеет, по-видимому, своим источником некоторые типы смещенного словоупотребления. Так, говорят *утверждение соответствует фактам (подтверждено фактами, находится в согласии с фактами)* и в этом не было бы ошибки, если бы речь шла об эмпирических законах или общих суждениях, а применительно к конкретным высказываниям использовалось бы только выражение *утверждение соответствует (не соответствует) действительности*, имея в виду структурированный мир. В реальном же словоупотреблении граница между этими двумя способами констатации истинности смещается в пользу высказываний первого типа.

Комментируя этот вид смещенного употребления, З. Вендлер писал: "Утверждаемое может соответствовать фактам, но оно не есть факт. Однако в некотором смысле то, что мы утверждаем, может быть фактом. Ведь люди констатируют факты. Здесь имеет место та же двусмысленность, которая наблюдается в выражении *то, что рисует художник*. Когда он пишет картину розы, он пишет розу. Так, в некотором смысле то, что он пишет есть роза, но его картина не есть роза" (Vendler, 1970, p. 96-97, ср. также Vendler, 1979).

Употребление имени *факт* в выражении "соответствовать фактам" вызвано необходимостью говорить не о "сырой действительности", а о мире концептуализованном согласно структуре и значению суждения.

Другой вид смещения значения имени *факт* в сторону действительности представлен такими текстами как *Были открыты новые факты, Ведутся поиски новых фактов*. Однако в этом случае смещение иллюзорно. Факт не отождествляется с действительностью. Прилагательное *новый* означает в приведенных предложениях "ранее неизвестный" (это значение отмечается словарями). Речь идет о новизне в кругу знания, а не в кругу реальности. Новые факты могут относиться к давнему прошлому.

В целом же приходится констатировать, что смещение "фактов" и "событий", отмеченное для теории познания, в еще большей степени характеризует обыденную речь. Именно потому, что факт не далеко отстоит от действительности, что он устанавливается на основе эмпирических данных и, будучи установленным, уже не меняется, составляя

"вечное предложение", "удар оземь" не является для него губительным, и смешение с именами онтологического плана не воспринимается как нечто совершенно противное природе факта. Следует, однако, подчеркнуть, что такое сближение имеет предел. "Факты" никогда полностью не идентифицируются с "событиями". Относясь к наблюдаемому миру, факты не могут стать объектом наблюдения: можно быть свидетелем события, но нельзя быть свидетелем факта. Хотя о фактах знают, и эти знания есть результат опыта, сам факт увидеть нельзя. Впечатление, что семантическое расстояние между "событиями" и "фактами" короче, чем между "фактами" и "теориями" или "законами" не совсем верно. Разница между тем, что может быть обозначено именами "событие" и "факт", принципиальна. Эти имена относятся к сущностям разных миров. Имя *факт* ориентировано на мир знания, т.е. на логическое пространство, организованное координатой истины и лжи, имя *событие* ориентировано на поток происходящего в реальном пространстве и времени. В структуре факта (как и в пропозиции) присутствует связка, в структуре события ей нет места. Любопытно, что в романских языках, например, в испанском, в пропозиции, следующей за именем *факт*, употребляется сослагательное наклонение: *El hecho de que volviese Pepita a su casa no asombró a nadie* 'Тот факт, что Пепита вернулась в свой дом, никого не удивил'. Пропозитивная (неполная) номинализация отличается в испанском языке от полной способом субстантивации: события маркируются артиклем *lo* (*lo de ayer* вчерашнее происшествие), а факты — артиклем *el* (*el que no me hayas ayudado* 'то, что ты мне не помог'). Во французском языке после *le fait* *que* может употребляться как сослагательное, так и изъявительное наклонение: *le fait que mon frère soit (est) professeur...* 'тот факт, что мой брат учитель...'. (Реферовская, 1972). Сама возможность обозначения фактов сослагательным наклонением свидетельствует, как кажется, об их принадлежности к миру мысли.

Отнесенность фактов к логическому пространству была отмечена, в частности, З. Вендлером (Vendler, 1967, p. 144-146; Idem, 1975, p. 259). Подчеркивая, что факты не локализованы в мире, они "о мире", З. Вендлер все же включает их, наряду с другими двумя типами сущностей — предметами и событиями, в онтологию. Видя в фактах причины происходящего, то есть ставя факты в каузальные отношения к событиям и считая в то же время каузальные контексты прозрачными, З. Вендлер пришел к мысли о необходимости расширения онтологии за пределы пространственно-временной области и включения в нее "замерзшей вечности всего того, что есть" (the frozen eternity of everything that is the case) (Vendler, 1975, p. 260).

Между фактами и событиями проходит линия горизонта, отделяющая "небо" от "земли". Этим определяется неустойчивость значения соответствующих имен. "Факт" стремится либо вовсе "уйти в небо", либо спуститься на "землю". Значение имени *событие* более устойчиво. Оно будет рассмотрено в следующем разделе.

Если близкая связь факта с действительностью порождает контаминацию фактов и событий, то соотносительность факта со значением предложения и их тесное взаимодействие в интродуктивной конструкции,

ведет к смешению "фактов" и "утверждений", подрывая этим истинность и объективность фактов и восстанавливая их связь с автором речи. "Факты" перестают быть достоверными, свершившимися, голыми и доподлинными. Вместо них появляются неподтвердившиеся и неверные факты, ср. у Достоевского: *Не говорим уже о том, что самый факт во многом неверен*, где имя *факт* отнесено автором к утверждениям противной стороны, им оспариваемым. Приходится слышать и о неслучившихся фактах, что вводит имя *факт* в "незаконный" контакт с союзом *чтобы*: *Проходили годы; оклеветанный лже-шпион оставался нищ, убог; не было ни одного факта, чтобы он кого-нибудь выдал и на кого-нибудь на шпионил* (Лесков). Некоторые авторы пишут о фактах, далеких от действительности или прямо ей противоречащих: *"Зефироты" и проч., представляя собой факты или возможность фактов, прямо противоположных насущной действительности и глубоко отрицающих ее непреложность и ее гнетущее спокойствие*, — чрезвычайно нравятся этой отрицательной точкой зрения средней массе общества (Достоевский). Автор говорит о фактах, верифицированных относительно разных миров — художественного и реального. Иногда говорят о *будущих* и даже *фантастических*, *вымышленных* фактах: *Была ли это действительно его история или произведение фантазии... или он только украсил фантастическими фактами действительные события своей жизни — не решил еще я до сих пор* (Л. Толстой).

Таким образом, употребление имени *факт* противоречиво. Оно колеблется в отношении к истинностной оценке, и это позволяет "факту" ослабить свою приверженность к прошлому и свершившемуся; оно скользит по вертикали, соединяющей мышление (знание) и реальность; оно перемещается по шкале знания, измеряющей уровень абстракции. "Факт" как бы мечется и бьется в трехмерном пространстве, стараясь нарушить его границы, и в этом его биении ясно обнаруживает себя связь семантики предложения с мышлением и реальностью, а также определяющая для нее роль понятия истинности.

СОБЫТИЕ

На старости я сызнава живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?

(Пушкин. Борис Годунов)

В предыдущем разделе было рассмотрено значение классификатора *факт*. Ниже вновь пойдет речь о концепте события, но уже не в том метаязыковом смысле, который допускает подведение под этот термин целой серии непредметных (событийных) значений, обозначающих все то, что "происходит с предметами", таких как *процесс, ситуация, состояние, действие, изменение, положение дел* и др. (Kim, 1969, p. 204). Нас будет интересовать категория собственно событий, входящая в качестве одного из членов в названный ряд. Событие в

этом смысле служит языковым классификатором, объединяющим группу частнособытийных имен и номинализаций, таких как *война, парад, съезд, конференция, выступление на конференции* и т.п. Это имя выполняет анафорическую или катафорическую (но не интродуктивную!) функцию относительно особого класса высказываний — высказываний о частных событиях (Романова, 1979, Радзиевская, 1981, с.15-16). Антецедентом имени *событие* может быть одно высказывание или последовательность предложений. "Событие" не предполагает, что антецедент должен обладать четкой синтаксической структурой, но по большей части в нем присутствует значение свершенности¹. Родовое имя *событие* отличается от частнособытийных имен в основном закономерностями сочетаемости и текстовыми (синтаксическими) функциями. Ниже будет иметься в виду преимущественно значение имени *событие*².

Отличаясь от других категорий событийного ряда, концепт события соприкасается с рассмотренным выше концептом факта, хотя они и локализованны в принципиально разных пространствах. События наполняют собой действительность, волнуя ее "как море-окиян". Перед летописцем проносятся события, но, повествуя о них, он превращает их в сказанья (то есть факты). "Земли родной минувшая судьба" (события прошлого) в летописи распадается на факты, образующие "застывшую вечность" истории.

Близость событий и фактов определяется, в частности, тем, что и те и другие отвлечены от временной протяженности³. Время, однако, остается важным для характеристики событий показателем: события датируются.

Естественно, что все существующее в мире обладает пространственным и временным параметрами. Вместе с тем эти параметры неравноправны. Когда речь идет о происходящем и преходящем, важна ось времени; когда речь идет о сущем и пребывающем, важна пространственная локализация. З. Вендлер, чей вклад в теорию непредметных объектов наиболее весом, отмечал, что связь событий (в широком смысле) с пространством не является их главной характеристикой: события, прежде всего, временные сущности (Vendler, 1967, p. 144). Основные различия между непредметными объектами событийного ряда могут быть описаны в терминах их конфигурации на оси вре-

¹Поскольку нас интересует семантика событийных имен, мы оставляем в стороне вопрос об отношении "события" к глагольному виду, а также проблему "глобальности" событий (см. об этом Николаева, 1982, гл. 4, с. 65 и сл.).

²Неоднородность концепта "событие" была отмечена В.З. Демьянковым, который различает: 1) событие как идею (понимаемые таким образом события определяются интенционалом имени и могут полностью налагаться друг на друга в пространстве и времени), 2) собственно событие, или референтное событие, определяемое по экстенционалу: двум событиям-идеям может соответствовать одно референтное событие, 3) текстовое событие — гипотетическая интерпретация референтного события (Демьянков, 1983, с. 321). К статье В.З. Демьянкова приложена большая библиография по теме. Связь концепта события с текстом была подробно рассмотрена Т.М. Николаевой (Николаева, 1980).

³Вопрос о "мгновенности осуществления" и абстрагировании действий и событий от реального протекания во времени дискутировался в лингвистической литературе. Из последних публикаций см. Булыгина, 1982, с. 63 и сл.; Селиверстова, 1982, с. 106 и сл.

мени. Некоторые события в определенном смысле вообще не имеют пространственной локализации. Например, можно ли сказать, что Ксантиппа овдовела в Афинах (или афинской тюрьме?) — месте, где умер Сократ? Ведь вдовство постигло бы ее в любом месте, оно не зависит от места смерти мужа. Эти два события никак не соотносятся пространственно, но наступают одновременно.

Но ни временной, ни пространственный параметр не определяет основную область локализации событий¹. Последние мыслятся как происходящие не в пространстве "безграничного мира", а в его более узкой сфере — сфере жизни личности, семьи, группы людей, коллектива, общества, нации, государства. Именно микрокосм, редуцированный или расширенный, скрепляет события в последовательность. Событие — со—бытие — наполняет собой бытие людей. Не случайно, так естественны предложения типа "Открытие электричества было большим событием в жизни человечества", "Жизнь Витгенштейна была полна событий". Гораздо менее естественно говорить о том, что страна богата событиями и вовсе нельзя сказать, что леса (среднеевропейская возвышенность, Азия и прочие географические ареалы) богаты событиями, сколько бы природных катаклизмов их не сотрясало. Физическое пространство может быть только местом, где *разворачиваются* события, *происходящие* в жизни людей, стран, коллективов, всего того, что живет или осмысливается как живущее².

Обильный урожай яблок не назовут событием, если он имеет место в заброшенных садах. Но даже если урожай дадут эксплуатируемые сады, его едва ли квалифицируют как событие. Однако если на сбор урожая послали школьников, то в их жизни это может стать целым событием. События не только происходят в жизни людей, но в них должны принимать участие люди. События личностны и социальны.

Предложения типа *Новый спектакль всегда событие; Посещение театра стало событием; Каждая выставка передвижников была событием* и т.п. не полны. В них ощутимо не отсутствие временой и пространственной локализации, а отсутствие указания на сферу жизни. Введение соответствующей информации делает предложение законченным: *Новый спектакль всегда событие в жизни театра. Посещение театра стало событием в жизни мальчика, Каждая выставка передвижников была событием в художественной жизни России*. Центральная фигура жизненной сферы вовсе не обязательно должна стать протагонистом или даже участником события: *Бомбардировка Хиросимы была тем событием, которое изменило мировоззрение многих крупных физиков*.

Имя *событие* нередко употребляется для того, чтобы охарактеризовать роль происходящего в той или другой сфере жизни: *Приезд ро-*

¹ Понятие пространства (в широком смысле) было введено в лингвистический обиход О.Н. Селиверстовой (Селиверстова, 1975, с. 35).

² Причастность событий к человеческой жизни отмечена Г.С. Романовой: "Природные явления, такие как гроза, шаровая молния, обвалы в горах и т.д., рассматриваемые с объективной точки зрения, могут быть названы либо *феноменами*, либо *фактами*. Событиями, катастрофами и проч. они становятся лишь в том случае, если говорящий примысливает к ним человека" (Романова, 1979, с. 153).

дителей всегда радостное событие в жизни детей, живущих в лагере, но воспитателям он доставляет много хлопот.

Итак, "событие" обладает троякой локализацией: оно локализовано в некоторой человеческой (единоличной или общественной) сфере, опреляющей ту систему отношений, в которую оно входит; оно происходит в некоторое время и имеет место в некотором реальном пространстве. Эти три координаты события отражаются в структуре соответствующих сообщений: *В 1965 г. в Москве в жизни Иванова произошло знаменательное событие: он впервые выставил свои полотна на всесоюзной художественной выставке.*

*
* *
*

На оси жизни событие занимает особое, выделенное место. Если с понятием ситуации ассоциируется, прежде всего, представление о трудности (из ситуаций принято искать выход), то с понятием события ассоциируется представление о маркированности (Радзиевская, 1981, с. 55). Это — вежа, а иногда и поворотный пункт на жизненном пути. Это — зарубка на шкале жизненных уровней, отмечающая высоту взлета или глубину падения. Событие нельзя не заметить. Однако двухагентная ситуация может стать событием в жизни одного из ее участников, но пройти незамеченной для другого. Так, знакомство начинающего художника с прославленным мастером обычно квалифицируется как событие только в биографии первого. Признак маркированности выполняет в семантической структуре имени *событие* роль "слабой семы", которая актуализуется в утверждениях типа *Это целое (настоящее) событие* (Радзиевская, 1981, с. 20, 37). Значение маркированности избегает актуализации в отрицательных контекстах. Не говорят **Это не событие* (допустимо: *Какое же это событие? Никакое это не событие*). Язык в этом и аналогичном случаях (т.е. при необходимости снять какие-либо семы, входящие в таксономический предикат) пользуются глаголом номинации: *Событием это не назовешь, Событием это никак нельзя назвать*. Обычно это ресурс возражения или размышления.

Событие часто определяет ход дальнейшей жизни. Поэтому оно не может быть отнесено к ее началу или концу. Смерть человека является грустным событием для близких ему людей. Это событие их жизни. Рождение ребенка есть событие в жизни матери, отца, бабушек, кого угодно, но только не самого новорожденного. Софисты доказывали, что в жизни человека нет смерти. Эта же мысль выражена в софизме *Смерть есть, меня нет, я есть, смерти нет*.

Изменить курс жизни не то же, что иметь последствия. Падение и перелом ноги имеют последствия, и они, конечно, влияют не только на походку пострадавшего, но и на ход его жизни. Однако кости срастаются, и жизнь возвращается в прежнее русло. События не произошло. Но даже если бы последствия были бы более серьезными, происшедшее назвали бы несчастным случаем, а не событием. Например: *Соседняя с храмом сакрестия полна картин всяких видов невероятного домашнего художества, изображающих всякие несчаст-*

ные случаи ... *Изображены всякие падения, крушения, пожары на суше и на море, переломы мостов, удары молнии — богатейшая коллекция несчастных случаев. Есть даже пожар театра* (Л. Собинов). Событие (если при нем нет определения) интерпретируется скорее положительно, а последствия — отрицательно. Не случайно говорят, что счастливики пожинают плоды своих поступков, а неудачники несут их последствия.

Факты тоже способны оказывать влияние, но не на ход жизни, а скорее на ход мыслей и их изложение, на рассуждение и обдумывание. Они могут составить мотивы решения. Факты принимаются во внимание, учитываются, берутся в расчет. Образная память, воображение имеют дело с предметами и событиями, эпистемическая — с фактами.

Итак, событие занимает особое место в жизни человека. Вместе с тем свершение или несвершение событий не входит в его "юрисдикцию". События, в отличие от действий, поступков рассматриваются как нечто, происходящее спонтанно, как независимое или не полностью зависящее от воли человека, который может ожидать или даже планировать то или другое событие, но далеко не всегда в состоянии обеспечить его наступление или предотвратить нежелательное событие. Даже в тех случаях, когда событие "рукотворно", то есть отвечает планам и замыслам человека, он не может стать его "единоличным" творцом (ибо не ведаем, что творим). Выигрыш и проигрыш, установление рекорда, защита диссертации и т.п. являются сознательными, намеренными, но не полностью контролируемыми действиями. Поэтому-то их и можно квалифицировать как события. Человек не вершит событий. Т.В. Радзиевская отметила отсутствие агентивной семы в именах событий (Радзиевская, 1981, с. 17). Он совершает действия и поступки; события совершаются, происходят, случаются, имеют место, развиваются, начинаются, завершаются и имеют последствия. Это не препятствует тому, что событие часто связывается с инициативой и действиями людей. Например: *Неверно, что существуют большие события и малые. Малые события — это большие усилия малых людей. А малые люди умеют ставить палки в колеса большим* (С. Есин). Человек может быть вольным или невольным виновником событий. Даже будучи их инициатором или зачинщиком, человек не может полностью предусмотреть их ход и возможный результат, например: *Уже в приемной я догадался, как закончится это совещание, но как оно пройдет, об этом могла знать гадалка только очень высокой квалификации* (С. Есин).

По признаку самопроизвольности событие сходно с фактом, для которого зависимость от воли человека вообще не релевантна. Ни имя *событие*, ни имя *факт* не могут сочетаться с определениями, ставящими происходящее под контроль воли, ума и этических свойств человека; не бывает *решительных* событий, *волевых* и *своевольных* фактов, *дальновидных* (обдуманных, глупых, хитрых, умных, подлых, благородных и т.п.) событий. События идут своим чередом. Когда англичане хотят подчеркнуть, что у событий есть своя логика развития, они употребляют выражение *as a matter of course*.

Безагентность значения имени *событие* не мешает ему иметь в качестве антецедента агентивную пропозицию: *Сын Ивановых поступил в Университет. Это событие было торжественно отпраздновано.*

Совершенный вид агентивного глагола может интерпретироваться и как событие, и как поступок: *Иванов бросил семью. Этот его поступок не встретил сочувствия / Это событие вызвало много толков.* Хотя события безагентны, а поступки агентивны, это разделение не совпадает с делением замещаемых этими именами пропозиций на личные и неопределенно-личные (или безличные).

То, что события локализуются относительно той или другой сферы жизни, отражается и на членении происходящего на отдельные события и на идентификации этих последних.

Распределенные по разным жизненным сферам, события утрачивают глобальность. Если шахматный турнир между претендентами на первенство мира является одним событием в мировой шахматной жизни, то поражение в этом турнире не может быть идентифицировано с победой в нем, хотя эти события нерасчленимы и имеют совпадающую пространственную и временную локализованность. Однако с точки зрения присутствующих это одно событие. Победа и поражение, выигрыш и проигрыш в игре, смерть Сократа и вдовство Ксантиппы (пример часто разбираемый в связи с проблемой идентификации событий), продажа и покупка, приобретение (получение) и предоставление — все то, что одновременно входит в разные жизненные пространства и является составляющей разных событийных "историй", должно рассматриваться как разные события.

Распад глобальных событий происходит в зависимости от их вхождения в ту или другую жизненную сферу; распад фактов осуществляется через изменения в их логической структуре. Так, приобретение Иваном машины у Петра будет соответствовать двум событиям: *покупке* (сфера Ивана) и *продаже* (сфера Петра), но оно может быть представлено серией фактов: *тот факт, что машину купил Иван; тот факт, что Иван купил у Петра машину; тот факт, что Иван купил машину (именно) у Петра* и т.д.

"Умножение событий" происходит не только в результате распределения по разным жизненным сферам, но также вследствие выполнения в одной сфере разных функций или отнесенности к разным аспектам происходящего. Осуществляя одну и ту же акцию, можно быть участником разных событий. Приведем фрагмент текста, в котором рекомендуется чтение вслух в кругу семьи ("Литературная газета" от 23/V—1984 г.): *Нет, мы не будем сегодня плакать, читая вслух или слушаая, как читают нам. Мы не столь сентиментальны и старомодны. Но, быть может, поставив этот опыт, мы поймем, что стали участниками нескольких событий. Событие первое: единение людей, сидящих за семейным столом. Второе событие: новый ритм*

жизни, та небыстрота мыслей и чувств, которая возвращает нас из житейской суеты к самим себе. А третье событие, может быть, существеннейшее: мы стали духовным содружеством, сохраняющим культуру, передающим ее дальше. Три события ... Но есть и четвертое: язык. Стертый, обесцвеченный, заштампованный, он вернется к нам с голоса жены, дочери, мужа и с нашего собственного в том фантастическом богатстве, которое часто не ощутимо при чтении про себя. Язык, как музыка, должен зазвучать.

Приведенный отрывок свидетельствует, что единство места и времени и совпадение участников не достаточны для сегментации и отождествления событий¹. Не менее важна отнесенность к той или другой жизненной сфере и выполняемая в ней функция. Именно благодаря аспектным различиям, оказалось возможным усматривать четыре события в одном "действе".

Поскольку при идентификации событий приходится учитывать их функцию, а функция отражена в самом наименовании события, последнее (имя конкретного события) также не может быть сброшено со счетов. Событийная лексика соотнесена с предикатами. Событие лишено собственного имени. К нему не применим и дейксис. Пока происшедшее не получило названия, оно не может быть идентифицировано как событие². Именно поэтому и можно говорить об интерпретирующей функции событийных имен (Радзиевская, 1981, с. 61 и сл., Демьянков, 1983). Т.В. Радзиевская отметила, что обозначения событий не столько характеризуют происходящее, сколько его интерпретируют: "Познание явления — это познание его многообразных связей с другими явлениями (событиями) разных сфер (временных, пространственных, природных, личностных, межличностных, общественных и других). Охарактеризовать событие — значит эксплицировать все связи данного события с другими событиями и выявить тем самым его значимость в этой совокупности связей" (Радзиевская, 1981, с. 66). Это справедливое наблюдение. Оно, возможно, нуждается в более ясном выражении той мысли, что предметы "событийно заряжены", а их свойства — это возможность событий³. Указывать все связи события с другими событиями, однако

¹ То, что в одном пространственно-временном интервале может быть совмещено несколько событий, отмечалось рядом авторов (Nacker, 1982, Демьянков, 1983).

² Вопрос о зависимости отождествления событий от способа их описания был поставлен Дж. Кимом. Ким рассматривает пропозициональную форму обозначения событий, т.е. предложения, служащие источником частнособытийных имен (полных номинализаций) и антецедентом имен общесобытийных. Имя *событие* он принимает в качестве родового термина, объединяющего состояния, положения дел, явления, условия и др. Ким выделяет в качестве доминанты этого обобщающего концепта отношения каузации и экспликации. Автор отмечает, что принцип логической эквивалентности пропозиций недостаточен для идентификации описываемого ими события, поскольку в нем не учтены такие факторы, как разная локализация происходящего, (ср.: *Сократ умер* и *Ксантиппа овдовела*), разные мотивы (ср.: *Эдит вышла замуж за Фреда* и *Фред женился на Эдит*), разные причины (ср.: *Брут убил Цезаря* и *Брут заколол Цезаря*) (Kim, 1969). Основным недостатком интересной статьи Кима является неразличение событий и фактов.

³ Напомним афоризмы Л. Витгенштейна: 2.01231. Чтобы знать объект, я должен знать не внешние, а все его внутренние качества. 2.014. Объекты содержат возможность всех положений вещей (Витгенштейн, 1958, с. 32). Ср. также понятие диспозиционных свойств предметов.

нет ни резона, ни нужды. Поэтому-то и налагается ограничение на область, через которую оно познается: связи событий устанавливаются в пределах некоторого жизненного пространства.

Вернемся, однако, к наименованиям событий. Громкий разговор не то же, что ссора, выведение на бумаге своей фамилии не то же, что подписание договора или приговора, передвижение фигуры на шахматной доске не то же, что выигрыш или проигрыш в решающей для чемпионата партии, пожатие руки не то же, что прощение или прощение. Примеров таких пар можно привести сколь угодно много. В них первое обозначение является описанием происходящего, второе указывает его функцию в жизни человека или общества. События могут быть обозначены только вторым способом. Субстратом события может быть действие, смена действий, процесс и т.п. Из этого следует, что возможно не только совмещение разных событий в одном месте и в одном временном интервале, но и совмещение событий с другими непредметными объектами, относящимися к происходящему. Получая ролевую интерпретацию, действия и процессы становятся событиями (или ситуациями). При этом действие или процесс протяженны, а событие, в терминах которого они интерпретируются, лишено длительности. Событие — это "социальный радикал" процесса (в широком смысле). С этим связан "парадокс точно-длительного вида", характерного для перформативов, сформулированный Ю.Д. Апресяном (Апресян, 1986). Перформативы (*обещаю, прощаю, прошу, назначаю на должность* и т.п.) соответствуют некоторому речевому акту, который необходимо продолжен во времени, но то событие, которое совершается благодаря перформативному речевому акту, мыслится как точечное. Можно спросить *Когда он тебе это обещал?*, но не **Как долго он обещал (давал обещание?)* или *Когда тебя назначили на эту должность?*, но не **Как долго длилось твое назначение на должность?* (впрочем в ситуации бюрократических проволок это не исключено) (Апресян, 1986). В применении к английскому языку мысль о близости перформативов и глаголов точечного действия обосновывалась в ряде работ З. Вендлера, объединившего их в класс "предикатов достижения" (achievements) (Vendler, 1967; Vendler, 1970). Именно эта категория предикатов, по Вендлеру, обозначает события. Таким образом, события вызывают ассоциацию с завершенностью, глобальностью, отсутствием временной протяженности и тогда, когда речь идет не об именах, а о глаголах (Булыгина, 1982). Интерпретация событий жизненной сферы как продолженных или точечных не совпадает, как отмечалось, с их реальными временными характеристиками. Речевые акты всегда имеют протяженность; соответствующее им событие ее лишено. Различение в одном действии разных "непредметных объектов" — поддающегося описанию процесса или действия и события, характеризуемого в иных терминах, проявляется в несовпадении их определений (Радзиевская, 1981). Можно сказать, что шахматист дрожащей (неуверенной, слабой, твердой) рукой передвинул фигуру (сделал ход), но едва ли допустимо **Шахматист дрожащей рукой выиграл партию*. Для неперформативного употребления глаголов возможны речевые характеристики:

Он громко обещал (тихо попросил, прерывающимся голосом признался в любви). Перформатив же отвлекается от речевого процесса. Это не речевая, а социальная акция. Когда говорят "Обещаю это во всеуслышание", то апеллируют не к уровню громкости своего голоса, а к свидетелям акта обещания. В определенном смысле "точка" и "длительность" относятся к разным аспектам происходящего: процессу речи и социальному акту, программирующему будущее. Процесс имеет множество разных характеристик. Для социального акта важен, прежде всего, факт совершенности. Суммирование "точки" и "протяженности" в случае перформативов затруднено: они не создают единого концепта.

Вернемся к событийным именам. Перенос определения от события к процессу и наоборот допустим. Все зависит от контекста. Едва ли скажут **Я не мог выполнить его запинаящейся просьбы. Но возможно: Я не мог слышать его громких обещаний (запинаящихся просьб), Я не могу видеть кровавых событий и даже слушать, как их описывают.* Перцептивный предикат делает возможными описательные характеристики.

Родовое имя *событие* и частнособытийные имена входят в экстенциональный контекст, проблема которого не так проста, как можно было бы думать. Этот контекст неоднороден. Он может создаваться восприятием, и тогда, как было отмечено, уместны дескриптивные характеристики события, но в нем может появиться и человеческий (личностный и социальный) план. Первый тип контекста соотноситель с воспринимающим субъектом, второй — с интерпретирующим. Первый контекст проявляет значения процессов (действий) и состояний, второй — событий и поступков. Переход к человеческому фактору всегда вносит в текст элемент интенциональности. Наиболее ярко это демонстрируют перформативные высказывания и разного рода ритуальные действия, которые могут быть объектом описания (например, можно описывать церемонии бракосочетания, принятия присяги, посвящения в рыцари и т.п.), но они могут быть и "количеством", из которого извлекается социальный "радикал", т.е. событие. Последнее находится в связи с другими событиями. Оно может их стимулировать, предопределять, предотвращать, предвещать и т.п. Эти отношения создают своего рода "семантическую" канву жизни. В экстенциональности этого второго типа контекста, по-видимому, нельзя сомневаться. Но достаточно очевидно, что он не чужд "фактору смысла". Не случайно спрашивают: *Что значит ваше поведение?* или говорят: *Не понимаю, какой смысл так себя вести.* Не случайно также говорят о *бессмысленных поступках, непонятном поведении.* Такого рода определения применяются преимущественно к сознательным, намеренным действиям человека. Но поиски смысла распространяются и на явления природы, события, на жизнь и даже на "жизни мышью беготню". Ее скрытый смысл тревожил Пушкина: *Я понять тебя хочу, Смысла я в тебе ищу ...* О жизни и природе часто говорят как о книге, которую нужно научиться читать: "Лучшая книга о мире — это сам мир, книга закрытая, хотя всем открытая (Грациан); "Природа — единственная книга, каждая

страница которой полна глубокого содержания" (Гете). Человек постоянно стремится "семиологизировать" (осмыслить, понять) жизнь и действительность, превратить их в поддающийся прочтению "текст": *Что ты значишь, скучный шопот? Укоризна, или ропот мной утраченного дня? От меня чего ты хочешь? Ты зовешь или пророчишь? Я понять тебя хочу, Смысла я в тебе ищу.* (Пушкин). "Семиологическое" отношение к миру неизбежно уже в силу одного того, что интерпретация событий жизни дает человеку опыт и возможность на основе имеющихся данных предвидеть будущее. Понять смысл события значит восстановить его реальные и потенциальные связи в релевантном для него контексте жизни, т.е. в конечном счете превратить его в некоторое множество фактов. "Прочтение действительности" стимулирует переход от событий к фактам.

Итак, непредметные объекты налагаются друг на друга, придавая этим еще одно измерение происходящему — глубину: сквозь процессы и действия, поддающиеся описанию, просвечивают события, свершение которых подлежит констатации. Событийная сущность названных непредметных объектов входит в иную последовательность и в иные отношения с другими объектами на оси времени, чем процессы. Процессы, изменения, состояния и действия, перемежаясь, сменяют друг друга, частично пересекаются, следуя друг за другом. Их существование необходимо. Они скреплены некоторой субстанцией (лицом или предметом). События могут быть разделены между собой большими промежутками времени, их может совсем не быть. Они могут быть связаны и не связаны причинно-следственными отношениями. Факты же, как и суждения, к которым они восходят, существуют только постольку, поскольку в мире есть формирующее их человеческое сознание.

Вопрос о сочетаемости событийных имен неоднократно рассматривался (Vendler, 1967, Романова, 1979, Радзиевская, 1982). Г.С. Романова отмечает, что событийные имена принимают два типа определений: определения, отражающие структуру и свойства самого события, и определения, внешние по отношению к пропозиции (главным образом, оценочные и модальные) (Романова, 1979, гл. I). Т.В. Радзиевская показала, что сочетаемость общесобытийных имен (в том числе и имени *событие*) в большой степени определяется компонентным (семным) составом соответствующих значений. Денотативные семы, из которых наиболее влиятельна сема "агенса", обеспечивают идентифицирующую функцию имени. В целом же общесобытийные имена "развернуты" преимущественно в сторону квалифицирующих предикатов (Радзиевская, 1981, с. 66). Описание сочетаемости общесобытийных имен через семы, как отмечает автор, не является исчерпывающим. На их синтаксическое поведение влияют узуальные факторы: житейские представления о событиях, их связи с другими событиями и человеком (Там же, с. 58).

Для того, чтобы стать объектом описания, событие должно произойти. Показательно, что в субъектной (референтной) позиции имя *событие*, как и имя *факт*, редко используется в применении к будущему. Событие, как и факт, относят обычно к тому, что уже прои-

зошло. Только в этом случае ему могут быть сопоставлены те или другие характеризующие предикаты. Говоря о фактах, стремятся их "оголеть", освободить от "как", говоря же о событиях, обычно стремятся облечь их во множество конкретных деталей, нередко выдуманных. Забытые подробности требуют компенсации. События совершаются при определенных обстоятельствах; факты их вовсе лишены. Если ситуации и положения дел определяются расстановкой действующих лиц и соотношением их сил (ситуация подобна положению в игре), то события скорее воспринимаются в их театральном облики. Если этого облика нет в природе вещей, то общество создает его в виде ритуала или церемонии. Само имя *событие* не получает детализированной характеристики, относящейся к протеканию или оформлению события. Но при нем употребительны определения, резюмирующие впечатление от его "наружной" стороны.

Тяга к прошлому событий и фактов имеет разные причины. Для фактов она продиктована условием истинности, для событий — требованием "описуемости", наглядности. Событию нужны частности, детали, которые появляются только при его осуществлении. Пока событие не стало реальностью, о нем нельзя рассказать. Можно лишь констатировать соответствующий ему факт или воспользоваться воображением.

Замысел (если событие было предусмотрено) — это остов, который может получить разные "инкарнации". Беря начало в "голом" проспекте и обрастая предусмотренными и непредвиденными деталями по мере своей реализации, событие, после того, как оно произошло, распределяется по личным сферам, а затем распадается на множество "голых" фактов, соответствующих его отдельным характеристикам¹. Ход вещей создает события; события, преломляясь в гранях человеческого сознания, оборачиваются фактами.

Если переход от "сырой" действительности к событиям влечет за собой умножение сущностей онтологического плана, то переход от события к факту, разбивая событие вдребезги, умножает сущности эпистемического плана.

Связь событий с личной сферой делает наиболее естественными для него субъективно-оценочные характеристики. Из числа оценочных определений с именем *событие* соединяются следующие виды частно-оценочных предикатов: 1) прилагательные и активные причастия каузации положительных и отрицательных эмоций, психических состояний, впечатлений и реакций (*радостный, страшный, пугающий, приятный, неприятный, нежелательный, счастливый, тоскливый, кошмарный, впечатляющий, интересный, любопытный; счастливый, несчастливый*); 2) прилагательные со значением благоприствования или неблагоприятствования последующему ходу жизни (*благоприятный, неблагоприятный, положительный, отрицательный, пагубный, критический, трагический, губительный, опасный*); 3) прилагательные, квантифицирующие роль события в жизни

¹ О распаде событий на более мелкие события (пропозициональные "алломорфы", различающиеся полнотой информации и логическим акцентом) писал Ф. Дрекке (Dretske, 1979, p. 376). Мы вернемся к этому вопросу в следующем разделе.

человека или социума и обычно имеющие оценочные коннотации (*большой, важный, грандиозный, незначительный, из ряда вон выходящий, выдающийся, главный, второстепенный, памятный, великий, знаменательный, исторический*); 4) прилагательные вероятностной и нормативной оценки события (*неожиданный, странный, удивительный, необычный, неподвиженный, непредусмотренный, ожидавшийся*); 5) прилагательные, оценивающие способ реализации события (*торжественный, праздничный, драматический, мелодраматический*).

Характерно, что имя *событие*, как и существительное *факт*, не сочетается с общеоценочными определениями *хороший* и *плохой*. Их замещают прилагательные *положительный (позитивный)* и *отрицательный (негативный)*. Это объясняется тем, что события не приравниваются к поступкам, за которые люди несут нравственную ответственность. Человек может быть организатором, инициатором, участником, свидетелем и даже виновником события, но при всей его "событийной активности", он не может, как уже отмечалось, полностью предугадать, во что выльется его инициатива. За поступки судят и награждают, за события не судят и не дают наград. В определениях событий поэтому не присутствуют этические коннотации. Прилагательные общей оценки *хороший, плохой, дурной, скверный*, так же как и такие определения как *подлый, низкий, благородный* и др., применяются к действиям и поведению людей и отражают этическую точку зрения. Различие между общими оценками типа *хороший* и *положительный, плохой* и *отрицательный* видно на примере сопоставления таких словосочетаний, как *положительные эмоции* и *хорошие чувства, отрицательные эмоции* и *плохие (скверные) чувства (ощущения)*. Во вторых членах пар оценка дается по нравственному критерию, в первых — нет. Положительные эмоции могут возникнуть и на безнравственной почве. В таких сочетаниях как *хороший взгляд, хорошая улыбка, плохое поведение* и т.п. имеется в виду этическая сторона явления; ср., например, употребление типа *Он посмотрел плохим взглядом на Пуцина* (Тынянов).

В большинстве случаев в таких контекстах возможна эквивалентность *хороший = добрый, плохой = недобрый, злой*, но не *хороший ≠ положительный, плохой ≠ отрицательный*. В приложении к человеческой деятельности общая оценка (*хороший и плохой*) связана с этическим принципом, как главным мерилом бытия. Сочетаемость с оценочными прилагательными имени *событие* отлична от сочетаемости имен конкретных событий, для которых типичны описательные определения. Это различие видно в том, что количественные характеристики получают разное значение, сочетаясь с именем *событие* и с именем конкретного события; ср.: *Это была грандиозная свадьба* и *Свадьба стала грандиозным событием в его жизни*. В первом случае определение относится к размаху "мероприятия", во втором — к его роли в жизни, собственно к женитьбе. Имя *событие* служит во втором предложении классификатором, указывающим на тот аспект, по которому оценивается происходящее.

Данная выше характеристика концепта "событие" не является исчерпывающей. Поэтому в заключение этого раздела выделим основные признаки, отличающие значение имени *событие* от других общесобытийных имен. "Событие" характеризует: 1) отнесенность к жизненному пространству (в противовес явлению), 2) принадлежность магистральной линии жизни (в отличие от инцидента), 3) динамичность и кульминативность (наличие "точки осуществления", которая в социальных акциях может фиксироваться условно); это отличает событие от ситуации; 4) "сценарность", которая при отсутствии "естественного" сценария создается ритуалом; сценарность события противостоит градуированности процесса, 5) неконтролируемость (в отличие от поступков), 6) слабая структурированность (в отличие от целенаправленных действий), 7) целостность, отвлеченность от временной протяженности (в отличие от процессов), 8) отсутствие логической необходимости существования (в отличие от состояний, качеств, свойств и других форм бытия), 9) единичность, счетность (в отличие от деятельности), 10) функциональность (недескриптивность) обозначения конкретных событий, подводимых под родовое понятие "событие", 11) преимущественная включенность в интерпретирующий контекст (в отличие от процессов), 12) "вершинная" позиция при пространственно-временном совмещении с другими событийными объектами (процессами, действиями), служащими субстратом события.

Последний признак приводит событие в соприкосновение с фактом. "Событие" — это пункт, в котором онтологическое значение граничит с пропозитивным. Близость событий и фактов определяется следующими чертами: 1) те и другие не отвлечены от предметной реальности, 2) обе категории отвлечены от временной протяженности, 3) и те, и другие отвлечены от агенса, 4) и факты, и события счетны, 5) своей включенностью в семиотический контекст. Эти схождения предопределяют общность ряда закономерностей сочетаемости имен *событие* и *факт*.

"ФАКТЫ" И "СОБЫТИЯ"

В КОНТЕКСТЕ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ И КОНТРАСТА

Вы должны взглянуть на практику языка
и тогда вы увидите логику
(Л. Витгенштейн. О достоверности, § 501)

В предыдущих разделах был рассмотрен вопрос о контекстах употребления фактообразующего и событийного значений и их классификаторов — существительных *факт* и *событие*. Ниже будут более четко сформулированы условия, в которых различия между этими типами значения сводятся к минимуму или даже нейтрализуются, а также те контексты, в которых эти значения наиболее противопоставлены. Определение этих контекстов существенно для тех случаев, когда оба типа значения выражены одинаково — полными номинализациями, событийными именами или именами конкретного значения (предста-

вителями пропозиции). О совмещении такого рода значений см. (Кубрякова, 1981, с. 187 и сл.).

Колебания в интерпретации полных номинализаций характерны для контекстов, создаваемых предикатами эмоционального воздействия.

В предложении *Расстрел демонстрации девятого января 1905 г. произвел на него громадное впечатление* номинализация *расстрел демонстрации* будет иметь событийное значение, если речь идет об очевидце трагедии, но это сочетание скорее будет прочитано в фактообразующем смысле, если имеется в виду человек, узнавший о расстреле из газет: *Сам факт, что демонстрация была расстреляна, произвел на него большое впечатление (ужасен)*. Между этими ситуациями расположена шкала промежуточных случаев, в применении к которым трудно судить о том, является ли источником переживания косвенно полученное (пропозициональное) знание или прямое "сценическое" воздействие (чувственные образы); ср. непосредственное потрясение от казни, испытанное Виктором Гюго, писавшим, что мысль "Последнего дня приговоренного к смерти" он подобрал на Гревской площади "в луже крови" (В. Гюго, Собр. соч. М., 1953, т. I, с. 199) и не менее сильное впечатление от казни Млодецкого, которое стало причиной недуга Гаршина, не бывшего ее непосредственным свидетелем.

Если речь идет об эмоциональном воздействии известия, прямо касающегося данного лица, источником переживания является и сам факт и те событийные последствия, которые он за собой влечет. Когда нет необходимости обращать внимания на различие между фактуальным и событийным аспектами стимула, последний обозначается именем события: *Смерть ребенка всегда ужасна*. Однако, если необходимо отделить факты от событий, говорят либо *Сам факт смерти ребенка ужасен*, либо *Смерть ребенка была ужасной*. Событие и факт могут быть противопоставлены в рамках одного высказывания: *Уже сам факт рождения ребенка приносит радость, но в послевоенные годы рождение ребенка было для каждой семьи особенно радостным событием; Уже сам факт, что это событие приятно, утешителен (радует)*.

Тогда, когда эмоции направлены на агенса, стимулом обычно является не событие, а факт: *То, что ты мог такое подумать (сказать, заподозрить, написать), глубоко меня огорчило*. В этом случае используется модальный глагол *мочь*, хотя сказуемое имеет фактивное значение: *мог подумать (сказать) = подумал (сказал)*. Модальный глагол относится к способности человека проявлять себя определенным образом, свойству его натуры. С неличностным субъектом он в этом значении не употребляется; ср.: **То, что в январе могла разразиться гроза, всех удивило* и *То, что он в свои семьдесят лет может заниматься (= занимается) горнолыжным спортом, всех удивляет*, *То, что Алексей мог (способен) обо мне подумать такое, оттолкнуло меня от него*. Модальность "способности" служит знаком рикошета: эмоциональное отношение, "отскакивая" от факта, ударяет по человеку. Реплика "Как ты мог!" уже содержит прямой упрек адресату. Причина эмоции в ней даже не указана.

Предложения типа *То, что на этом участке пути могла произойти катастрофа, всех потрясло* двусмысленно. Оно может интерпретироваться и в фактическом и в контрфактическом смысле. Но при введении в ситуацию указания на ответственное лицо (*То, что на твоем участке могла произойти катастрофа, ужасно*) делает более вероятным первое прочтение. Иногда такое прочтение сопровождается акцентом на обозначении лица.

Текучесть эмоциональных состояний, их стимулов и объектов отзывается неустойчивостью в природе соответствующего стимулу значения, которое колеблется в диапазоне между событием и фактом, миром и мышлением (знанием) о мире (см. также выше). Разумеется, колебания возможны преимущественно в применении к тем стимулам, которые способны принимать "сценический облик". Не ритуализованные, чисто конвенциональные акции (например, получение отказа в ходатайстве) обычно вызывают эмоции самим фактом своего осуществления или неосуществленности. Если же событие имеет и фактическую и "сценическую" стороны, то эти его разные аспекты могут послужить стимулами противоположных чувств. Так, может обрадовать сам факт защиты диссертации, но огорчить то, как прошла защита, может радовать сам факт публикации книги, но огорчать количество опечаток и отсутствие в ней капитала. В "бочке меда", создаваемой фактом, всегда найдется "ложка дегтя", добавленная "процедурной" (процессуальной) стороной жизни. Возможно и обратное явление: бывают блистательные проигрыши и театрализованные поражения. Огорчение, причиненное фактом, в этих случаях, хотя бы отчасти и ненадолго, компенсируется удовлетворением от того, как разворачивались события. Именно поэтому, уходя, хлопают дверью. И, напротив, лезть (событие и даже процесс) способна загладить многочисленные факты провинностей. В сфере стимулов эмоциональных переживаний факты и события (процессы) взаимно компенсируют и девальвируют друг друга. Словесное искусство, для того чтобы вызвать эмоциональное переживание, должно трансформировать факты, пусть даже почерпнутые из хроники, в события и процессы. В искусстве воспринимают события, в хронике — факты. Достоверность словесного искусства (прозы) не имеет отношения к фактической стороне дела. У искусства немного кино обратная задача: для того, чтобы его понять и осмыслить, зритель должен преобразовать процессы и действия в события и поступки, а события в факты. Не справившись с этой задачей, он не сможет ни осознать, ни пересказать увиденное. За воспроизводимыми на экране процессами и действиями скрываются события, которые рассказчик должен выявить и констатировать в пропозициональной форме, т.е. в виде фактов. Процесс нуждается в семиотической интерпретации: "как" следует преобразовать в "что".

Проза прямо связана с выражением мыслей и констатацией фактов и косвенно — с эмоциями. Чтобы стать художественным явлением, она должна превратить косвенную связь в прямую, "что" — в "как". Искусство немного кино прямо связано со зрелищным воздействием и косвенно — с миром мыслей. Его задача — заставить поверить

в события и извлечь из них факты и идеи. Язык кино (особенно немого) в корне отличен от языка прозы. Не случайно, многие считали, что речевое озвучивание фильма губительно для чистой и первичной "материи" кино. Оно нарушает систему свойственных ему художественных приемов¹.

*
* *
*

Есть и другие контексты, в которых различие между событийным и фактообразующим значениями сводится к минимуму. События, мыслимые во времени, но в отвлечении от временной протяженности, легко смешиваются с фактами: *После бракосочетания (свадьбы) молодые уехали в путешествие; С заходом солнца кончаются полевые работы*. Ссылка на событие маркирует некоторую точку на линии времени, определяя последовательность взаимосвязанных событий. Однако это не превращает событие, принимаемое за точку отсчета, в факт. Напротив того, включение во временной план не допускает фактообразования. Пока сочетание *заход солнца* указывает на время суток, оно не может интерпретироваться как относящееся к факту: *В час захода солнца (= около девяти часов вечера) заканчиваются полевые работы*.

В контекстах, в которых эквивалентный союзу предлог допускает как темпоральную, так и каузальную интерпретацию, словосочетание воспринимается синкретично, то есть оппозиция событийного и фактообразующего значения частично нейтрализуется: *Думаю, что тут виноват я больше за Петербург, куда его стали реже приглашать с моим туда появлением* (Л. Собинов). Связанные во времени и следующие друг за другом взаимосвязанные события могут интерпретироваться как находящиеся в причинно-следственной зависимости: *Итальянского тенора Мазини стали реже приглашать на гастроль в Петербург вследствие того, что там появился свой тенор — Леонид Собинов*. Однако при необходимости и в этих условиях событийное значение может быть противопоставлено фактообразующему: *По чистой случайности его стали приглашать в Петербург реже после моего там появления. Соображения тут были финансовые. Он же написал это факту моих выступлений в Петербурге*.

¹ В воспоминаниях об А.А. Реформатском Н.И. Ильина пишет: "Он не любил фильмов, где было мало движения, и совершенно не выносил таких, где действие происходило в четырех стенах и персонажи много говорили" (Н. Ильина. Дороги и судьбы. М., 1985, с. 555). Отношение к "текстовым" фильмам Реформатского-зрителя согласовывалось с взглядами на разные виды искусства Реформатского-теоретика, который записал в дневнике (цит. по указ. соч.): "Каждое искусство имеет свою знаковую систему в смысле знаков-диакритик, без материальных "дат" информация невозможна. Эти знаки-диакритики разнствуют от искусства к искусству и обязательно базируются на каком-то из пяти чувств (разумеется, au fond — шестое чувство, связанное с пониманием). Так что такое кино? Прежде всего изображение, рассчитанное на зрительное восприятие. Отсюда следствия: слово не нужно для кино, это не его забота, музыка может быть только в "чуть-чуть", чтобы не переключать зрительное в слуховое. В кино информация должна быть передана зрительно и в движении — в отличие от иных искусств с другим каналом восприятия и в отличие от фотографии, принципиально статичной".

Развертывание событийного словосочетания дает *как-придаточное*: *после бракосочетания* = после того, как они вступили в брак; *с заходом солнца* = после того, как заходит солнце; *с момента моего появления* = с того момента, как (когда) я там появился. Показательно, что во временные союзные выражения входят местоимения *как* или *когда*, а не *что*: *в то время, как ...*, *до того, как ...*, *в продолжении того, как ...*, *с того момента, когда ...* и др. Напротив, в союзные сочетания, выражающие логические отношения, входит *что*: *вследствие того, что ...*, *по причине того, что ...*, *несмотря на то, что ...*, *из-за того, что ...* и др. Вопросительное местоимение *что* может и само по себе получать причинное или целевое значение: *Что ты, молодец, закручинился? Ты что (= зачем) сюда пришел?* (Причинный союз *так* как составляет целостную единицу). Фактообразующее значение соответствует *что-придаточным*, а событийное значение (в том числе и обозначение процесса) часто реализуется в форме *как-придаточных*.

Итак, интерпретация отношений между частями предложения во временном плане требует событийного понимания номинализации, а их логическая интерпретация предполагает, что полная номинализация (свертка придаточного) относится к факту: *С приходом к власти военной хунты в стране начался упадок культуры* = 1) После того, как к власти пришла военная хунта, в стране начался упадок культуры (событийное прочтение), 2) Вследствие того, что к власти пришла военная хунта, в стране начался упадок культуры (пропозитивное прочтение).

План реальности организован временными отношениями между состояниями, ситуациями и процессами. Время упорядочивает события, объединяя их в "истории" и биографии. Отношение к фактору времени различает формы предикатов. Ментальный план организован логическими отношениями: логика упорядочивает факты и пропозиции. События могут быть неожиданными и непредвиденными, они могут обманывать ожидания, но они не могут вступать в противоречие друг с другом. Контрадикторность, а следовательно, и отрицание, — удел пропозиций; каузальность — категория фактов (положительных и отрицательных); целенаправленность упорядочивает человеческие действия. Непоследовательность нарушает любой вид порядка. Она выявляет дезорганизующее начало человека. Она не может быть приписана естественному ходу событий. Развитие делает скачки, но и в этом оно придерживается заданной программы. Каждый план имеет свои принципы организации и свои возможности дезорганизации. Язык их выявляет.

Подведем итог. Точечность события сближает его с фактом. Вследствие этого формы совершенного вида и производные от них имена наводят на мысль о факте. Сообщения с глаголом в совершенном виде воспринимаются как констатация факта. Их можно условно назвать констатирующими. Отсутствие временной протяженности, а следовательно, и градуированности сближает, но не отождествляет событие с фактом. Событие — это шаг от процесса в направлении к факту. Однако его процессуальность при необходимости

может быть восстановлена. Точечность события не отменяет возможности "растяжения", превращающего событие в процесс или действие. Для этого достаточно предварить имя события такими словами как *во время, в течение, в продолжение: во время войны, в продолжение всего времени переговоров*. Само существительное обычно ставится во множ. числе: *во время этих событий*. Имена событий сочетаются с определениями, указывающими на их продолжительность: *столетняя война, затянувшиеся переговоры, короткая перепалка*. Временное соотношение, при котором одно событие точно, а другое имеет протяженность, должно интерпретироваться в терминах "событие — процесс", но не в терминах "факт — процесс": *Пока мы разжигали костер, погода испортилась и начался дождь*. Фактообразующее значение, как подчеркивалось, восходит к предложению (пропозиции). Оно не создается семантикой предиката и его видо-временными значениями. Для фактообразования безразлично, в какой форме стоит предикат предложения; ср.: 1) *Иванов неоднократно приезжал в этот город* → *Тот факт, что Иванов неоднократно приезжал в этот город, сыграл в его жизни большую роль*, и 2) *Иванов приехал в наш город* → *Тот факт, что Иванов приехал в наш город, сыграл в его жизни большую роль*. Между тем, для событийной номинализации форма исходного предиката не всегда безразлична; ср.: 1) *Неоднократные приезды Иванова вносили разнообразие в культурную жизнь города* и 2) *Приезд Иванова внес разнообразие в культурную жизнь города*.

Итак, ни одно точно фиксируемое событие не совпадает с точкой соответствующего ему факта, поскольку сами эти точки принадлежат принципиально разным пространствам: жизненному пространству, разделенному на пересекающиеся личные сферы, и эпистемическому пространству. Поэтому и допустимы такие высказывания как *Тот факт, что это событие произошло, подтвердился, То, что это событие произошло, факт*. Подтверждаясь, факты (точнее, сообщения) входят в мир знаний. Однако и факты и события могут *иметь место*. Этот общий для них предикат не специфицирует области бытия.

*
* *
*

К сближению фактов и событий располагает отнесенность к плану будущего, в особенности если пропозиция выражена инфинитивом и зависит от интенциональных глаголов: *Я хочу есть, Я хочу сейчас пообедать, Мне нужно с тобой повидаться* и пр. Но и в этих случаях существуют признаки, разграничивающие фактообразующее и событийное (процессуальное) значения. Так, например, желание-ощущение, требующее удовлетворения жизненных потребностей, имеет в качестве своего объекта процесс или событие. В этом случае инфинитив относится к процессу: *Я хочу есть, Я хочу тебя видеть*. Желание-намерение, формируемое расчетом, а не ощущением, ориентировано на факт: *Я хочу сейчас пообедать, хотя еще и не голоден* = Я намерен сделать истинным суждение "Я пообедал". Процессуальное прочтение

пропозиции, зависимой от интенционального глагола, более естественно при одном субъекте; фактуальное прочтение естественней тогда, когда пропозиция относится к иному субъекту, чем вводящий ее интенциональный предикат. Русский язык различает эти ситуации; ср.: *Я хочу есть* и *Я хочу, чтобы ты поел*; *Я хочу видеть тебя* и *Я хочу, чтобы ты пришел*.

К вопросу об интерпретации инфинитива мы еще вернемся. Сейчас же достаточно констатировать, что план будущего ослабляет противопоставленность фактообразующего и событийного значений, но далеко не во всех случаях его нейтрализует.

Сближение фактов и событий может, наконец, быть вызвано отсутствием или ограниченностью у событийных предикатов "образа действия" (способа протекания или реализации), их "оголенностью". Сочетание *заклучить договор* не стимулирует вопроса *Как?* и потому номинализация *заклучение договора* воспринимается в фактообразующем смысле. Такое сближение не ведет к неразделенности фактов и событий; не имея способа действия, события происходят при определенных обстоятельствах и пока указание на эти обстоятельства может занять позицию предиката (ремы) по отношению к непредметному имени, последнее не утрачивает своего событийного значения: *Заклучение договора произошло (состоялось) в торжественной обстановке*.

Такие факторы, как точечность, отнесенность к плану будущего, аспектизованность (распределенность по разным сферам), отсутствие способа действия, включенность в контекст предикатов психического (эмоционального) воздействия, наличие каузальных значений у временных отношений сближают событийное значение с фактообразующим, но ни один из этих факторов не может стереть фундаментальной для семантики границы, отделяющей жизненную сферу от эпистемической. "События" могут входить в экстенциональный контекст, факты только в интенциональный.

Различие между контекстами, принимающими пропозиции и факты, и контекстами, принимающими событийные значения, состоит в том, что первые чувствительны к изменениям в логических акцентах внутри пропозиции (номинализации), а вторые — нет. Ф. Дрекке обратил внимание на то, что изменение места контрастивного ударения внутри номинализации может повлиять на смысл всего высказывания, а тем самым и на условия его истинности. Варианты одной и той же пропозиции, различающиеся местом логического ударения, Ф. Дрекке называет пропозициональными алломорфами; ср., например, *Она оставила в кабинете свой блокнот*. и *Она оставила свой блокнот в кабинете*. Контексты, для которых такого рода различия существенны, Дрекке характеризует как чувствительные к алломорфному варьированию пропозиции (allomorphically sensitive contexts) (Dretske, 1979, p. 371). К их числу автор относит контексты, создаваемые глаголами пропозиционального отношения, каузальными предикатами, глаголами психологического состояния и возбуждения эмоций. Дрекке особенно подчеркивает роль причинных отношений в выявлении "алломорфных" (в его терминологии) различий между вариантами

пропозиций (с. 377). Автор при этом говорит не о фактах, а о событиях. Пропозициональные алломорфы имеют, как полагает Дрекке, также референцию к событию. Каузальный контекст производит расщепление события на "каузальные сущности" (causal entities). Причины, а также, возможно, и следствия (effects) представляют собой грани или черты (facets or features) событий. Они отличаются от событий принципами идентификации. "Осуществлять референцию к событию, — пишет Дрекке, — значит пользоваться другим критерием идентификации" (с. 375). Однако и те и другие, по Дрекке, однородны и входят в онтологию мира. Семантические вариации алломорфов, полагает он, есть лишь симптомы онтологических различий. Эти различия нельзя считать побочным продуктом прагматики речи. В варьировании пропозиции проявляются различия в структуре мира. Референция к событию, по Дрекке, относится к тому, что происходит в определенное время, в определенном месте и определенным способом. Референция к алломорфу события относится не к происходящему в заданных координатах пространства и времени, а к тому, что оно *совершается* в определенное время, в определенном месте и определенным способом (its occurring at that time, in that place or in that manner). В нашем представлении это как раз и отвечает различию событий и фактов. Идентификация событий, пишет далее Дрекке, не влечет за собой идентификации алломорфов. Пропозициональные алломорфы обозначают алломорфные события (Propositional allomorphs designate allomorphic events). Последние составляют референт (wordly counterpart) алломорфов (с. 376). Мы привели пространный отрывок из статьи Ф. Дрекке для того, чтобы показать к каким противоречиям и сложностям приводит неразличение событий и фактов. Ведь очевидно, что нельзя допустить различий в принципах идентификации однородных сущностей. Не менее ясно, что введение таких категорий как пропозициональные алломорфы и алломорфные пропозиции запутывает анализ. Комментируя статью Дрекке, Дж. Ким отмечает, что выделение алломорфов пропозиции более естественно объяснять не различиями в онтологии, а различиями в пропозициональном отношении (Kim, 1979, p. 381). Таким образом, правильные наблюдения не получают у Дрекке адекватного объяснения.

ОЦЕНКА ФАКТОВ И ПРОЦЕССОВ

Хорошо, что даже плохо жить на белом свете хорошо

Аксиологическая проблематика ставит любого исследователя, будь то логик, философ или лингвист в ситуацию с двумя неизвестными: одним неизвестным является природа объекта оценки, другим — природа того свойства (или тех свойств), которые обозначаются оценочными предикатами. В логико-философской литературе основное внимание уделяется второму из названных вопросов: дискуссия о существовании и существе свойства "хорошести", а соответ-

ственно, о дескриптивности или недескриптивности аксиологических прилагательных имеет долгую историю, которая была освещена в предыдущей главе. Однако, сколь бы ни был плодотворен анализ ценностных свойств объектов, к которым приложимы оценочные предикаты, он не должен вытеснить из поля рассмотрения первый из упомянутых вопросов.

Логика ограничивает проблему объекта оценки дилеммой "предмет или пропозиция". Выбор большей частью падает на пропозициональную структуру: считается, что оценочные предикаты относятся не к предметам (*thing-like entities*), а к свойствам предметов или к положениям дел (*proposition-like entities*), то есть являются предикатами второго порядка (Wright 1972). Эта точка зрения особенно прочно утвердилась в логике предпочтения, оперирующей ценностным сравнением ситуаций (Wright, 1963a, Rescher, 1966, Tondl, 1974).

В предыдущих разделах было показано, что область непредметных объектов неоднородна. Через нее проходит своего рода "линия горизонта", отделяющая "небо" (пропозиции и факты) от "земли" (событий, процессов, ситуаций, состояний, положений дел, действий, поступков, изменений и т.п.). Раньше мы брали в качестве представителя событийного ряда концепт события, отстоящий от концепта факта на наиболее близкое расстояние, поскольку наша задача состояла в том, чтобы показать, что и в этом случае сохраняются принципиальные различия между рассматриваемыми двумя типами значений. Теперь мы будем придерживаться принципа максимального "раствора ножниц" и пользоваться в качестве представителя событийного ряда концептом процесса.

Общеоценочные предикаты, как отмечалось, составляют одну из немногих категорий среди предикатов второго порядка, которые способны характеризовать оба типа непредметных объектов. Когда речь идет о среде погружения человека, то оценка проистекает из ощущений и может быть дифференцирована в зависимости от способа восприятия объекта (ср. *вкусный, ароматный* и пр.). В этом случае говорят о гедонистической, или сенсорной, оценке. Если имеются в виду интенциональные объекты (факты или пропозиции), то оценка опирается на иные принципы (нормативность, утилитарность, причинно-следственные отношения и т.п.) и имеет рациональный характер. Априорно достаточно ясное, это распределение затемнено двумя обстоятельствами: 1) тем, что оба вида оценки могут быть выражены одинаково, 2) тем, что разные объекты оценки могут быть обозначены одинаковыми языковыми средствами.

Между тем различие в оценке фактов и процессов (событий) настолько разительно, что разные оценки одного и того же явления, рассматриваемого либо как факт, либо как процесс, совместимы в одном высказывании. Можно сказать *Хорошо, что я плохо спал, иначе я не заметил бы, что загорелся провода*. Чем болезненней неизбежный процесс (или событие), тем большее удовлетворение (но не удовольствие) может доставить факт его свершения и завершения. Напротив, чем приятнее процесс, тем более нежелательные послед-

ствия можно ожидать от факта его осуществления. Преобразование процесса в факт (замена *как* на *что*) нередко меняет знак оценки на обратный. Процессы оцениваются с позиций настоящего момента (ощущения), факты — часто с позиций будущего (следствий). Процессы связаны с желаниями и потребностями, факты — с разумом и волей. Несогласованность в оценке процессов и фактов составляет, как знает всякий, основную коллизию человеческого бытия и поведения. Оценки фактов и процессов в принципе взаимонезависимы. Предложение *Мне хорошо выдернули зуб* не только не равнозначно высказыванию *Хорошо, что мне выдернули зуб*, но и не имплицитует его. Из оценки процесса может вытекать любая оценка соответствующего ему факта. Верно и обратное: оценка факта допускает любую оценку своей процессуальной основы. Веривший в конечную целесообразность мира мудрец говорил: «И нельзя сказать "Это хуже того", ибо все в свое время признано будет хорошим». Между тем, человек на каждом шагу должен решать, что лучше и что хуже, и для этого ему нужно привести факты и процессы к некоторому общему знаменателю.

Механизмы речеобразования согласуются с механизмами жизни: каждый вид оценки располагает своей синтаксической позицией (по крайней мере в ее первичной функции). Оценка процессов выражается либо наречием (*Я хорошо спал*), либо предикативом, или "категорией состояния" (*Хорошо спать на свежем воздухе*). Оценка фактов выражается аксиологическим оператором и соотносительными с ним предикатами второго порядка (*Хорошо, что ты сказал правду; То, что ты сказал правду, хорошо*). Все три вида оценки совместимы в одном высказывании: *Хорошо, что даже плохо жить на этом свете хорошо*. Рассмотрим подробнее каждую ситуацию на материале русского языка.

Процессы и события составляют, как было отмечено, среду физического и психического погружения человека в действительность. Их воспринимает субъект прямого контакта; он их и оценивает. Оценка не нуждается ни в какой иной мотивировке, кроме отсылки к собственным ощущениям. Например: *Она не могла сказать, отчего ей плохо, что давит сердце. Дом — полная чаша, муж любит больше даже, чем бы ей хотелось, свекровь меньше, чем все другие, кого она знает, жмет. Отчего же так мучительно, так бесконечно хочется выплакаться*. (Серафимович). Вопрос о причине психологического или иного дискомфорта, конечно, занимает человека, поскольку он желает ее устранить. Однако речь в этом случае не идет о мотиве оценки. Мотив оценки всегда связан с модусом суждения (*По ряду соображений я считаю, что это хорошо*). Высказывания сенсорной оценки в своих основных (исходных) формах не имеют выраженного модуса. Их не может вводить пропозициональная установка мнения. Не говорят **Я думаю (считаю), что мне хорошо спалось (что я вкусно поел)*. Такие предложения не может вводить и предикат знания, поскольку в области ощущений нет противопоставления знания незнанию. Нельзя сказать **Я знаю (не знаю), что вкусно ем* (Падучева, Зализняк, 1982).

Мнение может быть либо истинным, либо ложным. Сенсорная оценка всегда истинна. Чтобы быть истинной, ей довольно быть искренней. Сенсорная оценка, пока она не оторвалась от субъекта и времени ощущения, имеет статус неопровержимой субъективной истины. К этому заключению приходили многие философы. Дж. Локк считал, что "вещи в момент их использования являются тем, чем они кажутся; в этом случае кажущееся и действительное благо всегда одинаковы" (Локк I, 1960, с. 279). Аналогичный вывод делает Спиноза: "Удовольствие, рассматриваемое прямо, не дурно, а хорошо; неудовольствие же, наоборот, прямо, дурно" (Спиноза I, 1957, с. 556).

Но перестав ощущать удовольствие, человек может изменить оценку: *Удовольствие всегда благо, и страдание всегда зло, но не всегда полезно наслаждаться удовольствием, полезно порою и испытывать страдание* (Мальбранш), *Наслаждение, которому мы отдаемся безраздельно и безоглядно, становится самым неумолимым врагом*. Большинство высказываний о гедонистических ценностях не призывают к ним (в этом нет большой нужды), а предостерегают.

Указанные выше два способа выражения сенсорной оценки (наречие и предикатив) совместимы в одном высказывании. Они могут одновременно характеризовать один и тот же процесс: *Хорошо спать хорошо; Плохо спать плохо*. Допустимы и "сенсорные извращения": *Как хорошо плохо спать! Как плохо хорошо спать!* Очевидно также, что *Хорошо — жить* не то же, что *жить хорошо*; ср.: *Жить — хорошо, а хорошо жить еще лучше*. Основное различие в значении двух видов оценки сводится к следующему: предикатив идентифицирует состояние (ощущение), вызванное глобальным (неделимым) действием (оно выражено инфинитивом); наречие выделяет из класса действий или процессов (состояний) аксиологически охарактеризованную разновидность (см. подробнее ниже).

Адвербиальная оценка действия, тесно связанная с лексическим значением глагола и его видовыми характеристиками, может осуществляться на самых разных основаниях: по техническому нормативу (*плохо стоять в строю*), по этической норме (*плохо поступать*), по смешанному — эстетическому и техническому — нормативу (*хорошо играть на скрипке*), по количеству объекта (*хорошо зарабатывать*), по его качеству (*хорошо писать*), по отношению процесса к кульминации, завершению (*плохо провариться*) и др. (Вольф, 1985, с. 131 и сл.). Эти типы оценки будут проанализированы в следующей главе. Здесь нас будет интересовать только гедонистическая оценка, выносимая на основании прямых ощущений, возникающих в процессе осуществления действия. Предложений с неличным субъектом мы касаться не будем (ср. *Розы хорошо пахнут*).

Гедонистическая оценка имеет своим объектом "приятные действия" то, чему человек предается для собственного удовольствия или для удовлетворения своих жизненных потребностей. Всякое действие, совершаемое человеком "ради себя", должно соответствовать требованиям, предъявляемым самим субъектом: *Я хорошо пообедал* значит "Я остался доволен обедом". Оценочные суждения исходят от первого лица (Вольф, 1982, с. 325). Употребление в третьем лице

предполагает отсылку к первоисточнику и может сопровождаться модальностью неуверенности: *Он говорит, что хорошо провел время; Они, кажется, хорошо повеселились.*

Соответствующий общеоценочным наречиям компаратив соотносит однородные события: *Сегодня я спал хуже, чем вчера.* Сравнимые события не составляют альтернативы. Большей частью речь идет об изведанных процессах и пережитых событиях. Оценка основана на градации одного и того же признака.

Гедонистическая оценка, выраженная наречиями *хорошо* и *плохо*, избегает характеристики узуальных действий, и это отличает ее от нормативной оценки. Высказывания *Я хорошо пообедал (полежал на пляже)* относятся к частному случаю, локализованному в пространстве и времени. Предложения типа **Я всегда хорошо купаюсь (лежу на пляже)* не корректны: удовольствие не спешит оторваться от конкретных условий, в которых оно реализовалось. Если же этот отрыв происходит, то предложение квалифицирует вкусы и склонности субъекта: *Я люблю купаться.* Когда оценивается действие само по себе, то глагол ставится в инфинитиве, а оценочное наречие преобразуется в предикатив: *Хорошо ходить на лыжах; Как хорошо гулять по цветущим лугам!* Оценка конкретизируется в самих ощущениях говорящего.

В предложениях типа *Хорошо гулять по лесу* оценивается состояние, обычно невольное, участника события. Речь не идет о целенаправленных действиях. Инфинитив выключен из парадигмы спряжения, но может замещаться придаточным времени: *Хорошо, когда идешь по лесу.* Это показывает, что состояние синхронизировано со стимулирующим его процессом. При номинализации оценочное слово не может быть свернуто к определению. Оно сохраняет за собой позицию предиката: *Хорошо гулять по лесу* → *Прогулки по лесу хороши (приятны)* → *Как хороши прогулки по лесу!* Словосочетание *хорошая прогулка по лесу* соотносительно с адвербиальной конструкцией *хорошо прогуляться по лесу*, которая противопоставляет хорошую прогулку плохой. Понятие прогулки в этом случае подпадает под действие аксиологической таксономии, задаваемой миру человеком, а не человеку миром.

В предложении *Хорошо (приятно) гулять по лесу!* понятие лесной прогулки не участвует в каких-либо противопоставлениях, в том числе в оппозиции отрицанию. Из таких предложений нельзя вывести никаких заключений относительно того, что плохо. Если гулять по лесу хорошо, это не значит, что не гулять по лесу плохо или что плохо гулять по полю. Гедонистическая оценка состояния логически не имплицативна, хотя практически всякий знает, что выключение из неприятных переживаний или болезненных ощущений уже само по себе дает облегчение. Поэтому позитивная оценка в предложениях, содержащих явное или скрытое отрицание, приобретает имплицативность: *Хорошо быть здоровым* (= не болеть), *Хорошо иногда полениться* (= не работать). Положительные ощущения, вызываемые нормальным положением дел, возникают по контрасту с испытанными отклонениями от нормы.

Предикативы состояния *хорошо* и *плохо* входит в одну парадигму с такими другими представителями этой категории как *весело, грустно, радостно, сладко, страшно, скучно, противно, приятно, неприятно, легко* (на сердце, душе), *тяжело, стыдно, смешно, обидно, досадно* и т.д., но не такими как *грешно, благородно, непринято, подло* и др. (О разрядах внутри предикативов см. (Золотова, 1982, с. 274 и сл.); о предикатах состояния см. (Семантические типы предикатов, с. 121—131, а также с. 320 и сл.)). Именно в позиции, присущей категории состояния (предикативу), происходит постепенный переход от сенсорной оценки к рациональной. В предложениях типа *Вредно (плохо) есть на ночь грибы; Полезно (хорошо) по вечерам гулять* инфинитив приближается к фактообразующему значению в том отношении, что мотив оценки относится не к ощущениям, а к последствиям действия. Следующим после утилитарной оценки шагом в развитии аксиологического значения в позиции предикатива является значение этической оценки: *Плохо (нехорошо, неэтично, невежливо, грешно, подло, неблагородно) так говорить; Хорошо (благородно) помогать друзьям*.

Таким образом, в позиции предикатива разворачивается целый спектр оценок от гедонистической до этической. Наименее свойственна этой позиции эстетическая оценка, сублимирующая принцип гедонизма.

В соответствии с изменением критерия оценки варьируется и характер ее объекта: значение инфинитива движется по шкале переходов от процессуального до пропозитивного.

Сопоставим два типа инфинитивно-оценочных конструкций: 1. *Хорошо бродить по лесу* и 2. *Хорошо пойти сейчас в лес*. В (1) сообщается о вызванном некоторым процессом (действием) приятном состоянии; (2) содержит оценку предстоящего события; оно фиксирует акт выбора определенного курса действий среди других альтернатив; говорящий хочет сделать истинным суждение "Я пошел в лес". В (1) *хорошо* несет на себе ударение, оно эмоционально выделено. В (2) выделен инфинитивный оборот (его рема), причем оценочное слово может сочетаться с частицей *бы*: *Хорошо бы в лес пойти*. Оно выражает желание или намерение осуществить некоторое действие или "впасть" в некоторое состояние: *Хорошо бы поспать часок*. В (1) может быть устранен инфинитивный оборот: *Хорошо бродить по лесу* → *Как хорошо!* В (2) устранимо оценочное слово: *Хорошо бы в лес пойти* → *Пойти бы в лес* (при колебании: *В лес что ли пойти*).

В (1) субъект оценки и субъект действия обычно совпадают; однако возможны "оценки наблюдения": *Как хорошо детям плескаться в море!* (2) субъект оценки может быть отделен от субъекта действия только при наличии частицы *бы*: *Хорошо бы тебе в лес за дровами сходить; Хорошо, чтобы ты в лес за дровами сходил*. В (1) место инфинитива может занять придаточное времени: *Хорошо, когда бродишь по лесу*. В (2) — условное придаточное: *Хорошо, если бы мы в лес пошли*. (1) либо относится к актуальной ситуации, либо выражает общее суждение о классе ситуаций, соответствующее вкусам и склонностям говорящего: *Хорошо бродить по лесу* (ср. *Как хорошо*

бывает, когда бродишь по лесу) часто интерпретируется как "Я люблю гулять по лесу". В (2) выражено намерение (твердое или "мечтательное"¹) относительно предстоящего проведения времени; высказывание не может быть оторвано от актуальной ситуации. Сенсорно-оценочное *хорошо* тяготеет к несовершенному инфинитиву процессуального действия: *Хорошо бродить по лесу (купаться в море, нежиться на солнце)*. Совершенный вид при гедонистической оценке означает "мгновенное" действие, стимулирующее длительное состояние: *Хорошо утром окунуться в холодную воду*. В (2) обычно используется инфинитив совершенного вида, относящийся к будущему действию. Несовершенный вид выражает повторность (*Хорошо бы каждый день в лес ходить*), либо указывает на общеутилитарный характер оценки (*Хорошо по утрам делать гимнастику*).

Инфинитив в предложениях гедонистической оценки может замещаться разнообразными обстоятельственными оборотами: *Хорошо с тобой; Плохо сейчас в лесу*. Инфинитив в предложениях намерения (желания) допускает замены только при наличии частицы *бы*: *Хорошо бы в лес (В лес бы)*. В (1) обстоятельство отвечает на вопросы *где?* и *как?*, в (2) — на вопрос *куда?*, и это дает ощущение эллипсиса; ср.: *Татьяна в лесу* и *Татьяна в лес*.

В (1) дательный субъекта синтаксически связан с оценочным словом: *Хорошо нам вдвоем; Кому на Руси жить хорошо?* В (2) дательный перешел от оценочного слова к инфинитиву: *Хорошо бы тебе в магазин сбежать; Не опоздать бы мне на работу*. В (1) инфинитив избегает отрицания, в (2) утверждение и отрицание равноправны. В (1) оценка употребляется и в своем позитивном и в своем негативном варианте: *Хорошо бродить по лесу; Плохо пробираться через колючий кустарник*. В (2) возможна только положительная оценка: **Плохо мне опоздать на работу; *Плохо бы тебе сидеть дома*. (Этическая и утилитарная оценки, естественно, допускают как одобрение, так и порицание).

Этот пример показывает, насколько хрупка синтаксическая система. Как только в употребление вовлекается та или другая модальность (в данном случае модальность желания, намерения) *хорошо* отрывается от *плохо*. Парадигматические отношения, основанные на аксиологических оппозициях, несколько не гарантируют тождества условий употребления антонимических оценочных предикатов.

Суммируем теперь основные черты гедонистической оценки в ее классической форме: 1) гедонистическая оценка релятивизована относительно субъекта ощущения и обладает параметром субъективной истины, 2) она не нуждается в мотивировке, 3) сенсорная оценка не вводится пропозициональными глаголами мнения и знания, 4) сравнение, которое не является необходимым атрибутом сенсорной оценки.

¹ Вот характерный пример "несерьезных" намерений: Он <Манилов> думал о благополучии дружеской жизни, о том, как бы хорошо было жить с другом на берегу какой-нибудь реки, потом через эту реку начал строиться у него мост, потом огромный дом с таким высоким бельведером, что можно оттуда видеть даже Москву (Гоголь).

касается входящих в один класс событий, 5) ценностное сравнение не предполагает дизъюнкции сопоставляемых процессов, 6) сенсорная оценка логически не имплицативна, 7) противоположные оценки не объединяются в единый скалярно-антонимический комплекс (типа "маленький—большой"): положительные ощущения достаточно определены отделены от отрицательных, 8) положение объекта вне сенсорной оценки определяется его неспособностью стимулировать ощущения, 9) сублиматом сенсорной оценки является эстетическая оценка, 10) сенсорная оценка не пользуется понятием нормы.

*
* *
*

Ранее уже был отмечен ряд черт, противопоставляющих оценку процессов оценке фактов. Сейчас выделим главное.

В позиции аксиологического оператора используются почти исключительно общеоценочные предикаты *хорошо* и *плохо*, выключенные из парадигматических отношений со своими эмоциональными синонимами. Такие оценки как *отлично*, *превосходно*, *прекрасно* и др. допускают только автономное (отлученное от фактообразующего придаточного) употребление типа *Вот и отлично*; *Превосходно! Вот это замечательно!*

Аксиологический оператор может сблизиться с предикатами психологической реакции, порождаемой не только процессами, но и фактами: *Я рад, что вы пришли*; *Мы огорчились, когда узнали, что наш проект отклонен*. Психологические реакции и состояния возникают, как отмечалось, не только при прямом включении в события и процессы, но и вследствие узнавания фактов. Этим определяется, что такие имена как *событие* и *факт* могут входить в одинаковый контекст психологических характеристик: *отрадными*, *прискорбными*, *пугающими*, *странными*, *волнующими* и т.д. могут быть как факты, так и события (процессы).

Аксиологические операторы распространяют свое действие на целиком взятую пропозицию, которая может быть выражена придаточным дополнительным с союзом *что* и без него, придаточным условным, а также инфинитивом: *Хорошо, что ты мне помог*; *Хорошо (бы) люди помогли*; *Было бы хорошо, если бы люди помогли*; *Будет хорошо, если ты мне поможешь*; *Хорошо, если помогут*; *Хорошо помогать друзьям*.

Все примеры, кроме второго, допускают оппозицию *хорошо/плохо*. Аксиологический оператор избегает прошедшего времени. Не говорят **Было хорошо, что ты мне помог*. Значение рациональной оценки, особенно этической, стремится освободиться от временных ограничений.

Поскольку критерием оценки фактов не служат ощущения, субъект оценки может не совпадать с субъектом, вовлеченным в оцениваемое положение дел. Оценка фактов выражает точку зрения, и она — явно или не явно — вводится пропозициональным отношением мнения: *Я считаю, что хорошо помогать друзьям*; *Я нахожу, что было бы*

хорошо, если бы ты мне помог. Оценка стороннего наблюдателя может оказаться иной (возможно, более дальновидной), чем мнение участника события, который не всегда пожелал бы себе те перспективы, которые открывают перед ним другие, например: *Было бы неплохо, если бы с нею случилось несчастье, неудачный роман или что-нибудь в этом роде. Было бы для нее полезно, если бы что-нибудь согнуло ее гордость* (М. Горький). (О субъекте оценки см. Вольф, 1985, с. 67 и сл.).

Оценка фактов имеет рациональный характер и подлежит обоснованию: *Хорошо, что дождь пошел, а то (иначе, в противном случае) пришлось бы огород поливать*. Мотивом оценки здесь служит указание на отрицательное следствие из обратного реальному положению дел. Оценка факта, таким образом, вводит пропозицию в контекст причинно-следственных отношений.

Если речь идет о сознательных действиях, то мотивом оценки может служить отношение к норме. Такой мотив вводит пропозицию в нормативный или дидактический контекст с характерными для него модальностями разрешенности и запрета, необходимости и свободы: *Плохо, что ты обидел девочку. Нельзя обижать слабых*.

Сублиматом оценки фактов (а не процессов или событий) является этическая оценка, которая, допустив обращенность на самого субъекта оценки, сформировала в недрах человеческой природы свой орган — совесть, способную правильно судить, даже не прибегая к мотивировкам: совесть превращает "нельзя" в "не могу", а "не хочу" в "должен".

Этическая оценка сводит любое *как* к *что*: как ты поступил определяется тем, что ты сделал. Эстетическая оценка, напротив, преобразует *что* в *как*.

Оценка фактов, выражающаяся аксиологическими операторами, тесно связана со сравнением. Та или другая оценка данного факта имплицитно обратную оценку соответствующего отрицательного факта: *Хорошо, что ты сказал правду, а не солгал. Солгать было бы дурно*.

Общеоценочный оператор часто используется в ситуации разрешенной альтернативы: *Хорошо, что пришел ты, а не он; Хорошо, что ты все-таки пришел; Хорошо, что мы поехали в Крым, а не на Кавказ*. Особенно регулярно эксплицируется "противовес" в предложениях с именной ремой, допускающей множественность альтернатив. Но даже когда высказывание ограничено оценкой факта, в нем заключено неявное сопоставление с соответствующим отрицательным фактом, который либо сам по себе хуже положительного, либо мог бы повлечь за собой отрицательные последствия. Высказывание *Хорошо, что ты пришел* может быть сказано хозяином, который рад видеть у себя гостя; оно также может быть произнесено в ситуации, когда приход предотвратил несчастье: *Хорошо, что ты пришел и выключил утюг*. Речь здесь идет о счастливой случайности. Высокая вероятность обратной ситуации заставляет думать об удачном разрешении альтернативы, произведенном судьбой или нена роком самим человеком; например, в речи Ноздрева: *Рыб и ба-*

дыков навезли чудных. Я таки привез с собою один; хорошо, что догадался купить, когда были еще деньги (Гоголь).

Оценка может относиться и к собственным действиям. Она задним числом констатирует возможность иного выбора, то есть указывает на поведенческие колебания: *Как хорошо, что я вовремя вернулся домой. Только вошел, как начался ливень.* Говорящий дает понять, что благоприятные последствия его образа действия превзошли ожидания.

Компаративное значение аксиологического оператора ясно выступает в конструкции с придаточным условным, выражающим допущение: *Лежи и мучайся: так тебе, дураку, и надо, и хорошо, если просто дураку, а то и подонку* (В. Солоухин), ср. также: *Хорошо, если он сдаст экзамен на тройку, а не провалится (а то может и провалиться)*. Речь в этом случае идет о сопоставлении двух гипотетических положений дел (характеристик, мнений, оценок), причем оба они отрицательны. Поэтому *хорошо* в такого рода конструкциях не противопоставлено *плохо*. По значению оно приближается к *лучше*, от которого отличается следующим признаком: *хорошо* употребляется тогда, когда выбор делается судьбой, а *лучше* — тогда, когда он зависит от воли человека, ср.: *Хорошо, если поезд не опоздает; Хорошо, если мы не опоздаем на поезд и Лучше нам не опаздывать на поезд; Лучше будет, если мы поторопимся.* Компаратив *лучше* связан с решением или рекомендацией (о нем будет идти речь дальше).

Суммируем основные черты, характерные для оценки пропозитивного объекта, выраженной предикативами *хорошо* и *плохо*: 1) оценка фактов (возможностей) по существу своему компаративна, 2) обычно сопоставляется факт и возможность его неосуществления, реальное и гипотетическое положение дел, утверждение и отрицание, 3) скалярно-антонимический комплекс, лежащий в основе сравнения, достаточно ясно разделен на области положительной и отрицательной оценки, 4) оценки взаимно имплицативны: из положительной оценки некоторого факта вытекает негативная оценка соответствующего отрицательного факта, и наоборот, 5) субъект оценки не обязательно совпадает с субъектом действия или участником события, 6) оценка мотивируется, причем мотив имеет рациональный характер, 7) оценочное суждение может быть введено модусом полагания, 8) положение вне оценки определяется невхождением в область интересов человека, 9) сублиматом оценки фактов является этическая оценка, 10) этическая оценка пользуется понятием нормы.

Различие в механизмах оценки процессов и фактов прослеживается и в возможностях ее перехода на вовлеченные в них предметы.

Сенсорная оценка, выраженная наречием, прямо ассоциируется с предметами. Из предложения *Я хорошо пообедал* обычно может быть выведено заключение о том, что обед был хорош. Склонность к процессам потребления тех или других видов объектов или к их восприятию часто представляется как "любовь" к самому объекту (в том числе и конкретному), если он допускает многоразовое употребление). Люди потребляют и истребляют то, что любят: *Я люблю есть*

рыбу — Я люблю рыбу, Я люблю читать произведения Тургенева — Я люблю Тургенева. Оценка процессов созидания соответствует оценке их продукта. Из высказывания, что *Тургенев хорошо писал*, вытекает, что он *писал хорошие произведения*.

Гедонистическая оценка имеет прямой выход в семантику. Благодаря ей язык обогащается недескриптивными предикатами, которые объединяют объекты не по их естественным свойствам, а по их воздействию — физическому и психическому — на человека. Соответствующие таким предикатам классы объектов представляют собой наборы причин (стимулов), способных оказывать сходное воздействие на человека.

Оценка фактов не связана с оценкой предметов. Высказывание *Хорошо, что в доме есть кошка* не предполагает со стороны говорящего доброго отношения к кошкам вообще и даже к данной кошке в частности. Он может просто считать пребывание в доме кошки меньшим злом сравнительно с деструктивной деятельностью мышей. Оценочному сравнению подвергаются альтернативы *В доме есть кошка* и *В доме есть мыши*. Но и сообщение *Плохо, что в доме завелись мыши* не имплицитно с необходимостью неприязни к этому виду грызунов.

Извлечение из оценки факта характеристики предмета иногда имеет ироническое назначение, например: *Предмет статьи до такой степени чужд всяким интересам русской публики, что она не будет прочтена почти никем. Именно тем она и хороша* (Чернышевский). Оценка факта (*Хорошо, что эту статью никто не прочтет*) перенесена на предмет (*Статья тем и хороша, что ее никто не прочтет*). Полученный иронический эффект как раз и происходит из принципиального несовпадения оценки фактов и оценки предметов. Ср. также: *Я не про Белокозскую одну говорю: дрянная старушонка и дрянная характером, да умна и их всех в руках умеет держать, — хоть тем хороша* (Достоевский).

Таким образом, различие в оценке процессов (состояний, событий) и фактов сказывается и на ее переносе на предметы, и на возможностях ее выхода в семантику прилагательных. Оценка предметов производна от оценки процессов, качеств, свойств и т.п., реализующихся при их вхождении в орбиту жизнедеятельности человека.

*
* *
*

Рассмотренный материал показывает, сколь важно для понимания строя предложения различение разных типов непредметных объектов и, в первую очередь, событий (процессов, ситуаций) и фактов. Это различие выявляет себя в оценочных структурах — сначала в предложениях, а через них и в словосочетаниях. Событийная и ментальная стороны жизни гораздо богаче, чем предметная, сколь бы ни было велико и разнообразно наше предметное окружение. Изучение типов непредметных объектов, вошедшее в фокус логико-лингвистических

исследований в последние десятилетия, представляет собой не только увлекательную, но и нужную задачу.

В ходе изложения мы стремились к максимально четкому различению единиц непредметного значения, входящих в онтологическую и эпистемическую сферы, мир и знание о мире. Однако обращение к концепту события (в узком смысле) убедило в необходимости выделения еще и третьей, возможно, промежуточной области, отделившейся или отделяющейся от онтологии мира. Это сфера жизни. В ее рамках сложились свои единицы и свои отношения. Попав в сферу жизни, концепт события ослабил свои связи с такими важными онтологическими категориями, как пространство и время. "Глобальные" события распались и распределились по разным жизненным сферам. "Событие" сблизилось с "фактом", принадлежащим области знания. Биографическая анкета без труда превращает события в факты, хроника легко делает историческое событие фактом истории. В жизненной сфере события выстраиваются в последовательности, в ней вступают во взаимодействие внутренние (психофизические) и внешние события, задается семантика конкретнособытийных имен. Наконец, именно со сферой жизни связана оценка. Оценить — значит включить в сферу жизни. Только к ней применимо понятие идеала. Картина мира и картина жизни написаны разными красками и под разным углом зрения. Для первой остается более важным пространственное, для второй — временное измерение. Первая может быть уподоблена панораме, вторую естественней сравнить с кинолентой.

Глава четвертая

НАРЕЧИЯ ОБЩЕЙ ОЦЕНКИ *ХОРОШО* И *ПЛОХО*

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Сравнивая почти беспрепятственно широкую оценку предметов с оценкой их динамических состояний, нельзя не обратить внимание на малость того круга глаголов, к которым могут быть отнесены общеоценочные наречия *хорошо* и *плохо*. Прилагательные *хороший* и *плохой* способны определять практически все существительные предметного значения, и этому во многом способствуют ситуации выбора из компаративных классов, обеспечивающие критерии оценки. Выбор отвечает многим задачам: задаче "потребления" — выбор товаров, культурных программ и спутников жизни (родственники и враги не выбираются), задаче производства, задаче определения жизненных целей и способов их достижения (выбор в условиях "расходящихся тропок").

Решение, предопределяющее будущее, основано на сравнении альтернатив. Ему соответствует компаратив *лучше* в функции пропозициональной связки. Нас же сейчас интересуют наречия-позитивы *хорошо* и *плохо*. Имплицируемое ими сравнение осуществляется не от-

носительно альтернативы, а относительно нормы. Именно это понятие, интерпретируемое в широком смысле, определяет многие закономерности употребления оценочных наречий (Вольф, 1985, с. 134).

В применении к действиям как таковым, состояниям и особенно спонтанным процессам вопрос выбора в собственном смысле не встает, и это обстоятельство сужает область функционирования оценки. Даже выполняя сознательные действия, мы не столько выбираем между хорошим и плохим их исполнением, сколько подчиняемся аспиративной аксиологической модальности, то есть, по-просту, стремимся делать все не только хорошо, но как можно лучше. Не случайно модальность возможности, фиксирующая предел субъективного совершенствования, так естественно сочетается с компаративом *лучше*: *Он старался делать все как можно лучше*. Норма создается желанием получить оптимальный результат, приложив минимальные усилия. Но даже не стремясь к оптимуму, человек вынужден удовлетворять требованиям, предъявляемым жизнью и обществом к тем или иным действиям и поступкам — некоторому неустойчивому нормативу.

Понятие нормы относится не только к сознательному поведению, не только к "работе" в широком смысле, но также к естественным процессам и явлениям, и, прежде всего, к тем из них, в которые человек вмешивается и которыми надеется управлять. Оно формирует некоторую идеализированную, то есть отвечающую предъявляемым к ней требованиям, картину действительности. Из нормативных представлений о мире, по негласному уговору, исключается все отрицательное, чего можно избежать. Отвратимые беды предчувствуются, предсказываются и предусматриваются, но не программируются. Понятие норматива не применяется, например, к плохой погоде, циклонам и бурям, к болезням и неприятностям, к ссорам и скандалам. Хотя врачи говорят иногда, что болезнь протекает нормально, они избегают использовать это выражение по отношению к неизлечимым недугам. "Нормально" — это почти хорошо. В трудной ситуации оно оставляет надежду на благополучный исход. К отрицательным неизбежностям, таким как старость и смерть, также не относят понятие норматива, хотя учитывают в оценке сопутствующих явлений "возрастную норму". Закономерностями протекания отрицательных процессов занимаются специалисты. Из нормативной (идеализированной) картины мира, отвечающей представлениям среднего человека, эти процессы удалены. Из нее вообще изъято зло. К злу не стремятся. Его искореняют. Нежелание видеть правила и правильность в протекании неправильного и несправедливого, существенно для функционирования оценочных наречий. Следующий пример показывает роль в их употреблении норматива.

Пока мы стоим не по норме и не по форме, глагол *стоять* не притягивает к себе ни положительной, ни отрицательной оценки, разве что о ребенке, выходящем из грудного возраста, скажут, что он еще плохо (или уже хорошо) стоит. Но о нетрезвом человеке не скажут, что он *еще хорошо* или *уже плохо* стоит. О нем говорят, что он *еще держится на ногах* или *уже не держится* (*не стоит, не тверд*) на

ногах. Хотя алкоголь отрицательно влияет на "чувство вертикали", и это воздействие закономерно, оно вместе с тем не ассоциируется с нормой. Но вот в строю стоят по правилам строевой службы. Здесь действует норма, отступления от которой исправляются и даже караются, например: *Что это за стойка? ... Опустился! ... Господин взводный командир, поправьте его ... выпустил колени ... плечи ровнее, грудь вперед* (Н.Ф. Павлов. Ятаган). Как только появился норматив, появилась и оценка: *Через четверть часа выстроились. Как плохо стоят. Головы понурены, глаза замутнены, многие по-стариковски оперлись на винтовки* (А. Бек). О начинающем йоге или гимнасте можно сказать, что он уже хорошо стоит на голове (на руках). Обучение всегда ориентировано на норму, отношение к которой служит критерием оценки.

Гедонистическая оценка, квалифицирующая вызванное действием ощущение и выражаемая предикативами ("категорией состояния"), никак не связана с понятием нормы. Она может быть применена к любому (и в особенности нестроевому) стоянию: *Как хорошо стоять на высоком берегу и смотреть вдаль*.

Что до "ненормируемых" отрицательных неизбежностей, то их оценка иногда производится. При этом имеется в виду возможность вариантов. Не случайно говорят *Не проси у Бога хорошей жизни, а проси хорошей смерти*. Можно даже пожелать другому человеку хорошей (легкой, тихой) смерти. Расставаясь со старым солдатом, хранителем русской церкви в Потсдаме, Карамзин и его спутник "простились с почтенным старцем и пожелали ему тихой смерти". Однако адвербиальная оценка, непосредственно связанная с глаголом, редко используется при сравнении вариантов. В сочетании с глаголом *умирать* оценка основывается на другом критерии, относящемся к системе высших человеческих ценностей, ср. запись Л. Толстого в "Дневнике" за 1901 г.: *Умер Адам Васильевич. И очень хорошо*.

В итоге можно констатировать, что узость круга "оцениваемых действий" проистекает из ослабленности в этой области двух важных для употребления общей оценки факторов: фактора выбора и фактора нормы. Но даже там, где эти факторы присутствуют, они не всегда стимулируют появление в тексте оценочных наречий. Выбор сознательного курса действий соответствует высказываниям операционального предпочтения, построенным на компаративе *лучше*; а норма в разных видах креативной деятельности часто ассоциируется не с самим действием, а с его субъектом или объектом. Вместо того, чтобы сказать о писателе, что он *хорошо пишет* рассказы, говорят, что он пишет *хорошие рассказы* или, что он *хороший новеллист*. Даже в характеристике узуального действия (*Он хорошо пишет*) оценивается не действие, а его результат и употребление наречия можно считать вторичным: оно относится к "внутреннему объекту". Таким образом, оценочные наречия не распространяются на всю массу глаголов. Кроме указанных выше факторов есть и другие ограничения на их сочетаемость. Они возникают вследствие разных обстоятельств: несовместимости оценки с семантикой глагола, невозможности общей

оценки действия (при том, что частнооценочное наречие может сочетаться с данным глаголом), невозможности именно адвербиальной оценки действия (при том, что оценка другого вида допустима). В выявлении условий, благоприятных и неблагоприятных для функционирования общеоценочных наречий, состоит первая задача их изучения.

Связь оценочных наречий с понятием норматива предопределяет их основное (но не единственное) значение: *хорошо* означает соответствие желаемой норме, *плохо* — отклонение от нормы. Соответствие норме может складываться из набора разных показателей — качественных и количественных: *хорошо играть на скрипке* значит удовлетворять и эстетическим и техническим требованиям, сочетание *хорошо строить дома* указывает и на качество и на темп строительства, в *хорошо зарабатывать* оценка относится к размеру вознаграждения за труд.

В анализе оценочных наречий особенно существенно разграничивать количественный и качественный аспекты значения глагола, а в сфере качественной оценки различать разные ее критерии. В этом состоит вторая задача изучения оценочных наречий.

Наречия, в том числе и оценочные, относятся к ядерному компоненту предложения (точнее пропозиции) — глаголу, но радиус их действия глаголом не ограничен, а иногда вообще его минует: *хорошо одеваться* означает 'носить хорошую одежду'; оценка не затрагивает ни процесса, ни способа осуществления действия, которые в данном случае не подлежат нормированию. Оценка характеризует только вовлеченные в действие предметы туалета, взятые в их совокупном соответствии "носителю". Определение области действия оценки составляет третью задачу изучения оценочных наречий.

Первая проблема — установление круга сочетаемости оценочных наречий — касается самой возможности их введения в предложение и границ, отделяющих наречную оценку от других оценочных конструкций, образуемых аксиологическим оператором, предикативом и прилагательным. Вторая и третья проблемы — определение критериев оценки и области ее действия — касаются интерпретации предложений. Все три проблемы тесно между собой связаны.

ОЦЕНОЧНЫЕ НАРЕЧИЯ И СЕМАНТИКА ГЛАГОЛА

Рассмотрим в общих чертах совместимость оценки с семантикой глагола.

Наречия относятся к ядру предложения, с которым связаны две важные семантические категории — процессуальность, предполагающая градацию концепта, и фактуальность, исключающую градуирование. Процессуальность (мы употребляем этот термин в широком смысле) выражается лексическим значением глагола и видовой формой. Это категория семантики предиката. Фактуальность имеет своим источником отношение между субъектом и предикатом, то есть логическую связку. Это категория семантики предложения (пропозиции). Оценочные наречия тяготеют к сочетаниям с глаголами, выражающими градуированные концепты, в частности и в особенности

процессы. Они, напротив, избегают сочетаний с обозначениями фактов и суждений. Их область к а к , а не ч т о. Оценка факта выражается аксиологическим оператором, действующим на пропозиции: *Хорошо (плохо), что стоит жара; Хорошо, что ты извинился; Плохо, если мы опоздаем.* Оценка факта базируется на сравнении альтернатив, образуемых совершенностью или несовершенностью некоторого действия или события (дизъюнкция да V нет). Оценка градуированных концептов связана с понятием градации, протекания процесса.

Значение фактуальности свойственно не только предложению, но и семантике глагола, которая может, подобно значению предложения, базироваться на дизъюнктивном принципе. Это глаголы реляционного значения: *быть, являться, иметь, принадлежать, случаться, происходить, сбываться, наступать, иметь место, свершаться, подтверждаться, оправдываться* (о надеждах, предсказаниях), *миновать* и т.п. Оценочные наречия с ними не сочетаются. Глаголы "числительного" пропозиционального отношения *полагать* и *утверждать*, вводящие суждение, также не терпят оценочных наречий.

Образованные от имени лица глаголы типа *плотничать, столярничать, председательствовать, учительствовать* и т.п., обозначающие не процесс, а факт выполнения определенной функции или работы, практически не сочетаются с оценкой. Не говорят **Он хорошо учительствует, *Он вчера плохо председательствовал.* Для оценки узусальной деятельности пользуются именным словосочетанием: *Он хороший председатель (учитель);* когда речь идет об актуальных действиях и их результатах говорят *Он хорошо провел собрание, Он хорошо выучил (воспитал) мальчика, Он хорошо выполнил столярную работу.*

В русском языке обще- и частнооценочные наречия не употребляются в функции сентенциальных определений. Они достаточно четко отделены от вводных слов, модальных операторов и предикативов состояния. Г.А. Золотова отметила невозможность сочетаний типа **Он грешно жаловался, *Он предвзвешенно обманывал, *Он полезно гулял.* При этом расчлененные предложения *Жаловаться грешно (глупо), Гулять полезно, Обманывать предвзвешенно (плохо)* построены по одной из наиболее расхожих формул русского предложения (Золотова, 1982, с. 278). В этих предложениях оценка относится к глобальному действию. В случае отрицательной оценки такое действие признается ненормативным (не соответствующим этическому кодексу) в целом (как таковое).

Это необходимо отметить, поскольку в ряде европейских языков (английском, немецком) наречиям свойственна, наряду с функцией определения, дифференцирующего действия (процессы) в рамках одного класса, также и функция характеристики обозначаемой предложением пропозиции. Классификация сентенциальных наречий дана в обстоятельном исследовании Р. Барч (Bartsch, 1976, p. 11), которая, в частности, отметила, что многие из них (*commendably, favorably, normally, naturally* и др.) предиктируются к истинностному значению предложения (*the being true of sentences*) или фактуальности

положения дел (the being a fact of states of affairs) (с. 43), т.е. в нашей терминологии, к предикативному отношению, или связке (вершине предложения). Сентенциальное употребление наиболее свойственно наречиям, обозначающим психологические черты действующего субъекта (частные оценки): англ. stupidly, foolishly, cleverly, intelligently, etc. Например: Mary stupidly eats wild mushrooms, букв. 'Мери глупо ест лесные грибы', John foolishly believes that his wife is silly букв. 'Джон глупо думает, что его жена дурочка' (Lehrer, 1975, p. 240, 241).

В русском языке аналогичное употребление допускается только "общепоступочными" глаголами *поступать* и *делать* (в значении "поступать"). Даже глагол *действовать* не входит в этот ряд. Допустимо: *действовать неосмотрительно (необдуманно, импульсивно)*, но не **действовать хорошо (плохо, предосудительно, неэтично)*. Это — глагол, обозначающий активное и почти всегда целенаправленное поведение или реализацию замысла, программы (не случайно говорят о программе действий), но не ее выбора.

Глаголы *поступать* и *делать* обозначают не процесс, а факт совершения некоторой акции, обязательно квалифицируемой наречием. Они замещают собой предикат предложения: Покойный батюшка из собственных рук убил бы его, негодного, и *хорошо бы сделал* (И. Тургенев). Они могут вводить пропозицию: *Ты хорошо сделал (поступил), что защитил друга*. Субъект замещаемой пропозиции опускается.

Характеризуя эти глаголы, оценочное наречие сближается с модальным (аксиологическим) оператором, оценивающим факт: *Ты хорошо поступил, что защитил слабого* = *Хорошо, что ты защитил слабого*. Сочетание *хорошо поступить* указывает на этическое основание оценки.

Вот характерный пример: *Хорошо поступает тот, кто без промедления поступает, как должно; тот же, кто делает добро, лишь вдоволь наслушавшись похвал за свое будущее благодеяние, поступает очень дурно* (Ж. Лабрюйер). Выражая одобрение (особенно в обращении ко второму лицу), иногда употребляют сочетание *хорошо поступить* в применении к практически полезной акции, предпринятой волевым усилием: *Ты хорошо поступил, бросив курить*. Если бы не стремление выразить одобрение, то уместней было бы сказать *Ты правильно поступил*. Это видно уже по тому, что отказ от курения может быть охарактеризован как *правильный поступок*, но не как *хороший поступок*.

Аксиологический оператор и глагол *делать* допускают, наряду с этической, также утилитарную оценку: *Хорошо, что он перешел на другую работу* = *Он хорошо сделал, что перешел на другую работу*. Этическая оценка в принципе не может относиться к процессам. Область ее действия факты: совершение или несвершение тех или других поступков и вытекающие из этого следствия. Этика неумолимо превращает любое *как* в *что*: *как* человек поступил сводится к тому, *что* он сделал. "Процессы" (например, эмоции) могут фигурировать на суде совести только как смягчающие обстоятельства. Эстетика,

напротив, преобразует *что* в *как*. Поэтому оценочные наречия лишь sporadически пользуются этическими критериями, зато регулярно выражают эстетическую оценку (*хорошо играть роль, хорошо исполнять произведения Листа, плохо писать*).

Ранее уже отмечалось, что оценка легко соединяется с глаголами, обозначающими градуированные концепты, в частности процессы. Процесс по определению имеет временную протяженность, и уже само это его свойство обеспечивает ему градуированность, относящуюся к его продвижению во времени. Большинство процессов неоднородны в своем протекании: подвергающийся им объект проходит ряд последовательных стадий. Изменения, испытываемые объектом (предметом, живым существом, положение дел), могут иметь некоторую оптимальную фазу или точку (кульминацию, "звездный час"), достигая которой, объект удовлетворяет предъявляемым к нему требованиям. Этой фазой завершается положительная часть траектории процесса. Миновав оптимальную точку, процесс может продолжаться и достигнуть своего естественного конца, руинировав объект. Отношение к оптимальной точке выражается оценочным наречием (реже наречием *совсем*), отношение к естественному концу — наречием *совсем*, ср.: *картофель хорошо (плохо) поджарился и картофель совсем пережарился (сгорел)*. Вот еще характерный пример: *"Ефим! Блюда особенно ты за растением сим; Пусть хорошенько прозябает". Зима настала между тем. Помещик о своем растении вспоминает, И так Ефима вопрошает: — Что? Хорошо ль растенье прозябает? — "Изрядно", тот в ответ, "прозябло уж совсем!"* (К. Прутков. Помещик и садовник).

Оценка используется только в применении к позитивным процессам. К ней прибегают в тех случаях, когда, согласно, общим ценностным представлениям или конкретным требованиям, большая степень реализации процесса считается желательной, а меньшая — нежелательной. Всякое ухудшение, деградация, отрицательные явления выключены из нормативной картины мира и, соответственно, из сферы действия оценочных наречий. Обе оценки — *хорошо* и *плохо* — распространяются только на позитивные процессы или на их позитивную часть. К отрицательным процессам человек в общем случае не предъявляет никаких требований, а там, где нет требований (норматива), нет и оценки. И хотя процессы упадка скалярны и могут быть разделены на периоды, они квантифицируются градуирующими, но не оценочными наречиями. Оценка процессов — положительная и отрицательная — относится к движению вперед и вверх (к лучшему, к оптимальной точке), а не к худшему (вниз и вспять, за пределы оптимума): *хорошо* означает, что процесс протекает нормально (при несовершенном виде глагола) или что он достиг оптимальной точки (при совершенном виде глагола), *плохо* означает, что движение (развитие) отклоняется от нормы (для несовершенного вида глагола) или что оно еще не достигло оптимума: *Кактус хорошо (плохо) растет; Плод хорошо вызрел; Картофель еще плохо поджарился*.

Поскольку оценка выключена из области негативных процессов, нельзя сказать **Цветок хорошо (плохо) вянет*. Можно сказать о

выстиранном белье *Белье плохо сохнет*, но оценка не применима к сухостю; нельзя сказать **Дерево плохо сохнет*. Однако краснодеревщик может отнести оценку к своему материалу и посоветовать, что дерево (древесина) плохо высыхает. Хотя говоря *сухой старик* о худощавом пожилом человеке, можно сказать также о человеке, пережившем беду, *Он совсем высох (почернел)*, но к этому процессу оценка не применима. Никто не скажет *Он хорошо (плохо) высох (почернел)*. Не говорят **Я плохо (хорошо) прозяб (или прозябаю)*, но о растении так сказать можно (см. пример выше). Практически нет сочетаний **плохо горбиться, *хорошо одряхлеть, *хорошо ссутулиться, *хорошо прохудиться (залосниться, запылиться, обветшать)*. О нетрезвом человеке не скажут, что он "уже хорошо" напился. Даже он сам о себе так не скажет, поскольку норма в этом случае понимается как "мера относительной трезвости", а *хорошо напиться* означало бы как раз не sobriety норму, а ее преступить.

Представления об оптимальном состоянии предмета могут быть субъективны. Любитель бифштекса с кровью не скажет *Бифштекс плохо прожарился*, поскольку это означало бы, что его требования и вкусы не удовлетворены (пример подсказан М. Гринбергом). Норматив, там где речь идет о потреблении, не отрывается от субъекта оценки. Оценка может относиться не только к актуально или потенциально протекающему процессу, но и к общим диспозициональным свойствам объекта, его предрасположенности к действию: *белье хорошо стирается (сохнет, крахмалится), этот металл хорошо (плохо) поддается обработке, книга хорошо читается, фильм плохо смотрится, пальто хорошо носится*. Оценка, хотя и выражена наречием, относится к одному из аспектов предмета, выделенному глаголом. Итак, оценка, основанная на мере, накладывается на предварительную качественную оценку самого процесса. Ей предшествует выяснение того, благоприятен он или неблагоприятен с точки зрения человека и Человечества. Каузативные глаголы *влиять, воздействовать*, сами по себе нейтральные, то есть допускающие развитие и к добру и к худу, могут сочетаться с оценкой, которая как раз и определяет направленность процесса: *здесьшний климат хорошо (плохо) влияет на больные легкие*.

В целом же русские оценочные наречия используются прежде всего для указания на продвинутость процессов, имеющих оптимальную или ситуативно желательную стадию (кульминацию). Никто не скажет *У мальчика хорошо (плохо) разинулся рот от удивления*. Однако ларинголог может сказать пациенту *Вы плохо открываете рот* или *Хорошенько откройте рот*. Интенсифицирующая функция оценочных наречий не отделена в русском языке от выражения одобрения: *Хорошо льет!* можно сказать только о дожде, проливающимся в интересах человека. Угроза потопа выводит из предложения оценочное наречие. Оценка в ситуации надвигающегося наводнения будет выражена иначе: *Плохо, что так сильно льет*.

Даже в применении к нейтральным явлениям и изменениям, если не предполагается, что они должны непременно вести к добру или худу, оценочная интенсификация в русском языке не используется.

Так, скажут *Ребенок все больше (сильнее) походит на отца*, но не **Ребенок все лучше походит на отца* или **Ребенок стал хорошо (плохо) походить на отца*. Нарушение "правила позитивности" в употреблении оценочных наречий создает эффект "извращенного удовлетворения": Например: *Забрался жадный и голодный волк в его овчарню и похозяйствовал так хорошо над его овцами, что целых три десятка положил на месте* (Болотов).

Иронически употребленное *хорошо* сочетается с совершенным видом глагола, то есть характеризует результат действия, эксплицируемый в следующем за оценкой придаточном. Вся конструкция имеет архаизирующую окраску.

В перифразах с глаголами *дать, достаться, испытать, пережить, получить, заработать* и др. иронически-усилительная оценка переносится на непредметное дополнение *дать (получить, заработать, от-весить) хороший подзатыльник (пинок), заработать хорошую головомойку, приобрести хорошую ангину (хороший насморк, катар)*, например: *Он досадовал, что не досталось Алеше хорошей головомойки* (Достоевский), *Дай этому висельнику хорошего пинка* (Короленко); *Он мне пригрозил хорошею затрешиной* (Салтыков-Щедрин). Особенно регулярно сочетается со словами, имеющими отрицательные коннотации, уменьшительные формы *хорошенький* и *хорошенько*: *хорошенько проучить, хорошенько припугнуть, хорошенько побить (прибить, высечь), хорошенько вразумить, хорошенько (хорошо) отделать*. Синонимические связи иронических *хорошо* и *хороший* нерегулярны и зависят от лексических норм сочетаемости. Чаще других реализуется синонимия *хороший — сильный*: *хороший насморк = сильный насморк, хороший страх = сильный страх*.

ОЦЕНКА И ИНТЕНСИФИКАЦИЯ

Приведенные выше данные показывают, что оценочные наречия легко устанавливают контакт с количественным аспектом семантики глагола (Вольф, 1985, с. 136, 138 и сл.). Если количественная характеристика относится к самому процессу или действию, то наречие приобретает функцию интенсификатора; если же она относится к результату, то наречие квантифицирует объект. Вторая ситуация более проста и наглядна. Поэтому на ней мы остановимся сначала.

Когда оценка вторгается в область цифр и величин, *плохо* указывает на малое количество, а *хорошо* — на большое (Вольф, 1985, с. 137). По системе ценностей, входящих в позитивную (нормативную) картину мира, большое количество признается желательным, а малое — нежелательным; *хорошо* и *много*, *плохо* и *мало* образуют в рамках нормативной модели действительности почти неразлучные пары. Сказанное относится и к позитивной деятельности Природы и к позитивной деятельности Человека. Предполагается, что и Природа и Человек должны стремиться к созданию больших (хотя и с соблюдением меры) количеств — урожая, плодов, производственной и творческой продукции: *хорошо (обильно) плодоносить* (о дереве); *хорошо*

поработать может означать 'много сделать', а *плохо поработать* обычно интерпретируется как 'мало поработать'.

Природа в позитивной картине мира лишь в малой степени фигурирует как потребитель: *почва хорошо впитывает влагу*. Человек же входит в нормативную модель действительности в равной мере и как созидатель, и как потребитель (приобретатель). Если в сфере созидания столь же важна качественная оценка производимого продукта, как и его количественная оценка, то в сфере приобретения оценка основывается по преимуществу на количественном критерии: *хорошо (плохо) зарабатывать* = много (мало) зарабатывать, *хорошо (плохо) заплатить* = много (мало) заплатить, *хорошо нажиться, пожить* = сильно нажиться, пожить, *хорошо поправиться* = сильно поправиться (прибавить в весе), *хорошо (плохо) есть* = много (мало) есть (в таких примерах как *Ели хорошо, а спорили еще лучше*). Оценка добавляет к количественной характеристике аксиологическую коннотацию, например, *хорошо есть* значит не просто много есть, но и с аппетитом, а *плохо есть* значит 'есть мало из-за отсутствия аппетита, нежелания', например: *Тогда Гаврило "задумался", то есть стал плохо есть, уставать за работой, похудел, вообще стал сохнуть* (Короленко). В тех случаях, когда основной параметр объекта — мера, оценочная квантификация может быть перенесена и на него: *плохой заработок* = маленький, недостаточный заработок, *плохая цена (плата)* = маленькая, неадекватная цена (плата), *хорошие деньги* = большие деньги. Там, где объект обладает не только количественным параметром, такой перенос невозможен: *плохо есть и плохая еда* не соотносительны (Вольф, 1985, с. 136).

Рассмотрим теперь градуирующую функцию оценочных наречий. Упрочение контакта с количественным аспектом значения глагола может повести к возобладанию значения интенсификации над значением оценки. В принципе оценочный компонент может быть полностью вытеснен из семантики наречий. Противопоставленность *хорошо* и *плохо* по качеству преобразуется в таком случае в оппозицию по количеству (интенсивности) признака: *хорошо* становится показателем "силы", а *плохо* — "слабости" любого — нейтрального позитивного и негативного — процесса или действия. Столь полное преобразование системы оценки в систему интенсификации, однако, мало вероятно. Сохранение наречием, при выполнении им интенсифицирующей функции, аксиологической "памяти" дает принципиально другую картину: положительная оценка используется в качестве интенсификатора в позитивном контексте, а отрицательная — в негативном. Между *хорошо* и *плохо* складываются отношения дополнительности, нейтрализующие оппозицию по силе. В систему противопоставлений необходимо вовлекаются наречия "слабости": *хорошо* и *плохо* входят в оппозицию с наречиями, указывающими на малую меру признака (типа *слабо, мало, слегка* и т.п.).

Таким образом, в первой из гипотетических ситуаций оценочный компонент нейтрализуется полностью, но зато сохраняется оппозиция оценочных наречий *хорошо — плохо*; во второй теоретически возможной ситуации оценочный компонент оставляет след в форме

аксиологического согласования, но оппозиция *хорошо* — *плохо* нейтрализуется, вследствие чего противочлен каждого наречия должен быть заимствован извне: оценочные наречия вовлекаются в качестве дублеров в уже сложившуюся систему средств интенсификации. Языки с их необычайным многообразием семантических типов предикатов обычно не дают реализоваться ни одной из указанных ситуаций в полной мере.

В русском языке интенсификация при помощи оценочных наречий возможна только в применении к желательным процессам и действиям, то есть "принцип позитивности" не подавляется интенсифицирующей функцией. Оценочное градуирование отражает успехи и сбой в рамках нормативной картины мира, включающей только те явления, которые "должны" вести к добру. Интенсифицирующая функция не снимает противопоставления *хорошо* и *плохо*: *хорошо (плохо) нагреваться, хорошо (плохо) поглощать влагу, хорошо (плохо) стынуть, хорошо (плохо) поправляться*.

Наречие *плохо* нередко входит в синонимические отношения с *мало*, независимо от синонимических связей между *хорошо* и *много*. Например, сочетание *хорошо верит(ся)* неупотребительно (говорят *твердо верить*), сочетание же *плохо верит(ся)* используется. Оно означает 'сомневаться, мало верить' (ср. *малOVER*), а иногда служит целям смягчения отрицания (см. ниже), например: *Плохо верили обломовцы и душевным тревогам* (Гончаров), — *Какой ветер занес вас ко мне? — Будто не знаете? — Знаю, да плохо верится* (А. Островский).

В английском языке, в отличие от русского, частично реализовалась вторая из описанных выше ситуаций. Наречие *well* действует как интенсификатор преимущественно в сфере позитивно оцениваемых процессов и явлений, а наречие *badly* интенсифицирует глаголы, обозначающие отрицательные явления, ср.: *to succeed well* 'хорошо преуспеть' и *to fail badly* 'совсем провалиться'. Такое употребление ставит контрастирующие между собой значения в отношения дополнительной дистрибуции. Из этого, однако, не следует, что антонимичность предикатов гарантирует соответствующее им распределение наречий: и *well* и *badly* могут входить в отношение дополнительности с другими интенсификаторами, ср.: *The machine is well out of danger* 'Машина вне всякой опасности' и *The machine is quite out of adjustment* 'Машина совершенно (окончательно) вышла из строя'; *I was well pleased by what I saw* 'Увиденное доставило мне большое удовольствие' и *I was awfully disgusted by what I saw* 'Увиденное ужасно меня расстроило'. Тождество глагола как словарной единицы не гарантирует того, что во всех контекстах его будет сопровождать одно и то же интенсифицирующее наречие, ср.: *It badly wounded his leg* 'Это сильно повредило ему ногу' и *It deeply wounded her self esteem* 'Это глубоко ранило ее самолюбие'. Различие в выборе интенсификатора определяется тем, что в первом примере речь идет об отрицательном физическом воздействии, а во втором — о нанесении нравственного урона (Bolinger, 1972, с. 269).

В целом в английском языке вырисовывается следующая картина использования оценочных наречий в целях градуирования: 1) наречия *well* и *badly* контекстуально распределены: *well* используется в позитивных контекстах, а *badly* — в негативных; 2) позитивное наречие *well* может выходить за пределы своей сферы в нейтральную и даже негативную зоны: *John is well along in years* 'Джон весьма пожилой человек'; для указания на силу "извращенного удовольствия" используется конструкция, в которой адвербиальную функцию выполняет прилагательное *good*: *The ride shook me up, but good* 'Езда совершенно вымотала меня'; 3) наречие *badly* замкнуто негативной сферой, 4) оба наречия активно взаимодействуют с другими интенсификаторами, такими как *much, so, little, strongly, deeply, very, perfectly, imperfectly, etc.* 5) ни одно наречие не используется для указания на малую степень интенсивности процесса или состояния, 6) следствием этого последнего признака является невозможность сближения отрицательной оценки с отрицанием.

Явление интенсификации в английском языке со всеми тонкостями распределения различных наречий относительно массы градуированных предикатов описано в прекрасном исследовании Д. Болинджера, откуда взяты приводившиеся выше примеры (Bolinger, 1972), см. также (Убин, 1978, ч. 2, с. 77, 143).

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА И ОТРИЦАНИЕ

Выше было отмечено, что в английском языке снято противопоставление оценочных наречий в рамках системы интенсификации. Поэтому развитие отрицательной оценки в сторону отрицания блокировано. В русском языке, напротив, наречие *плохо* способно указывать на слабую степень признака (в противовес *хорошо*, означающему сильную степень признака), и это открывает ему путь к отрицанию.

Взаимодействие отрицательной оценки с отрицанием (оно было отмечено в: Петрова, 1981) обусловлено двумя обстоятельствами — коммуникативным (относящимся к психологии общения) и онтологическим.

В применении к тем концептам, в рамках которых переход от "нет" к "есть" и обратно осуществляется постепенно, возможны: гиперболизирующее отрицание ("нет" вместо "немного есть") и литота, смягчающая негацию ("немного есть" вместо "нет"). Вместо того, чтобы сказать, что ребенок плохо ест, говорят, что он совсем ничего не ест. Вместо того, чтобы сказать *Я совсем ничего не понял* говорят *Я что-то плохо понял. Объясните еще раз*. Градулирующая отрицательная оценка и отрицание идут навстречу друг другу: минимум желательного признака представляется как его отсутствие, а отсутствие желательного признака — как минимум его присутствия. В первом случае ситуация оценивается с пессимистических позиций, во втором — с оптимистических.

Онтологическое основание сближения отрицательной оценки (в градуирующем значении) и отрицания состоит в том, что границы

между теми состояниями предмета, которые мыслятся дизъюнктивно (по принципу "либо да, либо нет"), размыты. Вынося суждения, касающиеся пограничных явлений, говорящий нередко затрудняется в выборе утверждения или отрицания (уже "да" или еще "нет"?): *уже тепло или еще прохладно?*

Такие фигуры речи как *Речка движется и не движется, Песня слышится и не слышится* (конъюнкция контрадикторных суждений) возможны только по отношению к градуированным процессам, постепенно возникающим и постепенно сходящим на нет. Восприятие таких процессов человеком может дать разные, часто перемежающиеся эффекты.

Восприятие может то обостряться, то притупляться, его фокус может то сокращаться, то расширяться. Оно представляет собой "волнообразный" процесс. Поэтому сближение отрицательной оценки с отрицанием в равной мере касается его начала и его конца: *Я еще (уже) плохо различаю (вижу) берег; Я что-то еще (уже) плохо вас слышу (понимаю), Я еще (уже) плохо разбираю слова, Я уже (еще) плохо чувствовал (ощущал) холод, Я еще (уже) плохо воспринимал (осознавал) происходящее, Я еще (уже) плохо улавливал запах гари.* О соотношении фазисных частиц *еще* и *уже* см. (Николаева, 1985, с. 65 и сл., 114—115).

Само восприятие, независимо от его полноты (величины фокуса) и ясности, обозначается одним глаголом. Речь идет о наличии восприятия или его отсутствии. Негация поэтому отделяет "есть" от "нет". Оба края процесса — его начало и его конец — создают зону неуловимой постепенности в переходе от "нет" к "да" и от "да" к "нет".

Глаголы восприятия составляют первую группу предикатов колеблющейся семантики, в сочетании с которыми отрицательная оценка может сдвигаться в сторону отрицания.

Глаголы восприятия могут интерпретироваться как обозначающие градуированное действие (процесс, состояние), имеющее начало и конец. Однако если есть контрольная ситуация, устанавливающая определенные требования к уровню восприятия, то эти глаголы могут быть осмыслены как кульминативные, т.е. как своего рода исследовательские действия, на "шкале" которых отмечена нужная степень, обычно соответствующая цели восприятия. Предложения типа (1) *Я плохо видел, что там происходило*, (2) *Я плохо понимал, о чем меня спрашивали*, (3) *Я плохо помню номер телефона*, понимаемые в "сильном смысле", то есть с видом на контрольную ситуацию, имплицитно соответствуют: (1) *Я не могу дать достоверных свидетельских показаний*, (2) *Я не мог ответить на вопрос*, (3) *Я не могу соединиться с нужным абонентом*. Наличие низкого уровня восприятия не удовлетворяет ситуативным требованиям. В этом случае градуирующая отрицательная оценка практически эквивалентна отрицанию, а глагол интерпретируется как "глагол достижения" (achievement verb), по Вендлеру (Vendler, 1967; Мелиг, 1985). Предложения типа *Я понимал, что им от меня нужно, но плохо* едва ли могут быть употреблены.

Глаголы, обозначающие кульминативные процессы, образуют вторую категорию предикатов, в сочетании с которыми отрицательная оценка сближается с отрицанием: *плохо* сигнализирует о недотянутости процесса или действия до оптимальной точки. Кульминация отделяет позитивную часть процесса от его нежелательного продолжения. Оценка устанавливает ту меру продвинутости, на которой следует применить меру пресечения. Позитивная и негативная части единого процесса обозначены разными префиксальными глаголами, образованными от одного корня, ср.: *свариться* и *перевариться*, *поджариться* и *пережариться*, *наестся* и *объесться*, *насытиться* и *пресытиться*, *выпить* и *напиться*, *напиться* (чаю) и *обпиться* (чаем).

Если в первой группе предикатов отрицание сигнализирует о ситуации за пределами процесса восприятия (*не видеть*, *не чувствовать*), то применительно к данной категории оно указывает на положение внутри (в пределах) процесса, но на стадии до совпадения с границей, принимаемой за оптимум (*не поджариться*, *не насытиться*). Положение за пределами оптимума означало бы переход в семантическую сферу другого глагола, обозначающего нежелательную часть процесса (*пережариваться*, *объедаться*). Отрицание при этих глаголах указывает на то, что процесс не пересек роковой черты. Оно употребляется тогда, когда был риск превышения меры: *Картофель не пережарился*, *Я во-время выключил газ*. Отрицание при обоих соотносительных глаголах (ср. *не поджариться* и *не пережариться*) относится, соответственно, к менее продвинутой и более продвинутой стадии в развитии единого процесса, причем обе фазы находятся в пределах, обозначаемых глаголом *поджариваться* (или *жариться*), но не его негативного партнера (*пережариваться*). *Рис плохо проварился* означает, что он не проварился, то есть, что процесс варки не завершен. С отрицательной оценкой (как и с отрицанием) может сочетаться частица *еще*, но не *уже*: *Картофель еще плохо поджарился*, но не **Картофель уже плохо поджарился*. Глаголы этой группы избегают сочетаний с *совсем*: **совсем провариться*.

Третья категория глаголов, позволяющих отрицательной оценке сближаться с отрицанием, обозначает процесс перехода из одного состояния в другое, принципиально от него отличное: *поправиться* (в значении *выздороветь*) значит перейти рубеж, отделяющий болезнь от здоровья, а *заболеть* значит пересечь этот рубеж в обратном направлении, *затвердеть* значит перейти из жидкого состояния в твердое, а *растаять* относится к переходу из твердого состояния в жидкое, ср. также *замерзнуть* и *растаять*, *проснуться* и *заснуть*, *окрепнуть* и *ослабеть* и пр. Противопоставленные состояния обозначаются разными (и обычно разнокоренными) словами.

В сочетании с совершенным видом глагола отрицательная оценка близка к отрицанию: *Я еще плохо* (= не совсем, не окончательно) *проснулся*, *Мальчик еще плохо окреп после болезни* (но не **Мальчик еще плохо заболел*), *Река еще плохо замерзла*. Сочетаемость с *совсем*, указывающим на окончательность перехода, естественна: *совсем проснуться*, *совсем выздороветь*, *совсем разболеться* и пр. Наречие *плохо* не употребляется в тех случаях, когда переход из одного

состояния в другое нежелателен; желательность перехода подчеркивается частицей *еще*: "еще плохо" означает желательность ситуации "уже хорошо".

В отличие от предикатов второй группы, обозначающих ситуацию, в которой за кульминацией следует отрицательная фаза процесса, предикаты третьей группы относятся к таким положениям дел, изменение которых может быть как желательным, так и нежелательным.

Высказывания типа *Река замерзла, но еще плохо*, хотя, возможно, и не содержат явного противоречия, практически избегаются. В соответствующей ситуации говорят *Река еще не совсем замерзла (не замерзла как следует)*.

Вторая и третья категории предикатов близки в ряде отношений. И те и другие допускают противопоставление "еще плохо" и "уже хорошо": *еще плохо (уже хорошо) провариться, еще плохо (уже хорошо) проснуться*, но не допускают сочетания частицы *уже* с отрицательной оценкой (**уже плохо провариться, *уже плохо проснуться*). И те и другие в форме несовершенного вида, сочетаясь с оценкой, могут обозначать диспозиционные свойства объекта, его "предрасположения": *плохо провариваться, плохо замерзать, хорошо склеиваться, плохо засыпать, плохо утолять жажду* и пр. Глаголы же первой группы, употребленные в узуальном смысле, обозначают не столько диспозиционное, сколько постоянное свойство объекта (*хорошо видеть, плохо ощущать запах*), выявляемое им перманентно, а не только в определенных ситуациях. Это свойство близко к ингерентным признакам предмета.

Глаголы второй и третьей категорий различаются по сочетаемости с *совсем*. Наречие *совсем* может появляться с глаголами второй группы, только если в их значении актуализован семантический компонент окончательности: *хорошо (совсем) свариться, хорошо (совсем) распуститься* (о цветке). Обычно же это наречие употребляется в сочетании с "глаголом-напарником": *совсем перевариться, совсем пережариться (сгореть), совсем развариться, совсем напиться* (=опьянеть).

В третьей группе, напротив, оба члена пары соединяются с наречием *совсем*: *совсем заснуть и совсем проснуться, совсем растаять и совсем замерзнуть*. Употребление *совсем* не зависит от направления перехода, поскольку речь идет о постоянно "обращающихся" процессах, тогда как предикаты второй группы обозначают необратимые процессы.

Глаголы всех трех групп допускают еще одну форму "оценочного отрицания": *я еще хорошо не вижу берег; Рис еще хорошо не проварился; Я еще хорошо не проснулся; Река еще хорошо не стала*. Отрицание "еще хорошо не" — это своего рода компромисс между двузначной логикой суждений и градуированностью того жизненного "материала", к которому они должны прилагаться.

Четвертая — группа предикатов, в сочетании с которыми отрицательная оценка получает значение, близкое к отрицанию, обозначает отношение сознательного, а иногда и невольного, обусловлен-

ного случае поведения к некоторой норме, складывающейся из ряда условий (требований); *соблюдать режим (правила, пост, диету, законы, устав), следовать рекомендациям, подчиняться дисциплине (регламенту)*. В высказываниях *Сотрудник плохо соблюдает трудовую дисциплину (плохо повинуется начальству), Больной плохо выполняет предписания врача* речь идет о нарушении порядка, за которое нарушитель может поплатиться. Отрицательная оценка приравнивается к неполному отрицанию. Она указывает на спорадическое, нерегулярное отклонение от норматива, мера которого градуирует меру наказания. Однако если, предположим, человек, плохо следовавший предписаниям, жестоко за это поплатился, то и отклонение от нормы будет интерпретировано по жесткой "да — нет" модели, для которой мера отклонения безразлична, а важен сам факт.

Поскольку предикаты анализируемого типа не обозначают процесс, сочетаемость с фазисными частицами *еще* и *уже* для их характеристики не релевантна. Предикаты этой категории взяты нами как образец более широкого класса глаголов, обозначающих комплексное, складывающееся из отдельных акций поведение.

Итак, отрицательная оценка приближается к значению "градуированного отрицания" в сочетании с глаголами, обозначающими: 1) восприятие, 2) процессы, направленные на достижение оптимальное точки, 3) процессы постепенного перехода из одного состояния в другое, оцениваемое как желательное, 4) отношение поведения к норме.

Положительная оценка в сочетании с перечисленными группами глаголов подчеркивает полноту действия или восприятия: *хорошо различать берег (понимать текст), хорошо провариться, хорошо окрепнуть, хорошо соблюдать предписания*. В применении к глаголам третьей группы положительная оценка указывает на окончательность перехода из одного состояния в другое. Природа отрицания фактуальных значений, не знающих ни переходов от "да" и "нет", ни компромиссов между отрицанием и утверждением, ни трудностей в установлении истины, и отрицания скалярных концептов, в организации которых доминирует количественный принцип, различна. В этом последнем случае градуирование и фактуальность, дифференциация которых фундаментальна для языка, сопresentуются в одном концепте. Модификации такого концепта (в частности видовые) дают перевес то одной, то другой категории. Затруднение в интерпретации процессов и, соответственно, в выборе между утвердительным и отрицательным суждением разрешается путем использования расплывчатых ("мягких") высказываний, истинных относительно достаточно широкого класса ситуаций. Отрицательная оценка — это своего рода "мягкое отрицание". Она указывает и на то, что процесс не достиг критической точки, и на то, что движение к ней началось (или начиналось), и на желательность завершения процесса.

Предложения с "мягким отрицанием" не имплицитуют с определенностью ни утвердительного, ни отрицательного суждения. В отвлечении от контрольной ситуации, определяющей норму (уровень требований для данного случая), из высказываний *Я плохо разби-*

рал слова, Я плохо соблюдаю трудовую дисциплину, Река еще плохо замерзла нельзя вывести соответствующих им утвердительных и отрицательных суждений. В тексте такие предложения могут получить развитие и в сторону утверждения, и в сторону отрицания: 1) Я плохо соблюдаю трудовую дисциплину. Вообще-то говоря, я ее соблюдаю, но иногда, случается, приду попозже, 2) Вы плохо соблюдаете трудовую дисциплину. Откровенно говоря, вы ее вовсе не соблюдаете.

Кульминативные глаголы совершенного вида с большей ясностью имплицитно отрицают суждения, чем положительные: Картофель еще плохо поджарился → Картофель не поджарился (но не + Картофель поджарился). Высказывание Картофель поджарился, но плохо воспринимается, если не как противоречивое, то как неотчетливое по смыслу. Адресат может понять оценку в качественном ("неисправимом") значении (картофель может пригореть, высухнуть, оказаться заскорузлым и пр.).

Предложения с "мягким" отрицанием сами по себе не дают оснований для вывода утвердительного суждения. Их тяга в сторону отрицания более сильна, чем в сторону утверждения. Предложения, в которых отрицательная оценка "дожимается" до отрицания, воспринимается вполне естественно: Он плохо нами руководил, а вернее, совсем не руководил, пустив дело на самотек; Я плохо понимал их речь; точнее, вовсе ее не понимал; Картофель плохо поджарился; собственно говоря, совсем не поджарился.

Поскольку отрицательная оценка не имплицитно утверждает, оценочное наречие не может быть исключено из предложения без ущерба для его истинностного значения (Вольф, 1985, с. 144). Предложения с "мягким" отрицанием имплицитно лишь наличие самого процесса. Оно составляет предварительное условие для вынесения суждения об отношении процесса к кульминации. Между тем наречие хорошо, сигнализирующее о полноте действия, предполагает истинность соответствующего утвердительного суждения. Из предложения Рис хорошо проварился вытекает Рис проварился. В сочетании с градуирующими значениями наречия положительной оценки всегда более определенны в своих импликациях, чем наречия отрицательной оценки: хорошо выполняет эмфатическую функцию и может быть исключено из предложения с сохранением его истинности. В целом следует констатировать, что наречие плохо завоевало в семантической структуре предложения более прочное место, чем хорошо.

Итак, наречие отрицательной оценки приближается к отрицанию в соединении с предикатами, в значение которых входит "намеки" на фактуальность. Если этот намек выводится в открытый текст (этому способствует совершенный вид глагола), отрицательная оценка интерпретируется как отрицание. Устранение количественного признака из значения предиката ведет к устранению градуирующей функции наречия. Отрицательная оценка, сближаясь с отрицанием, приходит в соответствие с фактуальным контекстом.

В заключение отметим, что во всех случаях, когда плохо приближается к значению отрицания, оно лишь очень редко выносится в обособленную синтаксическую позицию ремы. Высказывания типа

**Напился я чаю плохо, *Расслышал я его плохо, *Заснул я еще плохо, *Замерзла река плохо* малоупотребительны. Это согласуется с тем, что к предложениям этой категории обычно не ставится вопрос с вопросительным словом *как*: **Как ты различаешь берег? — Я различаю берег что-то плохо. — *Как ты разбираешь слова? — Хорошо (плохо). — *Как лед затвердел? — Плохо. — *Как ты окреп? — Еще плохо, — *Как ты соблюдаешь режим? — Довольно плохо.*

В большинстве случаев для того, чтобы получить ответ, содержащий "мягкое" отрицание, нужно задать общий вопрос. В этом отношении "мягкое" отрицание не отличается от обычного отрицания: *— Ты различаешь берег? — Нет, я еще плохо различаю берег. — Больной соблюдает режим? — Нет, он плохо соблюдает режим. — Лед на реке затвердел? — Нет, лед еще плохо затвердел.* Ответ может быть ограничен наречием: *— Лед затвердел? — Плохо (= нет).*

Вопрос может быть поставлен и с акцентом на немаркированном оценочном наречии *хорошо*: *— Ты хорошо различаешь берег? — Нет, еще плохо. — Рис хорошо проварился? — Нет, еще плохо. — Ты хорошо соблюдаешь режим? — Нет, плохо.* Ответ на вопрос предваряется общеотрицательным *нет*. Ответы типа *Да, но плохо* сравнительно редко следуют за общим вопросом, базирующемся на глаголах названных выше групп: *— Курица проварилась? — Да, но плохо. — Ребенок поправился? — Да, но еще плохо. — Лед затвердел? — Да, но плохо. — Ты соблюдаешь диету? — Да, но плохо.*

Натянутасть таких вопросо-ответных пар подтверждает высказанную выше мысль о том, что отрицательная оценка снимает импликацию утверждения.

ОБЛАСТЬ ДЕЙСТВИЯ ОЦЕНКИ И ЕЕ ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ

В этом разделе будет рассмотрен вопрос об области действия наречной оценки и ее импликациях, в частности о возможности ее переноса на объекты, такие как агент, контрагент, продукт, результат действия. Область действия наречной оценки может либо сужаться относительно семантики глагола, то есть характеризовать только один его семантический аспект, либо расширяться, выходить за его пределы. Первая ситуация типична для глаголов, обозначающих многоаспектные действия, вторая — для глаголов, обозначающих "предметные" действия, то есть действия, в которые так или иначе вовлечены предметы; проблема неизоморфности сферы действия и синтаксической структуры предложения рассмотрена в (Богуславский, 1985).

И в том и другом случае речь идет по-преимуществу о действиях, производимых человеком. Если проблему количественной (градуирующей) оценки удобнее рассматривать на материале глаголов, обозначающих спонтанные процессы, то проблема области действия оценки и ее импликаций ярче обозначается на материале глаголов, относящихся к человеческой деятельности. Последние могут обозначать некоторую совокупную акцию, в которую вовлечены:

субъект действия, само действие и способ его осуществления, объект, результат и орудие действия. Наречие может распространять свое влияние на зависимые от глагола элементы, даже на такие, которые не представлены в предложении отдельным словом (*плохо пообедать, хорошо шить, хорошо причесаться, хорошо писать*). Область влияния оценки обычно не охватывает всю сложную структуру действия. Ее пределы зависят от ряда факторов, из которых основным можно считать те требования — устойчивые или окказиональные, которые в первую очередь предъявляются к данному конкретному действию или к классу действий.

Наиболее характерной чертой преднамеренных человеческих действий является их целенаправленность, и это обеспечивает основное требование, к ним предъявляемое, а следовательно и критерий оценки.

В области человеческой деятельности, так же как и в сфере процессов, важным условием применения оценочных наречий является принцип позитивности. Цель, на достижение которой направлено действие, не может быть отрицательной. К антисоциальным действиям, в сфере которых норматив используется только для определения меры наказания, оценка не применяется [Вольф, 1985]. Не говорят **хорошо обворовать (обокрасть, взорвать, напасть, предать, обмануть), *плохо напакостить (подвести, провести, испугаться, заразить, насолить, надерзить, оскорбить, обидеть, навредить, сломать, разбить, изувечить и т.п.)*. Однако социально непоощряемые действия могут сочетаться с частнооценочными наречиями, лишенными этических коннотаций: *ловко провести, здорово обмануть, хитроумно обвести вокруг пальца, искусно обокрасть*. Общая оценка может получать иронический смысл, сочетаясь с коммуникативной установкой упрека, обвинения, а иногда и восхищения: *Хорошо же ты мне насолил, Хорошо же ты их провел (обманул)*.

Если действие, будучи отрицательным по своей природе, полезно для его жертвы, или способствует достижению позитивной цели, то оценка возможна: *хорошо проучить (наказать), хорошенько припугнуть, хорошенько вразумить (высечь)*.

В зависимости от вида действий меняется точка приложения оценки, а следовательно и ее смысл. Огрубляя существующее положение дел, можно разделить целенаправленные человеческие действия, к которым применима оценка, на следующие категории: 1) исполнительские действия — спортивные, артистические и др., 2) дидактическая деятельность — обучение, понимаемое и как активная деятельность учителя, и как деятельность приобщаемого к знанию или умению ученика, 3) производящая, в том числе творческая деятельность, 4) семиотическая (речевая) деятельность, 5) потребительская деятельность, связанная с удовлетворением жизненных потребностей, включая и действия, совершаемые ради удовольствия, 6) интересубъектные отношения и действия, 7) действия, совершаемые человеком ради выгоды (сделки).

Применительно ко всем этим видам действий существуют опре-

деленные нормативы, которые могут прилагаться и к самому действию, и к его результату (цели). Хотя эти понятия между собой связаны, оценка в разной степени учитывает "технологию" действия и его результат. Далеко не во всех случаях способ осуществления действия релевантен для достижения поставленной цели. Результат же, понимаемый в широком смысле, почти всегда существен. Что касается исполнительской деятельности, то в применении к ней понятия процесса и результата не отделены друг от друга: игра актера, исполнение музыкального произведения есть в одно и то же время и процесс и результат. Напротив того, в созидательной творческой деятельности (сочинительстве) процесс создания художественного произведения сбрасывается при его оценке со счетов.

Один и тот же глагол может одновременно входить в разные категории. Соответственно меняется и его семантический тип и его сочетаемость.

Например, глагол *одеваться* в сочетании с такими наречиями как *быстро, медленно, неторопливо* относится к категории процессуальных. Но уже в соединении с наречиями *тщательно, аккуратно, небрежно* этот глагол естественней рассматривать как результативный. Высказывание *Он одевался небрежно* сообщает не столько о процессе, сколько о его результате — общем виде человека. Когда говорят "Он одевался хорошо" глагол можно рассматривать как "предметный", поскольку оценка относится не только к общему виду человека, но и к предметам его туалета. Наречие *хорошо* входит в одну парадигму с такими другими наречиями как *элегантно, пышно, ярко, старомодно, скромно*. Из трех возможностей оценка связала себя только с "предметным" значением глагола, поскольку основные требования (норматив) в ситуации одевания предъявляются к самой одежде и ее адаптированности к человеку и ситуации.

Роль норматива в оценке действия очевидна не только лингвисту, но и обществу, устанавливающему нормы для разных видов деятельности — профессиональной, творческой, ученической, социальной, — которые обеспечивают способы их контроля, нередко пользующиеся методом перевода качества в количество (очками, баллами, конкурсными местами). Тесты, соревнования, турниры, экзамены, испытания, конкурсы на замещение должностей, нормы выработки, технологические режимы, технический контроль и пр. задают и корректируют нормативы, стандарты, предельный уровень (рекорды), по отношению к которым производится оценка. Введение количественного принципа обеспечивает возможность градуирования. Градация в этих случаях производится в целях сопоставления разных действий одного лица и действий разных лиц, а не в целях фиксации провинутости одного процесса. Цель градуационной оценки — выбор, а выбор большей частью основан на дизъюнктивном принципе (либо "да", либо "нет", либо пан, либо пропал). Таким образом, здесь градуированный концепт не отделен от фактуального: на шкале градаций имеется роковая отметина. Оценка, однако, непосредственно не сопрягается с отрицанием: *Плохо сдать экзамены* значит все же их сдать, *плохо окончить школу* значит получить аттестат зрелости. Если нож-

ницы плохо режут, это не значит, что ими нельзя перерезать нитку или разрезать бумагу. Но плохо сдав экзамены, можно не пройти по конкурсу, т.е. в конечном счете не поступить в учебное заведение.

Норматив применяется даже к творческим проявлениям личности, которые в принципе индивидуальны и трудно сопоставимы. В качестве любопытного примера использования нормативов в сфере творческой деятельности можно привести "квалификационный лист", разработанный в свое время НОТ для драматического артиста. Он состоял из следующих 20 аспектов, оцениваемых по пятибалльной системе: I. Данные с элементами воздействия на зрителя: а) отечаненность ампула, б) наличие возбудимости и умение ею пользоваться, в) внутренние данные (обаяние, юмор, заразительность), г) внешние данные (рост, лицо, глаза, фигура), д) диапазон, е) пластичность, ж) ритмичность. II. Элементы внешней техники: 1) голос: а) чистота произношения (отсутствие акцента и безукоризненная дикция), б) звучность (сила, сочность), в) гибкость (диапазон, регистры), г) музыкальность; 2) тело: а) лицо (мимика), б) руки, в) ноги, г) фигура (шея, плечи, корпус). III. Элементы внутренней техники: а) сценичность и четкость, б) способность к общению и координации, в) способность держать форму, г) артистичность (чувство меры, художественное чутье), д) отсутствие рутины и устарелых приемов и наличиеность современной техники. (цит. по кн.: *Туровская М.И. Бабанова: Легенда и биография*. М.: "Искусство", 1981. С. 39).

Этот пример наглядно показывает, во-первых, что к действию, даже при его одноплановой оценке (в данном случае эстетической), предъявляется целый набор требований, в разной степени удовлетворяемых исполнителем, во-вторых, что оценка исполнения не отделима от диспозициональных свойств субъекта, в-третьих, что оценка исполнительской деятельности переносится на самого исполнителя, поскольку от оценки исполнения зависит его судьба, в-четвертых, что она относится не к "глобальной" личности, а лишь к определенному ее аспекту, выделенному в самой номинации субъекта (*хороший артист, плохой флейтист*).

Сказанным определяются основные проблемы изучения оценки действия: 1) критерий оценки (предъявляемые требования), 2) область ее приложения, 3) "предметные" импликации.

Остановимся теперь на каждой из выделенных выше категорий целенаправленных действий. Действия исполнительского типа оцениваются по сложному нормативу, состоящему из технических и эстетических требований, совокупный учет которых обуславливает оценку: *хорошо сыграть роль, хорошо пройти дистанцию, плохо сыграть партию, плохо выступить на конкурсе, хорошо исполнить роль Отелло (партию Ленского)*. Вид глагола не влияет на критерий оценки. Оценка узуальной исполнительской деятельности выражается несовершенным видом глагола, объект которого устранен: *хорошо петь, хорошо играть на скрипке, плохо играть* (на сцене, на экране кино), *хорошо играть в футбол (шахматы)*. Оценка узуальной деятельности переносится на исполнителя: *хороший (плохой) актер, хороший (плохой) шахматист, хороший (плохой) скрипач, хороший*

(плохой) пловец. Оценка относится только к тому аспекту лица, который выявляется в данном виде деятельности. Последний задает номинацию субъекта. Оценочное словосочетание предикативно по своей функции. Оценка исполнения не может переходить на его объект (если таковой имеется). Если актер плохо сыграл роль Гамлета, это не бросает тени на саму эту роль, ни тем более на Шекспира. Оценка исполнения лишена такого рода побочных эффектов.

Аналогичная схема служит и для оценки некоторых органов живых организмов: *сердце хорошо (плохо) работает* → *хорошее (плохое) сердце*, *печень хорошо (плохо) функционирует* → *хорошая (плохая) печень*.

Действия, связанные с обучением, отличаются от предыдущего типа тем, что в них вовлечены агенс и пациенс — учитель и ученик. При этом их оценки взаимонезависимы. Ученик оценивается как хороший или плохой безотносительно к качеству преподавания. Учитель получает оценку с известной долей зависимости от того, каких учеников он "производит". Однако высокая оценка преподавания сама по себе не имплицитно высокой оценки учеников. Оценка преподавания не имеет никакого отношения к его предмету (дисциплине).

Собственно производительная, включая и творческую, деятельность оценивается сугубо по ее результату. Именно к нему, а не к процессу производства, в первую очередь предъявляется норматив. И это отличает ее от исполнительской деятельности, результат которой неотделим от процесса. О работе судят прежде всего по ее результату — к нему применяется технический или иной контроль: *хорошо писать* (в "писательском" смысле) значит "создавать хороший текст (хорошие произведения)", сам же способ сочинительства (стоя или сидя, хорошим или плохим почерком, на машинке или от руки, затрудненно или легко, быстро или медленно) из области действия общей оценки ускользает. Глаголы креативной профессиональной деятельности, употребленные в узуальном смысле, аксиологически симметричны: из сочетания *хорошо писать* можно извлечь и оценку субъекта по его деятельности (*хороший писатель*) и оценку объекта (*хорошие произведения*), хотя разумеется, эта последняя не имплицитно оценки каждого произведения в отдельности. (О механизмах вывода оценки объектов см.: Вендлер, 1981). Адвербиальная оценка лежит в основании аксиологической квалификации субъектов профессиональной деятельности: не оценив результата действия, не оценишь квалификации субъекта. *Если человек пишет, то пишет ли он хорошо или плохо — видно сразу. Но если человек ничего не пишет и сидит смирно, то делает ли он это благодаря уму или по невежеству — вот этого не в состоянии распознать ни один смертный* (Лихтенберг).

Точно так же оценка при совершенном виде глагола (*Хорошо написать роман*) с полной определенностью сообщает о качестве романа, но может оказаться недостаточной для соответствующей квалификации автора. Даже о Рабле, написавшем один великий роман, не скажут, что он *великий романист* (о нем скажут, что он *великий писатель*). Не назовут великим романистом великого Сервантеса,

из трех романов которого только один является великим, а о Бальзаке или Диккенсе обычно говорят именно как о *великих романистах*, хотя далеко не все их романы могут оцениваться как великие.

Таким образом, хотя в фокус оценочного наречия попадает и субъект действия и его результат, соответствие оценки "производителя" оценке его произведений не является полным. Из оценки произведения можно с долей допущения вывести оценку его автора, но не наоборот. Плохого писателя естественно определить как такого, который пишет плохие произведения, но плохое произведение нельзя определить как произведение, написанное плохим писателем. Оно должно получить (для художественной продукции, хотя бы отчасти) содержательную, то есть не аналитическую, квалификацию. Оценка результатов труда обычно выносится по нормативу, а оценочное прилагательное в большей степени сводимо к дескрипциям. Общая оценочная квалификация производителя (в отличие от исполнителя) лишь в малой степени соотносится с дескриптивными прилагательными. Она разлагается на частные оценки, указывающие на те параметры, которые были учтены при аксиологическом обобщении: *хороший работник* может означать "добросовестный, четкий, аккуратный, исполнительный, сообразительный, оперативный, выдержанный, честный" и т.п. в зависимости от специальности.

Различие в выводной оценке субъекта и объекта состоит еще и в том, что субъект деятельности квалифицируется только с одной стороны — с точки зрения данной деятельности: хороший художник не обязательно должен быть хорошим поваром или мужем. Выводная оценка произведения имеет холистический характер. Сочетание *хороший писатель*, выведенная из *хорошо писать*, не учитывает человеческих свойств пишущего; сочетание *хороший роман*, полученное из "Х хорошо написал роман", дает написанному итоговую квалификацию. Из сочетания *хорошо готовить* можно вывести заключение о кулинарных (но никаких других) умениях субъекта. Это же сочетание имплицитно предполагает совокупную оценку производимой им продукции и вместе с тем не исключает кулинарных неудач.

Когда позицию субъекта действия занимает имя орудия, то оценочное наречие имплицитно предполагает холистическую оценку соответствующего механизма: *машина хорошо шьет* → *хорошая машина*. Естественно, что механизмы, в отличие от людей, оцениваются только, или преимущественно, по функции.

Если речь идет о результативном действии, исправляющем или изменяющем положение дел, то его оценка переносится только на определенный аспект результирующей ситуации. Сочетание *хорошо запломбировать зуб* дает повод говорить о *хорошо запломбированном зубе*, но скорее о *плохом*, чем о хорошем зубе. Такого рода импликация является сильной при совершенном виде глагола, обозначающем конкретное действие, и более слабой при несовершенном виде глагола, обозначающем узуальное действие. Отрицательная квалификация действия часто означает "ненадежно", "кое-как": *Картина плохо висит* (или *лежит*) может быть понято как предупреждение

о том, что она может упасть (или пропасть), ср. также *плохо поставить кастрюлю, плохо приладить лыжные крепления, плохо пришить пуговицу, плохо заделать щели*. Отсюда идиоматическое употребление выражений *плохо положить* и *плохо лежит* в значении 'ненадежно, без присмотра, с риском кражи': *Мало ли лихих людей: кто лошадьми краденными промышляет, кто, вообще, не любит, чтобы плохо лежало* (Мамин-Сибиряк), *Притом, что есть воровство? Не что иное, как я, замечая плохо положенное или недостаточное ограждение казной, приобретаю или прибираю оное к своим рукам* (Салтыков-Щедрин).

Таким образом, как при совершенном, так и при несовершенном виде глагола оценочные наречия в данном разряде относятся к результату действия, независимо от того выражен, он или нет в структуре предложения. Именно так будут интерпретированы сочетания типа *плохо обезболить, плохо спрятать, плохо вымести, плохо отремонтировать, хорошо писать* и т.п. Когда говорят о парикмахере, что он хорошо стрижет, то оценивают только результат его действий и не думают о том, как он манипулирует ножницами. Но если нужно постричь маленького ребенка (особенно наголо), то выбирают мастера, который стрижет, не причиняя боли. Именно о таком мастере скажут, что он хорошо стрижет. Оценка в этом случае относится не к результату действия, а к процессу. Ограничение оценки способом осуществления действия возможно и при совершенном виде глагола: *Плохо схоронили, вот он и увел скотину со двора*. Наречие *плохо* здесь означает 'бедно, без должного ритуала, богатых поминок'. Глагол *схоронить* (в значении 'похоронить', но не 'спрятать') вызывает ассоциации с процессом (похоронами), а не результатом. Возможность ограничивать область действия оценки результативных глаголов процессом и способом достижения цели показывает ее зависимость от житейских представлений и нормативной картины мира. Наречие является наиболее периферийным членом пропозиции. Оно тем самым косвенно связано со всеми или большинством других ее членов. Где именно локализует свое действие выраженная наречием оценка, определяется тем, к какому компоненту соответствующей ситуации в первую очередь предъявляются требования и устанавливается норматив.

Ярким примером семантически многоаспектных глаголов являются глаголы знаковой деятельности. К хорошей речи, например, предъявляется множество разнообразных требований, варьирующихся в зависимости от прагматической ситуации. Оценочное наречие обычно не охватывает все аспекты речи. Область оценки выступает в редуцированном виде. Сочетание *хорошо говорить* может интерпретироваться как (1) говорить легко, без запинок, плавно (оценка процесса порождения речи), (2) говорить правильно (оценка относится к соблюдению норм литературного языка), (3) говорить естественно и правильно (о владении неродным языком), (4) говорить образно (красиво, метко, ясно и пр.); оценка относится к той или иной стороне "формы" содержания, (5) говорить выразительно (эмоционально); оценка относится к форме выражения.

Наречие может характеризовать содержащуюся в речи оценку лица: *хорошо (плохо) говорить о ком-нибудь*. Такое употребление фразеологизовано и имеет параллель в употреблении глагола *думать* (*хорошо подумать о ком-нибудь*), а иногда и глагола *хотеть*, например: *Отчего он [Тема] всегда хочет так хорошо, а выходит все так скверно и гадко* (Гарин-Михайловский). В последнем случае оценка относится к еще не достигнутому положению дел.

Истинностная оценка содержания речи, однако, не может быть выражена наречиями *хорошо* и *плохо*: ни *хорошо* сказано, ни *плохо* сказано не могут относиться к правдивости или ложности сообщения. Но оценочные наречия могут относиться к художественной правде, к верности (а не истинности) изображения действительности: *Чего сам не испытываешь, про то хорошо-верно не скажешь* (М. Горький). Такое употребление характеризует речевое событие по его "попаданию в точку". Высказывание квалифицируется как "избранное", единственно адекватное обозначаемому. В таком употреблении уже есть элемент супероценки, то есть оценки, вынесенной на основе более высокого критерия.

Потребительские (естественные) действия, направленные на удовлетворение жизненных потребностей или на получение удовольствия, относятся к категории приятных. Речь идет не о действии или процессе как таковом, а о субъективном действии, которое не может квалифицироваться независимо от ощущения того, кто его совершил. Оценка "приятных действий" имеет гедонистический характер, а сами действия осмысляются как естественные процессы, легко выходящие из-под контроля человека или вообще неподконтрольные. Это с полной определенностью зафиксировано в конструкциях типа *Нам хорошо жилось /живется-может/*, *Хорошо пелось и пилось, дышалось, спалось, работалось*. В предложениях такого рода наречие легко отчленяется от глагола, приближаясь по функции к предикативу: *Дышится здесь хорошо*.

Критерий оценки заключен не в нормативе, предполагающем четкую контролируемость, а в вызванном действием ощущении. Оценочное суждение поэтому должно исходить от первого лица. Прагматическая выделенность оценки "приятных действий", их ингерентная связь с первым лицом, сказывается на интерпретации соответствующих высказываний. Если оценка касается действия, имеющего технические, количественные или иные нормативы, она, несмотря на это, интерпретируется в гедонистическом смысле. Предложения типа *Я хорошо вчера походил на лыжах (прогулялся, прошелся, позавтракал)* сообщают об испытанном чувстве удовольствия или удовлетворения (ср.: *Я хорошо поработал*), о том, что действие уладило исполнителя. В русском языке это значение маркируется префиксом *по-* в сочетании с прошедшим временем глагола, ср.: *Мы плохо потанцевали вчера: испортился магнитофон и Мы плохо танцевали вчера в клубе: это было третье выступление за день и все устали*.

Прослеживается и обратное явление. Когда глагол, выдвигающий гедонистический критерий, употреблен не в первом лице и безотно-

сительно к точке зрения субъекта действия, то оценка интерпретируется в утилитарном смысле. Сообщение *Я хорошо поел (пообедал)* означает 'Я остался доволен едой'. Когда говорят *Ребенок хорошо поел*, то имеют в виду только то, что он съел нужную порцию полезной пищи.

Оценка по нормативу связывается с процессом или действием как таковым, не ограниченным темпорально, гедонистическая же оценка, относящаяся к прошлому, характеризует действие, введенное во временные рамки, взятое глобально, и это превращает его в единичное событие, совершающееся в пользу субъекта, ср. *Он хорошо говорил* и *Мы хорошо поговорили*. В настоящем актуальном времени адвербиальная оценка уступает место категории состояния, то есть конструкции с предикативом: *Как хорошо гулять по благоухающим лугам! Как хорошо идти на лыжах по сверкающему снегу!* Эти формы замещают в общей парадигме неупотребительные наречные конструкции: **Мы хорошо (приятно) гуляем*, **Мы хорошо (приятно) идем на лыжах*.

Наречные сочетания возможны, если личная форма глагола стоит в возвратной форме и выражает спонтанное действие или состояние: *Хорошо дышится, Плохо живется*. Дательный субъекта свидетельствует о близости наречия к предикативу, ср. *Хорошо нам здесь живется*. В жаргонном выражении *Хорошо сидим!* наречие, несмотря на присутствие личной формы глагола, выражает гедонистическую оценку, то есть квалифицирует не действие, а ощущение. Но даже в этом предложении оно приближается к предикативу. Так или иначе, гедонистическое значение сближает оценочное наречие с категорией состояния: действие и вызываемая им реакция (психическая или физическая) составляет две стороны одного процесса.

Инфинитивная конструкция, которая по преимуществу выражает общее суждение, приобретая значение гедонистической оценки, актуализуется: *Как хорошо нам сейчас купаться в теплом море*. Такое предложение сводимо к категории состояния, идентифицирующей непосредственные, текущие ощущения говорящего: *Ах, как хорошо!*

Когда оценка дается с рационалистических (утилитарных) позиций, устанавливающих каузальную связь между действием и его последствиями, инфинитивное предложение не приспособляется к выражению актуального смысла. В этом случае речь не идет о текущих ощущениях. Предложение может выражать только общее суждение; ср. *Для больных легких хорошо (полезно) дышать морским воздухом* (общее суждение, выражающее утилитарную оценку), *Хорошо (приятно) дышать морским воздухом* (общее гедонистическое суждение) и *Хорошо (приятно, как приятно) сейчас дышать морским воздухом* (констатация актуального ощущения, прямая реакция на стимул). В первых двух случаях инфинитив составляет обязательный компонент предложения и может прономинализоваться, в третьем предложении он не прономинализуется, а просто опускается, поскольку предложение односоставно; ср. *Это хорошо для больных легких* (= Дышать морским воздухом — это полезно для легких), *Это хорошо* (= Дышать морским воздухом — это приятно) и **Это сейчас*

приятно (возможно: *Подышать морским воздухом — это было бы сейчас приятно*).

Когда оценивается сенсорное состояние субъекта, предикатив квалифицирует не выраженное глаголом действие и его воздействие на человека, а непосредственно относится к ощущениям говорящего: *Больно! Гадко! Противно! Тошно!*

Инфинитивная конструкция в настоящем времени синтаксически не стабильна: употребленная в "актуально-сенсорном" смысле она одночленна и сводима к категории состояния; употребленная в рациональном смысле, она двучленна и имеет в качестве своего субъекта инфинитив, ср.: 1) *Хорошо нам (ах как нам хорошо) сейчас купаться* → *Ах как хорошо!* и 2) *Хорошо купаться по утрам* → *Купаться по утрам хорошо* → *Это хорошо* → *Купаться по утрам — это хорошо* → *Хорошо (это хорошо), что ты купаешься по утрам*. Общая рациональная оценка одобрения может базироваться и на утилитарном и гедонистическом основании. Предложения приведенных типов различаются по интонации: непосредственное ощущение реализуется "сенсорной" (экспрессивной, междометийной) интонацией. (Об инфинитивных конструкциях см.: Золотова, 1982, особенно с. 268—269, где приводится библиография о предложениях "сопровождающего состояния"). Гедонистическая оценка не переходит на субъект: сочетание *хорошо купаться* не порождает **хорошего купальщика*, *хорошо веселиться* не производит **хорошего весельчака*. Склонность к приятным действиям и особенно к злоупотреблению ими не поощряется обществом. Имена лиц, выведенные из глаголов "приятных действий" и развлечений, иногда снабжены отрицательными коннотациями: *гуляка, выпивоха, сладкоежка, лакомка*.

Если глагол относится к удовлетворению жизненных потребностей и имеет объект, то гедонистическая оценка имплицитно соответствует оценке объекта, с которым потребитель не может не прийти в непосредственный контакт. Из того, что человек хорошо поел, прямо вытекает, что еда была хорошей, из того, что человек был хорошо одет, явствует, что он был одет, в хорошую одежду. Однако, как и во всех случаях выводной оценки (аксиологических импликаций), эквивалентность суждений не является полной. Предложения *Я хорошо пообедал* и *Я съел хороший обед* не равнозначны: первое предполагает, что обед был съеден с удовольствием, второе же в этом смысле нейтрально: *Обед был очень хорош, но я съел его без всякого удовольствия; Я съел хороший обед, но не получил от него никакого удовольствия, Я без удовольствия съел хороший обед*. Вместе с тем следующие высказывания не корректны: *Я хорошо пообедал без удовольствия, Я хорошо пообедал, но без удовольствия*. Аналогичные различия можно констатировать и между предложениями *Он хорошо одевался* и *Он носил хорошую одежду, Дама была хорошо одета* и *На даме была хорошая одежда, Я хорошо напился чаю* и *Я напился хорошего чаю*.

Замена общей оценки частной дает большую эквивалентность: *вкусно пообедать* значит 'съесть вкусный обед'.

Прагматика оценки собственных действий и собственных удоволь-

ствий принципиально различна. Хвалить проявленное в действии мастерство, ум, сметку значит хвалить субъекта действия, т.е. в данном случае самого себя. Не случайно оценка узуальных действий переходит на действующателя: *хорошо работать* → *хороший работник*, *хорошо танцевать* → *хороший танцор*, *хорошо играть на скрипке* → *хороший скрипач*. Сообщать о собственных удовольствиях (*Я хорошо пообедал*, *Мы хорошо провели время*, *Как я хорошо выкупался*) не зазорно и вовсе не означает хвалить самого себя или обращать внимание на особые достоинства своей личности.

Положительная оценка собственных действий оборачивается самооценкой. В сообщениях же о действиях, связанных с удовлетворением жизненных потребностей, развлечениями, приятным проведением времени, оценка не перерастает в самооценку, хотя такое сообщение и может вызвать у собеседника зависть, рикошетом бьющую против говорящего. Отрицательная оценка собственных действий будет принята как самокритика, а отрицательная оценка собственных "приятных действий" — как выявление определенной черты характера ("Вечно он жалуется", "Все-то она недовольна", "Чего ему еще не хватает?" — может подумать собеседник).

Глаголы межличностных отношений обладают бедной семантикой, и это противопоставляет их предикатам знаковой деятельности. Поскольку в сфере межличностных отношений важна прежде всего их общая аксиологическая тональность, оценочное наречие становится неотъемлемой составной частью предиката. Вопрос о семантических единствах, образуемых глаголом и оценочным наречием, рассматривается в (Вольф, 1985, с. 133; Петрова, 1981).

Семантическая ущербность глагола восполняется оценкой: *хорошо (плохо) относиться к кому-либо*, *хорошо (плохо) обращаться с кем-либо*, *хорошо (плохо) жить с кем-либо*, *хорошо (плохо) ладить с кем-либо*, *хорошо (плохо) обойтись с кем-либо*, *хорошо (плохо) принять кого-либо*.

Следует заметить, что большинство других предикатов межличностных контактов, не рассматриваемых здесь, поскольку они не сочетаются с наречиями общей оценки, включают в свое значение эмоционально-оценочный компонент: *любить*, *ненавидеть*, *презирать*, *уважать*, *симпатизировать*, *нравиться*, *обожать*, *боготворить*, *ни в грош не ставить* и пр. И это, конечно, не случайно: "население" своего микромира человек прежде всего делит на друзей и врагов, варианты которых часто не идут в счет. Свойства человека и его поведение в представлениях людей связаны каузальными отношениями с межличностными эмоциями и взаимодействием членов социума. Редко говорят: *Он прекрасный и добрейший человек, но я его ненавижу (презираю, ни в грош не ставлю)*, *Он подлец, но я его обожаю*. Любовь ищет в своем объекте положительные черты, а ненависть — отрицательные.

Глаголы, обозначающие действия, которые человек совершает ради собственной выгоды, образуют последнюю из выделенных выше семи групп. Они представлены предикатами, относящимися к области сделок и контрактов, купли-продажи, коммерчес-

ких операций. Оценка сводима к понятию выгоды, получения преимуществ над партнером. Рассмотрим глаголы *купить* и *продать*.

Некоторые бы сказали, взглянув на них в совокупности, что это обычные конверсивы, обозначающие одну и ту же реальную ситуацию. Но почему же такое простое преобразование как введение в них одинаковой оценки (ср. *хорошо купить* и *хорошо продать*) уже делает сомнительной их связь с одним и тем же положением дел? Сочетание *хорошо купить* относится к удачной для покупателя сделке (например к ситуации, о которой можно утверждать *Андрей по случаю дешево купил почти новую машину*), а сочетание *хорошо продать* — к выгодной для продающего операции (например к такой, о которой можно сказать *Сергей дорого продал свою выдающуюся машину*). Поскольку интересы участников купли-продажи обычно не совпадают, то в событии, протагонистом которого является продавец, *хорошо* имплицитует, что цена превышала истинную стоимость предмета, а в событии, протагонистом которого является покупатель, *хорошо* имплицитует, что цена была ниже ожидаемой.

Сочетания *хорошо заплатить* (*дать*) оценивают передаваемую сумму с точки зрения говорящего на материальный интерес адресата (получателя): *Я ему очень хорошо заплатил, а ему все мало (а этот нахал остался недоволен)*. Этот пример показывает возможность различения позиций заинтересованного лица и "оценщика".

Конверсивы межличностных акций обменного и "контрактного" типа обозначают ситуации, входящие в разные микромиры, и следовательно, представляемые как звенья разных систем действий и событий, развертывающихся в соответствии с разными системами ценностей и часто с противоположными интересами. Эти действия имеют неодинаковые причины и совершенно разные следствия¹: покупка дачи Ивановыми и ее продажа Петровыми произошли по разным причинам и по-разному отразились на жизни этих семей и на состоянии самой дачи. Межличностное событие действительности не может быть ни атомарными, ни "сырым" фактом. Входя одновременно в разные микрокосмы, оно распадается на два события и допускает идентификацию только как составная часть определенного микромира. Выигрыш партии Карповым не то же событие, что проигрыш партии Каспаровым, хотя речь идет об одной игре. Даже такие пары предикатов как *жениться* и *выйти замуж* относятся к разным событиям — звеньям разных жизней. Они, вследствие этого, оцениваются с разных точек зрения: *хорошо жениться* не совсем то же, что *хорошо выйти замуж*. Ситуация, в которой сочетания *хорошо жениться* и *плохо выйти замуж* характеризуют одно и то же бракос-

¹ Различие каузальных связей событий, обозначаемых конвертируемыми предикатами, отмечено в (Kim, 1969, p. 209). Различия в модификации конверсивов рассмотрены Ю.Д. Апресяном, который разбил их на два типа: 1) различия в семантической сочетаемости, предполагающие, что значение модификатора допускается только одним конверсивом; 2) различия в лексической сочетаемости, предполагающие, что оба конверсива допускают модификатор определенного значения, но требуют разных средств его выражения: *Он начисто лишен чувства юмора* и *У него совсем нет чувства юмора* (Апресян, 1974, с. 273—275).

четание, достаточно вероятна. Если же брак заденет интересы родителей (или детей), то разность в оценке возрастает: *хорошо выдать замуж дочь и плохо женить сына* вполне могут квалифицировать один и тот же брачный союз. Небезынтересно отметить, что обоюдный глагол *пожениться* не принимает оценочного наречия: не говорят **Мы хорошо (плохо) поженились*. "Жениться" в этом случае оценивается не как событие, а как факт: *Хорошо (плохо), что мы поженились*.

Оценка обменных и "контрактных" действий имеет слабые прагматические импликации, которые нельзя рассматривать как компоненты семантической структуры высказывания. Так, *хорошо продать что-либо* может имплицировать, что интересы покупателя были ущемлены. Сочетание же *хорошо купить* намекает на то, что продавец продешевил и остался в убытке. Хорошая продажа (сделка) для одного оборачивается плохой покупкой (сделкой) для другого. Это относится ко всем случаям, в которых ко-агенты являются контрагентами (ситуация игры или "качелей"). Обоюдность интересов, уже нарушенная в ситуациях, обозначаемых предикатами межличностных отношений, в области обменных действий принимает форму конфликта интересов. Поэтому перенос оценки с действия на агенса еще более субъективен. Сочетание *хороший покупатель* отражает интересы продавца, и даже если говорящий отнесет его к себе, он сделает это с позиций противоположной стороны (*Я для вас хороший покупатель. Лучшего вы не найдете*); сочетание *хороший продавец* относится к профессиональной деятельности (торговля только для одной стороны создает профессию): оценка характеризует выполнение регулярных профессиональных функций, т.е. выносится по нормативу. Но даже в самом нормативе находит свое отражение конфликт интересов, вовлеченных в торговые операции сторон: *хороший продавец* в устах директора или хозяина магазина и покупателей (клиентов) будет основываться на разных критериях. Ситуации, предполагающие или допускающие конфликт интересов, не позволяют оторвать даже нормативную оценку от ее субъекта.

Интерпретация высказываний, содержащих оценочное наречие, оказывается сложнее, чем интерпретация предложений, в которых оценка отнесена к имени. В этом последнем случае трудность состоит в том, чтобы связать общую оценку с дескриптивными свойствами объекта, увидеть за оценкой дескрипцию — описание реального положения дел, свести неверифицируемое утверждение к верифицируемому. Интерпретация оценочных наречий, наряду с решением этой задачи (обычно происходит редукция общей оценки к частной), требует еще определения "радиуса действия" оценки, центр которой заключен в глаголе, и кроме этого выявления прагматических импликаций, за которые говорящий не несет ответственности, но которые по обыденной логике жизни сопутствуют сообщению.

Положительная оценка в большинстве рассмотренных классов предикатов имеет комплексный характер, то есть учитывает ряд параметров. Отрицательная оценка, как правило, редуцирует количество неудовлетворенных требований. Здесь действует закон "ложки

дегтя в бочке меда". Она поэтому более неоднозначна, чем положительная оценка": *плохо одеваться* можно понять и как "бедно одеваться", и как "безвкусно, не к лицу одеваться", возможно и как "небрежно одеваться" или даже "старомодно одеваться", "нечистоплотно одеваться". В сочетании *хорошо одеваться* объединена оценка по всем или большинству перечисленных критериев. Deskриптивный (семантический) объем наречий положительной и отрицательной оценки не равен.

СУПЕРОЦЕНКА

Супероценка действует в сфере этики и эстетики. Она старается подняться над нормативами. Истинно прекрасное и высоко нравственное не ординарно. Вместе с тем и здесь оценка связана с удовлетворением некоторого запроса — высшей потребности души.

Эстетическая супероценка может быть только позитивной. Искусство способно превращать ужасное в прекрасное. Оно основано на принципе сублимации. Только ординарные произведения искусства могут быть охарактеризованы как хорошие и плохие: здесь действует потребительский норматив и оценка клонится в сторону утилитарной. Гений в искусстве (и науке) не имеет антипода. Бездарность противостоит таланту, а не гению. В этике на любых уровнях оценочная оппозиция сохраняется: добро и зло всегда коррелятивны. Антиподом святого (человека высокой нравственности) является злодей или великий грешник.

Этическая оценка широко пользуется словами *хорошо* и *плохо* (в сочетании с глаголами *поступать* и *делать*, а также в функции аксиологического оператора). Когда говорят *Хорошо, что ты помог в беде* или *Ты хорошо поступил*, этим выражают не только одобрение, но и поощрение, ориентируя на нравственный норматив. Этическая оценка дидактична: она устанавливает правила. Однако, ни о героях, ни о святых, ни об их деяниях не говорят в терминах нормативной этики, действующей в повседневной жизни.

Эстетическая оценка более настойчиво отклоняет норматив. "Единственный недостаток истинно хороших произведений состоит в том, что они обыкновенно являются причиной выхода в свет множества плохих и посредственных книг" (Лихтенберг). Как только отличилась, модель авторы запускают ее в серийное производство. Подлинное искусство не оценивается по нормативу. Каждая вершина уникальна. Вследствие этого факты искусства не могут быть раскрыты в содержательных (deskриптивных) терминах. Разговор об искусстве может конкретизироваться только путем расщепления значения общей оценки на частнооценочные смыслы: *Книги бывают разные. Есть книги хорошие: умные, увлекательные, с глубокими чувствами, с честными и смелыми поступками героев. Но есть и плохие книги. Скучные, фальшивые, поверхностные, с вредными идеями*" (Т. Матвеев).

Гении не бывают хорошими и не создают хороших произведений. Никто не скажет, что Пушкин хорошо писал стихи, а Шекспир — пьесы, что Цицерон хорошо говорил, а Паганини хорошо играл на скрипке.

Там, где отвергается норматив, ни наречия *хорошо* и *плохо*, ни соответствующие им прилагательные не используются. Между тем в искусстве, конечно, тоже есть свои мерила и мерки. Они применяются к повседневно потребляемым произведениям. В эстетических, так же как и в этических оценках, заключена рекомендация или предостережение. Когда говорят "Это плохой фильм", это значит, что его не стоит смотреть.

Этическая и эстетическая оценка, выраженная наречием, может быть прямо связана со значением глагола. Наречия *хорошо* и *плохо* широко сочетаются с глаголами исполнительской деятельности, а также с глаголами *делать* и *поступать*. Об этом речь шла выше. Теперь же мы хотим обратить внимание на другое. Эти виды оценки могут вовсе не подсказываться значением предиката. Они достаточно свободны в своей сочетаемости. Они появляются везде, где сквозь декорации обыденной жизни проглядывают более высокие ее начала. Это и позволяет говорить о супероценках.

Этическая оценка может встретиться в сочетании с любым глаголом, выявляющим личность человека, например: *Во весь вечер жилец так хорошо смотрел на меня и так хорошо говорил* (Достоевский). Оценка подразумевает, что и в словах и во взглядах своих жилец обнаруживал (а не сознательно выражал) свою возвышенную (благородную) душу. Точно так же эстетическая оценка может появиться в сочетании с любым глаголом, обозначающим эстетически воспринимаемое явление, например: *"Черт побери, как теперь хорошо осветилось его лицо!" — сказал он про себя и принялся жадно писать, как бы опасаясь, чтобы как-нибудь не исчезло счастливое выражение* (Гоголь). В этом предложении *хорошо* не значит 'ярко', что соответствовало бы обычному прочтению, оно значит 'прекрасно' (в эстетическом смысле).

Чем меньше связаны наречия *хорошо* и *плохо* с семантикой глагола, чем меньше выражают они одобрение или осуждение сознательных усилий, а следовательно чем дальше они от нормативных представлений, тем больше оснований говорить о супероценке, отражающей естественно прекрасное.

Итак, в сочетании с глаголами, относящимися к области этики или эстетики, наречие *хорошо* низводит оценку на уровень соответствия правилам; в сочетании с глаголами "посторонней" семантики *хорошо* поднимает квалификацию действия до уровня супероценки, надстраивающейся над нормативными представлениями.

СКАЛЯРНО-АНТОНИМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС И КОМПАРАТИВНОСТЬ

Тот, кто любит так сильно, что хотел бы любить в тысячу раз сильнее, все же любит меньше, нежели тот, кто любит сильнее, чем сам того хотел бы

(Ж. Лабрюйер)

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ, ГРАДУИРОВАННОСТЬ И ТОЧЕЧНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ

Прежде чем приступить к рассмотрению сравнительной оценки ситуаций, коротко охарактеризуем ту систему, в терминах которой она будет описываться, а также сопоставим значения положительных и сравнительных форм прилагательных.

Исследования по семантике последних десятилетий существенно углубили наши представления о значении и функциях прилагательных (Сэпир, 1985; Апресян, 1974; Вольф, 1978; Николаева, 1983; Уфимцева, 1974, 1986; Харитончик, 1986; Bierwisch, 1967; Bolinger, 1967, 1972; Givón, 1970 и др.). Для целей настоящей работы достаточно рассмотреть значение прилагательных, образующих скалярно-антонимический комплекс. Под этим термином мы подразумеваем объединение поляризованных значений, относящихся к одному параметру объекта (класса объектов) и разделенных градиционной шкалой, в середине которой проходит ось симметрии, соответствующая норме признака. Антонимы указывают на положение признака относительно оси. Этот вид антонимии иногда называют оппозитивной, а сами антонимы — оппозитивами (Лайонз, 1978, с. 488). В системе антонимий, предложенной Ю.Д. Апресяном, ему соответствует тип Анти-3 (Апресян, 1974, с. 295—297). Антонимы (поляризованные значения) в этом случае различаются "фланговым знаком" (+ Pol) и (— Pol), остаток же ($R - remainder$), указывающий на параметр объекта, у них совпадает (Bierwisch, 1967, p. 6). В классическом виде скалярно-антонимический комплекс представлен количественными (размерными) прилагательными, относящимися к физическим свойствам объектов. Примерами могут послужить такие пары, как *большой — маленький, высокий — низкий, глубокий — мелкий*, указывающие на поляризованные значения, принимаемые соответствующими параметрами предмета. Обозначаемые антонимами признаки взаимозависимы: нарастание одного признака оборачивается убыванием другого; например: чем менее велика гора, тем она более мала (меньше); чем более глубока (глубже) река, тем она менее мелка. Убывание и нарастание признака, если оно маркируется относительно термина сравнения, утрачивает ориентацию на норму (часть шкалы, расположенную вокруг оси симметрии). Иначе говоря, компаративы устраняют ось симметрии. К этой модели можно отнести общеоценочные

прилагательные *хороший* и *плохой*, с той оговоркой, что понятие нормы у них совпадает с позитивным полюсом или отрезком шкалы (см. ниже).

С большим или меньшим приближением к этой модели формируется значение ряда качественных прилагательных: *умный* — *глупый*, *волевой* — *безвольный*. Эти пары отличаются от классического антонимического комплекса тем, что градационная шкала разделена достаточно четко между антонимами и ось симметрии редко устраняется. Антонимы находятся между собой в отношениях эквиполентной оппозиции. К этой модели относятся частнооценочные прилагательные: *прекрасный* — *безобразный*, *злой* — *добрый*, *красивый* — *уродливый*. К ним примыкают иногда объединяемые в пары аффективные оценки, группирующиеся вокруг двух полюсов: *замечательный*, *превосходный*, *чудесный* и пр. — с положительной стороны и *отвратительный*, *омерзительный*, *скверный* и пр. — с отрицательной. Строго говоря, эти группировки не создают отдельных скалярно-антонимических комплексов.

Для понимания природы скалярно-антонимического комплекса необходимо уяснить такие тесно между собой связанные понятия, как: 1) относительность значения, 2) понятия нормы и термина сравнения, 3) относительность позитива и компаратива, 4) градуирование признака и градационная шкала; ось симметрии, "пики" и пределы, 5) интенсификация и интенсификаторы, 6) маркированные и немаркированные члены антонимических пар, 7) антонимы и негация.

Понятие относительного значения в применении к параметрическим прилагательным было не только введено, но и подробно разработано Э. Сэпиром в его основополагающей статье "Градуирование: семантическое исследование" (Сэпир, 1985), впервые опубликованной в 1944 г., но написанной задолго до этого. Сэпир отметил, что такие контрастирующие пары как *большой* и *маленький*, *много* и *мало* производят обманчивое впечатление абсолютных величин в области количеств, подобных таким абсолютным величинам в поле цветового восприятия, как *красный* и *зеленый*. Это, однако, иллюзия, объясняющаяся тем, что имплицитно заключенное в этих словах сравнение формально не выражено, тогда как в других случаях оно выражается языковыми средствами (Сэпир, 1985, с. 44). Сэпир далее подчеркивает, что такие параметрические прилагательные, как *много* и *большой*, теряют всякий смысл в отвлечении от коннотаций "более, чем" и "менее, чем". "Много" обозначает любое количество, определенное или неопределенное, которое превышает некоторое другое количество, принимаемое за точку отсчета (Там же; см. также: Исаченко, 1954, с. 234, Апресян, 1974, с. 67). Проблема толкования позитива через компаратив обсуждается в (Wierzbicka, 1972, p. 71–92).

Поскольку речь идет о количественной мере признака, предполагается, что сам признак допускает градуирование. Понятие градуирования и оппозиция градуированных (имеющих протяженность) и точечных концептов, обоснованная Э. Сэпиром, фундаментальна не только для семантических исследований, но и для анализа значений грамматических (в частности, видо-временных) форм. Сэпир в анализе

параметрических значений исходит из того, что всякое суждение о количестве, выраженное в терминах мер и чисел, предполагает предварительное суждение о градуировании и о шкале градаций. Градационная шкала определяется им как упорядоченный ряд относительных "больше" и "меньше" ("an ordered series of relative mores and lesses") (Сэпир, 1985, с. 43, см. также Вольф, 1985, с. 47 и сл.). Примером такой шкалы может служить натуральный ряд чисел. По этой шкале и определяются значения параметрических прилагательных. Поскольку, однако, речь идет об относительной, а не абсолютной мере признака, то для ее определения необходим термин сравнения, некоторая точка отсчета или пункт прибытия (терминал). Таким образом, на градационной шкале появляются разного рода "отметины": ось симметрии, пределы, "пики" и окказиональные "зарубки", относительно которых определяется "градус" того или другого признака. При моделировании скалярных значений и особенно при определении условий выбора формы их выражения важна не только точка отсчета, но и точка зрения; положение говорящего определяет ситуацию "недоброса" или "переброса" (Поцелуевский, 1974). Это придает градуированным значениям динамичность: они воспринимаются в движении к "пункту назначения" или в удалении от него.

Фиксация на градационной шкале отметин, соответствующих значению тех или других лексических средств (прилагательных), приводит скалярные значения в контакт с точечными. Согласно общей семантической закономерности, попадая на градуированную "линейку", точечное значение "растягивается" и становится само измеримым. Точка отсчета утрачивает точечность. "Растяжение" значений составляет одну из важных тенденций пользования языком, обусловленную психологией говорящих: стремление к точности измерения уводит от точечности.

Почти все привативные значения, суперлативы, прилагательные, указывающие на предел и норму признака (например, *совершенный*), в процессе их употребления, как отмечалось многими авторами, "растягиваются" и становятся градулируемыми (*почти глухой, не совсем слепой, довольно-таки бессовестный, более совершенный, не такой уж безвольный* и т.п.). Континуальность мира берет верх над попытками представить его дискретно. Все значения, вовлекаемые в скалярный комплекс для того, чтобы служить отметинами на шкале градаций, в конечном счете приобретают свойство "растяжимой точечности". В языке не утрачивают точечности собственно реляционные значения, выражающие отношение между предметами или понятиями (значения относительных прилагательных, притяжательных местоимений и т.п.). Неукоснительно точно также значение существительных, базирующихся на концепте отношения (например таких, как *тождество, авторство, обладание, принадлежность* и т.п.). Концепт отношения принадлежит логическому пространству, организованному значением истинности. Только в этом пространстве (пространстве мысли) "точка" застрахована от растяжения. Понятие истины — это единственная неподвижная точка опоры, поддерживающая знание, но и она несет урон от вероятностной оценки.

ПОНЯТИЕ НОРМЫ

Норма — центральная и наиболее важная точка отсчета, по отношению к которой определяются значения антонимов в рамках скалярно-антонимического комплекса (*маленький* = меньше нормы, *хороший* = соответствующий норме), — также представляет собой более или менее растяжимое понятие. Понятие нормы прочно вошло в исследования параметрических прилагательных после упомянутой статьи Сэпира. По мере своей эксплуатации в практике описания значений это понятие, к которому нам уже приходилось обращаться, получило интересную теоретическую разработку. Поэтому на этом вопросе мы остановимся более подробно.

Прежде всего, норма имеет слабый выход в лексику. Этой серединой части шкалы соответствуют прилагательные типа *обычный*, *средний*, *нормальный*, *стандартный*, *посредственный*, имеющие неограниченную область приложения к предметам и ситуациям. Эти прилагательные не окружены экспрессивными синонимами. Стандарт не возбуждает ни интереса, ни эмоций. О том, что не отходит от нормы, обычно не делается сообщений (Николаева, 1985, с. 90). Для того, чтобы стать предметом речи, огурец должен вырасти с гору, а муха превратиться в слона. Сфокусированность сообщений на отклонениях от нормы и стереотипа жизни ведет к тому, что значения, соответствующие флангам градационной шкалы, богато представлены в языке, а серединная часть бедна¹. Концы шкал в области параметрических значений лексически разветвлены и изменчивы, ср. такие группы синонимов: *малюсенький*, *крохотный*, *крошечный*, *миниатюрный*, *ничтожно малый*; *крошечка*, *капелька*, *чутьочка*, *крупица* и *большой*, *большущий*, *громадный*, *огромный*, *гигантский*, *грандиозный*, *колоссальный*, *неимоверный*, *чудовищный*; *громадина*, *гигант*, *глыба* и пр.

Тенденция к обозначению отклонения от нормы характерна и для словообразовательных средств. Так, в языках распространены аффиксы привативного значения, участвующие в создании определенных объекта по признаку его "некомплектности": *безногий*, *безносый*, *безрассудный*, *безволосый* и пр. Антонимы привативных прилагательных обычно получают значение не наличия (если оно входит в "комплект"), а гипертрофии признака, т.е. обозначают также ненормативную ситуацию: *лобастый*, *носатый*, *глазастый*, *волосатый* (ср. *воло-*

¹ Уже Аристотель обращал внимание на то, что "золотая середина" далеко не всегда имеет наименование: "Тот же, кто стоит посредине, не имеет названия, безымянны и (соответствующие) наклонности, за исключением честолюбия и честолюбца" (Аристотель IV, с. 89). Аристотель, впрочем, давал собственное наименование не только "серединным концептам", но и свойствам, занимающим крайние положения на шкале добродетелей и пороков. Это один из ранних примеров разлада философских (особенно этических) доктрин с обыденным языком, которым им приходится пользоваться. Вековое стремление философов придать словам обыденного языка метафизический смысл, соответствующий той или другой философской доктрине, в конечном счете обернулось призывом Л. Витгенштейна вернуть словам их собственное значение и из него извлекать философски значимые концепты (Витгенштейн, 1985, с. 123).

сатая грудь, но о человеке с густыми волосами не скажут, что у него *волосатая голова*, не говорят также о *безволосой груди*).

Собственно нормативные качества родов объектов фиксируются внутри значения таксономической лексики (имен классов). Они из нее не выделены. Черно-серая ворона является объектом таксономической деятельности. Это — просто ворона. Белая же ворона составляет объект семантических усилий человека. Это уже не просто ворона, а белая ворона. Нормальное состояние мира представляет собой подобие чертежа, соединяющего точки отсчета параметрических значений, но не сами эти значения. Развитие семантики стимулируют всякого рода аберрации.

По-другому обстоит дело в области аксиологических понятий. Здесь норма лежит не в серединной части шкалы, а совпадает скорее с ее позитивным краем. А. Вежицкая отметила, что *хороший* означает 'соответствующий норме', а не ее превышающий. Когда говорят *Это хорошие сигареты*, то имеют в виду не превосходство ожидаемого стандарта, а соответствие ему; высказывание *Это плохие сигареты* употребляется не в том смысле, что качество сигарет ниже среднего, а в том, что сигареты по своим свойствам не удовлетворяют принятым требованиям, стандарту (Bierwisch, 1967, р. 12). Таким образом, употребление оценочных предикатов и, прежде всего предикатов общей оценки, организовано отношением "норма — не-норма (отклонение от нормы)". Именно эти значения воспринимаются как поляризованные. Соответствие аксиологической норме скорее представляет собой должное, чем действительное. Достижение нормы есть цель, а не отправная точка: хорошее бывает "уже" и "наконiec", плохое — еще" и "все еще". Однако, сколь бы оптимистично не смотрел на мир человек, он принимает хорошее не как должное (т.е. не так, как естественную окраску вороны), а как явление, заслуживающее внимания и поощрения и потому, безусловно, достойное сообщения. Идентификация хорошего с нормой производится не относительно действительного, а относительно идеального состояния мира. Поэтому хорошее, хотя и принимается за норматив, "ведет себя" по законам отклонения от нормы. Сообщения о том, что объект удовлетворяет желаемому стандарту или предъявляемым к нему требованиям, почти столь же информативны, как сообщения об отклонении от нормы. Вследствие этого ситуация соответствия стандарту и особенно превышения требований имеет такой же широкий выход в лексику, как и ситуация несоответствия. В этом случае определяющим является не фактор нормы, а "закон конца шкалы".

Более того, во многих обществах, а, возможно, и повсеместно, правила коммуникации и общая ориентированность на положительные явления активизируют развитие и употребление лексики, относящейся к позитивному флангу шкалы. Психолингвистические опыты показали, что положительные оценки усваиваются детьми раньше, употребляются ими чаще (по крайней мере в возрасте до 10 лет), что "приятные слова" легче запоминаются и стимулируют больше ассоциаций (см. об этом: Николаева, 1983, с. 237 и сл.). Отрицательные смыслы образуются от положительных, а не наоборот, что свидетель-

ствуется о базисном положении в словаре позитивных оценок и их более прочной связи с дескриптивными признаками. При этом, если присоединение негативизирующего суффикса к слову положительной оценки естественно и всегда ведет к изменению аксиологического знака (ср. *красивый* и *некрасивый*), то обратное явление зарегистрировано гораздо реже: так, *невеселый*, *нерадостный*, *безрадостный*, *неприятный*, *непривлекательный*, *несчастливый* — употребительны, а **неуродливый*, **непечальный*, **небезобразный*, **неотвратительный*, **немерзкий*, **недрянной*, **нескверный* и т.п. — нет. Базисность лексики положительной оценки подтверждается и тем, что синтаксическое отрицание действует чаще на позитивных предикатах, чем на негативных. Это показывает, что исходной предпосылкой сообщения служит положительная норма. Крен в сторону положительного конца аксиологической шкалы в психолингвистических исследованиях принято называть "принципом Поллианы"¹ (Boucher, Osgood, 1969).

Лексическое развитие концов шкалы, толкающее язык в сторону ненормативных явлений и признаков, и "принцип Поллианы", обогащающий лексику позитивными оценками, указывающими на совпадение с нормой, демонстрируют влияние на лексику прагматического фактора. Развитие концов шкалы ведет к поляризации значений и возникновению антонимии, "принцип Поллианы" укрепляет связи языка с идеализированной картиной мира.

На градационной шкале норма, как было отмечено, может занимать разное место. В собственно скалярно-антонимическом комплексе ей принадлежит большее или меньшее пространство вокруг оси симметрии, т.е. в средней части шкалы. "Фланговая семантика" соответствует отклонению от нормы в ту или другую сторону. Это позволяет толковать оба антонима симметрично: через компаратив, т.е. через "более" или "менее" (Сэпир, 1985, с. 43; Wierzbicka, 1972, р. 75-77).

Понятие нормы может отождествляться с частью шкалы, соответствующей одному из эквиполентных антонимов. Например, в паре *тупой* — *острый* второй член принимается за норму применительно к большинству классов предметов (Поцелуевский, 1974, с. 243). К этой категории принадлежат как обще-, так и частно-оценочные прилагательные с тем различием, что первые допускают снятие оси симметрии (конверсию отношений в рамках всей шкалы), а вторые нет. Между тем, ощущение отрицательных эффектов всякого рода несоблюдений чувства меры и пропорции, особенно острое у эллинов, побуждало не только помещать "хорошее" в центральную часть аксиологической шкалы, но и интерпретировать добродетели как своего рода промежуточные инстанции, находящиеся на полпути между отрица-

¹ Этот принцип или гипотеза (Pollyanna Hypothesis), требует устранения или смягчения неприятных тем и сообщений. Он обозначен по имени героини одного из романов Э. Портер.

тельными крайностями. Так, Аристотель считал, что смелость есть свойство, находящееся между трусостью и ухарством, щедрость есть качество промежуточное между скарденностью и мотовством, подлинная гордость лежит между тщеславием и смирением, остроумие — между шутовством и грубостью, скромность — между застенчивостью и бесстыдством. Правдивость же — это промежуточная стадия между хвастовством и притворством (Аристотель IV, с. 84 и сл.). Комментируя концепцию добродетели как "золотой середины", Б. Рассел замечает: "Был один мэр, усвоивший доктрину Аристотеля; когда кончился срок его полномочий, он заявил в своей речи, что пытался избежать, с одной стороны, пристрастности, а с другой — беспристрастия. Мнение о правдивости как о чем-то среднем кажется едва ли менее абсурдным" (Рассел, 1959, с. 194). Аристотель (как и мэр) представлял концепты, относящиеся к порокам и добродетелям, по модели параметрических прилагательных, образующих скалярно-антонимический комплекс, в котором понятие нормы совпадает с осью симметрии.

Соответствие норме одного из антонимов исключает возможность толкования его через компаратив. А. Вежбицкая отказалась от определения значения прилагательного *хороший* как "лучше, чем безразличный", предложенного Сэпиром и бытующего в логике предпочтения. Она толкует его через модус желания: X_1 — *хороший* = X_1 является хорошим $X = \text{Об } X_1$ можно сказать то, что мы бы хотели иметь возможность сказать о любом X (Wierzbicka, 1972, р. 84). В дефиницию Вежбицкой входит незаполненная клетка. Это ставит вопрос о предполагаемом типе значения, которое должно соответствовать тому, что "мы бы хотели иметь возможность сказать". Это желание может быть реализовано либо в частнооценочных, либо в дескриптивных терминах. Так, о хорошем яблоке мы можем хотеть сказать, что оно вкусное, полезное или красивое (квалификация в терминах частных оценок), но о хорошем яблоке можно также сказать, что оно спелое, красное, сочное, крупное и хрусткое (квалификация в дескриптивных терминах). Выбор того или другого вида квалификации (перефразирования значения прилагательного *хороший*) определяется пониманием природы оценки (возможностью или невозможностью перевода с языка оценок на язык дескрипций). Дефиниция Вежбицкой обходит этот вопрос.

Приведенное определение имеет в качестве презумпции представление о стандартности хороших экземпляров одного класса. Исключение варьирования исключает вместе с тем характерные для оценки механизмы компенсации и девальвации, которые нарушают строгую нормативность хорошего и сохраняют этой ценой его разнообразие, столь важное для человека, что его не может подавить даже социальный феномен моды, цель которой сделать престижной деиндивидуализацию человека. Напомним, что Маленький Принц из повести Сен-Экзюпери, восхищенный красотой розы, пришел в замешательство, попав на розовую плантацию. Может быть, не будет лишним привести замечание Т. Гоббса, писавшего, что "достоинство во всякого рода субъектах есть нечто, что ценится за отличие и состо-

ит в сравнении. Ибо если бы все было одинаково во всех людях, ничто бы не ценилось" (Гоббс II, 1964, с. 100). Вариативность (итоговость) хорошего особенно очевидна в применении к непредметным объектам (событиям, положениям дел, ситуациям). Ниже мы увидим, что из поговорок о предпочтении не может быть выведен единый идеал. Аксиологическая норма и тип ее варьирования принципиально отличны от параметрической.

Соответствие аксиологической норме может быть стандартизировано только в применении к серийным артефактам или искусственно выводимым естественным родам (сортам, породам). Никакие стремления к нормативам не могут подавить ценность индивидуности. В этом состоит одна из причин того, что большинство определений хорошего, в том числе и дефиниция Вежбицкой, сводятся к "пустой клетке", соответствующей интенциональному объекту, и различаются только выбором интенционального глагола, от которого зависит "пустая клетка": "то, что мы хвалим (одобряем)", "то, что можно рекомендовать", "то, что мы желаем", "то, к чему все стремятся" и т.п. (см. подробнее в гл. I).

Вернемся к понятию нормы. В важной статье о параметрических прилагательных М. Бирвиш подчеркнул, что их значение определяется отношением к норме, но не специфицирует ее. Параметрические прилагательные выражают только факт наличия нормы, нормативность, составляющую общее свойство восприятия действительности человеком (Bierwisch, 1967, p. 10–11; Bierwisch et al., 1984).

Понятие нормы относится практически ко всем (или почти всем) аспектам картины мира. Оно чрезвычайно вариативно, хотя на этот раз варьирование касается видов норм, а не обилия индивидуальных вариантов в рамках одного вида. Разные исследователи выделяют разные виды норм (систем осознанных и кодифицированных норм мы не касаемся; о них см.: Ивин, 1967, там же дана библиография по теме). Т.М. Николаева выделяет в понятии нормы три компонента: 1) отношение к заведенному порядку вещей (алетические факты): *Еще не наступил вечер, а в воздухе уже почувствовалась сырость*; 2) отношение к понятию должного (деонтические нормы, связанные с прескрипциями): *Мы много гуляем, даже иногда по два часа в день* (автор подчеркивает социальную и ситуативную обусловленность этих норм); 3) отношение к системе ценностей: *В свои 37 лет она еще хочет нравиться* (Николаева, 1985, с. 90–91).

Анализ прилагательных, относящихся к физическим параметрам предмета, в свою очередь обнаружил вариативность понятия нормы. Так, Э. Лайзи различает следующие виды норм: видовая норма (Speziesnorm), норма пропорции (Proportionsnorm), норма ожидания (Erwartungsnorm), ситуативная норма, или норма пригодности (Tauglichkeitsnorm) (Leisi, 1953, S. 99–107). Наибольшее значение для понимания отношения между компаративом и позитивом, а также для употребления оценочных предикатов имеет последний из упомянутых видов нормы.

Видовая норма, или типовой параметрический стандарт, действует для естественных родов и артефактов. Она не фиксируется строго. Предложение *Sie ist groß* 'Она крупная' может прочитываться как "крупная для девочки", "крупная для двенадцатилетней девочки", "крупная

для английской девочки 12-ти лет" и т.п. Вследствие того что норме нет точного измерения, сообщения типа приведенного не исключают возражений. В ответ можно сказать, например: *Да что вы, в наш век акселерации девочки в этом возрасте обычно гораздо крупнее.*

Видовая норма зависит от референции имени. Если имя относится к конкретному объекту, то норма устанавливается относительно вида; если имя относится к виду, то норма определяется относительно рода и т.д. У. Чейф говорит в этом случае о подвижной норме. Он пишет об "автоматическом понятийном переключении, посредством которого норма сдвигается в сторону более высокой таксономической единицы" (Чейф, 1975, с. 224); ср.: *The elephant is big* 'Этот слон крупный (для слона)' и *Elephants are big* 'Слоны крупные (животные)'. Тип референции существительного оказывает воздействие на семантику предиката (там же, с. 225). В безартиклевом русском языке указание на класс, относительно которого определяется норма (точка отсчета), выражается в предикате.

Норма пропорции касается соотношения параметров предмета или пространства. Она релевантна только для разряда размерных прилагательных. Когда говорят *широкая (узкая) комната* или *длинный стол*, то имеют в виду нарушение привычных для данного класса пропорций (см. об этом: Чейф, 1975, с. 139).

Норма ожидания проявляется тогда, когда сравнивают действительное с ожидавшимся или привычным. Например, встретив ребенка, которого давно не видели, обычно восклицают: *Какой большой!* Неожиданность впечатления маркируется в немецком языке противительным союзом *aber*: *Er ist aber groß!* Норма ожидания имеет выход в более широкое понятие диахронической нормы, устанавливающей порядок в смене событий и состояний объектов и их совместимости. Диахроническая норма регулирует употребление модальных частиц *еще, уже, наконец, даже* и др., фиксирующих отход от своевременности наступления того или другого состояния, опережение сроков или их превышение. Предложения типа "еще — уже" (*Она еще молода, а уже бабушка*) сообщают о редкой или необычной конъюнкции тех качеств или состояний, которые по норме представляются дизъюнктивными (этот круг проблем подробно освещен в кн.: Николаева, 1985, с. 90—94, см. также: Санников, 1986).

Ситуативная норма действует тогда, когда габариты предмета не соответствуют требованиям, предъявляемым к нему в конкретной ситуации, делая его непригодным для определенной цели. Норма на данный случай достаточно подробно рассмотрена в интересной статье Е.А. Поцелуевского, который причисляет к этому виду нормы, относящиеся к конкретным предметам (*Костюм мне мал, Ты слишком мал, чтобы это понять*) и к сериям, классам объектов (*Этот предмет слишком велик, чтобы быть отнесенным к данной серии*). Норма, как отмечает автор, в этом случае находится в середине шкалы, а справа и слева от нее располагаются области отклонения от нормы в сторону нуля и максимума, причем сочетаниям типа *слишком большой* и *недостаточно маленький* соответствует одно и то же семантическое пространство (Поцелуевский, 1974, с. 241). Выбор будет зависеть от прагматических условий. Е.А. Поцелуевский отмечает, что смысловые схождения выра-

жений этого типа не означают их взаимозаменяемости. "*Недостаточно*" означает как бы "недолет, а *слишком* — "перелет", так что, если известно, с какой стороны "ведется стрельба", выбор этих вариантов оказывается несвободным. Например, если при подборе пробки к бутылке первая попытка дала пробку маленькую, о ней мы как будто можем сказать любым способом (и *слишком мала*, и *недостаточно велика*), но если вторая окажется большой, то видимо, о ней лучше будет сказать "*слишком велика*", что будет означать: "стараясь приблизиться к норме, мы ее превысили" (с. 241). Симптоматично, что отношение к окказиональной норме обычно обозначается положительной степенью прилагательного с соответствующими модификаторами.

Окказиональная норма представлена двумя случаями. В первом случае она ограничивает и максимальное и минимальное значение данного параметра (ср. подбор пробки к бутылке). И превышение нормы и ее недостижение равно нежелательны, хотя, возможно, и не в одинаковой степени (например: *слишком длинное платье можно укоротить, но слишком короткое не всегда поддается удлинению*). Во втором случае норма определяет только один предел степени признака. Она захватывает половину шкалы, например: *слишком большой, чтобы пройти в отверстие*. Очевидно, что для того, чтобы пролезть в некоторое отверстие, нельзя превосходить его по размеру, но можно быть сколь угодно маленьким по сравнению с ним (Поцелуевский, 1974, с. 243).

В русском языке окказиональное несоответствие в габарите выражается в позиции предиката краткими прилагательными; ср.: *туфли маленькие и туфли малы, комната маленькая и комната оказалась мала для собравшихся, чемодан был тяжелым и чемодан тяжел для меня*. В значение предиката имплицитно входит понятие "*слишком*", относящееся к ситуации "перебора" с той или с другой стороны нормы. Понятие "*недостаточно*", указывающее на "*недобор*" при подходе к норме (также с той или другой стороны) имплицитным быть не может: *Река в этом месте недостаточно глубока для трехпалубных пароходов. Для нынешней моды это платье недостаточно короткое*.

Общеоценочные прилагательные широко употребляются в этом значении, причем негативное прилагательное может обойтись без наречия "*слишком*", а позитивное — нет; ср.: *Эта квартира плоха* (= *слишком плоха*) *для приема таких важных гостей* и *Эта квартира для такой семьи слишком хороша*. Предложение "*Эта квартира для такой семьи хороша*" относилось бы к ситуации удовлетворения требований. Позитивы *хороший* и *хорош* указывают на соответствие желаемому или нужному: *Хорош!* означает 'достаточно', 'как раз то, что нужно'; ср. также *Туфли мне оказались хороши* (= в пору)". Хорошее понимается в этом случае как удовлетворяющее точному требованию. Поэтому любое несоответствие ему должно быть маркировано. Краткое прилагательное в этом его употреблении не содержит в себе и намек на качественную оценку. Вполне можно посетовать, сказав, *Увы, мне оказались хороши только самые плохие туфли*. Напротив, краткая форма *плох* не может иметь значения количественной неадекватности. В этом смысле скорее используется *не хорош*. Значение и употребление кратких форм *хорош* и *плох* настолько резко разошлись, что трудно найти контексты, в

которых они были бы взаимозаменяемы. Так, например, если "Он плох" относится к состоянию немощи и применяется к старым и больным людям, то *хорош* не значит ни 'крепок', ни 'здоров'. Это прилагательное значит либо 'красив' (*Она была хороша собой*), либо приобретает (при соответствующей интонации) иронический смысл и выражает осуждение (*Нечего сказать, хорош!*). В приложении к предметам *хорош* и *плох* в значении качественной оценки также употребляются непараллельно; ср.: *Пирог был очень хорош* (например, у Гоголя: — *Щи, моя душа, сегодня очень хороши!* — сказал Собакевич, хлебнувши щей) и ? *Пирог был плох*. В меньшей мере, но все же разошлось и употребление прилагательных *дурен* и *недурен* (*дурно* и *недурно*). Так, в контекстах типа приведенного употребляется *недурен* (*У губернатора, однако ж, недурен стол*, — сказал Чичиков), но не прилагательное *дурен* (ни *щи*, ни *стол* не могут быть *дурны*).

В употреблении оценочных параметрических предикатов есть еще одно различие. Несоответствие по размеру, как отмечалось, может быть определено и через "перебор" и через "недобор". Эти способы синонимичны: *мал* = недостаточно большой, *велик* = недостаточно маленький. Практически используется прилагательное, обозначающее то качество, которое оказывается превышенным: *Туфли мне малы* (а не *недостаточно большие*), *Костюм широк* (а не *недостаточно узкий*). Узус закрепил за употреблением кратких форм значение несоответствия требуемому размеру со стороны перебора. Поэтому-то в сочетании с наречием *недостаточно* предпочтении часто отдается полной форме: *недостаточно большой* (*широкий, узкий, глубокий*). Сема "слишком", входящая в значение кратких форм, несовместима с модификаторами, указывающими на недотянутость до нормы. В отличие от собственно параметрических (размерных) прилагательных, прилагательное *хорош* указывает на соответствие требованиям. Оно поэтому допускает сочетаемость и с *слишком* и с *недостаточно*: *этот костюм для меня слишком (недостаточно) хорош*. Его антоним *плох* указывает на несоответствие норме, в данном случае окказиональной, т.е. включает в свое значение сему "слишком". Поэтому *плох* может сочетаться с *слишком* (*плох = слишком плох*), но не с *недостаточно*. С этим последним модификатором соединяется полная форма прилагательного: *недостаточно плохой*.

Употребление форм параметрических прилагательных, указывающих на несоответствие ситуативной норме, не имплицитно никакой характеристики самой нормы. Когда говорят, что *туфли малы*, из этого не вытекает, что нога велика. Из двух несоответствующих друг другу объектов качество неудовлетворительности обычно приписывается переменному компоненту ситуации. В ситуации "человек и одежда" переменной величиной является одежда (не случайно говорят о смене одежды). Однако продавцу положение дел может представиться в ином свете. Поэтому он может сказать не *Это пальто будет вам коротко*, а *Вы слишком высоки для этого пальто*, не *Эти перчатки вам будут малы*, а *У вас слишком большая рука для этих перчаток* (в этих ситуациях употребляется ед. число существительных: *нога, рука*).

Когда подбирается отделка к платью, книга для чтения, банка для

варенья, рама для картины, ящик для посылки и т.п., то параметрическую характеристику по соответствию или несоответствию окказиональной норме, естественно, получает первый компонент, поскольку именно он входит в ассортимент, из которого делается выбор. К нему обычно прилагается и оценочная характеристика, фиксирующая удовлетворение размерных требований: не нога хороша для туфлей, а туфли — для ноги. Альтернатива, выраженная в следующем примере, легко разрешается: *Алиса решила, что это ключ от одной из дверей, но увы! — то ли замочные скважины были слишком велики, то ли ключик слишком мал, только он не подошел ни к одной* (Л. Кэрролл).

Окказиональная норма наиболее настойчиво ищет выход в лексику. Лайзи в цитированной выше работе отметил, что за значением превышения окказиональных требований в английском языке закрепилось прилагательное *large* (*big* выражает значение превышения видовой нормы), а в немецком языке эту функцию взяло на себя прилагательное *groß*.

Понятие качественного несоответствия не так очевидно, как понятие количественного (размерного) несоответствия. Сестры Золушки не могли побороть несоразмерность ноге хрустального башмачка, но они, вероятно, справились бы с проблемой своей неадекватности принцу. Кроме того, сочетания, выражающие аксиологическое несоответствие, имеют определенные "идеологические" пресуппозиции, ограничивающие возможности их использования. Так, сочетание *недостаточно плох* опирается на пресуппозицию желания худшего, нужды в худшем. Оно употребляется преимущественно в ироническом или "зловном" смысле. Гости на свадьбе принца с Царевною-лягушкой могли бы сказать: *Для такой невесты и Иванушка-дурачок был бы недостаточно плох*. Однако в большинстве случаев пресуппозиция желания худшего подавляется употреблением формы *слишком хорош*, используемой более всего в ситуациях утилитарной оценки: *Этот костюм (еще) слишком хорош для работы; Эти чашки слишком хороши, чтобы из них каждый день чай пить; Эта бумага слишком хороша, чтобы ее расходовать на черновики*. Такое употребление не вносит в высказывание ни иронии, ни намек на фальсифицирующий оценку избыток хорошего качества. Речь идет о превышении нужной для данного случая или для данной цели нормы положительных свойств. Сам же предмет может быть и хорошим и плохим. В этом смысле сочетание *слишком хорош* отлично от сочетания *слишком хороший*, в котором указание на избыток меняет знак оценки на обратный (Вольф, 1985, с. 20). Избыток достоинств относительно данного случая не то же, что их избыток относительно видовой нормы.

Окказиональная норма оказывает существенное влияние на семантику параметрических и оценочных прилагательных. Она делает явной относительность их значения. Точка отсчета превращается в точку совпадения. Последняя может фиксироваться с большей или меньшей определенностью. Так, указание на цель (ситуацию предполагаемого использования предмета) еще не снимает известного разброса нормы, но подбор пробки к бутылке делает искомый габарит измеримым. Окказиональная норма предполагает сравнение, термин которого обладает достаточно конкретными параметрами. Позитив делает шаг к сближению с "открытым" компаративом. Это выражается в изменении семантической

структуры параметрических прилагательных типа *мал, велик* (см. выше), которые приобретают сему "слишком", отсылающую к термину сравнения, но утрачивают соотношенность со значением соответствующего позитива (*мал* не значит 'маленький', а *велик* — 'большой', *узок* не значит 'узкий').

В этой связи возникает неоднократно обсуждавшаяся в лингвистике проблема соотношения значений степеней сравнения (Сэпир, 1985; Еськова, 1955; Апресян, 1974; Кржижкова, 1974; Wierzbicka, 1972; Чейф, 1975, с. 156—158 и др.). Общая тенденция в работах, начиная с середины 40-х годов, отвечала антитрадиционной настроенности этого периода. Подчеркивалось, что степени сравнения не различаются по мере выражаемого ими признака, а характеризуют "разные аспекты его представления" (Еськова, 1955, с. 458). Вследствие этого отрицалось единство системы степеней сравнения. В последнее время встречается и иная точка зрения, возвращающая к представлению о системной организации степеней сравнения (Шелякин, 1983). Нас будет интересовать только вопрос о схождениях и различиях в значении позитива и компаратива, преимущественно в применении к оценочным прилагательным.

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ ПОЗИТИВА И КОМПАРАТИВА

Природа относительности значения позитивов и компаративов принципиально различна. Это различие настолько велико, что не позволяет ни толковать значение компаратива в терминах позитива, ни, наоборот, сводить позитив к компаративу. Эти значения лишены взаимной обратимости.

Из того, что формы компаратива в большинстве случаев производны от форм позитива, не следует делать вывод о наличии между ними семантической производности. Но и из того, что позитив включает в себе имплицитное сравнение с нормой, было бы не совсем верно заключать, что он семантически сложнее, чем компаратив. Речь идет не о мере семантической сложности, а о разнице в точке отсчета, степени ее определенности и эксплицированности. Можно согласиться с Ю. П. Князевым, который пишет, что в отличие от позитива, имеющего относительно фиксированную точку отсчета, по сравнению с которой отмечается большая (меньшая) степень качества, точка отсчета при компаративе каждый раз произвольно избирается самим говорящим. "Семантические толкования положительной и сравнительной степени для слов этого типа совершенно подобны и различаются лишь тем, что в первом случае точка отсчета фиксирована, а во втором — подвижна" (Князев, 1980, с. 71).

Компаративность положительной степени не имеет прямого "выхода" в синтаксис: она не может быть реализована в тексте, хотя указание на термин сравнения в нем может содержаться. Например, в названиях типа *Большой театр, Большой Бен, Карл Великий, Толстая Маргарита* (башня в Таллине), *Володя Большой* и *Володя Миленький* (в одноименном рассказе Чехова) и т. п., даже если в них есть претензии на абсолютность величия и величины, они напрасны, о чем свидетельствуют парные

наименования. Нет сомнения, что употребление прилагательного в рестриктивном значении сводит класс предметов, из которого осуществляется выделение, к некоторой данности. Ограничительность "закрывает" класс и этим "открывает" компаративную (больше, чем все другие члены класса) сущность положительной формы прилагательного, а следовательно и относительность его значения. Однако и в этом случае сравнение не может стать явным. Прозвища и имена собственные, подобные приведенным выше, не базируются на компаративе. Характерно, что позитивы и компаративы пользуются разными типами интенсификации. Позитивы интенсифицируются как бы абсолютными (независимыми) показателями (*очень, много, весьма, на редкость, исключительно* и пр.). В случае необходимости выразить существенно большую (или меньшую) степень качества пользуются синонимами (*огромный, громадный, крошечный*), которые редко получают сравнительную степень (формы типа *крошечней, громаднее* мало употребительны). Компаративы интенсифицируются указанием на разницу в степени признака между данным объектом и термином сравнения (*на много больше, на три км. дальше*).

Для наших целей важно подчеркнуть, что появление (явное или неявное) термина сравнения исключает соотношение с нормой. Язык редко допускает одновременное соотношение и с нормой и с термином сравнения. Только в одном употреблении положительной степени указывается и на отношение к норме и на отношение к конкретному термину сравнения: *Эта башня так же высока, как та, Иван так же умен (глуп, красив, недалек, молчалив), как Петр*. В предложениях, сообщающих о равенстве (равновеликости или равноценности), сохраняется отсылка к норме (иначе, о башне сказали бы не "так же высока", а "такой же высоты") и в то же время производится сравнение с другим конкретным объектом. В таком употреблении соединены черты, характерные для позитива (сравнение с нормой) и компаратива (сравнение с произвольно выбранным предметом). Это последнее значение может интерпретироваться как окказиональная норма, и тогда используется положительная степень прилагательного с модификаторами или без них. Этот случай был рассмотрен в предыдущем разделе.

Вследствие несовпадения точки отсчета вопрос о большей или меньшей семантической сложности компаратива и позитива теряет смысл. Конверсия отношений, характерная для сравнительных степеней прилагательных, образующих скалярно-антонимический комплекс, происходит в пределах целиком взятой шкалы: из того, что А длиннее В, следует, что В короче А, независимо от того, длинными или короткими являются А и В (Апресян, 1974, с. 66). Это же положение относится и к прилагательным общей оценки: лучше все то, что оценивается выше, чем любой другой объект, даже очень скверный, а хуже может быть отнесено ко всему тому, что оценивается ниже термина сравнения, будь он хорошим или плохим.

Однако такая ситуация не распространяется на частную оценку. Сэпир отметил, что далеко не все прилагательные, относящиеся к одному параметру объекта, допускают снятие оси симметрии. Например, "быть более блестящим" (*more brilliant*) в применении к человеку не значит

"быть менее тупым" (more stupid), и было бы странно сказать, что А куда более блестящий человек, чем В, но оба порядочные тупицы (Сэпир 1985, с. 48—49). Наблюдение Сэпира может быть распространено на все прилагательные частной, в особенности аффективной, оценки. Аффективные прилагательные отличаются от собственно оценочных тем, что выражают эмоциональное восприятие объекта, оценочные же характеризуют объект по некоторым его свойствам, относящимся к аксиологическому параметру, приданному предмету человеком. Первые могут быть сопоставлены с междометийными реакциями, восклицаниями, неотделимыми от эмотивной интонации и потому неупотребительными в косвенной речи (*Какая прелесть! Восхитительно! Что за мерзость!*). Их значение синтетично. Это знак притяжения человека к миру (объекту, ситуации) или отталкивания от него.

Все аффективные синонимы общеоценочных прилагательных *хороший* и *плохой* являются скалярными одиночками, между которыми нет отношений конверсии. Поэтому сравнительная степень таких слов как *прекрасный*, *отличный*, *великолепный*, *замечательный* и др. (она малоупотребительна) не может "соскользнуть" в сторону негативной бесконечности, определяемой каким-либо из антонимических партнеров этих слов: *прекрасней*, *замечательней* семантически соотносительны только с *прекрасно* (*прекрасный*) и *замечательно* (*замечательный*), это значит, что при компаративе всегда может стоять частица *еще*. То же касается и негативного ряда: значение компаративов типа *скверней* не может выйти за пределы скверного. Даже такая устойчивая антонимическая пара, как *прекрасный* (*красивый*) — *безобразный*, выражающая эстетическую оценку, не составляет нераздельного скалярно-антонимического комплекса: быть более (или менее) прекрасным (красивым) не значит быть менее (или более) безобразным. Конверсией отношения "более прекрасный" является отношение "менее прекрасный", соответственно и конверсией отношения "более безобразный" служит отношение "менее безобразный" (Ивин 1970, с. 26).

Среди общеоценочных слов пара *хорошо* — *плохо* (соотв. *хороший* — *плохой*) занимает особое место: *хорошо* — *плохо* указывают на аксиологический параметр объекта, в то время как их аффективные синонимы не принадлежат к параметрическим словам; они не группируются в пары, которые бы можно было считать микросистемами. Выражаемые ими степени относятся скорее к "градусам" человеческих эмоций, чем к свойству объекта.

ГРАДУИРОВАНИЕ, ИНТЕНСИФИКАЦИЯ, ОТРИЦАНИЕ

Градусы (отметки на шкале) и градуирование являются взаимодополнительными понятиями. Проблема градуирования и способов его выражения, столь популярная в современной лингвистике, была наиболее досконально изучена на материале английского языка Д. Болинджером (Bolinger, 1972, ср. также: Еськова, 1955, с. 481 и сл.; параметр *tagh* в модели "смысл — текст" и др.). Д. Болинджер стремился показать, что функционирование языка одновременно ведет к упрочению его структуры и к ее дестабилизации. "Структура — это попытка разрешения не-

разрешимого конфликта: как только на одном участке ее достигается равновесие, на другом оно утрачивается <...> Градуированные слова свидетельствуют против представлений о языке как о строгой системе. Система языка сохраняется только благодаря своим постоянным изменениям" (Bolinger, 1972, p. 18—19). Скалярные значения одновременно стремятся и к упорядоченности и к нарушению порядка (о семантике градуирования см.: Bierwisch et al., 1984).

Болинджер разделил способы интенсификации на четыре категории, в зависимости от направления градуирования и отношения к пределу: 1) усилители (boosters), указывающие на возрастание признака в направлении к максимуму (*Он совершеннейший идиот*), 2) усреднители (compromisers), передвигающие значение в направлении к центру и допускающие иногда двоякую (в сторону усиления и уменьшения) интерпретацию: *Он довольно способный ученик, Они остались весьма довольны*, 3) уменьшители (diminishers), указывающие на убывание признака (*Он мало расположен к спору*), 4) минимизаторы (minimizers), передвигающие значение к нижнему пределу и граничащие с отрицанием (*Он совсем приуныл*). Движение в направлении убывания признака маркируется двумя типами интенсификаторов — уменьшителями и минимизаторами. В последнем случае речь идет преимущественно о значениях, для которых Ю.Д. Апресян выделил в качестве теста способность сочетаться с наречием *совсем* (*совсем маленький, совсем низенький*). Ю.Д. Апресян отметил в этой связи асимметричное устройство шкалы, которая в одном направлении мыслится как предельная, а в другом — как не имеющая предела (Апресян, 1974, с.65—66).

Движение в направлении возрастания признака маркируется, по Болинджеру, только одним видом интенсификаторов — "усилителями". Между тем здесь могут быть выделены и "максимизаторы", указывающие на приближение признака к пределу, его нарастание "до упора" (о концепте предела см. Бондарко 1986). Для максимального предела характерно обозначение модальными усилителями: *сделать работу как нельзя лучше, бежать как можно быстрее, сдать экзамены по возможности хорошо* (подробнее см.: Еськова, 1955, с. 441—442). Если речь идет о цели, то употребляется компаратив (*Он старался писать как можно правильнее и яснее*). Когда имеется в виду уже осуществленное или осуществляющееся действие, то предпочтение отдается позитиву при глаголе *мочь* (*Он написал письмо сколько мог ясно и правильно, Мы бежали как только могли быстро*), но сохраняется компаратив при *нельзя* (*Он принял нас как нельзя лучше*). Другая черта максимизации признака состоит в том, что максимум определяется индивидуально для каждого случая, то есть предел обусловлен прагматическими условиями актуализации слова.

Модальный способ фиксации рубежа применим и к минимизации признака: *Он старался говорить как можно тише* = как можно менее громко. Выбор верхнего или нижнего края зависит от того, что лучше. Это легко понять: ведь речь идет о целенаправленном действии, а человек стремится к тому, что он считает для себя благоприятным. Поэтому естественно сказать *Убери комнату как можно чище*, но трудно найти не иронический контекст, в который было бы уместно включить вы-

ражения как можно грязнее, как можно хуже, как можно противней и пр. Если все же ситуация стремления к худшему возникает, она относится больше к "кажимости", чем к существу дела, и это обычно оговаривается: *Я нарочно старался быть как можно бестолковее* (Достоевский) (пример из: Еськова, 1955, с. 442).

Модальные пределы ограничены в своем применении человеческими действиями, которым они придают аксиологическую характеристику. Нанесение на градационную шкалу "пиков" субъективных возможностей связывает ее с прагматикой речи. В исследовании И.В. Червенковой, использовавшей понятие лексических функций модели "смысл — текст", количественные детерминаты различаются по их отношению к норме, пределу и окказиональной точке отсчета (нужной норме). Каждой из этих категорий соответствует особым образом организованная шкала градуирования. Ситуативная норма вносит в понятие градации модальные значения необходимости и желательности. И.В. Червенкова подробно проанализировала детерминанты предельной меры признака в русском языке (Червенкова, 1975).

Предлагались и другие классификации интенсификаторов. Так, Т.Н. Григоренко различает интенсификаторы шкалы степени, определяющие уровень развития признака и связанные с его нарастанием или убыванием, и интенсификаторы меры признака, определяющие его статическое количество (Григоренко, 1983).

Градуированные значения и градация наиболее доступны давлению прагматических факторов. Поэтому система градуированных значений, как отмечалось Болинджером, находится в состоянии непрекращающейся реорганизации. Этим отчасти объясняются и различия в используемых для ее описания схемах. Прагматизованность способов представления значений, входящих в скалярно-антонимический комплекс, а также всей сферы компаративной и градуируемой семантики, создает, с одной стороны, конкуренцию форм, выражающих одну меру признака (Князев, 1980, с. 85), а с другой — несопоставимость многих форм по степени выражаемого ими качества. Сопоставление всякий раз порождает несопоставимость. Обращение к произвольно градуируемым значениям одновременно показывает и организующую и разрушительную силу прагматики. Остановимся более подробно на разрушительном эффекте прагматических факторов. Произвол в выборе точки отсчета при обозначении признака, использование фигур речи (литоты и гиперболы), подчиненность высказываний правилам вежливости, требующим избегать категоричности, присутствие эмоциональных, экспрессивных и оценочных коннотаций нарушают организацию параметрических определений в общий скалярный ряд. "Градационные слова, — замечает Д. Болинджер, — свидетельствуют против представлений о языке как о строгой и неукоснительной системе" (Bolinger, 1972, p. 19).

Таким образом, основная сложность в организации значений, входящих в скалярно-антонимические комплексы, создается тем, что они складываются под действием таких механизмов как сравнение, измерение и оценка. С.О. Карцевский писал в этой связи: «В обиходном языке "сравнить" — значит выразить свое отношение, "оценить", "измерить", руководствуясь нашими чувствами и нашими страстями. В области срав-

нения конфликт между интеллектом и чувством дает о себе знать чрезвычайно поучительным образом. Это — еще один довод в пользу учения Шарля Балли» (Карцевский, 1976, с. 112).

Представление о порядке предполагает, что каждой лексической единице, относящейся к данному параметру, может быть отведено собственное место на градационной шкале. Однако в языке действуют механизмы как бы специально предназначенные для того, чтобы смешать градационный строй. К их числу относятся: 1) наличие особых лексических единиц (в том числе гипохористик), часто снабженных экспрессивными (выражающими впечатление) и эмотивными (выражающими переживание) коннотациями; 2) сочетаемость "сближающих" интенсификаторов с поляризованными значениями (антонимами), ср. *слишком узкое отверстие и недостаточно широкое отверстие, довольно узкий и не слишком широкий, узковатый и широковатый*; 3) наличие отрицания при одном из антонимов (ср.: *не узкий и широкий*); 4) наличие отрицания при обоих антонимах (ср.: *не худ и не толст, не слишком худ и не очень толст*).

На перечисленные объективные факторы налагаются субъективные, чисто психологические механизмы, связанные с прагматическими задачами: смягчением утверждения (*understatement*) или его усилением (*overstatement*). Рассмотрим подробнее те ситуации, которые возникают под действием перечисленных механизмов.

1. Введение в общий ряд отдельных, как бы стоящих особняком лексических единиц затрудняет выстраивание параметрических определений по ранжиру. Едва ли можно с уверенностью сказать, какое здание больше — *громадное* или *огромное*. Столь же трудно определить, какая дырка меньше — *крошечная* или *малюсенькая*. В речи эти прилагательные никогда не ставятся в отношении сопоставления и противопоставления. Высказывание *Москва — огромный город* не может вызвать ни уточняющую реплику, ни возражение, в которых были бы использованы прилагательные *громадный* или *колоссальный*. Там, где говорящий передает свои впечатления, такие понятия как мера и измерение теряют свой точный смысл: градусы эмоционального напряжения и экспрессии расстраивают скалярный строй, но отношение к средней норме, не стимулирующей ни эмоций, ни впечатлений, остается.

Сказанное касается и сочетаемости с интенсификаторами-одиночками. Едва ли можно сопоставить по стремительности *немыслимо бурный поток* и *невероятно бурный поток*.

2. Употребление сближающих интенсификаторов с антонимами, вызванное либо различием в позиции наблюдателя (*недостаточно узкий и слишком широкий*), либо прагматическими задачами (*совсем не плохой и довольно хороший*) создают "вялую" синонимию, члены которой не могут быть ни полностью отождествлены по месту на градационной шкале, ни расставлены по разным местам. Трудно определить, кто умнее (или глупее?): тот, кто *совсем не глуп (далеко не глуп, очень даже не глуп, вовсе не так глуп)* или тот, кто *довольно умен (весьма умен)*. Любопытно, что апелляция к "неглупости" делается обычно с усиливающей положительную оценку одобрительной ин-

тонацией, а характеристика через "достаток ума" (*довольно умен*) нередко произносится с унылой интонацией допущения, полусогласия. В первом случае интонация имеет компенсирующую, а во втором девальвирующую функцию.

3. Отрицание при одном из антонимов не ведет к его полной синонимизации с противопоставленным значением в параметрических парах: *большая комната* больше, чем та, о которой говорят, что она *не мала*; тот, кто *не худ*, хоть немного хуже того, кто *толст*, а *не толстый* человек все же толще, чем *худой*. Отрицание поляризованного значения имеет достаточно определенное место на градационной шкале. Оно используется для указания на усредненную меру параметрического признака: *не худ* значит 'не худ и не толст'. Отрицание снимает противопоставление и "сводит" поляризованные значения в зоне нормы, в которой они, однако, сохраняют различия по мере признака.

Отрицание при одном из поляризованных значений в случае эквивалентной антонимии, в которой норма идентифицируется не со средней частью шкалы, а с ее половиной, перемещает значение в противоположную часть шкалы и на этом участке производит сближение: *не глупый* приближается по значению к *умный*, а *не умный* практически всегда относят к глупому человеку. Синонимизация значений оказывается более продвинутой: *не худ* \neq *толст*, *не толст* \neq *худ*, *не глуп* \approx *умен*, *не умен* \approx *глуп*.

И в том и в другом случае негативизация одного из антонимов сохраняет скалярное различие, заданное исходным значением (тот, кто не велик, больше того, кто мал), семантическая оппозиция снимается и оба прилагательных (отрицательное и положительное) обозначают качество, находящееся по одну и ту же сторону от нормы. Поэтому, как отметил Гивон, и можно сказать *Она мала ростом, да и он тоже не высок* (*She is small, and he is not big either*), *Он умен, да и она тоже не глупа* (*He is wise, and she is not unwise either*) (Givon, 1970, p. 817—818). Раз негативизация одного из антонимов устанавливает между ними отношения, близкие к синонимии, можно полагать, что синтаксическое отрицание нейтрализует имплицитно содержащееся в значении прилагательного лексическое отрицание. Так обычно и считается.

В связи с этим возникает вопрос: в каком из антонимических прилагательных, взятых в их позитивном значении, заключено отрицание. В случае отношений привативной оппозиции выбор "носителя отрицания" автоматически влечет за собой и выбор немаркированного члена оппозиции, а также того члена, который задает соответствующий параметр (им является маркированный член оппозиции). Отрицание, таким образом, совпадает с немаркированностью, а параметр, напротив, связывается с представлением о маркированном члене антонимических отношений. Это последнее положение распространяется и на эквивалентные оппозиции. Вопрос о "внутреннем отрицании" обсуждался многими авторами (необходимые сведения по этой теме содержатся в: Апресян 1974, гл. 6; там же обсуждают-

ся вопрос о семантической простоте/сложности параметрических антонимов: семантически более сложными признаются прилагательные со значением малого полюса; иными словами, вопрос решается в пользу антонимов, содержащих отрицание, а не отрицаемый признак, см. с. 302—303). Приведем вариант рассуждения, принадлежащий Т. Гивону, отчасти потому, что он не попадал в фокус внимания. Гивон основывается в решении этого вопроса на алгебраических свойствах некоторых синтаксических конструкций. В применении к общеоценочным прилагательным это выглядит следующим образом (Givón, 1970, с. 819):

Хорошо быть хорошим, так что будь хорошим = $(+ X + = +)$,

Плохо быть плохим, так что будь хорошим = $(- X - = +)$,

Плохо быть хорошим, так что будь плохим = $(- X + = -)$,

Хорошо быть плохим, так что будь плохим = $(+ X - = -)$.

Если бы отрицание было приписано позитивному члену пары, то алгебраическое правило было бы нарушено: плюс на минус дал бы плюс. Отрицание, следовательно, заключено в прилагательном *плохой*, что вполне согласуется и с интуицией, и с наименованием этого оценочного полюса. Можно согласиться с Гивоном и другими авторами в том, что отрицание скрыто в прилагательном *плохой*. Однако отклонения от нормы заметны и воспринимаются как отличительные признаки предмета (которые в этом случае желательно устранить). Именно они, как уже упоминалось, фиксируются лексическими средствами, тогда как пункты совпадения с аксиологической нормой не всегда имеют специальные обозначения. Отсутствие оказывается более лексически значимо (активно), чем наличие комплектного (то есть входящего в норматив) признака.

Вместе с тем позитивный полюс оценки (как и большой полюс параметрических прилагательных) принято считать маркированным членом поляризованных значений, ссылаясь на то, что с ним соотносится название всего параметра (длина, ширина, высота, глубина). В применении к общеоценочным прилагательным маркированность позитивной оценки подтверждается такими английскими вопросно-ответными парами, как: *How good is it?* — 1) *Very good*, 2) *Very bad*; *How bad is it?* — *Very bad* (но не *Very good*) (Givón, 1970, p. 817). Вопрос, построенный на прилагательном положительной оценки, может получить как положительный, так и отрицательный ответ. Вопрос же, построенный на отрицательной оценке, может получить только аксиологически соответствующий ему ответ.

4. Отрицание обоих поляризованных значений может обернуться как инверсией отношения, так и семантической аппроксимацией.

Если антонимы лишены оценочных коннотаций, то их отрицания ведут к сокращению разделяющего их семантического расстояния. Высказывания *Дом не велик* и *Дом не мал* могут характеризовать один и тот же дом, воспринимаемый на одном и том же фоне других строений. Выбор разной точки отсчета будет свидетельствовать о разнице в ожидании или каких-либо других различиях прагматического плана. Отрицание антонима получает, как отмечалось, значение средней величины, нормы.

Однако если речь идет о полярных оценках или прилагательных, снабженных оценочными коннотациями, то отрицание инвертирует антонимы, это согласуется с тем, что на аксиологической шкале норма занимает не срединную, а фланговую часть. Все то, что не хорошо, хуже, чем то, что не плохо. Если говорят, что человек не умен, то это может значить, что он глуп, а если утверждают, что он не глуп, то это свидетельствует скорее о наличии ума, чем об отсутствии глупости: формы *не глуп* и *не умен* указывают на то же соотношение признаков, что *умен* и *глуп*, но в смягченном виде. При отсутствии оценочных коннотаций выбор отрицательной формы подчинен семантической цели — уточнению меры признака; при наличии оценки (особенно негативной) выбор отрицательной формы отвечает прагматической задаче — желанию избежать категоричности утверждения, смягчить оценку. Делая скидку на прагматический фактор, адресат склонен интерпретировать отрицание положительной оценки как оценку со знаком минус (*не умен*), а отрицание негативной оценки — как оценку со знаком плюс (*не глуп*).

Отрицание эмоционально окрашенных оценочных квалификаций практически не используется. Такие прилагательные, как *великолепный*, *чудесный*, *изумительный*, *мерзкий*, *отвратительный*, не употребляются в "самозначимых" отрицательных предложениях. Прибегая к этим прилагательным, говорящий намеренно поляризует оценку. Поэтому смягчать экстремальность позитивной оценки отрицанием оценки негативной или, наоборот, вуалировать негативную оценку через отрицание позитивной не в его интересах. Его задача состоит в том, чтобы "пережать", а не "недожать".

Эмоционально-оценочные прилагательные употребляются с отрицанием только в диссонансном диалоге, в котором они имеют цитатный характер, т.е. отрицается чужое мнение: — *Это замечательный фильм. — А по-моему, совсем он не замечательный, а весьма посредственный*; — *Бред, — фыркнул Валентин. — Абракадабра.. — Не бред, а прелесть, — возразила Таня* (Ю. Бондарев). Отрицание сопровождается контрастом. Показательно, что эмоционально-оценочные прилагательные на сливаются с отрицанием; нет таких форм как **незамечательный*, **неотвратительный*, **непревосходный* и **немерзкий*. Отрицание в этом случае не получает собственного значения на градационной шкале, т.е. не семантизуется.

Однако, как бы ни смещались отношения между "силой" значений, относящихся к одному параметру объекта, они обычно не утрачивают ориентации на ту или другую точку отсчета. Не будучи между собой соотносительными, параметрические значения все же остаются относительными.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОПЕРАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДПОЧТЕНИЯ (ОП)

Налево беру и направо,
И даже, без чувства вины,
Немного у жизни лукавой,
И все у ночной тишины (А. Ахматова)

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ОП

Употребление высказываний в определенных жизненных ситуациях составляет мощный фактор формирования синтаксических структур и их дифференциации. Этот тезис подтверждается не только высказываниями, в которых коммуникативное задание выражено грамматическими средствами (ср. вопросительные и побудительные предложения), но и другими, менее очевидными, типами предложений. Так, под воздействием прагматического фактора от массы предложений, выражающих ценностное сравнение и пользующихся компаративами общей оценки *лучше* и *хуже*, отделились и развили своеобразную систему форм предложения со значением действенного, или *операционального*, предпочтения: *Лучше поехать (лучше поедем, лучше я поеду, лучше поезжай, лучше пусть он поедет) на поезде, чем лететь самолетом; Лучше, чтобы ты поехал на поезде, чем на самолете; Лучше, если ты поедешь на поезде, чем на самолете*. Новая система форм реорганизовала стандартные грамматические отношения.

Операциональное предпочтение противопоставляется неоперациональному (non-operational choice), рассматриваемому как некоторое психологическое состояние, склонность натуры, выявляющаяся в ответах на праздные вопросы типа *Что ты больше любишь (предпочитаешь): отдыхать на море или в горах?* Приведем пример неоперационального предпочтения: — *Какой веселенький ситец!* — воскликнула во всех отношениях приятная дама, глядя на платье просто приятной дамы. — *Да, очень веселенький. Прасковья Федоровна, однако же, находит, что лучше, если бы клеточки были поменьше, и чтобы не коричневые были крапинки, а голубые*" (Гоголь). ОП — это сознательный выбор (preferential choice), устраняющий альтернативы и программирующий действия. Признак обдуманности (взвешенности плюсов и минусов) противопоставляет решение жеребьевке и выбору наобум (random choice) (Houthakker, 1965). Выбор предваряет поступок. Предложения ОП составляют конечное звено в цепи практического рассуждения. Человек принимает решение и может перейти к его претворению в жизнь. Вот пример такого рассуждения: *Оставшись один, он (Плюшкин) даже подумал о том, как бы ему возблагодарить гостя за такое, в самом деле, беспримерное великодушие. "Я ему подарю, — подумал он про себя, — карманные часы; <...> Или нет, — прибавил он после некоторого размышления,*

— лучше я оставляю их ему после моей смерти, в духовной, чтобы вспоминал обо мне” (Гоголь).

Приведенный текст показывает, что даже собственные доводы, не всегда могут сломить склонность собственной натуры, а операциональное предпочтение часто подсказывается “неоперациональным” состоянием психики, а не формируется в ходе практического рассуждения.

Первый из приведенных фрагментов — диалог, второй отражает внутреннюю речь, но и она по сути своей диалогична, как диалогично и практическое рассуждение. Ниже мы будем иметь случай убедиться, что наиболее естественная для предложения ОП среда — это диалог или диалогизированный текст.

Предложения ОП базируются на аксиологической связке-компаративе, которая соединяет между собой пропозиции, представленные в развернутом или свернутом виде. Иными словами, сопоставляются объекты фактообразующего типа. Поскольку, однако, в предложениях ОП речь идет о будущих действиях, и они часто обозначаются инфинитивом, фактообразующий характер сравниваемых объектов не столь очевиден и ярок, как в *то-что-конструкциях*.

Пропозициональная связка *лучше* в предложениях ОП наиболее близка к аксиологическому предикативу *хорошо бы*, сочетающемуся с инфинитивом (или его эквивалентами) и выражающему значение желания или желательности: *Хорошо (бы) пойти сейчас в лес; Хорошо, если ты придешь во-время; Хорошо, чтобы ты помолчал; Хорошо бы съесть что-нибудь вкусное. И хорошо бы и лучше (бы) относиться к событиям плана будущего*. Употребляются же они по-разному. Сопоставление условий их использования поможет выявить специфику предложений ОП, с одной стороны, и показать тесную связь механизмов, речеобразования с категориями психики — с другой.

Отношения между *лучше*-предложениями и конструкциями, содержащими положительную степень оценочного слова, асимметричны уже постольку, поскольку компаратив открывает добавочную синтаксическую валентность. Но они асимметричны и в своем функционировании. Хотя положительная степень (*хорошо бы* желательности) несет в себе намек на сравнение, условия употребления позитива и компаратива различны. Различия между *хорошо (бы)* желательности и *лучше* заключаются в следующем. Предикатив *хорошо (бы)*, оценивая некоторое положение дел как желаемое или желательное, сопоставляет его с отсутствием данной ситуации. Иных сопоставлений он не допускает. Мотив желательности события формулируется через указание на отрицательные следствия его неосуществления: *Хорошо, если ты выступишь, в противном случае можно ожидать плохого результата голосования; Хорошо бы отдохнуть, а то еще далеко идти*.

Выражая желание или желательность, *хорошо (бы)* может относиться к ситуациям, независимым от воли человека: *Хорошо, если дождь пойдет*.

Компаратив *лучше* в предложениях ОП относится преимущественно к ситуациям, создаваемым волей и действиями человека, и может сопоставлять не только логически несовместимые (наличие и отсут-

ствие), но и любые фактически исключаящие друг друга положения дел: *Лучше провести вечер дома, чем в гостях*.

Хорошо бы может выражать автономное от воли желание, а *лучше* — автономную от желания волю. Не связывая себя с волей и действием, желание может стать мечтательным. Оно в таком случае выражается позитивом *хорошо бы*, но не компаративом *лучше бы*. В планах Манилова, отражающих мечтательное желание, но не намерение, *хорошо бы* нельзя поменять на *лучше бы*, хотя в контекстах, в которых термин сравнения не выражен, допустим и позитив и компаратив: *Хорошо (лучше), если ты все таки уйдешь; Хорошо бы (лучше бы) сейчас пообедать*. Маниловское желание (проектирование) строится на *хорошо (было) бы*: "*А знаете, Павел Иванович, — сказал Манилов, которому очень понравилось такая мысль, — как было бы в самом деле хорошо, если бы жить эдак вместе, под одною кровлею, или под тенью какого-нибудь вяза пофилософствовать о чем-нибудь, углубиться!*" (Гоголь). Если бы Манилов сказал *Было бы лучше нам жить вместе*, то такое высказывание не было бы маниловским. Оно заключало бы для Чичикова угрозу совместной с Маниловым жизни. Еще более опасными были бы предложения типа *Лучше нам жить вместе*.

Итак, *хорошо бы* — знак желания; а *лучше (бы)* — знак воли. Первое сопоставляет наличие и отсутствие некоторой ситуации, ведь человек хочет того, чего нет, и недоволен тем, что есть; второе сопоставляет любые альтернативы, то есть взаимоисключающие возможности, из которых следует произвести выбор. Это заметно и в интонации высказываний, построенных на *хорошо бы* и *лучше (бы)*. В первых ослаблена акцентуация, они допускают растягивание; вторые произносятся с сильным акцентом и энергично. Высказывания, входящие в контекст жизни, интонационно маркированы. На это обратил внимание М.М. Бахтин: "Такие речевые явления как приказания, требования, заповеди, запрещения, обещания (обетования), угрозы, хвалы, порицания, брань, проклятия, благословения и т.п., составляют очень важную часть внеконтекстной действительности. Все они связаны с резко выраженной интонацией, способной переходить (переноситься) на любые слова и выражения, не имеющие прямого значения приказания, угрозы и т.п." (Бахтин, 1979, с. 366).

В предложениях, относящихся к плану будущего, частица *бы* при позитиве есть знак желания, а при компаративе она чаще служит целям смягчения категоричности побуждения или "решительности" решения; ср.: *Хорошо бы тебе уйти, Хорошо бы сейчас отдохнуть* и *Лучше бы тебе уйти, Лучше бы сейчас отдохнуть*. При *хорошо* в значении желания она обязательна, если далее следует инфинитив, при *лучше* — факультативна.

Формы прошедшего времени позитива служат прагматическим целям смягченного выражения желания. Они не могут относиться к прошлому: *Хорошо было бы (сейчас) отдохнуть; Хорошо было бы (завтра) закончить статью; Хорошо было бы, чтобы ты тотчас оставил меня в покое*. Такие предложения интерпретируются в актуальном смысле. Тогда, когда *хорошо бы* и *хорошо было бы* выражают жела-

ние, а не рациональную оценку, они обычно употребляются в прямой речи и очень тесно связаны с определенной интонацией (фонацией). Перевод прямой речи в косвенную речь возможен, но не кажется естественным: *Хорошо бы соснуть часок* → *Он сказал, что хорошо бы (ему) соснуть часок*. Такое предложение воспринимается как несобственно прямая речь. Описывая "чужую" ситуацию желания, обычно употребляют глагол *хотеть*: *Он сказал, что хотел бы (хочет) соснуть часок*. "Хорошо бы" выражает желание говорящего, это его значение прагматично, оно поддержано ситуацией речи и интонацией. Выражение желания отвлечено от вероятности его исполнения, и это со всей очевидностью демонстрируют маниловские "хорошо бы". Желаемая ситуация может быть и исполнимой и самой невероятной. В первом случае желание может перейти в намерение, во втором оно вырождается в пустую мечту.

Итак, *хорошо бы* — выражает желание говорящего, и это настолько ясно, что нет нужды указывать на субъект желания. Более того, это и не всегда возможно; ср.: **По мне (для меня) хорошо бы отдохнуть сейчас* и *По мне (для меня, по-моему) лучше бы сейчас отдохнуть*. Очень редко говорят: *Я думаю (считаю), что хорошо бы нам (тебе) сейчас отдохнуть*. Такое употребление выражает скорее мнение, чем желание и *хорошо бы* здесь вторгается в область функционирования *лучше (бы)*. *Хорошо (было) бы* относится только к будущему, выражает желание автора речи, не нуждается поэтому в указании на субъект желания и избегает выраженного модуса полагания; оно не имплицитно подразумевает осуществимости желания.

Компаратив *лучше* ведет себя иначе. Прошедшее время (*было бы лучше*) может относиться и к будущему и к прошлому ирреальному: *Было бы лучше тебе не вступать в дискуссии, Лучше было бы ему не ехать с визитом*. Такие предложения могут в равной мере интерпретироваться как совет на будущее или как урок на будущее, извлеченный из печального опыта. Прошедшее индикатива (*было лучше*) в значении предпочтения не употребляется. Можно лишь подтвердить правильность сделанного выбора, сказав *Так было лучше*.

Выражая мысль о целесообразности той или другой линии поведения, предложения с *лучше (бы)* употребляются в ситуации реальности (выполнимости) обеих альтернатив: *лучше (бы)* не может стать знаком пустой мечты, но может стать знаком отчаяния, толкающего человека к худшему: *Лучше смерть, нежели зол живот* (см. ниже). Мнение о предпочтительности может принадлежать не только говорящему, но и другому лицу. Предложения косвенной речи, а также высказывания с эксплицитным модусом полагания для *лучше (бы)* вполне нормальны: *Он сказал, что, по его мнению, лучше не вступать в спор; Я думаю (считаю, полагаю), что лучше не торопиться*.

Таким образом, *хорошо (бы)* и *лучше (бы)* различны по своей дистрибуции. Они обладают, по выражению Ю.С. Степанова, "длинной" семантикой (Степанов, 1981, с. 257 и след., см. также: Булыгина, 1980, Николаева, 1985, с. 105 и след.), обнаруживающей себя в грамматической характеристике контекста. При этом различия между *хорошо (бы)* и *лучше (бы)* определяются не их прямым смыслом, и не

различием в их грамматическом значении, а человеческим и прагматическим факторами, то есть связанностью с разными психологическими механизмами и ситуациями употребления. И те и другие оказываются сильнее абстрактной грамматической системы. Точно так же как интонация пересиливает лексическое значение и способна изменить его на обратное, механизмы психики и цели употребления легко разрывают системные отношения.

Ни *хорошо (бы)*, ни *лучше (бы)* не имплицитно с необходимостью положительной оценки желаемой или избираемой ситуации. В первом случае это связано с тем, что желания часто идут вразрез и с пользой и с нормами этики; во втором это вытекает из частой необходимости выбирать из числа ущербных альтернатив. Следующие высказывания не содержат противоречия: 1) *Хорошо бы съездить чего-нибудь острого. Плохо будет, однако, если я это сделаю: печень заболит* (ситуация "хочется, да колется"); 2) *Лучше все-таки поехать в Пятигорск, чем в Цхалтубо, хотя и это не сулит ничего хорошего* (ситуация выбора меньшего из двух зол). Даже если возводить пропозициональное употребление компаратива *лучше (бы)* к употреблению позитива *хорошо (бы)* в значении желательности, то фактор сравнения ситуаций, присутствующий в первом случае и отсутствующий во втором, оказал настолько сильное воздействие на значение и форму конструкций с *лучше (бы)*, что позитив и компаратив утратили связывающие их в языке системные отношения.

Прагматика в одно и то же время и формирует синтаксические структуры и разрывает сложившиеся в языке отношения между формами слов. Прагматика — друг синтаксиса, но она враг морфологии. Она расшатывает отношения между синтаксисом и морфологией. Она вырабатывает синтаксические конструкции вне зависимости от системного значения морфологических форм и даже в известной мере вне зависимости от их лексического содержания.

Значение предложений ОП сформировалось прежде всего под давлением "фактора выбора". Наличие выбора из ряда альтернатив толкает человека на ценностное сравнение. В этом пункте прагматическая ситуация не только повлияла на структуру предложений ОП, но она как бы "вошла" в них, придав им определенную семантическую характеристику. Альтернативы (или, как сказал бы логик, возможные миры) сравниваются с точки зрения того, что лучше и что хуже. Такого рода сравнения проявляют ценностный аспект у тех мелких и повседневных дел, которые вне ситуации выбора обычно не служат предметом оценки.

Человек никогда бы не стал задумываться над ценностью обыденных частностей жизни, если бы постоянно не наталкивался на "развилки". Выбор требует мотивировки. Ее обычно ищут в практической целесообразности, удобстве, легкости, надежности, желанности и прочих частных оценках. Однако в итоге используется общеоценочный компаратив *лучше*, который служит не только знаком выбора, но заключает в себе обобщенный мотив действия: *Я тебе советую поступить так, потому что так лучше*. Общая оценка есть конечный результат суммирования и сравнения частных оценок и было бы

неразумно в ситуации выбора ссылаться лишь на частные достоинства и дефекты объекта. Не указав в какую сторону склонились весы, нельзя сделать выбора. Этим определяется исключенность компаратива *лучше* из большинства синонимических связей. Вместо *лучше* не могут быть поставлены такие его словарные синонимы, как *великолепнее, замечательнее, превосходнее* и др., окрашенные в эмоциональные тона. Можно сказать *Лучше, чтобы ты ушел (тебе уйти, если ты уйдешь)*, чем мешать всем, но не **Великолепней (прекрасней, замечательней) тебе уйти (если ты уйдешь), чем мешать всем*.

В инфинитивных конструкциях общеаксиологический компаратив может замещаться словами частной рациональной оценки: *Лучше (полезней) есть фрукты, чем глотать витамины в пилюлях; Лучше (целесообразней, разумней) выехать завтра утром, чем сегодня вечером*. Однако такое замещение не охватывает всех форм предложений ОП: **Лучше (полезней) ешь фрукты, чем витамины в пилюлях; *Лучше (целесообразней) выедем завтра утром, чем сегодня затемно*. Несовместимость с императивом свидетельствует о том, что предложения частной рациональной оценки не относятся к разряду предложений ОП. Они не выражают ни предпочтения, ни решения, ни побуждения к действию, рациональная оценка только констатирует наличие преимуществ одного способа действия над другим. Можно сказать *Конечно полезней есть фрукты, чем глотать витамины, но фруктов сейчас нет и приходится довольствоваться ундевитом*. Высказывание же *Лучше есть фрукты, чем глотать ундевит* обычно используется в ситуации открытости обеих альтернатив. Поэтому такое предложение произносится с волевой интонацией, нехарактерной для предложений частной рациональной оценки. Значение ОП, выражающего выбор, прочно закреплено за *лучше*-предложениями.

Выбор из ряда путей, открывающихся перед человеком (направо пойдешь — в яму упадешь, а налево пойдешь — на медведя набредешь), смоделирован в таком искусственном виде деятельности как игра. Игра задает правилами ряд возможностей, но подобно жизни, подчиняющейся многочисленным ограничительным законам, допускает реализацию лишь одной из них. Удачность или неудачность хода, т.е. правильность выбора, предопределяет результат игры — ее конечную цель — выигрыш или поражение. Если каждое промежуточное игровое действие выбирается из ряда возможностей, то конечная альтернатива игры, ее исход образован двумя четко противопоставленными, полярными ситуациями. Выбор хода основан на предвидении или расчете; делая его, человек программирует будущее, формируемое не только известными ему факторами, но и действием неведомых сил. Всякий ход — это риск. Принимая решение, игрок всегда взвешивает шансы на достижение цели. Вероятностная оценка составляет важный компонент выбора. Жизнь часто сравнивают с игрой, хотя на самом деле как раз игра создана по образцу определенной стороны жизни. Она представляет собой ее реализованную абстракцию, получившую квази-практическое (спортивное) назначение. В игре, как и в жизни, оценка обусловлена существованием неравноценных альтернатив в цепочке целенаправленных действий.

Итак, прагматическая ситуация, в которой используются предложения ОП, характеризуется следующими чертами: 1) наличием альтернатив, 2) их отнесенностью к плану сознательных (целенаправленных) человеческих действий, 3) их неравноценностью, 4) их фактической несовместимостью (дизъюнктивностью), 5) их обращенностью к будущему, 6) зависимостью их осуществления от воли человека, 7) необходимостью выбора одной из них и отклонения другой, 8) обоснованием выбора путем ценностного сравнения альтернатив, т.е. суммарным сопоставлением плюсов и минусов каждой альтернативы, 9) принятием решения или советом.

Прагматический контекст сказался на структуре оценочных сравнений: предложения ОП (или *лучше-предложения*) выделились в особый синтаксический тип, обладающий рядом вариантов. Предложения ОП отличны не только от других видов ценностных сравнений, но и от предложений, в которых говорящий объективно констатирует преимущество одного объекта (предмета или положения дел) над другим, то есть от предложений предпочтения (ценностного сравнения) в том широком смысле этого термина, который придается ему в логике.

Перечисленные выше черты создают концептуальный контекст, в который входят предложения ОП, и, соответственно, программу того текста, в котором отражается ситуация принятия решения или совета. Приведем образец такого текста: *У скупого богача болел сын. Люди сказали: — Мы советуем тебе ради его исцеления коран почитать или же овцу в жертву принести. Богач погрузился на некоторое время в раздумье, а потом сказал: — Лучше почитать коран, ибо стадо далеко. Некий благочестивый человек, услышав это, воскликнул: — Он отдал предпочтение чтению корана потому, что коран у него на кончике языка, а золото — в средоточии души* (Саади). В тексте опущено только одно звено: *"У скупого богача болел сын. (Он не знал, как быть, и обратился к людям за советом)."* Но оно самоочевидно и не нуждается в экспликации.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕДЛОЖЕНИЙ ОП

Предложения ОП мыслятся как ответ на вопрос о будущих действиях, содержащий дизъюнкцию. *Что лучше: почитать коран или овцу в жертву принести? Что тебе дать: хлеб или пирог? Как мне лучше поступить: принять это предложение или нет? Мне лучше уйти или можно остаться?* (Родригес). *Породничий: Как вы намерены, в своем экипаже или вместе со мною на дрожках? Хлестаков: Да я лучше с вами на дрожках* (Гоголь). И вопрос и ответ могут базироваться только на восходящем компаративе *лучше*. В наши намерения не входит вести себя "как хуже". Поэтому мы спрашиваем и советуем не как нам хуже поступить, а как нам поступить *лучше*.

Вследствие этого конверсия отношений, характерная для сравнительных конструкций (ср. *Пирог лучше хлеба* и *Хлеб хуже пирога*) в применении к предложениям ОП не выполняется: *лучше* и *хуже*

конверсивы только в лексической системе языка, но не в их речевом употреблении. Уже самый первый взгляд на их функционирование обнаруживает различия в дистрибуции. Можно сказать *Лучше сделать это тебе, чем мне*, но не **Хуже это сделать мне, чем тебе* или **Тебе это сделать хуже, чем мне* (при этом, что другие компаративы в аналогичных условиях допускают конверсию, ср. *Тебе сделать это труднее, чем мне* и *Мне это сделать легче, чем тебе*).

Асимметрия в употреблении *лучше* и *хуже* является прямым следствием связи предложений ОП с альтернативой и выбором, знаком которого может служить *лучше*, но не *хуже*. Компаратив *лучше* вводит в фокус то, что следует выбрать и осуществить, а не то, чего лучше избежать.

Хотя в собственно сравнительных предложениях конверсия отношений выполняется, но и в этом случае естественней ставить вопрос, основываясь на положительном компаративе. Чаше спрашивают *Что лучше — пирог или хлеб? Что ты больше любишь — кино или театр?* чем *Что хуже — пирог или хлеб? Что ты меньше любишь — кино или театр?* Знание того, что лучше, представляет собой ориентир в целенаправленной человеческой деятельности, и оно, поэтому, ощущается как более полезное, чем знание того, что хуже. Последнее важно тогда, когда худо может разрастись до размеров бедствия, и нужно позаботиться, чтобы его предотвратить. Это это антицель "техники безопасности".

Ответ на дизъюнктивный вопрос естественно начать с компаратива *лучше*. В большинстве случаев так и происходит. Выдвинутость компаратива в открывающую высказывание позицию отличает предложения ОП от обычных ценностных сравнений, терминами которых являются имена предметов или ситуаций. В начальной позиции *лучше* служит недвусмысленным знаком выбора (об инверсии терминов сравнения будет сказано ниже).

Когда говорят *Лучше пирог, чем хлеб*, то это высказывание может служить ответом на вопрос *Что вам лучше дать к бульону: пирог или хлеб?* Если же говорят *Хлеб лучше, чем пирог*, то такое предложение служит ответом на вопрос *Что лучше: хлеб или пирог?* Цель первого вопроса — выяснить конкретное (операциональное) предпочтение собеседника. Цель второго вопроса — выяснить вкус (неоперациональное предпочтение) адресата. Различие сохранится и в кратких ответах. Предложение ОП будет иметь форму *Лучше хлеб (чем пирог)*, а предложение неоперационального предпочтения (ценностного сравнения) — *Хлеб лучше (пирога)*. Первое предложение эллиптически в том смысле, что за именем *хлеб* скрыто положение дел (*Лучше я буду есть бульон с хлебом = Лучше с хлебом = Лучше хлеб*); во втором случае эллипсис состоит только в опущении термина сравнения, имя же обозначает сам объект — хлеб. Можно по тем или иным причинам предпочесть (т.е. выбрать) хлеб, но вместе с тем предпочитать (т.е. любить) пироги.

В предложениях ОП термин сравнения не может выражаться родительным падежом, но допускает препозицию: *Чем такая жара, уж лучше холод* (см. ниже). В собственно сравнительной конструкции

второй член может стоять в родительном падеже, но его пропозиция не допускается: **Чем хлеб, пирог лучше*, **Чем Ольга, Татьяна была задумчивей*.

Аналогичное различие относится и к сравнению двух пропозитивных (непредметных) объектов. Когда говорят *Ложь (обман) лучше правды*, то выражают мнение о предпочтительности или преимуществах одной категории сравнительно с другой. Если же скажут *Лучше ложь (обман), чем правда*, то этим выкажут намерение скрыть правду, либо оправдать ложь в тех или других конкретных обстоятельствах. Это различие особенно очевидно в сокращенных высказываниях. *Ложь лучше* свидетельствует о жизненной позиции и взглядах говорящего; *Лучше ложь* — о решении или намерении поступить соответствующим образом (например, в ситуации, когда сообщение истины, рассматриваемое не просто как речевой акт, но как поступок, равноценно предательству). Приведенные предложения различны и по интонации: первое высказывание произносится с "абстрактной" интонацией; для второго характерна "актуальная" (волевая) интонация, связывающая его с текущими делами и сближающая с перформативами, для которых тоже типична "интонация действия" (ср. выше наблюдение М. М. Бахтина). В первом случае ударен компаратив, во втором — имя (оно обозначает избираемую альтернативу), причем ударение контрастивно. Если выражается личное мнение (а не общее суждение), ударное слово произносится с модуляцией. Это приглашение к спору о вкусах. В предложениях ОП модуляция присутствует только при наличии частицы *бы*¹.

Будучи ответом на вопрос о том, как следует поступить или что следует выбрать, предложения ОП приобретают определенные коммуникативные характеристики, которые отсутствуют у обычного ценностного сравнения. Предложения ОП могут выражать как акт принятия решения, или автопрескрипцию, так и собственно прескрипцию, рекомендацию (каузацию решения). Рекомендация в отличие от запрета дает позитивную инструкцию. Предложения ОП содержат предписание в условиях альтернативы. Они используются в тех ситуациях, в которых ни на одно действие не наложено вето, а следовательно, заинтересованное лицо располагает свободой выбора.

Здесь мы хотим заметить, что обе иллокутивные силы — решение и побуждение — не случайны в предложениях ОП: и та и другая могут быть выведены из значения желательности, характеризующего предложения с предикативом *хорошо бы*, к которым наиболее близки предложения ОП. В предикативе эти значения выступают не явно, в предложениях ОП они выявлены. Ср., например: *Когда приказчик говорил: хорошо бы, барин, то и то сделать, — да, недурно, — отвечал он (Манилов) обыкновенно, куря трубку (Гоголь); Теста со вчерашнего вечера еще осталось, так пойди сказать Фетинье, чтоб спекла блинов; хорошо бы также загнуть пирог пресный с яйцом, у меня его*

¹ Эти и приводимые ниже наблюдения над просодикой сделаны С. В. Кодзасовым, которому автор выражает благодарность за дружескую помощь (использована следующая нотация: один штрих — обычное ударение, два штриха — контрастное ударение, наклонный штрих — знак падающей интонации, тильда — знак модулирования).

славно загибают, да и времени берет немного (Гоголь). В первом примере предикатив *хорошо бы* выражает ненавязчивую рекомендацию, а *недурно* — пассивное одобрение, не перерастающее в приказ; во втором примере *хорошо бы* скорее соответствует неокончательному решению. В первом случае *хорошо бы* употреблено в речи приказчика, обращенной к барину; во втором — в размышлениях помещицы Коробочки, которая не имеет намерения собственноручно загибать пирог с яйцом, а поэтому желательность распространяется на ситуацию, создаваемую "третьими лицами". Прагматический контекст "извлекает" из модуса желания согласующуюся с ним иллокутивную силу. Модус желания чреват многими производными коммуникативными целями. Последние вытекают из связи желания с волей, а воля с действием: желание относится к отсутствующим ситуациям (оно направлено на интенциональный объект); оно приводит в движение волю к достижению желаемого, воля же в свою очередь заставляет производить действия или побуждать к действию других. Устройство психологических механизмов человека не безразлично для развития иллокутивного аспекта речи, неотделимого от прагматических факторов. Функции предложений с *хорошо бы* и с *лучше (бы)* различны, но связаны между собой: то, что в первых составляет пассив, активизировано во вторых.

Изложенные соображения подтверждаются употреблением глагола *хотеть*, который может обозначать не только желание, но и намерение совершить некоторое действие, ср. *Я хочу есть* (= я испытываю желание поесть, я голоден) и *Я хочу сейчас поесть, так как потом для этого не будет времени* (= я намерен сейчас поесть). В этом втором случае говорящий апеллирует к своей воле (намерению) осуществить некоторое действие, причем воля может быть стимулирована не желанием (ощущением голода), а рассудком. Можно сказать *Я хочу сейчас пообедать, хотя и не голоден еще*. Ср. также *Я хочу, чтобы ты сейчас пообедал, мне так удобнее*. Этот пример показывает, как естественно желание переходит в намерение, и в то же время как легко намерение отрывается от желания.

Коммуникативные установки предложений ОП влияют на их структуру: глагол в них может стоять не только в инфинитиве, но также в будущем времени. Будущее время свидетельствует о принятом решении: *Лучше я пойду в театр, чем в гости (а не в гости)*; *Лучше я поеду на Памир, чем в Крым*. Будущее время появляется тогда, когда дизъюнкция снята.

Следует заметить, что и вне сочетаемости с компаративом *лучше* будущее время в первом, а иногда и других лицах может выражать акт принятия решения: *Я пойду сегодня в гости, а не на концерт* = Я решил пойти в гости, а не на концерт. Высказывание *Ты будешь сидеть дома, а не пойдешь со мной в кино* в обращении к ребенку означает "Я решил не брать тебя с собой". Такое употребление характеризуется волевой интонацией. В контексте компаратива *лучше*, оставляющего возможность изменить решение, будущее время не может быть заменено более "решительным" настоящим: **Лучше я иду в гости, чем на концерт*.

Поскольку акт решения обращен к программе будущих действий, в предложениях предпочтения не используется прошедшее время индикатива. Нельзя сказать **Лучше это сделал я, чем сделал бы ты*, ни даже **Лучше, что это сделал я, чем (сделал бы это) ты*, хотя вполне возможно, что альтернатива была решена оптимально. В этих условиях вместо предложений предпочтения прибегают к высказываниям с аксиологическим оператором *хорошо, что ...*, которые не выражают идеи обдуманного выбора и могут оценивать как поступок, так и случайное стечение обстоятельств: *Хорошо, что это сделал я, а не ты; Хорошо, что я встретил тебя, а не твою жену.*

Если же выбор не оправдал себя, то аксиологическое сравнение разрешено: *Лучше бы это сделал я, чем ты (а не ты); Лучше бы ты позвонил мне, чем приходится.* В таких предложениях второй термин сравнения относится к осуществившейся ситуации, тому, что обернулось неудачным выбором. Когда выбор сделан, претворен в жизнь и содеянное не вызывает ни раскаяния, ни сожаления, нужда в предложении ОП естественно опускается.

Итак, из числа личных форм компаратив *лучше* в предложениях ОП может сочетаться только с будущим временем; ни настоящее время, ни прошедшее с ним не соединяются.

Тогда, когда решение касается других лиц, оно выливается в прескрипцию — совет или рекомендацию. Те предложения ОП, которые заключают в себе прескрипцию, употребляются не только в инфинитиве, но и в повелительном наклонении: *Лучше уходи, чем надоедать; Лучше оденься потеплей, а то холодно; Лучше не торопись.*

Выражая решение или прескрипцию, *лучше-предложения* включают пропозицию с субъектом в 1-м или 2-м лице: *Лучше я уйду, Лучше ты уйди.* Однако прескрипция может распространяться и на третьи лица: *Лучше пусть он уйдет, Лучше пусть они уходят.* Введение *пусть* может служить знаком независимости ситуации от воли говорящего, при том, что она соответствует его желаниям: — *Да, мне пора, — произнес он <Чичиков>, взявшись за шляпу. — А чайку? — Нет, уж чайку пусть лучше когда-нибудь в другое время* (Гоголь). Такие предложения строятся по аналогии с высказываниями "абстрактного" пожелания, вообще говоря, не характерными для конструкций ОП: *Лучше уж пусть жара стоит, чем дожди.* "Лучше" является в этом случае знаком возражения, контрпредложения (см. об этом ниже).

Решение, выражаемое 1-м лицом, побуждение, относящееся ко 2-му лицу, и пожелание или прескрипция, косвенно направленная на третьи лица, объединяются в единую парадигму: *Лучше я пойду, Лучше ты иди, Лучше пусть он пойдет.*

В основе ряда коммуникативных целей, таких как приказ, распоряжение, обещание, отказ, согласие, угроза, ультиматум и некоторых других, лежит психологический акт принятия решения. Именно этот фактор определяет принципиальное различие между речевыми актами побуждения и предпочтения — с одной стороны, и правилами и нормами — с другой. Первые требуют индивидуального решения за себя или за другого, вторые, напротив, освобождают от необходимости выбирать: они ставят человека в положение адресата прескрипции (а не ее субъекта).

Даже приобретая статус пословицы, предложения ОП не выражают ни норм, ни правил (см. ниже).

Посмотрим теперь, как соотносятся глагольные формы в дизъюнктивном вопросе и в предложении ОП, служащем на него ответом.

Вопрос опирается на предпосылку неравноценности сопоставляемых альтернатив. Поэтому при компаративе не может стоять отрицания, которое бы эту предпосылку нейтрализовало. Ведь нет резона спрашивать совета о выборе, если ни одна из альтернатив не имеет перед другой никаких преимуществ. Отрицание в следующих вопросах не выражает негации: *Чем кумушек считать трудиться, Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?* (Крылов); *Но если я грежу, если это и сон обольстительный, не лучше ли сон этот бедной вашей существенности?* (Н. Полевой). Приведенные предложения составляют ответные реплики, а не просьбу о совете. В них *Не лучше ли?* означает "Лучше!"

Если вопрос необходимо базируется на предпосылке неравноценности, то в ответе может быть указано на то, что альтернативы эквивалентны. В этом случае говорят *Все равно, Безразлично, Не все ли равно?*, но не употребляют отрицательной формы предложений ОП: **Не лучше это делать тебе, чем ему, *Пойти в театр не лучше, чем остаться дома*. Однако, если в вопросе выявлено исходное предположение, то в кратком ответе на него к *лучше* можно присоединить отрицание: — *Тебе не кажется, что лучше пойти в театр, чем сидеть дома? — По-моему, несколько не лучше.*

В целом предложения ОП практически лишены отрицательного коррелята. Это относится как к дизъюнктивному вопросу, так и к ответу на него.

Дизъюнктивный вопрос, соотносительный с предложением ОП, пользуется инфинитивами. Между следующими вопросами существуют глубокие коммуникативные различия: 1) *Как ты думаешь, поступлю я в институт или не поступлю?* 2) *Как ты думаешь: поступать мне в институт или не поступать?* Первый — это вопрос о мнении, основанном на взвешивании шансов на успех, второй — просьба дать совет, то есть выразить мнение, основанное на взвешивании и сравнении преимуществ каждой из альтернативных ситуаций. Второй вопрос может включать компаратив *лучше*: *Как ты думаешь, что лучше: поступать мне в институт или нет? Как ты думаешь: лучше мне поступать или нет? Как мне лучше быть: поступать или нет в институт? Куда мне лучше поехать отдохнуть: в Крым или в Прибайкалье?*

Первый тип вопроса не может включать компаратив *лучше*. Только тогда, когда говорящий выражает намерение действовать определенным образом и ждет одобрения со стороны адресата, *лучше* допускается в вопросе: *Я лучше уйду?* Но и в этом случае естественней употребить инфинитив: *Мне лучше уйти?*

Между приведенными выше вопросами есть и еще одно различие. Оно касается вида. В (1) оба глагола поставлены в совершенном виде. Здесь речь идет о том, реализуется или не осуществится планируемое предприятие. В (2) оба глагола употреблены в несовершенном виде, так как речь идет о том, стоит или не стоит включать некоторое событие в жизненную программу говорящего. В первом случае де-

ло касается конкретного (актуального) события, во втором — гипотетического. Выбор видовой формы отвечает противопоставлению видов по актуальности (конкретности)/неактуальности действия.

В инфинитивном вопросе обычно оба глагола ставятся в несовершенном виде, но если действие мыслится как всецело зависящее от воли человека, то возможен и совершенный вид глагола: *Мне лучше остаться или уйти? Что лучше — поступить в институт или техникум?*

В ответе на инфинитивный вопрос, заключающий в себе просьбу о совете или сформулированный во внутренней речи, может употребляться, как было отмечено, не только инфинитив, но также императив или личная форма глагола: *Лучше тебе поступить в техникум, Лучше поступай (поступи) в техникум, Лучше мне все-таки поступить в техникум, Лучше пусть он поступит в техникум.* Отвергаемая альтернатива может выражаться отдельным предложением: *Не поступай в институт. Лучше поступи в техникум.* Она может вообще устраняться или сводиться к имени: *Поступай лучше в техникум, а не в институт.* Но если в предложении присутствует глагол, то он сохраняет форму инфинитива: *Лучше останься, чем идти ночью.* В этом случае части предложения утрачивают грамматическую симметрию форм. Между тем в адverbиальных конструкциях она соблюдается: *Он пишет лучше, чем говорит.*

В позиции избираемой ситуации может употребляться как совершенный, так и несовершенный виды глагола. Однако предпочтение отдается совершенному виду (особенно если результат действия всецело зависит от воли его субъекта) как более "цепкому" по отношению к действительности, хотя пока еще речь идет только о будущей, не актуализованной акции. Выбранная ситуация принимается как глобальная и часто обозначается делимитативной формой совершенного вида: *Лучше погуляем (пообедаем, попьем чай, помолчим), чем спать ложиться (вздор болтать).* Отвергаемая альтернатива обычно обозначается отстраненным от действительности (неактуальным) несовершенным видом: *Лучше пойти к реке, чем ходить в лес; Лучше разбить палатку здесь, чем ставить ее в горах; Лучше, если мы съедем ягоды сейчас, чем оставлять их на потом.*

Противопоставление видов по признаку актуальности/неактуальности действия сохраняется, таким образом, и для плана будущего. Здесь действует та же закономерность, которая определяет употребление видов в императиве со значением предостережения. Ср. *Смотри не падай* и *Смотри не упади, здесь ступенька, Смотри не бей там чашек* и *Смотри не разбей эту чашку* (Булыгина, 1980, с. 341—342; 1982, с. 73—76; Мелиг, 1985, с. 241):

Переход к личным формам вытесняет компаратив *лучше* из позиции предикативной основы предложения, которую он занимает в суждениях сравнительной оценки (*Работать лучше, чем бездельничать*), и в меньшей степени в вопросах, вводимых формулой *что лучше*, и ответах на них: *Что лучше: — поступить в техникум или в институт? — Лучше поступить в техникум, чем в институт.* В приведенной вопросо-ответной паре позиция *лучше* уже ослаблена. Задача

операционального выбора переносит центр тяжести на дизъюнктивные понятия, компаратив *лучше* выполняет в предложении факультативную функцию. При личных формах глагола (императиве и будущем времени), которые уже сами по себе указывают на принятое решение или рекомендацию, *лучше* не несет ударения и не является необходимым структурным членом предложения. Предложение переходит в другую парадигму.

АВТОНОМНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ЛУЧШЕ И ВТОРОЙ ТЕРМИН СРАВНЕНИЯ

Словари квалифицируют автономное *лучше* как наречие, служащее для усиления увещания, просьбы и побуждения (*Пойдем лучше домой*) и снабжают его пометой *разг.* В "Словаре" С.И. Ожегова (изд. 1972 г.) отдельно указана функция *лучше* как вводного слова со значением 'предпочтительнее', 'вернее' (*Говори или, лучше, я расскажу*). В "Грамматическом словаре русского языка" А.А. Зализняка (М., 1977) *лучше* определяется как наречие со значением предпочтения и как модальное слово. Н.Ю. Шведова относит автономное *лучше* к разряду наречных частиц: "Признак, оцениваемый как предпочтительный по сравнению с другим или другими, выражается построениями с частицей *лучше*" (Шведова, 1960, с. 153). Ею отмечены и сочетания *лучше* с другими частицами — *уж, и* (при отрицании): *Лучше и не говори!*.

Что касается дополнительного оттенка, который автономное *лучше* придает императиву, то его правильнее определить как смягчение прескрипции: *лучше* оставляет последнее слово за адресатом. Это знак совета, рекомендации. Не случайно *лучше* так естественно употребляется в ответе на дизъюнктивный вопрос, цель которого — попросить совета. Когда *лучше* включается в угрозу (*Лучше уходи, а не то хуже будет!*), говорящий маскирует свой речевой акт, представляя его как совет; ведь угроза порицается коммуникативным кодексом. Сходство между советом и угрозой состоит в том, что оба они оставляют адресату право решать. Угроза делается с позиций силы, совет дается с позиций жизненного опыта. Угроза исходит из интересов угрожающего, но она выдвигает для своей жертвы такую альтернативу, которая "перечисляет" выгоду на счет адресата; совет всецело основывается на интересах собеседника.

Таким образом, и в рекомендации и в угрозе *лучше* оставляет адресату право выбора.

В сочетании с будущим временем *лучше* — знак смягчения категоричности решения. Когда говорят "Лучше я уйду", то это в отличие от бесповоротного "Я уйду", оставляет адресату возможность просить собеседника остаться. Нет резона поэтому отделять функцию *лучше* при императиве от его функции при инфинитиве и будущем времени глагола. Во всех случаях *лучше* смягчает категоричность высказывания, будь то рекомендация или решение. Эта его функция проистекает из связи с пропозициональным отношением мнения, характерным для всех ценностных суждений.

Автономное *лучше* не может быть квалифицировано как наречие.

Оно не занимает адвербиальной позиции. Это отчетливо видно на следующих примерах, в которых *лучше* совместимо с оценочными наречиями *хорошо*, *хорошенько*: *Мой милый Скворушка, ну что за прибыль в том? Пои лучше хорошо щегленком, чем дурно соловьем* (Крылов), *Я говорила, что придется нам здесь маячить; так уж лучше хорошенько здесь отдохнуть и со светом пуститься в путь* (Н. Бестужев), ср. также частые случаи сочетания наречия и компаратива в разговорных высказываниях, в которых термин сравнения не эксплицируется: *Лучше сделай это хорошо*.

Употребление *лучше* в предложениях ОП отличается от наречия по месту в предложении и по акценту; ср.: *Лучше это сделаю я* и *Я это сделаю лучше*. Если все же в начале предложения попадает наречие, оно получает эмфатическое ударение: *Лучше надо писать! Лучше напиши!* Между тем в совете контрастивное ударение падает на выбранный дизъюнкт, т.е. на тот компонент, который противопоставлен отвергнутому: *Лучше поезжай пѣздом (чем самолетом) Лучше напиши письмо (а не посылай телеграмму)*.

Мы бы воздержались от того, чтобы относить автономное *лучше* к категории сентенциональных наречий, поскольку эта последняя предполагает, что наречие, выполняя функцию оператора, действующего на значении предложения, в то же время занимает приглагольную позицию: англ. *He foolishly thinks that his wife is a witch* букв. 'Он глупо думает, что его жена ведьма' = Глупо, что он считает свою жену ведьмой (Bartsch, 1976, Lehrer, 1975). В предложениях же ОП, как было показано, компаратив не занимает адвербиальной позиции. Вопрос о том, следует ли считать компаратив *лучше* в его автономном употреблении частицей или модальным (вводным) словом, мы оставляем открытым. Для наших целей важно, что, даже употребляясь автономно, *лучше* не совсем утрачивает функции пропозициональной связки. Оно устанавливает ценностные отношения между пропозициями, которые могут быть: а) объединены в одно предложение, б) входить в состав разных предложений, в) составлять принадлежащие разным лицам реплики диалога. При отсутствии выраженного термина сравнения подразумевается либо существующее положение дел, либо — при отрицании — ситуация, обратная желательной: *Лучше не говори матери, Лучше уж помолчи, Лучше я не уйду (останусь)*. Компаратив берет на себя функцию позитива *хорошо*, от которого отличается значением операциональности (см. выше); ср.: *Лучше не говори матери и Хорошо, если ты не скажешь матери, Лучше уж помолчи и Было бы хорошо, если бы ты помолчал*.

Очень часто термин сравнения, осуществляемого автономным *лучше*, "растворен" в предтексте или им имплицитруется. Например: — *О чем же вы думаете, Настасья Петровна? — Право, я все не приберу, как мне быть: лучше я вам пеньку продам* (Гоголь). Имеется в виду: *лучше я вам продам пеньку, чем мертвые души; ... Выдумали диету, лечить голодом! Что у них немецкая жидкокостная натура, так они воображают, что и с русским желудком сладят! <...> У меня не так. У меня когда свинина, всю свинью давай на стол; бара-*

нина - всего барана тащи, гусь — всего гуся! Лучше я съем двух блюд, да съем в меру, как душа требует (Гоголь). Имеется в виду: лучше я не буду есть обед из многих блюд, а наемся двумя блюдами.

В приведенных примерах термин сравнения может быть восстановлен, и это не позволяет исключить компаратив из состава высказывания. Компаратив в такого рода контекстах есть знак полемической направленности высказывания, которое выражает контрмнение.

Для полемического контекста характерно сочетание *лучше* с частицей *уж*. Частица *уж* выражает значение "неуступчивой уступительности". Она используется тогда, когда говорящий отдает предпочтение другому, часто ущербному, варианту в противовес (а иногда и "в пику") мнению или предложению собеседника. *Уж лучше* часто служит формулой возражения (контрмнения, контррешения или контрпредложения): *То верно, говорит он <хозяин> с умилением, они немножечко дерут, зато уж в рот спиртного не берут и все с прекрасным поведением. — А я скажу, по мне уж лучше пей, да дело разумей* (Крылов); — *Ты их <лошадей> продашь: тебе на первой ярмарке дадут за них вдвое больше. — Так лучше ж ты их сам продай, когда уверен, что выиграешь вдвое; — Изволь, так и быть, в шапки сыграю. — Души идут в ста рублях! — Зачем же? довольно, если пойду в пятидесяти. — Нет, что же за куш пятьдесят? Лучше ж в эту сумму я включу тебе какого-нибудь щенка средней руки или золотую печатку к часам. — Ну, изволь! — сказал Чичиков ...; Горюхничий. Потом, если пожелаете посетить острог и городские тюрьмы — рассмотрите, как у нас содержатся преступники. Хлестаков. Да зачем же тюрьмы? Уж лучше мы осмотрим богоугодные заведения* (Гоголь).

В некоторых примерах *уж* сведено к *ж*, но оно не смешивается с сокращением частицы *же*. Хотя эта последняя также может входить в полемический контекст, условия употребления *уж* и *же* в сочетании с *лучше* различны: *же* — усиливает убеждение, *уж* — усиливает сопротивление: — *Поезжай к морю! Нет, уж лучше я побуду дома. — Но ведь лучше же отдыхать у моря! — А я уж лучше останусь дома. — Ну и глупый же ты; своей пользы не понимаешь. — Лучше уж своей пользы не понимать, чем чужой. — Да лучше же жить разумно, чем упорствовать себе во вред.*

Приведенный диалог показывает, что частицы *же* и *уж* в сочетании с *лучше* употребляются в разных диалогических позициях: *лучше же* — убеждает и настаивает, *лучше уж* — упорствует и выдвигает контрпредложения.

Последний фактор является определяющим для употребления *уж лучше* в диссонансном диалоге. Даже тогда, когда противопоставляется наличие некоторой ситуации ее отсутствию и речь идет о положениях дел, независимых от воли человека, используется не *хорошо бы*, а *лучше бы*. Вне диссонансной соотнесенности с предшествующей репликой говорят *Хорошо бы похолодало, Хорошо бы дождь пошел*, имея в виду предпочтительность прохлады и дождя по сравнению с жарой и засухой, оцениваемыми отрицательно. В контексте же диссонансного диалога после реплики, выражающей положительную

оценку существующего состояния среды, будет использовано для выражения того же смысла компаративное высказывание: — *Хорошо, что жара стоит.* — *Уж лучше бы холод, чем эта несносная жара;* — *Хорошо, что сухая погода.* — *Нет, уж лучше бы дождь пошел;* — *Хорошо бы продержалась сухая погода.* — *А по мне, лучше уж дождь.* Оба высказывания *Хорошо бы дождь пошел* и *Уж лучше бы дождь пошел* выражают сравнение с существующей сухой погодой, но первое внеконтекстуально, а второе входит в диссонансный диалог и составляет возражение собеседнику, высказавшему положительную оценку существующего состояния среды.

Связь *лучше-предложений* с полемической установкой проистекает из самой природы компаратива, ведь лучшее враг хорошего. *Лучше* и *уж лучше* естественно следуют за знаком несогласия: *Хлестаков. Разве из платья что-нибудь пустить в оборот? Штаны что ли продать? Нет, уж лучше поголодать, да приехать домой в петербургском костюме* (Гоголь).

Склонность к оппозиции может заставить собеседника выбрать нелучшую альтернативу. Поэтому частица *уж* часто выражает значение уступительности, проистекающее из позиции неуступчивости. Это сближает *уж* с частицей *хоть*, примыкающей к термину сравнения. Однако если *хоть* в предложениях ОП — знак вынужденного выбора дефектного варианта, то *уж* — скорее знак упрямого предпочтения худшего; ср.: *Лучше уж смерть, чем такая жизнь* и *Лучше хоть такая жизнь, чем смерть*. В первом случае, если судить с общепринятых позиций, их двух зол выбирается большее, во втором — меньшее. Но стоит собеседнику выразить опрометчивую точку зрения, как *уж* может перейти в альтернативную пропозицию, и тогда оно совместимо с *хоть*: — *Лучше смерть, чем такая жизнь.* — *А по мне, уж лучше хоть какая ни на есть жизнь, нежели смерть.*

Показательно, что в предложениях ОП *хоть* не может входить в пропозицию, обозначающую непрекаемо худший вариант, если его рассматривать независимо от частных обстоятельств: **Лучше хоть смерть, чем такая жизнь*. При этом *хоть*, как и *уж*, употребительны именно в предложениях ОП, непосредственно "вплетенных" в ткань жизни. В простых, не осложненных дополнительными отношениями уступительности сравнениях эти частицы не используются. Им соответствует частица *даже*: *Даже смерть лучше, чем такая жизнь*.

Частица уж то и дело мелькает в разных точках диссонансного диалога; ср. следующие стандартизованные реплики пресечения и недоверия: *ладно уж, хватит уж, будет уж говорить вздор, так уж я тебе и поверил, уж не ври* и т.п.

Вхождение в "диссонансный" контекст не противоречит следующим функциям *уж*, выделенным Н.Ю. Шведовой: 1) акцентирование, 2) усиление признака, 3) оценка и 4) опасение (Шведова, 1960, с. 195). Однако оно к ним и не сводимо.

Во многих из приводившихся выше примеров термин сравнения предшествует *лучше-пропозиции*. Вынесенный на первое место, он составляет отправной пункт сообщения, данность, и этой данностью часто является существующее положение дел или уже выдвинутое

собеседником предложение: *Мне страх не нравится, что ты поэт, Что ты сдружился С славою плохую. Гораздо лучше б С малых лет Ходил ты в поле за сохою* (Есенин). Говорящий отрицательно оценивает существующее состояние вещей и выражает пожелание, направленное на исправление ситуации. Если речь идет об уже совершившемся событии, то рекомендация превращается в назидание. Не случайно в баснях так часты случаи инверсии отношений между терминами сравнения внутри предложений ОП. Вот несколько примеров инвертированного порядка слов: *Пастух! тебе теперь я молвлю речь: Чем в Диких Коз терять свой корм напрасно, Не лучше ли бы Коз домашних побережь? ...; И чем мне для твоих затей Перетопить людей, Не лучше ль вниз тебе стащить до болота? ...; Чем кумушек считать трудиться, Не лучше ль на себя, кума, оборотиться? ...; Послушай-ка, — тут перервал мой Лжец, — чем на мост нам идти, поищем лучше броду* (Крылов); *За невестами дело не станет; да, кстати, чем далеко искать — лучше взять готовую невесту моего племянника; А племянник — невелика птица в перьях — пускай порастет до свадьбы* (Бестужев-Марлинский).

Такого рода инверсия обязательна, если рема оформляется как негативный вопрос (*Не лучше ли ...?*).

Инверсия встречается и в пословицах: *Чем срывать кочку, так лучше объехать; Чем жить с плохим, лучше умереть с хорошим.*

СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ, ЗАМЕЩЕНИЕ

Выбор одного положения дел имплицитно устраняет из программы действий его альтернативы. Вследствие этого отношения сравнения в предложениях ОП могут преобразовываться в отношения противопоставления, причем отклонение нежелательной ситуации эксплицируется тем, что в соответствующую ей пропозицию вводится отрицание: *Не лучше ль жертвою, а не злодеем быть?* (В. Пушкин). *Лучше не ныть, а действовать.* Сравнение заменяется противопоставлением принятого отвергнутому. Вследствие этого место компаратива перестает быть фиксированным. В условиях эксплицированной дилеммы безразлично, где проявляется свобода решения: в отклонении одной ситуации или принятии другой, ведь эти действия взаимобусловлены. Поэтому следующие предложения эквивалентны: *Не езди на Памир, а лучше поезжай в Крым* и *Лучше не езди на Памир, а поезжай в Крым; Лучше отдыхать в горах, а не на море = Лучше отдыхать не на море, а в горах.*

Формула *лучше не ...* может использоваться в целях усиления категоричности требования; она в этом случае не указывает на реальную альтернативу: *Экий скверный барин! — думал про себя Селифан, я еще не видел такого барина. То есть плюнуть бы ему за это! Ты лучше человеку не дай есть, а коня ты должен накормить, потому что конь любит овес. Это его продовольство: что примером нам кошт, то для него овес, он его продовольство* (Гоголь).

Итак, предложения ОП допускают трансформацию, при которой:

а) сопоставление заменяется противопоставлением, б) компаратив

перемещается в смежную пропозицию, в) эта последняя негативизируется. Описанная трансформация напоминает конверсию отношений, которая в контексте предложений ОП не выполняется, но происходит в общих ценностных суждениях; ср.: 1) *Промолчать лучше, чем дерзить* → *Дерзить хуже, чем промолчать* и 2) *Лучше промолчать, чем дерзить* → *Лучше не дерзить, а промолчать*.

Когда второй член компаративного отношения выражает не саму альтернативу, а возможные ее результаты, он присоединяется союзом *а то*: *Лучше я оденусь потеплей, а то еще замерзну; Лучше одеться потеплей, а то как бы не замерзнуть; Лучше оденусь потеплей, а то (не то) еще замерзнешь*.

Сопоставление в ситуации выбора может уступать место не только противопоставлению, но и отношениям субституции. Это наиболее регулярно происходит тогда, когда поведение корректируется задним числом, а решение и рекомендация сменяются сожалениями и упреками, вызванными неправильными действиями: *И вместо того, чтобы корить жену за небрежное к себе отношение, не лучше ли было бы самому быть к ней более внимательным? Вместо того, чтобы пререкаться, лучше было бы поговорить о деле*.

Отношения субституции возможны и в высказываниях, обращенных к будущему: *Вместо брани, не лучше ли обратиться к тогдашним событиям с серьезной и покойной мыслью и постараться понять их смысл* (В. Одоевский).

Возможность преобразования компаративных отношений в противительные и заместительные существенно отличает предложения предпочтения от собственно сравнительных конструкций.

ПАРАДИГМА ПРЕДЛОЖЕНИЙ ОП

В заключение приведем основные формы предложений ОП. Некоторые частные разновидности, связанные с эллипсисом и порядком слов, нами опущены.

I. Инфинитивные предложения ОП.

- 1) Лучше (мне, тебе, ему и т.д.) промолчать, чем дерзить.
- 2) Лучше бы (мне, тебе, ему и т.д.) промолчать, чем дерзить.
- 3) Лучше будет (мне, тебе и т.д.) промолчать, чем дерзить.
- 4) Лучше было (мне, тебе и т.д.) промолчать, чем дерзить.
- 5) Лучше было бы (мне, тебе и т.д.) промолчать, чем дерзить.

Варианты порядка слов: *Будет (было бы) лучше мне промолчать, чем дерзить; Чем дерзить, так лучше промолчать*. Инверсия допускается всеми членами парадигмы.

Замечания об интонации: 1) предложения (4) и (5) относятся к реальной ситуации в прошлом, но они различны по интонации: в (5) выражается сугубо частное мнение, и это передается модулированной интонацией; (4) произносится без модуляций; 2) термин сравнения в постпозиции неударен, а на первом инфинитиве лежит контрастное падающее ударение, которое сохраняется и при устранении второй части; 3) в препозиции термин сравнения получает контрастное ударение; это — контрастная тема.

II. Предложения ОП с придаточными эквивалентами инфинитива.

- 1) Лучше, если я промолчу.
- 2) Лучше будет, если я промолчу.
- 3) Лучше, если бы я промолчал.
- 4) Лучше было бы, если бы я промолчал.
- 5) Лучше, чтобы ты (он и т.д.) промолчал.
- 6) Лучше было бы, чтобы ты (он и т.д.) промолчал.

Варианты порядка слов: *Будет (было, было бы) лучше, если я промолчу (если бы я промолчал); Было бы лучше, чтобы ты промолчал.*

Примечания: 1) формы с *если*-придаточным употребительны во всех лицах, а формы с *чтобы*-придаточным — только в непервых лицах; 2) термин сравнения обычно устраняется; 3) формы (3) и (4) могут быть отнесены и к будущему и к прошедшему ирреальному.

III. Предложения ОП с личными формами глагола и императивом.

- 1) Лучше я промолчу (мы промолчим), чем дерзить.
- 2) Лучше промолчи (промолчьте), чем дерзить.
- 3) Лучше пусть он (они) промолчит (промолчат), чем дерзить.
- 4) Лучше бы я (ты, он и т.д.) промолчал, чем дерзить.
- 5) Лучше пусть бы я (ты, он и т.д.) промолчал, чем дерзить.

Основные варианты порядка слов: *Промолчи лучше, чем дерзить; Я лучше промолчу, чем дерзить; Чем дерзить, я лучше (лучше я) промолчу.*

Примечания: 1) термин сравнения может устраняться; 2) формы (4) и (5) относятся к прошлому ирреальному; 3) форма (5) может быть отнесена к ситуациям, не зависящим от воли человека.

Во всех предложениях ОП сопоставление может касаться любого члена: *Лучше уйду я; Лучше я уйду, чем время здесь терять; Лучше сейчас поговорим, чем откладывать.* Главное предложение может сокращаться до конструкции "лучше + рема": *Лучше разобьем палатку здесь → Лучше здесь.*

АСИММЕТРИЯ ЛУЧШЕ И ХУЖЕ

На фоне употребления *лучше* использование *хуже* выглядит убого. В начальной позиции *хуже* употребляется только в форме *хуже всего* ..., *нет хуже* ..., за которыми не следует термин сравнения, поскольку речь идет о суперлативе: *Хуже всего было то, что мы опоздали на поезд; Хуже нет как опаздывать.* Такое употребление соотносительно с суперлативом *лучше всего, лучше нет...*: *Лучше всего не опаздывать; Лучше нет, как делать все во время.*

Компаратив *хуже* не сочетается ни с императивом, ни с личными формами глагола. Он несовместим с коммуникативным заданием совета, рекомендации, но может входить в высказывания-предостережения: *Будет хуже, если ты не обратишься к врачу*, ср. также лаконичную угрозу *Хуже будет!*

Наиболее законно употребление *хуже* в срединной позиции в общих суждениях, состоящих из двух имен или двух инфинитивов: *Перебор хуже недобора; Такая жизнь хуже смерти.* В ценностных суждениях *хуже* очень редко открывает высказывание: *Хуже, как боишься: лиха*

не минешь, а только надрожишься. Но и в общих суждениях употребление компаратива *лучше* имеет громадный перевес над употреблением *хуже* (см. ниже). Это объясняется тем, что многие общие суждения направлены на исправление нравов.

Таким образом, хотя в жизни плохое гораздо более многолико, чем хорошее, поскольку оно отвечает неограниченным возможностям отклониться от нормы, а хорошее соотнобразуется с нормой, в речи употребление оптимистического компаратива *лучше* во сто крат превосходит употребление обращенного в сторону дурного компаратива *хуже*, и это отвечает стараниям людей стать на путь мудрости и добродетели и наставить на него других. В итоге оказывается, что системные связи, ощущаемые не только грамматистом, но и носителем языка, между *хорошо* и *лучше*, с одной стороны, и между *лучше* и *хуже* — с другой, несколько не определяют реального употребления этих слов. Последнее подчинено другим, гораздо более жизненным факторам.

Глава седьмая

ОБЩИЕ СУЖДЕНИЯ О ПРЕДПОЧИТАЕМОСТИ

ВИДЫ НЕСОВМЕСТИМОСТИ

До сих пор речь шла о предложениях операционального предпочтения, связанных с конкретной прагматической ситуацией и способных выражать как решение, так и рекомендацию. Однако существует целый массив общих суждений о предпочитаемости, часть которых составляют пословицы. Многие пословицы выражают руководство к действию, и их форма повторяет проанализированные выше особенности предложений операционального предпочтения. Этим объясняется значительное структурное разнообразие пословичных речений этой категории.

В них может фигурировать императив, неопределенная форма глагола, имя существительное, представляющее некоторую ситуацию непосредственно или метафорически: *Лучше голодай, а добрым семейем засевай; Лучше плакать кстати, чем смеяться не во-время; Лучше не дойти, чем зайти слишком далеко; Лучше пусть один волк съест, чем тысяча собак; Лучше хороший враг, чем плохой родственник; Лучше синица в руке, чем журавль в небе; Лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой.* Афористичность пословиц толкает их на сжатие предложений до одного представителя каждой ситуации или до ее символа.

Общие суждения о предпочитаемости сопоставляют конфликтующие ситуации. Они содержат рекомендацию выбора в условиях развилки. В отличие от предложений, имеющих своей целью разрешение конкретной альтернативы, они относятся к категории нежестких правил и норм, оперирующих классами ситуаций и типами возникающих между ними коллизий.

Суждения о предпочитаемости предназначены для того, чтобы указать выход из жизненных затруднений и сомнений. Однако в жизненной игре нет однозначного определения выигрыша и проигрыша. Поэтому, в отличие от сводов законов, правил и регламентов, в фонде паремических рекомендаций можно найти прямо противоположные. Пословицы проницаемы для различий в оценках и жизненных установках; ср.: *Лучше самому терпеть, чем других обижать* и *Лучше молотом быть, чем наковальней*; *Лучше не иметь никакой собаки, чем иметь плохую* и *Лучше пусть будет кривой дядя, чем никакого*.

Соответствующие рекомендации, поэтому, в отличие от правил и законов, не снимают с заинтересованного лица необходимости в принятии решения.

Если наличие строгих правил и запретов породило модальность долженствования, наличие цели стимулировало формирование модальности нужды (*Чтобы перебраться на тот берег, нужно иметь лодку*), а неумолимость законов природы и теоретического мышления отделила концепт необходимости от градуированной модальности вероятности, то паремические рекомендации этих различий не проводят: они остаются в пределах действия пропозициональной установки мнения. В них, кроме того, прескриптивность не отделена четко ни от значения принятия решения, ни от суждений об иерархии ценностей. Для пословиц, вообще говоря, характерна модальная неопределенность (Крикманн, 1978, с. 94—98).

Поэтому ниже рассматривается вся совокупность общих оценочных сравнений, выражающих предпочтительность одной ситуации в сопоставлении с другой. В таких суждениях не всегда содержится предписание программы действий и речь может идти как о событиях, создаваемых волей человека, так и о дарах и велениях судьбы. В них может фигурировать как компаратив *лучше*, так и его антоним *хуже*. Для сравнения с общими суждениями будут привлекаться все виды конкретных суждений о предпочтении.

Сравнение конкретных предложений предпочтения с общими поучительно в том отношении, что оно раскрывает закономерности формирования обработанного текста на базе повседневной коммуникации. Оно демонстрирует процедуры формальной и содержательной перестройки речи в ходе ее освобождения от прагматической зависимости, которое оборачивается утратой опоры на ситуацию и фонд знаний собеседников.

Различие между общими и конкретными предложениями предпочтения в главных чертах соответствует проводимому логиками различию между суждениями о предпочтении (judgements of preference) и суждениями о предпочитаемости, или предпочтительности (judgements of preferability). Первые имеют форму "субъект S предпочитает X Y'у во время t" или "для S лучше X, чем Y, в t". Вторые имеют форму "лучше X, чем Y" или "X следует предпочесть Y'у". Общие суждения, таким образом, неопределенноличны, то есть отвлечены от субъекта речи и ее адресата и имеют вневременной характер (Wright, 1972, p. 145—146).

Наиболее заметное содержательное различие между конкретными

и паремическими суждениями относится к видам несовместимости. Взаимоисключенность некоторых событий, состояний и категорий может возникать в силу ряда причин. Для нас особенно важно различать: 1) прагматически обусловленную альтернативу, заданную природой мира и общества, 2) несовместимость, заданную картиной мира и природой человека и протекающую из представлений о добре и зле (ср., например, несовместность гения и злодейства, служения Богу и Маммоне), о принципе справедливости в распределении благ, о совести, о вознаграждении за добродетели и возмездии за грехи и т.п., 3) логическую несовместимость ситуаций, обозначаемых противоречивыми суждениями — утверждением и его отрицанием.

Первый вид несовместимости характерен для конкретных предложений предпочтения, второй и третий — для общих.

Прагматическая дизъюнкция (альтернатива) основана, прежде всего, на временных и пространственных ограничениях. Нельзя одновременно остаться дома и пойти в театр, купаться в реке и собирать в лесу ягоды. Несовместимость в этом случае вызвана онтологией мира, не допускающей вездесущности человека. Прагматическая дизъюнкция может определяться юридическими уложениями, то есть иметь социально обусловленный характер. Так, обычно нельзя быть гражданином более чем одного государства; в немусульманских странах запрещено многоженство; во многих государствах нельзя состоять одновременно более чем в одной политической партии, более чем в одном спортивном обществе, более чем в одном профессиональном союзе и т.п. Есть много других видов прагматически обусловленных альтернатив. Они постоянно возникают при выборе способа действия для достижения определенной цели, при выборе самой цели, выборе профессии. Наконец, прагматическая дизъюнкция непрерывно возникает из ограниченности тех или иных ресурсов — материальных средств, времени, отводимого для работы, общения, сна, развлечений, отдыха, и из скудности созидательных и потребительских возможностей человека.

Итак, прагматическая дизъюнкция отражает ситуацию выбора из вполне реальных альтернатив. Сами по себе дизъюнкты (пропозиции) не противоречат один другому и в принципе могли бы быть совмещены. Более того, они могут быть настолько различны, что если бы не необходимость выбора, никому не пришло бы и в голову их сравнивать: *Лучше учиться, чем жениться; Лучше плохой огонь в камине, нежели хороший дождь в дороге* (ср. у Н.А. Бестужева: *Кажется, я говорю справедливо, что плохой огонь в камине приятнее хорошего дождя в дороге*), *Хозяйка очень часто обращалась к Чичикову со словами "Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли". На что Чичиков отвечал всякий раз "Покорнейше благодарю, я сыт, приятный разговор лучше всякого блюда"* (Гоголь).

Пушкин, возражая Буало, писал: "Un sonnet sans défaut vaut seul un long poème. Хорошая эпиграмма лучше плохой трагедии ... Что это значит? Можно ли сказать, что хороший завтрак лучше дурной погоды?" Разумеется, сами по себе упомянутые объекты (завтрак и погода) не сопоставимы, поскольку к ним не применима

единая мера. Однако в предложениях предпочтения аксиологическое сравнение и не производится по общему нормативу. В них релевантен тот событийный (порождающий событие) аспект объекта, благодаря которому он включается в личную сферу. Поэтому в предложениях предпочтения допустимо сопоставление любых объектов, лишь бы возникла нужда произвести из них выбор. Так, если бы пришлось выбирать между хорошим завтраком дома и прогулкой натошак, да еще и при дурной погоде, то отвергнутое Пушкиным сравнение было бы приемлемо. Действительно, нельзя сказать *Хороший завтрак лучше дурной погоды*, но можно сказать *Лучше хороший завтрак, чем дурная погода*, *Лучше написать хорошую эпиграмму, чем плохую трагедию*.

Семантическая автономность сравниваемых положений дел отличает конкретные предложения операционального предпочтения от собственно сравнительных конструкций — с одной стороны, и от общих суждений о предпочитаемости — с другой.

Отношения прагматически обусловленной дизъюнкции не связаны ни с семантической, ни с логической противопоставленностью своих терминов, в особенности если в них вовлечены таксономические обозначения предметов или имена собственные. Например: *Чем дома сидеть, лучше в гости (в лес, в театр, в баню и т.п.) пойти; Давайте лучше посадим на этой грядке картофель (клубнику, огурцы и т.п.), чем помидоры (лук, тыкву и пр.)* Альтернативы множественны и вариативны, причем ни одна из них не задает другой с точностью до вида или индивида. В пределах достаточно широкого класса событий или объектов они взаимонезависимы. В вопросе может фигурировать несколько дизъюнктов: *Что лучше купить на эти деньги: машину, дачу или кооперативную квартиру?* В ответе лучше осуществляет выбор, и тем самым все отклоняемые возможности объединяются в один член. Существующие между альтернативами отношения дизъюнкции утрачивают связь с предпочтением: *Лучше купить дачу, чем машину или квартиру* (= чем что-либо другое). Таким образом, акт выбора сводит пубную многочленную дизъюнкцию к двучленной. Он противопоставляет избранный вариант отклоненным.

Подобно тому, как в прагматически обусловленных предложениях операционального предпочтения к выбору понуждает несовместимость одновременной реализации двух и более ситуаций, в общих суждениях о выборе действует представление о несовместимости некоторых благ и достоинств, проистекающей не только из природы вещей, но и из ограниченности милостей природы, их распределенности между многими. В сентенциях этого типа, как и в прагматически обусловленных высказываниях, отсутствует ярко выраженная поляризация дизъюнктов, и если в них все же усматривать противопоставление, то оно не имеет логического характера, а скорее может расцениваться как отвечающее укоренившимся представлениям о несовместимости. Например: *Чем рост верблюда, лучше ум с пуговку; Немного ума лучше, чем много сил*.

Здесь можно заметить, что если в жизни люди стремятся преодолеть несовместимость (например, и невинность соблюсти и капитал

приобрести), т.е. добиться "конъюнкции" благо в предложениях обычно подчеркивается бесплодность этих усилий, и конъюнкция заменяется дизъюнкцией: приобретение одного всегда чревато потерей другого (приобретение капитала утратой невинности).

Как только от конкретных дизъюнкций мы переходим к дизъюнктивным предложениям обобщенного значения, то обнаруживается тенденция к семантической поляризации. В игру вступает антитеза. Какие бы конкретные ситуации не обозначались в каждом дизъюнкте, они воспринимаются как логически противопоставленные. Например: *Либо в стремя ногой, либо в пень головой, Либо петля надвое, либо шея прочь; Либо сена клочок, либо вилы в бок; Либо пан, либо пропал.* В названиях конкретных ситуаций трагедизировано противопоставление выигрыша и проигрыша в игре, не знающей ничейного результата. Они резюмируют ситуацию эндшпиля, а не промежуточного хода, допускающего выбор из многих возможностей. Они употребляются более всего в ситуации рискованного выбора, не гарантирующего успеха.

Приобретая обобщенное значение, дизъюнкция стремится достигнуть предельной поляризации ситуаций, т.е. прийти в соответствие с законом исключенного третьего. Так, отпавляясь от множественности прагматических альтернатив, мы приходим к двучленным логическим дизъюнкциям типа *Быть или не быть?* (вопрос Гамлета), *Иметь или не иметь?* (вопрос, смущавший Толстого и толстовцев), *Жениться или не жениться?* (вопрос Панурга). Прагматическая дизъюнкция больше соответствует частным (имплицитно дизъюнктивным) вопросам типа *Кем быть?*, логическая — общим дизъюнктивным вопросам типа *Быть или не быть?*. Переход от прагматически обусловленной дизъюнкции к логической есть переход от бесконечного многообразия жизненных ситуаций к конечным общим законам мышления, представляющим одно из сравниваемых положений дел как отсутствие другого.

Несовместимость ситуаций превращается в логическую несовместимость суждений, их обозначающих: утверждение и его отрицание не могут быть одновременно истинными.

Разумеется, предложения предпочтения, основанные на прагматической дизъюнкции, могли бы быть логизированы, т.е. сведены к дизъюнктам, из которых один является отрицанием другого. Например, решение купить дачу, а не квартиру и не машину, можно представить как последовательность ряда выборов: *Лучше машины не покупать, чем купить + Лучше не покупать квартиры, чем купить + Лучше купить дачу, чем не покупать.* Однако такой последовательности нет и не может быть в практическом рассуждении, в котором производится именно сравнение преимуществ возможных покупок (машины, дачи и квартиры), а не покупки и не покупки каждого из названных предметов в изоляции. Для того, чтобы принять решение, необходимо произвести сравнительную оценку конкретных событий, их вероятности и вытекающих из них последствий, а не абстрактно мыслимых фактов. Именно поэтому практическое рассуждение устраняет некоторые логические звенья, разъединяющие действительные

альтернативы, и приводит эти последние в непосредственный контакт. Этим оно отличается от логического (теоретического) построения. Оно не разлагается на элементарные логические формулы. Практическое рассуждение оперирует "насыщенными" жизненными ситуациями (реальностью, тем, что есть). Для него недостаточны "пустые клетки", обозначаемые отрицательными суждениями, и даже антоним для него уместнее своего отрицательного эквивалента: *остаться* обозначает реальную ситуацию пребывания на прежнем месте, а *не уехать* — только несовершение действия.

ПОЛЯРИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ

Ситуативно обусловленные формулы предпочтения, как было показано выше, обладают следующими прагматическими presupпозициями: 1) ценностное сопоставление происходит в условиях прагматической несовместимости сравниваемых положений дел, 2) оно производится с целью выбора, принятия конкретного решения или рекомендации, 3) предполагается, что выбор ограничен указанными в предложении возможностями. Когда говорят *Пойду-ка я лучше в лес по ягоды, чем дома сидеть*, исходят из того, что указанные действия не могут быть произведены одновременно, что говорящий решает произвести одно из них (пойти по ягоды) и не производить другого, что выбор занятий в заданное время сводится к тем двум, которые обозначены в предложении.

Общие суждения о предпочтениях освобождены от прагматической связанности и тем самым от перечисленных характеристик. Между тем они в некотором роде наследуют эти характеристики или, по крайней мере, несут на себе их следы. Во многих общих суждениях отношения между сравниваемыми ситуациями интерпретируются в духе антинормы, принципиальной несовместимости, а выбор представляется ограниченным названными дизъюнктивными положениями дел. Поскольку общие формулы предпочтения основаны на контрасте, поляризации ситуаций, то жизненный выбор как бы сводится к экстремальным случаям.

Когда говорят *Лучше на бедной жениться, чем с богатой браниться*, то это невольно создает впечатление, что множественность матримониальных ситуаций сводится к двум возможностям. Кроме того, хороший нрав предстает в виде необходимой компенсации бедности, а дурной характер — как фактор, неизбежно девальвирующий хорошее приданое. Сентенция намекает на несовместимость душевных достоинств с материальным достатком, и в то же время дает понять, что бедность гарантирует добрый нрав; последний даже не упоминается в пословице, а как бы включается в понятие "бедная невеста". Многообразие вариантов поляризовано в виде наиболее острой коллизии, чаще реализуемой в художественном, чем в действительном мире.

Поляризация распространяет свое действие и на актантные отношения. Принцип контрастирования состоит в противопоставлении

агенса и пациенса: *Лучше в обиде быть, нежели в обидчиках; Лучше самому терпеть, чем других обижать; Лучше мучиться, чем мучить; Лучше за стадом ходить, чем стадо водить.* Проблема выбора решается здесь в пользу горькой доли пациенса, компенсируемой нравственным перевесом. Возможен, впрочем, и выбор роли удачника: *Лучше молотом быть, чем наковальней; Лучше быть у других в зависти, нежели самому в кручине; Лучше жить в попе, нежели в холопе; Любить короля хорошо, но еще лучше быть любимым им.*

Сентенции первого типа служат утешением для обездоленных, сентенции второго типа — оправданием для преуспевающих. Важнее однако другое: и в этом случае жизнь предстает в виде альтернативы, образуемой полярными ситуациями, а промежуточная зона, своего рода "третий мир", выключена из рассмотрения и тем самым из сферы оценки. Таким образом, если в прагматически обусловленных оценочных сравнениях происходит аксиологизация нейтральной полосы, т.е. в любом, даже незначительном обстоятельстве выделяется ценностный параметр, то сравнения, свободные от прагматической зависимости, но пережившие логическую, семантическую или ситуативную поляризацию терминов сравнения, напротив, эту полосу игнорируют. Они не оперируют скалярными представлениями о хорошем и плохом. Тенденция к использованию поляризованных понятий делает удобным моделирование смысла паремий на основе семантических оппозиций, практикуемое в паремиологии (Пермяков, 1978).

Тенденция к поляризации, профилирующая в общих суждениях о предпочтении, отражается и на самом принципе создания семантики противочлена. Нередко одна из ситуаций не составляет реальной альтернативы, а выполняет интенсифицирующую функцию в оценке того положения дел, которое находится в поле внимания. Когда говорят *Лучше с умным в аду, чем с глупым в раю*, то вовсе не выказывают этим намерения попасть в ад (хотя бы и с умным компаньоном), а просто выражают крайнюю нежелательность, некомпенсируемость общения (сосуществования, совместной деятельности и пр.) с глупцом.

Поляризация в большинстве инвертированных суждений о предпочтительности, т.е. таких суждений, в основе которых лежит обратное соотношение ценностей (ср. *Лучше попасть в рай, чем в ад*, но *Лучше с умным в аду, чем с глупым в раю*), имеет своей целью не столько рекомендовать правильный выбор, сколько контрастом усилить отрицательную оценку того положения дел, которое следует избежать. Цель таких пословиц состоит либо в эмоциональной реакции на ситуацию, либо в предостережении.

Поляризованное положение дел может представлять собой конструкт, не только не предлагаемый в качестве желательной альтернативы, но и обладающий малой степенью жизненной вероятности, например: *Лучше с умным потерять, чем с глупым найти: с дураком найдешь, да не разделишь.* Ситуация "потери с умным" есть негативное изображение позитива "находки с глупым". Когда говорят *Чем жить с плохим, лучше умереть с хорошим* остается неясным, хотят ли этим осудить тех, кто живет с плохими людьми, или утешить ссылкой на еще худшую долю тех, кто собирается умереть

в ситуации счастливой жизни с хорошим человеком. Одно очевидно: такие предложения предпочтения не заключают в себе никакой позитивной рекомендации.

Поляризация значений, как было показано выше, может выходить за пределы реально сопоставляемых альтернатив. Это подводит нас к отпавшей категории *лучше-предложений*, смысл которых заключается в характеристике, часто образной, некоторого события.

В них имеется в виду не действительный, а воображаемый выбор. Для того, чтобы категоричней представить невозможность для себя определенного курса действий, говорящий сообщает о предпочтительности предельно плохого: *По мне лучше в петлю, чем в чужую семью*. Еще более решительно выбирается худой конец, когда дело касается чужой жизни: *Да я бы на его месте лучше убил оскорбителя, но не стерпел бы обиды*.

В предложениях этого типа характеризуемое событие (тема сообщения) представлено как отвергаемое, предпочитаемая же ситуация (то, что лучше) выбирается по признаку своей крайней негативности. Здесь действует принцип "извращенного предпочтения". Извращение, впрочем, остается словесным. В предложениях "извращенного предпочтения" производится уподобление ситуаций, и они близки по общему смыслу к собственно сравнениям (*как-сравнениям*): *Лучше раздражить собаку, нежели бабу; Лучше камень долбить, нежели злую жену учить; Лучше хлеб есть с водою, чем жить со злою женою; Лучше в утлой ладье по морю ездить, чем жене тайну поверить*.

По мере того, как оценочное сравнение вытесняет образное, в позиции предпочитаемого оказывается не подходящая к случаю наглядная ситуация, а нечто абсолютно и бесспорно плохое. Стандартной становится формула *лучше умереть: Лучше умереть, чем неправду терпеть; Лучше смерть, нежели зол живот*. Предложения этого типа иногда приближаются к запретам: *Лучше умереть, чем неправду терпеть* = Не терпи неправды.

Формулы "извращенного предпочтения" не ограничиваются компаративом *лучше*. В этой сфере используются также компаративы *скорее* и *легче*.

Когда дело касается склонностей, желаний и характера некоторого лица, а не реального выбора и его осуществления, то используется компаратив *скорее*, вводимый в состав личных предложений. Грамматически *скорее* аналогично автономному употреблению *лучше*: *Да и примечено стократ, Что кто за ремесло чужое братья любит, Тот завсегда других упрямей и вздорней: Он лучше дело все погубит, И рад скорей Посмешищем стать света, Чем у честных и знающих людей Спросить иль выслушать разумного совета* (Крылов); *Уж коли на то пошло, милая моя, ежели вы намерены оспаривать Лужки и прочее, то я скорее подарю их мужикам, чем вам* (Чехов).

Компаратив *скорее* часто является маркером ирреального положения дел, привлекаемого в целях контрастирования. Он относится к реме высказывания, а не к его исходному пункту. Сопоставление

основано на степени вероятности события, а цель сообщения — продемонстрировать его невероятность, исключенность для данного лица. Поэтому *скорее* входит в состав пропозиции, обозначающей нечто весьма мало вероятное и крайне нежелательное: *Я бы, кажется, на смертном одре не проговорился, скорее бы язык себе вырвал* (И. Тургенев); *Форд. Так тебе я верю, что заподозрю в холодности солнца скорее, чем в неверности тебя* (Шекспир). В близком смысле употребляется компаратив *охотней*: *Он охотней пойдет на смерть, чем на предательство*. Ср. также просторечное употребление *раньше*: *Он раньше себе язык откусит, чем проболтается*. Компаративы *скорее*, *раньше*, *охотнее*, как и *лучше*, не сочетаются с прошедшим временем индикатива. И это понятно: осуществляемое ими сравнение касается гипотетических, а не реальных ситуаций. Нельзя сказать **Он скорее (раньше, охотнее) откусил себе язык, чем проболтался*. Компаративы *скорее* и *раньше* не имеют ничего общего в смысловом отношении с позитивами *скоро* и *рано*. Употребление *раньше* не соотносительно с употреблением *позже*. Грамматическая система действует разобщенно.

Употребление *скорее* в условиях псевдовыбора (псевдоальтернативы) следует отличать от употребления, связывающего его не с содержанием пропозиции, а с модусом утверждения: *Он скорее бежал, чем шел* = Правильнее (вернее) было бы утверждать, что он бежал, чем утверждать, что он шел.

Значение предпочтения может быть выражено и компаративом *легче*, который, в отличие от *скорее*, составляет предикативную основу предложения: *Мне легче самому все сделать, чем тебя просить*.

Компаратив *легче* используется для маркировки той ситуации, которая более трудна или менее вероятна: *Умерщвлять свое сердце легче, нежели оторвать взоры от лица возлюбленной; Легче утолить голод чрева обещанием пищи, чем удовлетворить бакалейщика обещанием денег; Мне легче вынести беду, чем у чужого одолжиться* (Саади); *Миссис Пейдж. Положительно легче найти 20 развратных голубок, чем одного целомудренного мужчину* (Шекспир); *Не дай мне Бог сойти с ума. Нет, легче посох и сума; Нет, легче труд и глад* (Пушкин).

Компаратив *легче* имеет значение "более вероятно", сближающее его со *скорее*, и значение "предпочтительно", сближающее его с *лучше*. Оба значения функционируют по-преимуществу (хотя и не только) в предложениях "извращенного выбора".

ПРИНЦИПЫ СОКРАЩЕНИЯ КОНКРЕТНЫХ И ОБЩИХ СУЖДЕНИЙ О ПРЕДПОЧИТАЕМОСТИ

Общие суждения о предпочтении не связаны с конкретными условиями речевого общения. Они не определяются обстановкой речи, а сами задают класс ситуаций, обеспечивающий им введение в коммуникацию. Их прагматизация имеет вторичный характер. Если в основе конкретных формул предпочтения лежит прагматическая несовместимость ситуаций, то общие суждения о предпочитаемости

ориентированы на логическую дизъюнкцию, пределом которой является противопоставление утверждения отрицанию. Указанными различиями между конкретными и общими формулами предпочтения определяются и различия в механизмах их сокращения.

Прагматическая связанность аксиологических компаративов освобождает их от экспликации термина сравнения, если он очевиден из ситуации речи или контекста. Когда говорят *Лучше почитай! Лучше помолчи! Лучше сходи в магазин! Ты бы мне лучше объяснил, в чем дело* осуществляют сравнение с тем, что адресат делает в действительности. Такие предложения иногда считают эллиптическими (Карцевский, 1976, с. 110). Исходный пункт (тема) сравнения составляет реальное положение дел, которое представляется автору рекомендации нежелательным. Термин сравнения прагматически обусловлен и составляет переменную величину. Логическая или семантическая связь между сравниваемыми положениями дел не обязательна. Исходный пункт сравнения подсказывается не значением ремы, а условиями речи.

Таким образом, первый шаг к сжатию состоит в устранении темы. Но и внутри ремы может быть произведена редукция. Она характерна для тех случаев, когда ядро ремы составляет не глагол. Если семантическая недостаточность восполняется прагматической ситуацией, предложение предпочтения может быть сокращено до компаратива *лучше* (знака выбора или рекомендации) и ядра ремы, находящегося в прямой оппозиции к соответствующему элементу термина сравнения: *Лучше сегодня; Лучше здесь; Лучше он; Лучше борщ; Лучше эту книгу; Лучше ты* и т.п. Такие редуцированные предложения являются неотъемлемой частью повседневного общения. Сокращение проходит следующие этапы: *Лучше я пойду в магазин, чем ты* → *Лучше я пойду в магазин* → *Лучше я пойду* → *Лучше я*.

Существуют и другие закономерности сжатия текста. Они действуют по преимуществу в общих суждениях о предпочтительности. В них устраняется не то, что имплицировано конкретной обстановкой речи, а то, что может быть восстановлено на логическом или семантическом основании.

Наиболее жесткая и однозначная импликация противочлена обеспечивается отрицанием. Поэтому при первом отрицательном компоненте второй обычно опускается. Это положение верно как для конкретных, так и для общих суждений. Такие предложения, как *Лучше не бояться, Лучше не раздражаться, Лучше промолчать* (= не отвечать), вполне закончены.

Среди общих суждений о предпочтительности не редки случаи двойных компонентов, находящихся между собой в отношении конъюнкции, интерпретируемой как строгая или нестрогая импликация. Если оба конъюнкта имеют при себе отрицание или допускают прямой антоним, то второй, также двойной, компонент суждения, относящийся к отвергаемым, нежелательным действиям или ситуациям, устраняется: *Лучше не дарить, да потом не корить, чем подарить, а потом укорить подарком* → *Лучше не дари, да потом не кори, Лучше не рожать и потом не терять, чем родить ребенка*

и потерять его → Лучше не рожать, да потом не терять; Лучше умереть и не поцеловать креста, чем остаться жить и поцеловать крест (ценою ложной клятвы) → Лучше умирать, а креста не целовать; Лучше голодать и засеивать добрым семенем, чем есть досыта и не иметь доброго семени для засева → Лучше голодай, а добрым семенем засевай.

При сокращении предложения предпочтения (устранении его второй части), компоненты его первой части обычно ставятся в отношения противительной конъюнкции. В ряде случаев между конъюнктами первой части предложения, обозначающей предпочтительное положение дел, существуют отношения строгой логической импликации, и оба конъюнкта, взятые вместе, обозначают своего рода "пустой мир" (если не дарить, то нельзя и укорить подарком), между тем как во второй части импликация носит вероятностный характер, указывая на "фактор риска" (ведь не всегда дарители укоряют подарком). Смысл пословицы сводится к рекомендации "пустого мира", в котором, естественно, отсутствует фактор риска.

Существует и другой способ сокращения общих предложений о предпочитаемости, в которых оба члена могут быть представлены как двухкомпонентные конъюнкты, находящиеся между собой в отношениях попарного противопоставления. В них часто устраняется второй компонент в левом члене и первый компонент в правом: *Лучше жить в тесноте, но не в лихоте (обиде), чем не в тесноте, но в лихоте (обиде) → Лучше жить в тесноте, чем в лихоте (обиде); Лучше не наживать и потом не терять, чем нажить, да потом потерять нажитое → Лучше не наживать, чем терять → Чем терять, так лучше не наживать; Лучше не свыкаться и потом не расставаться, чем свыкнуться, да потом расстаться → Лучше не свыкаться, чем расставаться; Лучше говорить обдуманно и потом не раскаиваться в сказанном, чем говорить необдуманно и потом раскаиваться в сказанном → Лучше говорить обдуманно, чем раскаиваться в сказанном.*

При сокращении в первой части сохраняется позитивная часть рекомендации, то, как лучше поступать, а во второй эксплицируются отрицательные последствия, которые могут наступить при невыполнении совета и которые содержат в себе обоснование прескрипции, предостережение: *Лучше говорить обдуманно, а то как бы не пришлось раскаяться в сказанном.*

Таким образом, исклечение промежуточных логических звеньев, характерное для практического рассуждения, приводит к формированию альтернативы, обладающей определенной коммуникативной организацией. В ней дизъюнктивные отношения складываются между рекомендацией и предостережением. Рекомендация указывает на желательный вариант, предупреждение — на следствие из нежелательного варианта. Практическая обработка речи "выбирает" из логически полного текста то, что непосредственно связано с коммуникативными заданиями. Тем самым логические отношения в практическом рассуждении устанавливаются не только между содержанием пропозиций, но и между пропозициональными установками. Последние сохраняют свою значимость и в общих суждениях о предпочитаемости.

ОБЩИЕ ОСНОВАНИЯ ВЫБОРА АЛЬТЕРНАТИВЫ

Ниже пойдет речь о ценностных сравнениях пословичного типа. Положение о том, что хорошее предпочитается плохому, относится к презумпциям ценностных суждений. Все категории, оцениваемые положительно, предпочитают тем категориям, которые оцениваются отрицательно: добро злу, истина лжи, сила слабости, мир войне, польза вреду, здоровье болезни, молодость старости и т.п. Принимается в качестве заданной и ценностная иерархия классов, согласно которой человек есть венец творения, а лев — царь зверей.

Сообщения об абстрактном предпочтении хорошего плохому в принципе не информативны, поскольку они отвечают общей презумпции выбора и самим принципам выделения сравниваемых категорий. Сказать *Благо лучше худа* значит сообщить, что благо — это благо, а худо — это худо (ср.: *Большое больше малого; Высокий выше низкого*). Поскольку такие суждения тавтологичны, то акт сравнения эквивалентен акту ценностного противопоставления, констатирующему значения соответствующих антонимов. Делая этические наставления, обычно не говорят *лучше делай добро, чем зло*, а пользуются автономными прескрипциями — запретом (*Не сотвори зла!*) и рекомендацией (*Твори добро!*).

Большинство ценностных сравнений основано на сопоставлении усложненных категорий добра и худа. Усложнение состоит в том прежде всего, что ценность добра может быть снижена некоторыми чертами, а ущербность объекта в одном отношении может возмещаться наличием у него положительных свойств в другом аспекте. Таким образом, в ситуации альтернативы человек должен положить на одну чашу весов "облегченное" добро, а на другую — компенсированное худо. Соотношение между чашами весов при этом может остаться прежним, но оно может измениться в пользу облагороженного худа. В первом случае возникают предложения *даже-предпочтения*, заключающие в себе некоторую уступку (*Даже худой мир лучше ссоры*); во втором случае — предложения обращенного предпочтения (*Добрая ссора лучше худого мира*).

Условия принятия решения, таким образом, усложнены. Между тем в основе выбора лежат достаточно простые принципы. La simplicité c'est la plus grande sagesse (В простоте — величайшая мудрость). И эта мудрость объясняется тем, что, как говорил Григорий Сковорода, "все простое правда, а все сложное — неправда". Пока речь идет о неспецифицированных категориях, главный принцип выбора состоит в том, что наличие, присутствие, обладание предпочтительней отсутствия, пустоты: *есть* лучше, чем *нет*, иметь хоть что-нибудь лучше, чем не иметь ничего. Отсутствие мыслится как отрицание наличия, а уже сам термин "отрицание" содержит в себе заведомо отрицательную оценку.

Мысль о том, что отношения между хорошим и плохим имеют привативный характер, и плохое возникает вследствие утраты нормативно хорошего, принимаемого за точку отсчета, достаточно устойчива. Указанное общее понятие о хорошем и плохом в приме-

нении к материальным категориям преломляется в виде противопоставления наличия отсутствию.

Исходный принцип выбора в некотором роде отражает стремление к заполнению вакуума, продиктованное страхом перед пустотой и нищетой. Он подчеркивается в серии пословиц: *Есть — слово как мед сладко, нет — слово как полынь горько; Есть лучше нета; При худе худо, а без худа и того хуже; Хорошего не стало — худое осталось, худого не станет — что останется? Лучше чем-нибудь, чем ничто; И капуста, да лучше пуста; Кое-что лучше, чем совсем ничего.* С этим принципом связаны утверждения, касающиеся приобретения (вступления в обладание): *Лучше найти, чем потерять.*

Показательно, что в общем случае плохое признается предпочтительным полному отсутствию того или другого объекта (разумеется, под плохим здесь не имеются в виду категории зла): *Плохое лучше, чем ничего; Грязная одежда лучше, чем совсем никакой; Лучше носить плохую обувь, чем ходить босиком; Чем совсем голым, лучше уж в заплатках; Лучше иметь плохую жену, чем быть холостым; Лучше жить с плохим человеком, чем в пустом доме; Лучше крикливый верблюд, чем никакого.* Отвергаемый "нуль" материализуется преимущественно в виде предметов потребления: нужду можно удовлетворить объектами плохого качества, но не пустотой. В своих представлениях о мире человек исходит из нормативности наличия того, что необходимо для его жизненных нужд: "Даст Бог жизнь, даст и хлеб".

Отношение между отсутствием и наличием чего-либо аксиологически асимметрично по разным причинам. Основная из них состоит в том, что сила желания не равна радости обладания, а радость обладания не равна огорчению от утраты. *Цену света во тьме узнают, Пока есть глаза, не понимаешь, что такое зрение.* Неуравновешенность энергетических центров заложена в природе человека: желание иметь сильнее удовлетворения от обладания, а радость обладания слабее огорчения от утраты. В этом ряду само обладание оказывается наименее эмоционально активным состоянием. Это различие в силе составляет приводной ремень деятельности. Асимметрия между *есть* и *нет* заключается в том, что отсутствие нужного нестерпимо, а его наличие — не более, чем норма: *Не так хорошо быть с деньгами, как плохо без них.* Первое является стимулом деятельности созидательной, второе — потребительской.

Человек всегда острее чувствует отрицательные состояния (отклонения от нормы), чем положительные, которые радуют лишь в минуту своего наступления, а уже в следующую минуту душа требует больших радостей. "Человек никогда не бывает так несчастен, как ему кажется, или так счастлив, как ему хочется" (Ларошфуко). Энергетический баланс постоянно нарушается издержками осуществления

¹ Приводимые в тексте пословицы взяты из сборников: *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1957; *Пермяков Г.Л.* Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1979. Пословицы даются без помет.

желания. Если отсутствие некоторого объекта (предмета, события) оценивается негативно, то наличие данной категории объектов (особенно если речь идет о "миропорождающих" объектах) не может быть заведомо признано хорошим. Отсутствующий объект мыслится в родовых терминах, наличный принадлежит узкой видовой категории, к общим свойствам которой прибавлены его более частные черты. Последние могут нести в себе такой отрицательный заряд, который способен заставить предпочесть "нуль". Родовая ситуация (*generic state of affairs*) мыслится как нормативная, а следовательно, хорошая; *Чего нет, то всегда хорошо*. Наступившее осязаемо. Оно может получить как положительную, так и отрицательную оценку.

Сентенции, в которых предпочтение отдается наличию, формулируются с позиций "неимущего", они проспективны и окрашены модальностями нужды и желания. Пословицы, заостренные на девальвированных, далеких от идеала ситуациях, исходят из наличия того или другого положения дел, и если оно признается отрицательным, предлагают радикальный выход из худа путем ликвидации самой ситуации. Так, например, желание заснуть и предпочтение сна характерно для человека, страдающего бессонницей, а бессонницу (отсутствие сна) предпочтет человек, у которого сон сопровождается тяжелыми сновидениями: *Лучше не мочь заснуть, чем быть мучимым кошмарами*, ср.: *Лучше ходить холостым, чем на сварливой жениться*.

Всякое наличие чревато отрицательными следствиями, и познавший их склонен изменить основному принципу выбора.

Из "экзистенциального" принципа выбора (*Лучше, пусть будет*) вытекает, что реальное следует предпочесть потенциальному: *Лучше "слава Богу", нежели "дай Бог"*; *"Дай Бог" — хорошо, а "слава Богу" — лучше*; *Одно нынче лучше двух завтра*; *Лучше синица в руке, нежели журавль в небе*; *Ближнее лучше дальнего*.

Второе естественное следствие из ключевой формулы предпочтения состоит в том, что много лучше, чем мало. Если удовлетворено условие наличия, то предпочтение отдается количественному превосходству: *Много — хорошо, а больше — лучше того*; *Остаток лучше недостатка: из большего убавить можно*. Однако стремление к умножению благ ограничено чувством меры. Большое количество имеет тенденцию переходить в плохое качество, ср. следующую серию пословиц: *Лучше не договорить, чем переговорить*; *Недобранка лучше перебранки*; *Перерод хуже недорода*, *Пересев хуже недосева*; *Переученный хуже недоученного*; *Чрезмерная мудрость хуже глупости*; *Лучше не дойти, чем зайти слишком далеко*. Всякое слишком, чрезмерно, чересчур, пере- создает отрицательную оценку (Вольф, 1981, с. 393—394). В этой серии пословиц часто используется "нисходящий" компаратив хуже, поскольку в них заложено возражение против максималистской тенденции.

Количественный аспект добра имеет существенное значение в оценке и вытекающих из нее прескрипциях. Положительная оценка не допускает превышения золотой середины. И хотя можно встретить порожденные скудостью жизни максималистские запросы типа *Чем*

больше хорошего, тем лучше, преобладает мудрость умеренности: Мало работы и мало пищи лучше, чем пресыщение и праздность.

Пословицы отдают предпочтение удовлетворению потребностей, которые требуют малого, и бичуют насыщение и пресыщение желаний, которые требуют все большего.

МЕХАНИЗМЫ ВЫБОРА

Рассмотрим механизмы выбора из усложненных обесценивающими и компенсирующими признаками категорий добра и зла.

Во всех тех случаях, когда предложения предпочтения включают в одной своей части признаки, снижающие ценность добра, а в другой — признаки, улучшающие зло, перекрещиваются две разнонаправленные оценки. Одна пара аксиологически поляризованных понятий образует костяк утверждения, другая указывает на дополнительные признаки. Один из этих признаков компенсирует зло, а другой снижает ценность добра. Введенные в ценностное сравнение частные признаки также подчинены принципу поляризации.

Вследствие наложения на основное противопоставление вспомогательного отношения между чашами весов может либо сохраниться, либо измениться в пользу компенсированного зла. Г.Л. Пермяков, положивший в основу изучения пословиц понятия инвариантных тематических пар и связывающих их отношений, отметил явление "двойного противопоставления" типа *Свой черный хлеб лучше чужих пирогов* (Пермяков, 1978, с. 130—131). Поскольку автор рассматривает только связи, организующие основной смысл пословицы, отношения "порчи" и компенсации, существенные для строения частей пословицы, в статье не выделены. Эти отношения введены в формальный аппарат изучения пословиц М.А. Черкасским, который специально анализирует случай наложения отношений концессии (девальвации) и адверсии (компенсации) на отношения предпочтения. Автор видит в них единое отношение "адверсии — концессии". Статья М.А. Черкасского посвящена модификациям, которые испытывают в пословицах и афоризмах отношения предпочтения. В ней описаны и разного рода "семиотические фокусы", т.е. отклонения от нормальной семантической структуры, в том числе и шуточные (Черкасский, 1978, с. 42 и след.).

Проиллюстрируем ситуацию перекрестных оценок. Предположим, даны два ценностных противопоставления, имеющих противоположную направленность: 1) основное (ядерное): *Вежливость лучше хамства* и 2) вспомогательное: *Принужденность* (в поведении) *хуже непринужденности*. Их скрещение может дать предложение *даже-предпочтения: Вынужденная вежливость лучше непринужденного хамства* (= Даже вынужденная вежливость лучше непринужденного хамства). В такое предложение могут быть включены уступительные модальные частицы *все же, все-таки, и то: Вынужденная вежливость все же (все-таки, и то) лучше непринужденного хамства*. Смысл подобных суждений состоит в том, чтобы подчеркнуть незыблемость ценностных отношений между основными категориями, то есть бес-

полезность "подрывных" усилий. Постольку, поскольку отвергается некоторая категория в целом, компенсирующий признак не очень существен и соответствующее ему прилагательное может быть исключено из предложения. Его введение (обычно выбирается полярный признак) имеет своей целью эмфазу: *Вынужденная вежливость все-таки лучше хамства, даже непринужденного (пусть хотя бы и непринужденного)*. Компенсирующая уступка не достаточно 'весома', чтобы реабилитировать отвергаемую категорию.

Введение дополнительных признаков может изменить соотношение между чашами весов. Ценностное сравнение в этом случае инвертируется. Из скрещения тех же двух исходных предложений можно извлечь обратную формулу предпочтения: *Вынужденная вежливость хуже непринужденного хамства или Непринужденное хамство лучше вынужденной вежливости*. Предпочтение в этом случае основано на неукоснительном требовании искренности, распространяемом на все виды человеческих контактов. Это может быть мнение жертвы "издевательства вежливостью".

Рассмотрим более подробно *даже-предпочтения*. Их основная масса соответствует этическим сентенциям. Этические формулы предпочтения редко инвертируются: *Ремесло лучше воровства → Худое ремесло лучше хорошего воровства; Мир лучше ссоры → Худой мир лучше доброй ссоры (драки, брани); Лучше торговать, нежели воровать → Лучше с убытком торговать, чем с барышом воровать*.

Дополнительная аксиологическая или количественная характеристика противопоставляемых этических категорий работает не на их сближение, а на их категорическое разделение. *Даже-предпочтения* распространены среди четко между собой разграниченных концептов, не образующих скалярно-антонимического комплекса, в котором крайние точки соединены шкалой постепенного перехода от одного качества к другому.

Согласно исходному количественному принципу выбора "есть" лучше, чем "нет", а "больше" лучше, чем "меньше". Однако в случае устойчивых иерархических отношений малость не смещает выбора, а лишь подчеркивает ценность избираемого. Редуцированное хорошее не становится хуже гиперболизированного худшего (не столь хорошего): *Рыба лучше таракана → Маленькая рыбка лучше большого таракана; Красота лучше богатства → Как говорят мудрецы — небольшая красота лучше большого богатства (Саади); Пчела лучше мухи → Одна пчела лучше роя мух; Зерно лучше мякины → Лучше иметь маленькую кучу зерна, чем большую кучу мякины*.

Введение количественных показателей служит целям эмфазы. Эмфаза хорошего достигается признаком количественной малости, негодность худшего, отвергаемого подчеркивается его количественным умножением.

Укоренившиеся представления о ценностях не всегда расшатываются и качественной ущербностью позитивного члена альтернативы: *Стоянка лучше похода → Худая стоянка лучше доброго похода; Молчанье лучше ворчанья → Худое молчанье лучше доброго ворчанья; Мир лучше ссоры → Худой мир лучше доброй ссоры; Вареники*

лучше галушек — Таки-сяки веренички, а все лучше галушек; Квас лучше воды — И худой квас лучше хорошей воды.

Девальвирующий признак обычно антонимичен признаку компенсирующему, например: *О, мой отец, ведь лучше низкорослый мудрец, чем рослый глупец* (Саади); *Ты, верно, слышал, как худой мудрец такую речь с невеждой толстым вел: пусть конь арабский даже очень худ, он лучше чем откормленный осел* (Саади); *Лучше быть старым львом, чем молодой гиеной, Горькая правда лучше сладкой лжи.*

Более информативны те ценностные сопоставления, в которых "уценка" хорошего и компенсация плохого (или менее хорошего) инвертирует формулу предпочтения. Девальвирующие и компенсирующие признаки здесь также не только соотносительны, но прямо противопоставлены. В инверсии ценностей участвуют следующие типы антонимов: *мало — много, хорошее — плохое, свое — чужое, близкое — дальнее, приятное — неприятное, своевременное — несвоевременное, живое — мертвое.* К этому ряду примыкают антонимы из области психологической характеристики человека, например: *умный — глупый, честный — нечестный, благодарный — неблагодарный, щедрый — скупой* и т.п. Существенную роль в инверсии предпочтения играет "фактор судьбы", возмещающей изъяны ума, воли и лень (считается, что дуракам и лентяям всегда везет) и обесценивающей личные усилия умных и волевых людей.

Таким образом, компенсирующие и девальвинирующие атрибуты относятся к следующим сферам: количеству, качеству, вероятностной оценке, вкусам, привычкам и природным связям человека, психологической характеристике, "фактору рока" и некоторым другим.

Отношение предпочтения может быть инвертировано и тогда, когда позитивное качество превысило меру. "Перехорощее" оценивается как плохое: *Слишком хорошо — тоже нехорошо; И хороший запах, если он слишком крепок, плох; Хотя Сладкое лучше горького, но: Лучшее горькое, чем приторно-сладкое.* Здесь, как и в отношении количества, хорошей считается средняя норма ("золотая середина"). "Слишком" одинаково плохо и в применении к количеству и в применении к хорошему качеству, и только, имея в виду беспредельно плохой оборот дел, говорят *Чем хуже, тем лучше.*

Приведем примеры семантической структуры наиболее распространенных типов инвертированных суждений, распределенных по группам в зависимости от налагаемых на основные понятия дополнительных характеристик:

1) Много — мало. Количественное превосходство в ряде ситуаций покрывает качественные изъяны. Это происходит тогда, когда выбор диктуется нуждой, необходимостью удовлетворять неисчезающую, постоянно возобновляющуюся потребность, например: *Хорошее лучше плохого, но: Лучшие много плохого, чем чуть-чуть хорошего; Плов лучше каши, но: Чем ложка плова, лучше обильная каша.*

2. Хорошее — плохое. Качественное превосходство во многих случаях покрывает количественную малость или недостаточность,

повышает иерархический ранг: *Количество — хорошо, но качество — еще лучше; Вместо многого, но скверного, лучше мало, но хорошего, например: Иметь стадо лучше, чем иметь одну корову, но: Чем плохое стадо, лучше одна хорошая корова; Знать десять ремесел лучше, чем одно, но: Лучше знать одно ремесло хорошо, чем десять плохо; Жизнь лучше, чем смерть, но: Лучше хорошая смерть, чем плохая жизнь.*

Качественное превосходство является наиболее мощным рычагом инверсии аксиологических отношений: *Хорошее: молчанье лучше худого разговора; Лучше хорошо молчать, чем плохо говорить; Лучше хорошо поругаться, чем плохо помириться, Лучше быть врагом хорошего человека, чем другом плохого; Хороший враг лучше плохого родственника; Добрый сосед (друг) лучше злого брата.*

3. Свое — чужое. В этом разряде сравниваются конкретные предметы, но в большинстве случаев имеется в виду не столько превосходство одного предмета над другим, сколько выбор между ситуациями обладания или пользования своей или чужой собственностью, либо привязанность, склонность к родному или чужому, например: *Хорошее мило, плохое постыло, но: Чужое и хорошее постыло, а свое и худое, да мило; Рубль лучше гривны, но: Домашняя гривна лучше заезжего рубля; Пирог лучше сухарей, но: Свой сухарь лучше чужих пирогов. Ср. также: Плохое, да свое, лучше хорошего чужого; Свой черный хлеб лучше чужих пирогов; Своя вода лучше чужого масла; Своя сорная трава лучше, чем чужая пшеница; Своя борона лучше чужого плуга; Лучше есть свой черствый хлеб, чем чужую каурму; Свой хромой осел лучше здоровой лошади брата; Своя копейка дороже соседского рубля.*

Основания для предпочтения своего чужому неоднородны. Оппозиция "свое — чужое" интерпретируется в пословицах по-разному. Она может пониматься как "реальное — нереальное", поскольку свое гарантировано и доступно, оно предоставлено в пользование хозяина, чужое же — вне его воли и власти, например: *Гусиная кость в собственной руке лучше целого гуся в чужой кастрюле; Грубая шерстяная одежда на тебе лучше одежды из шелка и виссона на других; Свои ноги лучше ног двоюродного брата.* Рекомендация предпочитать свое, каково бы оно ни было, может пониматься как совет довольствоваться своим, не зариться на чужое, не завидовать другим. Это позиция "скромного собственника". Предпочтение своего чужому может также отражать позицию "гордого и независимого бедняка", неимущего, который ничего не просит у богатых и не принимает милостей: *Хоть и ценна одежда, подаренная царем, но свое изношенное платье еще ценнее; хоть и вкусны угощения вельмож, но кусок хлеба из своей котомки еще вкуснее (Саади).*

Предпочтение своего чужому часто отражает эмоциональную привязанность к родному дому (земле, краю, родичам, семье и т.п.); это позиция патриота: *Лучше, чем роза в чужбине, шип в отечестве; Мед лучше водки, а отцовский дом лучше земли, содержащей золото и серебро; Глоток воды на родной земле лучше, чем мед на чужбине; Каменный дождь в родном краю лучше золотого дождя на чужбине.*

Позиция патриота обладает наибольшей инвертирующей способностью: она не считается ни с жертвами, ни с уступками: *Лучше дома иметь половину, чем целое на чужбине; Лучше быть в своем ауле подошвой, чем на чужбине султаном; Лучше быть на родине бедняком, чем в Каире царем.* Наконец, можно встретить сентенции, указывающие на смещения и капризы в оценке своего и чужого, вызванные субъективными факторами (завистью, любовью, привязанностью к своему и пр.). Зависть направлена прежде всего на то, что рассматривается как предмет обладания, т.е. отчуждаемая собственность, а кровная любовь — на то, что является неотъемлемо своим: *Свои дети всегда лучше чужих, а жена — хуже; На чужом поле рис кажется лучше, свои дети кажутся краше.* Сентенции этого типа отражают диалектику неправильных оценок: зависть "работает" в пользу чужого, кровная любовь — в пользу своего. В этом разряде ценностное сравнение касается объектов одного класса, но различающихся по своей принадлежности.

4. Ближнее — дальнее (реальное—потенциальное, доступное—недоступное, наличное—отсутствующее, гарантированное—проблематичное). В этом разряде, как и в предыдущем, речь идет преимущественно об объектах потребления, например: *Сено лучше соломы, но: Ближняя соломка лучше дальнего сенца; Хваленка лучше хаянки, но: Ближняя хаянка лучше дальней хваленки.* Отсюда прямо вытекает следующая рекомендация: *Не стремись к дальней хваленке, бери ближнюю хаянку; Родня лучше соседа, но: Ближний сосед лучше дальней родни.* Ср. также: *Воробей в руках лучше обещанного павлина; Оставшиеся ножны лучше утерянной сабли; Пойманный заяц лучше зайца, которого надо поймать; Пойманная птица лучше непойманного зверя; Звезда, что налицо, лучше отсутствующего солнца; Когда говорят "у меня есть", это лучше, чем "у меня было"; Лучше сегодня курдюк, чем завтра баран; Сегодняшнее яйцо лучше завтрашней курицы.*

5. Даровое (дареное) — купленное: *Ремень лучше лыка, но: Даровое лычко лучше купленного ремешка.*

6. Труд — лень (разбой, хищность): *Говорят, что среди животных лев — высшее, а осел — низшее, но осел, ношу таскающий, поистине лучше, чем лев, людей раздирающий (Саади) Пусть ум осла бывает невелик, ему почет, коль к ноше он привык. С поклажей вол иль ослик терпеливый почетнее, чем человек бранчивый (Саади).*

7. Мир — ссора: *Лучше жениться на богатой, чем на бедной, но: Лучше на убогой жениться, чем с богатой браниться.*

8. Честный — нечестный способ достижения благ жизни (хорошего): *Лучше быть на свободе, чем в оковах, но: Пускай, сказавши слово правды, ты все же останешься в оковах. Но это лучше, чем неправдой найти спасенье от оков (Саади); Каравай лучше, чем ломоть, но: Лучше заработанный ломоть, чем краденый каравай.*

9. Приятный — неприятный; сладкий — горький: *Ложь хуже правды, но: Сладкая ложь лучше горькой правды;*

10. Ум — глупость (умный — глупый): *Лучше найти, чем потерять, но: Лучше с умным потерять, чем с дураком найти: с дураком и найдешь, да не разделишь; Быть в раю лучше, чем в аду, но: Лучше с умным в аду, чем с глупым в раю; Правда лучше лжи, но: Умная ложь лучше глупой правды.*

11. Щедрость — скупость: *Богомolec лучше мирянина, но: Великодушный муж, который ест сам и дает другим, лучше богомольца, владеющего благами и приберегающего их (Саади).*

12. Благодарность — неблагодарность: *Высшее из созданий по облику — это человек, а низшее — собака, но по единодушному мнению мудрецов, благодарная собака лучше неблагодарного человека (Саади).*

13. Радость — горе: *Лучше мед пить, чем воду, но: Лучше воду пить в радости, чем мед в кручине; Лучше есть пирог, чем хлеб, но: Лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой. Лучше хлеб, когда сердце радуется, чем богатство с горем.*

14. Честь — унижение. *Жить лучше, чем умереть, но: Если будут продавать воду жизни ценою чести, мудрый человек не станет ее покупать, ибо лучше умереть в мучении, чем жить в унижении (Саади); ср. также: О боги! — возопил, стеная Лев тогда, — Чтob не дожить до этого стыда, Пошлите лучше мне один конец скорее! Как смерть моя ни зла; Все легче, чем терпеть обиды от осла (И. Крылов). Однако низость нравственного порядка все же еще хуже, чем униженная мольба: Нет, лучше руку я протяну за серебряным грошом, а то сворую золотой и отсекут ее мечом (Саади). Лучше по миру собирать, чем чужое брать; Лучше попросить ради Христа, чем отнять из-за куста.*

15. Доброта — злоба: *Красавцем быть лучше, чем уродом, но: Лучше быть добрым уродом, чем злым красавцем.*

16. Счастье — несчастье (везенье — невезенье): *Умным быть лучше, чем глупым, но: Лучше быть глупым, да счастливым, чем умным, да несчастным; Лучше быть глупым, да удачливым, чем умным неудачником.*

17. Престижное — непрестижное: *Богом быть лучше, чем чертом, но: Лучше быть чертом в большом храме, чем богом в маленьком; Первым быть лучше, чем последним, но: Лучше быть последним в городе, чем первым на деревне.*

18. Живое — мертвое: *Река лучше ручья, но: Текущий ручей лучше высохшей реки; Тигр (лев) лучше мыши (собаки), но: Живая мышь (собака) лучше мертвого тигра (льва).*

19. Своевременное — несвоевременное: *Золото лучше похлебки, но: При голоде глоток похлебки лучше золота; Прийти рано хорошо, но: Прийти вовремя лучше, чем прийти рано; Много стежков лучше, чем мало но: Стежок, сделанный вовремя, ценнее девяти стежков; Смеяться лучше, чем плакать, но: Лучше плакать кстати, чем смеяться не вовремя. В этом последнем предложении речь идет об оценке с точки зрения норм поведения.*

20. Дружба — вражда: *Пить мед лучше, чем воду, но: У друга пить воду лучше неприятельского меду.*

21. Имеющее хорошие/плохие последствия или цель: *Правда лучше лжи, но: Мудрецы говорят, что ложь, преследующая благую цель, лучше правды, ведущей к бедствию* (Саади); тоже в пословице: *Лучше ложь, приносящая пользу, чем правда, приносящая вред; Быстро передвигаться лучше, чем медленно, но: Идти шагом и отдыхать лучше, чем бежать бегом и свалиться* (Саади); *Веселье лучше горя, но: Горе, несущее радости свет, лучше веселья — предвестника бед* (Саади).

В ряде случаев обесценивающие и компенсирующие признаки, ведущие к инверсии ценностного отношения, не эксплицируются совсем, например: *Иное боярство хуже пономарства* = Есть такой вид боярства, которому следует предпочесть пономарство; *Иная слава хуже поношения* = Хотя слава лучше поношения, есть такие виды славы, которым следует предпочесть поношение = Не всякая слава лучше поношения; *Иные оборыши лучше выборышей* = Хотя оборыши хуже выборышей, бывают такие оборыши, которые следует предпочесть выборышам.

В таких предложениях реализуется либо дискредитация некоторой категории блага, либо реабилитация некоторой части худа, то есть производится сопоставление в и да добра (худа) с родом худа (добра). Направление сравнения определяется соотношением видового и родового понятий, и это вполне естественно, поскольку выделяемый из состава класса вид составляет тему сообщения.

В зависимости от того, происходит ли выделение вида из состава добра или худа, предложение строится на базе положительного компаратива *лучше* или компаратива отрицательного *хуже*, ср.: *Иная слава (похвала) хуже поношения (брани)* и *Иное поношение лучше славы*; *Иные оборыши хуже оборышей* и *Иные оборыши лучше выборышей*.

Инверсия ценностного отношения может быть дейктически конкретизирована относительно частного случая: *Это (такое) боярство хуже пономарства; Эта (такая) слава хуже поношения*. Если детерминатив *иной* употребляется в общих суждениях, в которых он имеет экзистенциальный смысл, то детерминатив *такой* анафорически или дейктически конкретизируется. Общее суждение, таким образом, получает прагматическую разработку. Сопоставление может касаться либо частного случая и рода (*Эти оборыши лучше выборышей*), либо частного случая и вида (*Эти оборыши лучше иных выборышей*). Предложение обычно начинается с дейктически оформленного члена: *Эта (такая) жизнь хуже смерти, Эта (такая) слава хуже иного поношения*. Порядок слов может быть инвертирован, вследствие чего логическое ударение на первом имени усиливается: *Иные выборыши хуже этих оборышей, Иная осень лучше такого лета*.

СРАВНЕНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИ ОДНОРОДНЫХ КАТЕГОРИЙ

Существует группа аксиологических суждений, в которых устанавливается соотношение ценностей в пределах либо хорошего, либо плохого. Аксиологическая однородность терминов сравнения вы-

является частицами. Относящиеся к этой группе высказывания могут быть построены по следующим моделям: 1) X — хорошо, а Y — (еще, и того) лучше, 2) Y (еще, даже) лучше (чем) X, 3) X — хорошо, но (все же) хуже (чем) Y, 4) X (все же) хуже (чем) Y, 5) X — плохо, а Y (еще, и того) хуже, 6) Y (еще, даже) хуже (чем) X, 7) X — плохо, но (все же) лучше (чем) Y, 8) X (все же) лучше (чем) Y.

Первые четыре типа предложений устанавливают соотношение ситуаций и категорий в пределах добра. Модели (2) и (4) являются сокращениями соответственно моделей (1) и (3). С логической точки зрения все четыре типа предложений равнозначны. Модели (3) и (4) практически не используются. В пословицах позитивные аксиологические характеристики идут *crescendo* а не *diminuendo*. Говорят *Богатство хорошо, а здоровье лучше того, а не Богатство хорошо, но все же хуже чем здоровье*. Неприняты также высказывания типа *Талант хуже здоровья (счастья), Ум хуже доброты (Быть умным хуже, чем быть добрым), Приданое хуже доброго нрава* и т.п. Этот же смысл, выраженный инвертированно, приемлем: *Здоровье (счастье) лучше любых талантов; Доброта лучше ума (лучше быть добрым, чем умным); Добрый нрав лучше приданого*. Нисходящий аксиологический ракурс в сфере добра избегается и неафористической речью.

Последние четыре типа приведенных выше моделей устанавливают соотношение ситуаций и категорий в сфере отрицательных явлений. Они также логически эквивалентны между собой. Модели (6) и (8) являются сокращениями соответственно моделей (5) и (7). В этой сфере используются все возможные типы. Различие между моделями (5) и (6) — с одной стороны, и (7) и (8) — с другой состоит в том, что первые дают пессимистическую интерпретацию ситуации, а вторые трактуют плохой оборот дел оптимистически.

В сентенциях типа (1) и (2) коммуникативный акцент сосредоточен на том, что лучше. В них не только устанавливается аксиологическая иерархия состояний, но и подчеркивается особое достоинство лучшего из них: хорошее создает фон для лучшего. Рекомендация выбора при этом может заменяться просто похвалой. Сравнение лучшего с хорошим делает упор на положительных свойствах лучшего (пока оно не становится врагом хорошего): *Ряда — дело хорошее, а устойка и того лучше; В гостях хорошо, а дома лучше; Ум хорошо, а два лучше; Хорошо гостит девка, а и того лучше дома сидит; Хорошо птичке в золотой клетке, а и того лучше на зеленой ветке; Уметь говорить хорошо, уметь слушать — еще лучше*.

Такие пословицы уместны в момент смены ситуаций. Но возможны и другие условия их использования: о ценности предпочтительного (лучшего) состояния вспоминают при его утрате. В таком случае в первом члене ставится наличное благо: *Талант (ум, богатство, удача) хорошо, а здоровье лучше*. В высказывание вносится оттенок уступительности. Вне прагматической прикреплённости пословица *Богатство хорошо, а здоровье лучше того* акцентирует высокую ценность здоровья. Она близка по значению к высказываниям типа *Здоровье — основа всего*. Такие предложения не только не решают, но и не ставят проблемы выбора. Поэтому контрастирующий термин

сравнения может меняться (*Красота хорошо, а здоровье лучше, Хорошо иметь чины, а здоровье лучше*) или совсем устраняться (*Здоровье лучше всего; Здоровье лучше всех даров судьбы*). В последнем случае здоровье выделяется из совокупности благ мира, а сравнительная степень преобразуется в превосходную.

Таким образом, предложения типа (1) и (2) могут подчеркивать высшую ценность объекта (Y), и тогда второй термин (X) либо деконкретизируется (*Здоровье лучше всех благ мира*), либо стандартизируется (*Здоровье дороже золота*). Но этот разряд предложений может также указывать на иерархию ценностей в пределах добра: *Запасливость лучше богатства; Добрая природа лучше тысячи шелковых платьев* (Саади); *Женский ум лучше всяких дум; Честь пива лучше* (имеется в виду честь приглашения); *Сладкий голос много лучше, чем лицо прекрасной деви* (Саади); *Лучше уметь слушать, чем говорить*. В этом разряде предложений второй компонент не безразличен для смысла суждения. Высказывания о сравнительном добре не связаны прямо с ситуацией сознательного решения альтернативы. В них речь идет о дарах судьбы и природы, а не о выборе жизненного пути.

Компаративы, относящиеся к худу, имеют две разновидности: оптимистическую (X плохо, но все же лучше, чем Y) и пессимистическую (X плохо, а Y и того хуже). Компаратив *лучше* в первом типе (ему соответствуют модели (7) и (8)) означает "менее плохо", "не так еще плохо": *Лучше знаться с дураком, чем с кабаком; Лучше пряничать, чем бражничать*.

Оптимизм общих суждений о худе основан либо на принципе "бывает хуже", либо на понимании того, что обратная ситуация была бы еще хуже (принцип "При худе худо, а без худа и того хуже"). Оптимистический взгляд на вещи преобразует негативную оценку в относительно позитивную. Худо выигрывает от сравнения с еще большим худом: *Худа ременная плеть, а все лучше мочальной; Плохо стужа да нужда, а все лучше худого мужа; Худ мой Устим, да лучше с ним; Как жить нитошно, а умирать тошней; Лихо жить в нуже, а в горе и того хуже; Лучше век терпеть, чем вдруг умереть; Лучше скучать по своему другу, чем томиться в его обществе* (Саади).

Оптимизм, проистекающий из мысли о необходимости поступаться этическими принципами, имеет оттенок цинизма: *Худая увертка, а все лучше с ней*.

Как говорит арабская пословица, "И среди зол есть выбор". Пословичные суждения мало чем отличаются от суждений, выражаемых в философии морали. И те и другие продиктованы здравым смыслом. Спиноза писал, что "из двух благ мы по руководству разума будем следовать большему, а из двух зол — меньшему" (Спиноза, 1957, с. 574). В этом последнем случае, естественно, количественный принцип предпочтения инвертируется: меньшее зло лучше, чем большее, например: *Лучше половина зла, чем все зло; Лучше быть наполовину слепым, чем полностью слепым; Хромой лучше, чем разбитый параличом; Ехать верхом на собаке лучше, чем идти пешком*.

Однако в этой области может действовать и другой критерий предпочтения. Человек даже в критической ситуации стремится сох-

ранить достоинство (принцип "Погибать, так с музыкой"): *Если пасть, то лучше с коня, чем с осла; Пусть лучше крокодил проглотит, чем мелкая рыбешка изгрызет; Пусть лучше один волк съест, чем тысяча собак.*

В пословицах этого типа "область зла" обычно задается родовым понятием, а выбор производится из числа вариантов, различающихся деталями (способом гибели). Речь здесь идет не о ситуациях поляризации, а о ситуациях градации (или варьирования) признаков. Установка на то, чтобы, принимая решение, выбирающий не пренебрег и ничтожным преимуществом или в случае малости своих возможностей не отказался от их реализации, требует уменьшения разницы между сравниваемыми положениями дел, их сближения, а не разведения: *Лучше идти мелкими шагами, чем сидеть.* Поляризация ситуаций типа "Лучше бежать, чем неподвижно лежать" не отвечала бы смыслу рекомендации. Когда зло создается отсутствием необходимых объектов, оптимистический вариант пословиц советует довольствоваться ущербным субститутутом (принцип "На безрыбьи и рак рыба"): *Лучше пусть будет кривой дядя, чем никакого.*

Пессимистический подход (модели 5 и 6) опирается на то же основание: противопоставленная ситуация девальвирована, она хуже исходной. Однако, в отличие от оптимистического варианта, исходная ситуация от этого нисколько не выигрывает. Она не становится в глазах говорящего более желательной. То зло, которое представлено в ней как меньшее, остается неприкрашенным: *Не лечиться — худо, а лечиться — еще хуже (= И хорошая аптека убавит века = Аптека и лечит, так калечит); С мужем — нужна, без мужа и того хуже, а вдовой и сиротой хоть волком вой.*

Пессимистический вариант сопоставляет альтернативные ситуации, покрывающие все (или большинство) жизненных положений определенного рода. Здесь действует принцип "куда ни кинь, все клин" (ср.: *В земле черви, в воде черти, в лесу сучки, в суде крючки — куда уйти?*).

Высказывание *Лихо жить в нуже, а в горе и того хуже* оптимистично уже в силу того, что горе не является необходимой альтернативой нужды. Ситуация горестной жизни выбрана лишь для того, чтобы продемонстрировать не экстремальность нужды на шкале худого. Между тем высказывание *Не лечиться худо, а лечиться еще хуже* в ситуации болезни (а оно именно в ней и используется) пессимистично по той причине, что в нем сравниваются положения дел, прямая оппозиция которых говорит о том, что третьего быть не может.

"Оптимистические" пословицы употребляются в применении к той ситуации, которая представлена как менее плохая (лучшая). Они служат своего рода абстрактным утешением (*Бывает хуже!*). "Пессимистические" пословицы употребляются чаще в применении к той ситуации, которая представлена как худшая. Они либо служат отрицательной эмоциональной реакцией на худо (тогда их пессимизм не глубок), либо выражают мысль о том, что все повороты жизненного пути ведут к худу, т.е. что жизненный лабиринт не имеет выхода: *Я верю не в непобедимость зла, а только в неизбежность поражения* (Г. Иванов).

СУБЪЕКТ МНЕНИЯ

В общих суждениях о предпочтении можно найти рефлексy разных систем ценностей. Выражая субъективное отношение к действительности, они не могут, в отличие от объективных суждений, порвать все связи с субъектом мнения. Если оставить в стороне некоторые ценности, входящие в общий для человечества нравственный императив, то высказывания о соотношении ценностей релятивизованы относительно конкретного субъекта или некоторого номинального класса. Было бы странно сказать *Петя считает, что за зимой идет весна*, но вполне естественно услышать *Петя считает, что весна лучше зимы*. В первом случае констатируется закон природы, во втором выражается мнение.

В предложениях о предпочтении имеется специальная синтаксическая позиция для указания того, кому, у кого или для кого (для какого типа людей) характерен выбор тех или других ценностей: *Снесивому хвала лучше дара; Для мудрого человека быть богатым воздержанием лучше, чем быть богатым состоянием* (Саади); *Мудрецы говорят: "Счастье дается не по труду"*, и потому лучше причинять себе меньше волнений (Саади); *Для гордого человека лучше вынести беду, чем у чужого одолжиться* (Саади), ср. также: *Таков уж русский человек: страсть сильная зазнаться с тем, который бы хотя одним чином был его повыше, и шапочное знакомство с графом или князем для него лучше тесных дружеских отношений* (Гоголь).

Одной только связи со своенравным субъектом вполне достаточно для того, чтобы инвертировать стандартные представления о иерархии ценностей: *Покажется сатана лучше ясного сокола*.

Соотнесенность с субъектом мнения существенна для общих высказываний о предпочтении. Именно эта черта, даже если она не эксплицирована, определяет наличие в ценностных суждениях и некоторых других прагматических признаков. Так, повторяя суждение о предпочтении, говорящий может солидаризироваться с ним или от него отмежеваться. Отрицательная характеристика субъекта мнения прямо свидетельствует о несогласии с ним говорящего, например: *Низкий не ест, он всегда бережет. "Лучше еды, — говорит он, — терпенье"* (Саади). Такие высказывания полемичны и тем самым диалогичны. Они могут употребляться в споре о ценностях, т.е. быть предназначены для возражения собеседнику: — *Молчи, — воскликнул дервиш, — лучше умереть в нищете, нежели обратиться со своей нуждой к кому-нибудь* (Саади). В диалоге субъект (обычно первого лица) часто оформляется предложением: *По мне, лучше бедствовать, чем одалживаться; По мне, лучше в петлю, чем на поклон; По мне, лучше переломиться, чем гнуться; По мне, лучше по миру собирать, чем чужое брать*. Ср. у Крылова: *Змея говорит: "И, словом, я добрей всех змей", а Крестьянин ей отвечает: "И потому с тобой мне не ужиться, что лучшая Змея, по мне, ни к черту не годится"*.

Участие ценностных высказываний в полемике предполагает противопоставление точки зрения говорящего мнению адресата. Тем самым общие суждения о ценностях и в особенности о иерархии ценностей получают соотношение не только с говорящим, но и с адресатом, и это делает более прочной их связь с коммуникативной ситуацией.

Наконец, оценочные компаративы сохраняют связь с коммуникативной целью. Они могут принимать форму императива: *Лучше не дари, да после не кори; Иди лучше домой, не дожидаясь побой; Лучше не давай, да не отнимай*. Значение таких предложений колеблется между императивным и генерализирующим, что особенно заметно в моралях басен: *По мне, уж лучше пей, да дело разумей*.

Таким образом, важной характеристикой общих аксиологических суждений, в частности компаративных, является их связь с коммуникативной ситуацией: на них всегда лежит налет прагматичности. Оторвавшись от обстановки речи, они сохраняют за собой право в нее вернуться. Это потенциальные блоки повседневного речевого обмена.

АНОМАЛИИ И ЯЗЫК

(Вместо заключения)

"Так вот всегда все от добра снижается ко злу и от зла поднимается к благу. Ибо добродетель порождает мир, мир порождает бездеятельность, бездеятельность — беспорядок, а беспорядок — гибель, и соответственно — новый порядок порождается беспорядком, порядок рождает доблесть, а от нее происходит слава и благоденствие"

(Макиавелли)

1

Нельзя, конечно, утверждать, что норма, правило и порядок хороши тем, что порождают отклонения, нарушения и беспорядок. Достаточно очевидно, однако, что эта последняя категория явлений играет заметную роль как в действии механизмов жизни и языка, так и в их познании. Сент-Экзюпери заметил, что "жизнь творит порядок, но порядок не творит жизни".

В известном споре между аналогистами александрийской школы, требовавшими унификации морфологических парадигм, и стоиками пергамской школы, отстаивавшими языковые аномалии, и те и другие по-своему правы. Этот спор поучителен тем, что в нем сторонники неупорядоченности выступали как хранители традиции, а поборники стандартных форм — как ее противники (Перельмутер, 1980, с.212—214). Нормализация языка может как запретить, так и санкционировать отход от парадигм. В последнем случае исключение становится правилом, а борьба против исключений — борьбой против правил.

Норма и аномалия не разделены глухой стеной. Покажем это на следующем примере. Жизнь в обществе предполагает специализацию. Каждая специальность способствует не только гипертрофии определенных знаний и навыков, но иногда и модификациям телосложения. В большинстве случаев ни сама специализированность, ни вызванные ею физические изменения (например, гипертрофия мышц у тяжелоатлетов) не рассматриваются как явление аномальное. Это видно уже из того, что в этой области, как ни в какой другой, действуют нормы и стандарты. Предполагается, что специализация есть развитие природных данных человека, а не нарушение пропорций. Вместе с тем искажающий эффект профессиональной деятельности (например, искривление ног у кавалириста) воспринимается как нарушение природных форм. Судить о том,

что соответствует замыслу Природы, а что его искажает, не просто, а в применении к "специализированным" животным (например, мопсам и таксам) и гибридным культурам и вовсе невозможно. Впрочем, в этом нет нужды, поскольку понятие нормы приложимо ко всему, что служит интересам человека. К нежелательным аномалиям приложима мера, но не норма. Они нуждаются не в примерах для подражания, а в мерах пресечения.

Термин "норма" используется нами как родовой: им мы обозначаем все виды и формы порядка, имея в виду и естественные нормы природы и созданные человеком правила и законы. Первые отрабатываются в стремлении природы к равновесию — необходимому условию ее существования; вторые создаются в ходе целенаправленной деятельности человека. И природа и общество постоянно нарушают свои правила, порядок и нормативы (о концептуальных полях нормы и антинормы см.: Арутюнова, 1987). Человек это делает потому, что его томит скукой и тоскою "однозвучный жизни шум". Почему это делает природа, мы не знаем.

Единичные и редкие в жизни человека и природы события, хотя они обычно наступают закономерно и неизбежно, хотя их нередко предвещает весь предшествующий ход происходящего, дают ощущение чрезвычайности и аномалии (это ~~совершенно~~ верно по отношению к негативным событиям). К ним хорошо подходит следующее высказывание Салтыкова-Щедрина: "Конечно, в жизни все следует предусматривать и на все рассчитывать, но есть вещи до того непредвидимые, что как хочешь их предусматривай, хоть всю жизнь о них думай, они и тогда не утратят характера непредвиденности". В жизни нормативное неожиданно, а предсказуемое поразительно.

Соответствовать норме значит быть "как все" и "как всегда". Но это также значит быть порядочным и *comme il faut*. Поле нормативности граничит с концептами обыденности, предсказуемости, привычности. Привычка — это слабо мотивированная норма индивидуального поведения. Концепт нормы может развиваться как в сторону положительных, так и в сторону отрицательных оценок.

Если рассматривать концепт нормы безотносительно к характеру отклонений, то он варьируется по следующим основным признакам¹: 1) возможность/невозможность отклонений (абсолютность/относительность норм), 2) социальность/естественность ("рукотворные"/"нерукотворные" нормы), 3) позитивность/негативность (рекомендательные/запрещающие правила), 4) растяжимость (вариативность)/стандартность (среднестатистические/точные нормы), 5) диахронность/синхронность (закономерность развития/правила функционирования), 6) престижность/непрестижность (для социальных норм).

Концепт нормы применим практически ко всем сферам жизни — явлениям природы, естественным родам, выведенным культурам, артефактам, организмам и механизмам, погоде, социальным явлениям, поведению людей и их действиям (деонтические нормы), экономике, искусству,

¹ Классификация нормативных суждений разрабатывалась многими логиками, в частности фон-Вригтом (Wright, 1963) и А.А. Ивиным (1967 и 1973). В указанных работах А.А. Ивина содержится обзор и критика разных таксономических систем и приводится обширная библиография по теме.

науке, языку и мышлению, профессиональным действиям, играм, спорту и т.п. В сущности основные механизмы жизни сводятся к борьбе хаоса и космоса, закона и беззакония, отвечающим деструктивному и конструктивному началам, причем творчество связано как с тем, так и с другим.

Польза порядка очевидна, польза отклонений от нормы нуждается в обосновании. Некоторый свет на роль аномальных явлений в развитии мысли проливают данные языка. В еще большей степени ее освещают многочисленные факты из истории науки.

Человек воспринимает мир избирательно и прежде всего замечает аномальные явления, поскольку они всегда отделены от среды обитания¹. Непорядок информативен уже тем, что не сливается с фоном. Аномалия часто загадочна или опасна. Она поэтому заставляет думать (творит мысль) и действовать (творит жизнь). И то и другое требует усилий. Было бы неэкономно доводить до сведения других обо всем том, что соответствует норме. Сообщают и доносят о девиациях. Более того, несообщение о чрезвычайных событиях может расцениваться как сокрытие.

Понятие причины и причинных отношений, фундаментальное для развития систем знаний, сформировалось под давлением аномальных фактов. Человек ищет причины болезней и не задумывается над тем, почему он здоров. На поиск причин наводят расстройства в микро- и макрокосмосе. Причины стремятся выяснить и устранить. Если же речь идет об обеспечении того, что необходимо для достижения положительных целей, то говорят не о причинах, а об условиях: условия *создают*, причины *устраняют*. Глагол *причинять* сочетается с обозначением отрицательных аномальных явлений: вред (зло) *причиняют*, пользу (добро) *приносят*.

Греческое слово *aitia* 'причина' означало также вину, ответственность за вред или зло. Это значение, давшее серию производных (*anaitios* 'невиновный', *aitiama* 'вина', 'преступление' и др.), преобладало в языке юриспруденции. В языке философии на первый план выдвинулось значение причины (ср. такие производные, как *aitiodes* 'каузальный', *aitiologikos* 'этиологический'). В языке же медицины *aitia* означало 'болезнь'. Раздел медицины о причинах болезней называется этиологией. В этом слове пересеклись философское и медицинское семантические поля. По модели греч. *aitia* отчасти развивалось значение лат. *causa* 'причина', корень которого вошел в такие производные, как *accusatio* 'обвинение' (Chantraine, 1983, p. 41). Финское *syu* также совмещает значения причины и вины (Wright, 1963, p. 56).

В русском языке существительному *вина*, наряду с его современным значением, было присуще значение "причина". В "Словаре" В.И. Даля

¹ В гештальтпсихологии принято говорить о контрасте "фигуры и фона" (*figure and ground*), введенном в начале века датским психологом Э. Рубином в изучение процессов восприятия (главным образом, зрительного). Эти понятия нашли себе применение в современной лингвистике при анализе грамматических категорий (различение фигуры и фона аналогично различению маркированных и немаркированных членов оппозиции): см., например, (Civón, 1978, p. 104; Hopper, Thompson, 1980). Они используются также в исследованиях структуры текста для различения планов повествования (Chvany, 1985). Здесь существенно подчеркнуть, что подход с позиции фона/фигуры связывает явления языка с восприятием.

оно стоит на первом месте и толкуется как "начало, причина, источник, повод, предлог". Даль иллюстрирует это значение следующими примерами: *Поздние утренники виною гибели овощей. В чем искать вину общему искажению нравственности?* Речь идет о событийной, а не "личностной" причине, повлекшей за собой отрицательные следствия. "Вина-причина" бытовала в русском языке по крайней мере до середины XIX в. (на ситуацию "вины-причины" в русском языке обратила мое внимание Л.П. Калауцкая).

В сообщениях о девиациях ощутима позиция обстоятельства причины. Ее нередко замещает неопределенное местоимение (наблюдение Е.М. Вольф): *Поезд по ч е м у - т о опоздал; По ч е м у - т о мне хочется есть, хотя еще не время обеда.* Т.М. Николаева отметила употребление неопределенных местоимений *что-то* и *какой-то* в высказываниях, обозначающих ненормативные ситуации: *Какой-то хлеб сегодня несвежий! Что-то сон одолевает.* По ее мнению, в этих условиях местоимение относится ко всему высказыванию в целом (Николаева, 1985, с. 54—55). И это, конечно, верно, поскольку за неопределенным местоимением скрыто указание на необъяснимость, немотивированность состояния (содержания пропозиции): *Какой-то он сегодня расстроенный, Что-то сосед рано вернулся в работы. Не случилось ли чего?* В диалоге за таким сообщением может последовать разъяснение причины: — *Что-то я устала, хоть и ничего особенного не делала. — Да как же ничего; ты ведь грядки выполола, вот и устала.* Наличие причинного значения у местоимения *что* очевидно: *Ты что (= почему) сердиться?* Употребление в причинной позиции *что-то* синонимично *почему-то*.

Ненормативное явление озадачивает. В ответной реплике причина выясняется, и это снимает удивление. Объяснить причину часто значит свести ненормативное явление к норме или открыть нечто дотоле неизвестное (новую норму).

Предложения с сентенциональными местоимениями обычно не включают эксплицитного указания на причину. Не кажутся естественным предложения **Что-то я устала, оттого что грядки полола; *Сосед какой-то расстроенный, потому что жена от него ушла.* Это подтверждает, что оба неопределенные местоимения (*что-то* и *какой-то*) соотносятся с идеей причины. Местоимение *почему-то* также нельзя включить в сообщение о нормативном и регулярном; ср.: **Уже сентябрь; почему-то поспели яблоки и Уже сентябрь, но яблоки почему-то еще не созрели.* Никого не спрашивают, почему он пришел вовремя, но могут спросить о причине опоздания. Опоздавший и сам спешит сослаться на чрезвычайные обстоятельства. Беспричинность работает на обвинителя. Причина создает смягчающее обстоятельство.

Итак, связь ненормативных явлений с концептом причины зафиксирована и в семантике и в синтаксисе. Разбуженная девиацией мысль устремилась на поиск причины.

Неукоснительные законы природы труднее обнаружить, чем законы, знающие отклонения. В 40-е годы прошлого века был открыт Нептун. Открытию способствовали кажущиеся нерегулярности в орбитальном движении Урана (Уран был обнаружен в 1781 г.), объясняв-

шиеся воздействием со стороны еще неизвестного небесного тела, масса и местоположение которого были рассчитаны, и невидимая до тех пор планета не замедлила появиться в расчетном месте. "Открытие начинается с осознания аномалии, то есть с установления того факта, что природа каким-то образом нарушила навязанные парадигмой ожидания, направляющие развитие нормальной науки" (Кун, 1977, с. 80). Если бы, хоть изредка, отрываясь от ветки, яблоко летело вверх, закон всемирного тяготения, возможно, был бы сформулирован раньше (правда, он не был бы всеобщим). Грандиозность открытия Ньютона состоит в том, что он вывел формулу универсального закона. Его мысль победила всеобщий порядок. Ей помогла в этом математика. По выражению Д. Дидро, "природа удостоила Ньютона своим доверием" (Клайн, 1984, с. 66). "Наиболее важные аспекты предметов скрыты от нас по причине их простоты и привычности. (Человек не способен заметить то, что всегда находится у него перед глазами.) <...> Но будучи увиденным, оно поражает", — писал Л. Витгенштейн (1985, с. 127, § 129). В этом заключен мотив его девиза "Не думай, а смотри!".

В таком же духе высказывались многие авторы. В статье "Искусство и банальность" О. Хаксли писал: "Все великие истины есть истины очевидные, но не все очевидные истины — великие истины" (Называть вещи своими именами, 1986, с. 483). А. Вежбицкая, работая с информантами, столкнулась с тем, что "наиболее очевидные компоненты значений слов проходят мимо их внимания, поскольку замечать очевидное — это трудное искусство, требующее долгой тренировки, воображения и упорства в ментальном экспериментировании" (Wierzbicka, 1985, p. 197).

В работе под вызывающим названием "Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания" П. Фейерабенд в полемически заостренной форме пишет: "Как можно проверить нечто такое, что используется постоянно? Как можно проанализировать термины, в которых мы привыкли выражать свои наиболее простые и непосредственные наблюдения, как обнаружить их предпосылки? Как можно открыть тот мир, который предполагается в наших действиях? Ответ ясен: мы не можем открыть его изнутри. Нам нужен внешний стандарт критики, множество альтернативных допущений, или — поскольку эти допущения будут наиболее общими и фундаментальными — нам нужен совершенно иной мир — мир сновидений" (Фейерабенд, 1986, с. 163).

В литературоведении этот прием хорошо известен. Он называется остраниением. Именно с остраниением связаны многочисленные языковые эксперименты, проливающие свет не только на устройство языка и регулирующие его употребление правила, но и на некоторые стороны мира и общества.

Манипулирование с семантикой и правилами коммуникации вылилось в текст "Алисы", основная часть которого построена на неподдающихся интерпретации аномалиях, между тем как риторические фигуры, эксплуатирующие языковые девиации, предполагают возможность их частичной редукции к стандартной семантике. Девиации

в "Алисе" не порождают новых смыслов, а тропы в конечном счете либо дают новое значение, либо сводятся к уже существующему.

Льюис Кэрролл сталкивает разные системы правил. Столкновение высекает искру — прозрение в такие вопросы как единство личности, тождество смысла, пределы власти человека над значением слова, внесубстанциональность признаков (улыбка чеширского кота), в вопрос о том, что есть правило вообще и правило коммуникации в частности и т.п. Раскрыть специфику текста "Алисы" — значит указать на те правила, которые в нем нарушены и на сам способ их нарушения (Падучева, 1982), а также сформулировать те парадоксы, вопросы и сомнения, на которые наталкивают аберрации в пользовании речью (Shibles, 1969, p. 14 et sg.). Основное из этих сомнений касается природы правил.

Экспериментами над языком занимаются все: поэты, писатели, остряки и лингвисты. Поэты делают это чаще всего для того, чтобы вернуть "чувственность" смыслу и освободить его от ненужных ассоциаций или ввести в иную систему смысловых связей. Писатели в разных целях скрещивают концепты и выводят гибридных обитателей литературных миров. Примерами первых могут послужить слова — "саквояжи" Джойса, примерами вторых — *шорьки* (хорек + ящерица + штопор), *зелюки* и *мюмзики* Кэрролла, *путьки бятые*, *калуши* и *бутьяки* из лингвистической сказки Л. Петрушевской.

Удачный эксперимент указывает на скрытые резервы языка, неудачный — на их пределы.

Известно, сколь неоценимую услугу оказывают языковедам отрицательные факты (Селиверстова, 1975, с. 19 и сл.; Апресян, 1975). Лингвистические работы последних десятилетий пестрят звездочками. Примеры семантических и прагматических аномалий, иногда очень изощренные, теснят корректные примеры.

В человеческом обществе отрицательные явления создают не только наказание и систему контроля, но и сам кодекс. В естественном мире природы и языка ненормативность помогает обнаружить норму и правило.

Таким образом, опыты Кэрролла с семантическими аномалиями не следуют рецептам, предлагаемым риторикой, но они имеют точки соприкосновения с концептуальным анализом, особенно в версии позднего Л. Витгенштейна (Shibles, 1969). И там и тут игра в нарушение семантических и прагматических канонов имеет своей целью вникнуть в природу самого канона, а через него и в природу вещей. Интерес Л. Витгенштейна к концепту правил хорошо известен. Он связан с его размышлениями над общей философской проблемой существования миропорядка и его познаваемости. Это вечный вопрос. Стремление к привнесению порядка в мировой хаос считалось многими философами (а в искусстве романтиками) свойством человеческого рассудка, а следовательно, и языка: язык упорядочивает беспорядок мира. Ф. Бэкон писал: "В силу естественного своего устройства ум человеческий слишком склонен к предположению в природе большего единообразия, порядка и правильности, чем какие свойственны ей в действительности, и хотя в природе существует бесчисленное множе-

ство предметов, крайне отличающихся от прочих, и единственных в своем роде, ум наш настойчиво придумывает параллельность сходства, соответствия и соотношения, не имеющие никогда действительности" (Бакон, 1895, с. 24—25). В записной книжке Витгенштейна есть прямое указание на его озабоченность этим кругом вопросов: "Основная проблема, вокруг которой вертится все, что я пишу, сводится к вопросу: есть ли в мире порядок а priori и, если есть, в чем он состоит? (цит. по: Engel, 1971, р. 124). Эксперименты над языковыми, коммуникативными, игровыми и другими правилами были для Витгенштейна своего рода лабораторной работой, ведущей к выяснению более общей проблемы. Л. Витгенштейн показал также, в чем заключен секрет или, точнее, "сюрприз" правил: "Фундаментальный факт состоит здесь в том, что мы устанавливаем для некоторой игры определенные правила, определенную технику, и тогда, когда мы следуем этим правилам, все происходит не так, как мы предполагали" (Витгенштейн, 1985, с. 126). Нормативность жизни не исключает ее непредсказуемости. Это свойство жизни воспроизведено в игре.

Наша цель состоит в том, чтобы обозначить сквозное действие отклонений от нормы, которое берет свое начало в области восприятия мира, поставляющего данные для коммуникации, проходящий через сферу общения, отлагается в лексической, словообразовательной и синтаксической семантике и завершается в словесном творчестве. Речь идет о едином цикле взаимосвязанных явлений, относящихся к разным сферам жизнедеятельности человека: перцепции, коммуникации, семантике, литературе.

2

Начнем с "пункта отправления". Восприятие мира, как уже говорилось, прежде всего фиксирует аномальные явления. Последние отделяются от любого фона. Известный персонаж Честертона пастор Браун рекомендовал прятать сухой лист в куче сухих листьев. Там его не найдет ни сыщик, ни "укрыватель". То, что не отделено от фона или среды погружения, трудно заметить, а о том, что осталось незамеченным, нельзя сообщить. Конечно, можно не приметить и слона, если он входит в нормативный путеводитель зоопарка. То, что ожидали увидеть, остается незамеченным. Б. Рассел писал: "Наша жизнь полна ожиданий, которые мы, как правило, осознаем только тогда, когда они не осуществляются. Предположим, что вы видите половину лошади в тот момент, когда она появляется из-за угла; вас это может заинтересовать очень мало, но если вторая половина окажется принадлежащей корове, а не лошади, вы, по всей вероятности, испытаете состояние крайнего удивления, которое будет почти беспредельным. Следует признать, что такое происшествие логически вполне возможно" (Рассел, 1957, с. 86).

Чтобы воспринять автоматизированный ход событий и машинальное поведение, их надо зафиксировать сознательным усилием воли. Если этого не произошло, человек может усомниться, произвел он или не произвел то или другое нормативное действие.

Регулирующее обыденную жизнь восприятие мелких фактов и

привычных предметов не дает пищи для коммуникации. Мы имеем в виду, прежде всего, свободное общение (беседу, разговор), задача которого состоит не в передаче адресату нужных для определенных целей сведений, а в реализации фатической функции речи. В ходе свободного общения собеседники поддерживают друг друга в курсе своих дел и настроений, ставят в известность о событиях, меняющих курс жизни (сообщают новости), делятся впечатлениями, переживаниями и планами, передают свои мнения, советуются, спорят о вкусах, обнаруживают свои склонности (иногда фиктивные), забавляют и развлекают друг друга, откликаются на текущие события, сочувствуют и т.п. Структура и тематика свободного общения в каждом социальном кругу не настолько разнообразна, чтобы нельзя было с долей вероятности ее прогнозировать. Очевидны и основные ее принципы. Даже скучные собеседники выбирают для сообщений "отклоняющийся" жизненный материал. Повседневность не возбуждает коммуникативных центров.

Для того, чтобы на законных правах войти в фатическую коммуникацию, огурец должен вырасти с гору, а гора родить мышь. Именно требование отхода от стереотипа жизни (а не от частного факта) порождает вымысел. Изменение размеров, количеств и параметрических пропорций составляет наиболее простой и наглядный вид девиаций, воспринимаемый даже нерезвым воображением. Отклонение в сторону увеличения параметров обычно берет верх над "редукционизмом", великаны и великанши — над мальчиками-с-пальчик и дюймовочками. Лилипуты лысят детям, гиганты воодушевляют взрослых.

Особенности восприятия мира, выделяющие отклонения от средне-статистического стандарта, и правила свободной коммуникации предъявляют свои требования к семантике параметрических слов. Структура восприятия и концептуальные системы основываются на сходных принципах. Более того, восприятие неотделимо от концептуального содержания сознания. Это одно из основных положений когнитивной психологии (Найссер, 1981). Концептуальные системы в значительной своей части реализуются лексической семантикой, которая должна в то же время отвечать и запросам коммуникации. В данном случае оба вида требований сходятся. Параметрическая лексика прежде всего фиксирует отклонения от нормы.

В пятой главе было показано, что сфокусированность сообщений на отклонениях от нормы и стереотипа жизни ведет к тому, что значения, соответствующие флангам градационной шкалы, богато представлены в языке, а срединная часть — бедно. Концы шкал в области параметрических значений лексически разветвлены и изменчивы. Отклонения от нормы возбуждают не только внимание и коммуникативные центры, но и эмоции. Соответствующие концам шкалы прилагательные окружены экспрессивными синонимами.

Когда возникает нужда в описании "срединной ситуации", автор нередко прибегает к одновременному отрицанию обоих экстремальных предикатов, например: *В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, не слишком толст, не слишком тонок;*

нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод (Гоголь); Подле нее сидел человек средних лет, с одним из тех лиц, которые не поражают вас ни телесным безобразием, ни душевной красотой, которые не привлекают вас и не отталкивают (В.Ф. Одоевский).

В процессе лексикализации отрицание одного экстремального признака, которое по началу обозначало норму, постепенно сдвигается к противоположному концу шкалы. Происходит семантическая рокировка: *большой* — *малый* — *немалый* (= большой) — *небольшой* (= малый). Закон концов шкалы побеждает.

Тенденция к обозначению отклонений от нормы характерна и для словообразовательных средств. Так, во многих языках распространены аффиксы привативного значения, создающие имена (прилагательные и существительные) "некомплектных" объектов: *безносый, беспалый, безрассудный* и пр. Антонимы привативных прилагательных обычно получают значение не наличия признака (если он входит в "комплект"), а его гипертрофии, то есть обозначают также ненормативную ситуацию: *лобастый, носатый, глазастый, волосатый*. Можно говорить о "волосатой груди", но голову не называют волосатой; точно так же не назовут безволосой грудь, к голове же это прилагательное приложимо. Оба прилагательных — *безволосый* и *волосатый* — используются в тех случаях, когда имеют место отклонения от нормы.

Сложные прилагательные типа *длинноносый, косопалый, толстоуздый* используются преимущественно для обозначения аномального или броского отличительного признака. Ряд словообразовательных моделей имеют тенденцию функционировать в сфере обозначений лиц по ненормативному, нежелательному, чрезмерному или регулярно практикуемому действию: *болтун, молчун, крикун; лентяй, слюнтяй, скупердяй; ломака, кривляка, забияка; спорщик, выдумщик, жалобщик; бродяга, трудяга, работника; хитрюга, ворюга, жадюга; пристава, прилипала, обжирала; вытивоха, завирюха, пройдоха*. На этой семантической основе развивается обозначение лиц по склонности и профессиональной деятельности. Став профессиональным, чрезмерно практикуемое действие вводится в норму жизни. Префиксы нередко используются для обозначения "промахнувшихся" действий: *перебросить, пережарить, недодержать, недобросить*. В языках чрезвычайно распространены увеличительные и уменьшительные суффиксы (*добрейший, широченный, злющий-презлющий*).

Собственно нормативные качества родов входят в значение таксономической лексики (имен классов). Они из нее не выделены. Поэтому, если меняется норматив, нет надобности менять имя класса. Ненормативные признаки требуют специального обозначения.

Общесобытийные имена, вычленяющие "кванты" из потока происходящего, такие как *событие, случай, казус, происшествие, приключение*, даже *ситуация* и *положение дел, поступок, проступок, преступление, деяние, подвиг* и т.п., не относятся к обыденному и повседневному (см. подробно в четвертой главе). Ими обозначают то, что нарушило трен жизни, составило "фугуру" на ее монотонном

фоне. Когда спрашивают *Случилось что-нибудь? Что произошло?*, имеют в виду что-то выходящее за пределы заведенного порядка, и если этот порядок ничем не был нарушен, то говорят, что ничего не случилось, хотя жизнь не ведает пустоты. На запросы о текущем положении дел (*Что с тобой? Что у вас слышно? Что нового?*) часто отвечают *Ничего особенного*, или просто *Ничего*. *Ничего* и значит 'ничего особенного'.

Нормальному состоянию мира соответствует чертеж, соединяющий точки отсчета многих значений, в первую очередь параметрических, но не сами эти значения¹. Развитие семантики стимулировано аберрациями. Всем ненормативным, редким и необычным явлениям обеспечен прямой выход в лексику. Словарный состав языка, едва ли не в большей мере, отражает патологию, чем норму. Запросы уголовного кодекса достаточно полно удовлетворяются естественным языком.

Фиксация отклоняющихся явлений и патологических свойств весьма эффективно служит целям идентификации объектов, их выделению из классов им подобных. Обозначая человека, делают выбор не из бесконечного множества его нормативных свойств, а из малого числа индивидуальных признаков; при этом выбирается наиболее различительный — то, чем человека отметила Природа. Определенные дескрипции и собственные имена (фамилии), не говоря уже о прозвищах и кличках, часто выводятся из названий ненормативных свойств: *Беспалов* и *Безухов*, *Долгоруков* и *Колченогов*, *Погорельский* и *Скалозуб*, *Безобразов* и *Безбородько*, *Косолапов* и *Кривошеин*, *Ломако* и *Плевако* и т.п. И если бы это не обижало человека, тенденция к "аномальным" фамилиям была бы выражена ярче. Дело, впрочем, не только в обидах на судьбу и людей, а в том, что имена собственные наряду со способностью к различению выполняют еще и объединяющую функцию. Это "собственность" не только индивида, но также семьи и рода. Клички животных также не только идентифицируют особь, но в идеале включают ее в класс: *Мурка*, *Барсик* и *Тигрик* — это коты, *Лайка*, *Тарзан* и *Укатай* — собаки. Обменяться именами они не могут.

Нужда в прямой фиксации аномальных явлений и девиаций, как показано, одинакова для выполнения как идентифицирующей, так и предикатной функции. Это один из немногочисленных пунктов, в котором интересы субъекта, призванного указать на предмет речи, и предиката, выражающего сообщаемое, сходятся. И старая и новая информация, включаемая в непринужденное сообщение и распределенная между субъектом и предикатом, предпочтительно отсылает к ненормативным признакам и событиям. В субъекте это отличительные черты, в предикате — неповседневные состояния и действия.

Сообщения об аномалиях в ходе свободного общения очень естественно соединяются с характерными для этого жанра коммуникации целями: нежелательные девиации служат материалом для жалоб и раскаяний, упреков и обвинений, осуждений и сплетен, запрета и возмущений, предупреждений и угроз; позитивные выходы за пределы

¹ Есть известная аналогия между этой ситуацией и рекомендацией аналитической философии искать истины в presuppositions языка, а не в эксплицитных утверждениях.

нормы дают повод для хвастовства и поощрения, для восторгов и радостных восклицаний. Иллокутивный спектр, порождаемый дурной бесконечностью неприятностей, богаче, чем коммуникативные установки, питаемые приятными сюрпризами. Поэтому "принцип Поллианы" (см. о нем в пятой главе), как нельзя более кстати, сдерживает поток неудовольствия.

В отличие от параметрической лексики в области аксиологических понятий норма не лежит в середине шкалы, а совпадает с ее позитивной частью: *хороший* означает соответствующий норме, *плохой* сигнализирует об отклонении от нормы. Понятие нормы, таким образом, отождествляется с фланговым участком шкалы, но, как было показано в пятой главе, ведет себя по законам отклонения от нормы. Сообщения о том, что объект удовлетворяет предъявляемым к нему требованиям, столь же информативны, как сообщения об отклонении от нормы.

Принцип развития концов шкалы и "принцип Поллианы" демонстрируют, что под влиянием прагматических факторов лексическая семантика заметно сдвинута по сравнению с картиной мира, во-первых, — в сторону ненормативных явлений и, во-вторых, — в сторону идеализированной (позитивной) нормы. Отрицательные явления воспринимаются обычно как отклонение от нормы, но сами эти явления не нормируются. Норма применяется только к позитивным явлениям или к позитивной части процесса.

Нежелание видеть правила и правильность в протекании неправильного и несправедливого отражается в употреблении оценочных наречий, критерии функционирования которых в большей мере определяются отношением к норме (этот вопрос подробно освещен в четвертой главе). Изучение сочетаемости оценочных наречий помогает определить границы нормирующей деятельности человека, а следовательно и границы нормативного мира.

Ненормативные явления не только имеют преимущественное право на выход в речь, они регулируют также количество сообщаемой информации, ее обязательность или устранимость. Если делается краткое сообщение о некотором событии, то его ненормативность должна быть указана, но сведения о вариантах того, что входит в пределы естественного или социального порядка вещей, не обязательны и обычно устраняются. Так, например, в кратких биографиях людей, умерших своей смертью, непосредственная причина ухода из жизни, как правило, не фигурирует. Однако в энциклопедических справках о Пушкине и Лермонтове указывается, что они были убиты на дуэли, в справке о Гарсии Лорке говорится, что он был убит фашистами, о Маяковском сообщается, что он покончил с собой, и т.п. Названный принцип определяет истолкование предикатов широкой семантики. Они обычно не интерпретируются как относящиеся к патологическим событиям. Например, сочетание *взять деньги* не будет отнесено к краже, хотя, воруя, именно берут. Такая интерпретация может соответствовать только эвфемистическому или ироническому употреблению. Вместе с тем под предикат *взять* могут быть подведены действия, соответствующие таким более частным значениям как *вытащить*, *вынуть*, *извлечь*,

снять (со шкафа), схватить, даже купить. Предложение *Я ушел* не может быть в общем случае интерпретировано как *Меня выгнали*. Если бы потерпевший так сказал, его могли бы поправить: *Ты не ушел, а тебя выставили вон (выдворили, попросили уйти)*.

Ненормативные явления, таким образом, не только имеют право на прямую номинацию, но они не могут быть обойдены речевыми сообщениями. Чичиков имел право пенять Селифану за то, что тот не сообщил ему о неполадках с бричкой, и Селифан эту правоту признал: *Вишь ты, как оно мудрено случилось: и знал ведь, да не сказал*.

Требование правдивости, предъявляемое к речи, предполагает, что в ней должна быть отражена ненормативная сторона события. Это та поправка, которую прагматика вносит в понятие логической истины.

3

Аномалии во взаимодействии событий и признаков оказывают большое влияние на формирование синтаксических отношений. Они определяют употребление уступительных союзов, частиц (это хорошо показано в [Николаева, 1985]), функционирование конъюнкции и дизъюнкции (Санников, 1986, Ляпон, 1986) и ряд других аспектов синтаксиса предложения. Здесь нет возможности на этом останавливаться.

Рассмотрим коротко только вопрос об отношении между аномальными явлениями и отрицательными высказываниями.

Поскольку девиации обеспечены прямыми наименованиями, для сообщения о них нет нужды в отрицании. Чаще говорят *Он опоздал, чем Он не пришел вовремя; Я проспал, чем Я не проснулся вовремя*. Конечно, можно прибегнуть и к отрицанию, но оно либо используется с целью смягчения высказывания, либо обусловлено предтекстом (*Он обещал придти вовремя, да не пришел*). Между прочим, отрицание не позволяет сообщить о мере девиации: *Он опоздал на час*, но не **Он не пришел вовремя на час*. "Не-действие" не может иметь ни измерений, ни способа осуществления.

Часто отклоняющиеся для одного класса предметов свойства нормативны для других классов. Они поэтому также располагают прямыми номинациями. Если бы вдруг вырос не желтый лютик, то, сообщая об этом феномене, сказали бы, что лютик оранжевый (красноватый, совсем белесый). Отрицание в этих условиях (особенно если выбор не двоичен) менее информативно, чем утвердительное высказывание. Однако в определенных конструкциях отрицание может использоваться для обозначения отступлений от нормы. Таково контрастивное отрицание в предложениях таксономической предикации: *Это не человек, а тысяча несчастий, Это не кот, а бандит*.

Отступление от нормы может маркироваться отрицанием в предложениях, вводимых показателем ирреальности как *будто*, *как если бы*: *Это было сказано так, как будто она не учительница, а мы не ученики* (В. Каверин). В обоих случаях для выявления аномалии отрицается истинная или общепринятая категоризация объекта. Смысл негации сводится к указанию на то, что принадлежность к данному классу по общепринятым представлениям должна соответствовать

иным следствиям (иной модели поведения) сравнительно с тем, что имеет место в действительности: если это кот, то он должен вести себя как кот, а не как бандит; если это учительница, то она не должна разговаривать с учениками на равных.

Основные же функции отрицательных высказываний в аномальных ситуациях состоят в том, что они выражают реакцию на непорядок в мыслях, мнениях и представлениях (1) или сигнализируют о несоответствии ожидаемого действительному (2). Эти функции не разграничены четко. Т. Гивон в проницательной статье о прагматике отрицания справедливо отметил, что "негация уместна только тогда, когда соответствующее позитивное событие — или изменение в инертном состоянии мира — оказалось включенным в фон, тогда как в норме оно составляет фигуру" [Givón, 1978, p. 108].

В первом из двух названных выше случаев отрицательное высказывание стимулируется ошибочным суждением, ложью, искаженным представлением о положении дел. Задача отрицательного предложения — восстановить порядок и истину в мире мыслей. Для него характерен контекст диалога, спора, дебатов.

Непосредственный предтекст может отсутствовать. Отрицание в этом случае направлено против ходячих истин, общих мест или нормативных для данного общества представлений. Такое употребление характерно для романтической прозы, повествующей об исключительных личностях и событиях: *Няньки не ухаживали за моим младенчеством, не убаюкивали моей колыбели, и мать моя не приходила в ужас, когда я бегал по грязи босыми ногами* (Н.Ф. Павлов). Первое предложение (в приведенном фрагменте) представляет собой сравнительно редкий случай "внешнего" отрицания. Негация относится не к действию (предикату), а ко всей пропозиции в целом. Предложение *Няньки не ухаживали за моим младенчеством* не имеет презумпции существования у автора няnek. Напротив, в предложении утверждается их отсутствие. Для внешнего отрицания (оно обычно требует инверсии) необходимо, чтобы в предикате обозначалась основная функция субъекта, а субъект не имел бы конкретной референции: *Меня не учили частные педагоги; Его не лечили хорошие врачи*. Неконкретность референции естественно требует выбора родового имени.

Во втором из указанных выше случаев речь идет об отклонениях от программ, планов и замыслов, об обманутых ожиданиях и несбывшихся мечтах. Ожидания нередко бывают продиктованы естественным ходом событий, правилом, привычной диспозицией предметов. Нарушение порядка обозначается отрицательным высказыванием. Вот как описывает этот механизм Б. Рассел: «Допустим, вы берете сахар, думая, что это соль; когда вы пробуете его, вы, по всей вероятности, скажете: "Это не соль". ... Когда вы ищете что-либо потерянное, вы говорите: "Нет, этого здесь нет", после вспышки молнии вы можете сказать: "Я не слышал грома". Если бы вы увидели аллею из буков с одним вязом среди них, вы могли бы сказать о нем: "Это не бук"».

Нижеследующий пример иллюстрирует употребление отрицатель-

ных предложений в ситуации отклонения от намеченной программы: Он <Чичиков>призвал к себе Селифана и велел ему быть готовым на заре, с тем, чтобы завтра же в шесть часов утра выехать из города непременно <...> Ничего, однако же, не случилось так, как предполагал Чичиков. Во-первых, проснулся он позже, нежели думал — это была первая неприятность. Вставши, он послал тот же час узнать, заложена ли бричка и все ли готово; но донесли, что бричка еще была не заложена и ничего не было готово. Это была вторая неприятность (Гоголь).

Итак, отрицательные высказывания реагируют либо на содержащиеся в явном или неявном предтексте аномалии (прежде всего, на нарушение правила истинности), либо на неосуществленность замысла. В обоих случаях речь идет о несоответствии предтекста действительности, возникшем вследствие неопорядка в мыслях или действиях.

4

Мы подошли к конечному пункту сквозного действия аномалии — ее роли в словесном творчестве. Эта проблема и сложна и тривиальна. Ограничимся несколькими соображениями.

Ряд литературных жанров (повесть, рассказ, сказка) сложился непосредственно на основе фатической коммуникации. Неудивительно поэтому, что они переняли характерные для нее черты. Они, в частности, отдают предпочтение необычному и аномальному, завлекательному и неожиданному. Приступая к повествованию, рассказчик часто предупреждает, что, мол, вот какое необычное или необъяснимое событие произошло, "хотите верьте, хотите — нет". Искусство требует веры. Сочинитель нуждается в доверии. Читатель хочет верить и доверять. Слушая волшебную сказку, дети спрашивают: "А это по правде было?", зная, что этого не было и не могло быть. Автор, нимало не заботясь о правдоподобии своего рассказа, всегда настаивает на его правдивости. Его цель — обратить небыль в быль, небывалое в бывшее. В концовке "Носа" Гоголь отстраненно пишет: "Но что страннее, что непонятнее всего, это то, как авторы могут брать подобные сюжеты... Во-первых, пользы отечеству решительно никакой; во-вторых, ... но и во-вторых тоже нет пользы... И все однако же, как поразмылишь, во всем этом, право, есть что-то. Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете; редко, но бывают". Жизненная "неправда" становится художественной правдой. Марк Твен как-то заметил: "Большинство лжецов лгут из любви ко лжи. Я же лгу из любви к истине".

Целая серия литературных жанров образовалась в результате выбора определенной области отступлений от жизненного стандарта. Таковы героические и эпические поэмы, рыцарский роман, приключенческая литература, детектив, плутовской роман, фантастика, миф, готический роман и его современные рефлексy, жанр ЖЗЛ, исторический роман.

Богатый материал для наблюдений над отбором и интерпретацией жизненных фактов с точки зрения их нормативности дает мемуарная

литература. Когда речь идет о великих людях, на первый план часто выдвигаются их общечеловеческие свойства (доброта, простота, застенчивость, забота о людях, отзывчивость, скромность и пр.). Это "очеловечивает" поднявшихся в нечеловеческий рост. Однако, коль скоро в фокус воспоминаний вовлекается "средний человек", акцент переносится на его незаурядность, подтверждаемую чудачествами и странными привычками. Автор учитывает требования, предъявляемые читателем к беллетристике. А.И. Панченко в воспоминаниях о В.И. Малышеве отметил эту тенденцию мемуарной литературы. Он пишет: "Одна из опасностей беллетризации состоит в том, что персонаж выглядит как бы гримированным, причем в гриме используются лишь немногие, но непременно броские, анекдотического свойства черты прототипа. Это балаганный прием. С его помощью можно достичь занимательности, но нельзя передать реальную сложность человека" (Панченко, 1986, с. 28).

Даже если автор сосредоточен на прозе жизни, то он прибегает к такому методу ее художественной обработки, который выводит ее за пределы нормы, а иногда и реальности. Этим целям служит гротеск, глобальная гипербола (раблезианство), сатира, комедийность, фарс, шарж, остранение, обманутое ожидание. Методика обращения обыденного в необычное, нормы в аномалию хорошо разработана и легко усваивается.

Сам язык в его нормативном состоянии предоставляет больше выразительных возможностей тем, кто пишет об исключениях, нежели тем, кто описывает правила, поскольку, как отмечалось, в семантике обыденной речи широко отражены все виды аномальных явлений и девиаций. Приемы, специфические для языка художественной литературы, практически целиком созданы отклонениями от семантического шаблона. Их можно огрубленно разделить на две категории: 1) сводимые (с потерей образности) к семантическому стандарту (риторические тропы и фигуры), т.е. интерпретируемые аномалии, 2) несводимые к стандартной семантике (прагматические аномалии, абсурд, нонсенс).

Нарушения семантических правил обычно складываются в особую поэтическую систему. Новая поэтика необходимо порождает новые правила интерпретации. Чем больше нарушаются правила на одном фланге литературной коммуникации, тем больше правил возникает на другом ее конце.

В чем причина этого парадокса творчества? В стремлении к новизне? В желании привлечь читателя? Конечно, и в этом. Т. Манн писал: «*Novarum rerum cupidus* — никто не оправдывает эту характеристику лучше, чем художник. Никому другому не может так наскучить все старое и избитое, как ему, и нет никого, кто так нетерпеливо стремится к новому, как он, хотя в то же время он более, чем кто-либо другой скван традициями. Смелость вопреки скванности, наполнение традиции волнующей новизной — вот в чем видит он свою цель и свою первейшую задачу, и мысль о том, что "этого еще никто и никогда не делал", неизменно служит двигателем всех его творческих усилий» (Манн, 1986, с. 118). Новое часто неожиданно. Оно мобилизует

внимание. Оно существенно не только для художника-творца, но и для художника-исполнителя. С. Рихтер сказал в одном из радиointервью: "Я думаю, что все исполнительское искусство зиждется на неожиданности. Только тогда оно по-настоящему доходит до слушателей".

Новые направления и школы начинаются с отрицания традиции. Известно, как неделикатно обошлись романтики с классицистами, которые, по их мнению, освещали "великое домоводство природы тусклым фонарем рассудка" (Ф. Шиллер). Известно также, как уничижительно отнеслись к романтикам реалистическое направление XIX в. и натурализм, как страдал реализм от символистов начала века, как не пощадили символистов их различные преемники и как всех их ущемляют в наше время постмодернисты. Чем более стабильные формы принимает поэтика враждебной школы, тем более агрессивна борьба с ней. Это хорошо видно в манифестах и декларациях разных авангардистских направлений (Называть вещи своими именами, 1986). Постмодернизм вынужден расшатывать наиболее глубинные конвенции литературы, например, условие непротиворечивости фактов. Он искореняет доверие к правдивости автора. Другим его ресурсом является стилизация — ироническое использование "чужой" поэтики, ведущее к культу игрового начала. Постмодернизм воспринимается только в контексте культуры. Достигая зрелости, каждое направление стремится к регламентации. Оно превращает свободу и произвол в правила и канон. Среди символистов о необходимости канона уже в 1910 г. говорил Вяч. Иванов (в докладе, а потом статье "Заветы символизма", см. "Аполлон", 1910, №8). Поэтический канон вырождается в шаблон. Он открывает путь и к мастерству и к ремеслу.

Обращенность литературы к аномальному и исключительному, конечно, объясняется не просто желанием удивить и завоевать читателя. Тому есть более веская причина. Она состоит в том, что ненормативное явление уже само по себе воспринимается семиотически, это знак скрытого смысла. Люди видят приметы и предзнаменования, в повседневных феноменах и событиях. Так, появления комет, солнечные затмения, кровавые закаты и др. всегда получали многочисленные семиотические прочтения и интерпретации. В этом отношении словесное искусство пользуется, как и любая другая знаковая система, принципом различительности. Но искусство не может удовлетвориться дифференциальными признаками знаков. Ему нужно еще отличить знак от не-знака, повседневное от семиотически нагруженного, знак от того фона, на котором он явлен, закат-знак от заката-явления природы.

"План выражения" примет, знаков, предвестников не может быть образован повседневно повторяющимся, он должен быть выделен, а часто и выведен за пределы реальности. Только тогда он будет "прочитан" и истолкован. Интерпретация часто сводит необычное к обычному, аномалию к норме, ирреальное — к реальному. А. Белый писал о художественном методе Достоевского: "Все герои Достоевского представляют собой людей, у которых та или иная верная черта доведена до предела; причем предел Достоевского оказывается бесконечно далеко лежащим от пределов самой действительности. И это

предельное, ненормальное развитие всех черт и всех противоречий для Достоевского есть закон действительности" (А. Белый. Трагедия творчества. Достоевский и Толстой. М., 1911, с. 22). Семиотический принцип словесного искусства обуславливает принципы отбора материала.

Формы традиционного искусства, предназначенные для многоразового использования, постоянного воспроизведения (они привязаны к ситуации "вечного" кругооборота жизни и функционально близки ритуалу) в меньшей мере эксплуатируют поэтику новизны, неожиданности, девиаций. Они рассчитаны на восприятие узнавания, основанное на схемах перцептивного предвосхищения (если воспользоваться термином когнитивной психологии), обеспечивающих идентификацию объекта, но не нейтрализующих производимый им эффект. Ожидаемый ужас не перестает ужасать, ожидаемая радость — остается радостью. Традиционное искусство не утрачивает силы воздействия.

Суть творчества, разумеется, не состоит в поисках аномалий. Величайшие вершины словесности находятся в согласии и с нормами жанра, и с семантическими правилами. Русская словесность удостоила своим доверием Пушкина, Толстого и Чехова. Классическая форма неотделима от содержания. Она единственна. Если метафора — это победа над языком, то классический стиль — это победа языка. Чехов с нормативной повседневностью его художественного мира противостоит Достоевскому с его миром "колоссальных теней добра и зла" (А. Белый). Критик Волжский (Александр Глинка) писал: "Чехов весь в бывании, в быту и среди быта. Достоевский в необычности, чрезвычайности. У Чехова все как есть, как бывает, у Достоевского — как случится, как разразится, как сбудется, как может, как должно быть, как не может не быть" (цит. по кн.: Долгополов Л. На рубеже веков. Л., 1985, с. 28)¹. Метод Чехова — более сложен. Суть его состоит в придании символической значимости обыденной жизни. "Ведь в типичном всегда есть очень много мифического в том смысле, что типичное, как и всякий миф, — это изначальный образец, изначальная форма жизни, вневременная схема, издревле заданная формула, в которую укладывается осознающая себя жизнь, смутно стремящаяся вновь обрести некогда предначертанные ей приметы" (Манн, 1986, с. 115). Если знак действительно требует отделенности от фона, необычности, то символом может стать и аномальный и нормативный объект.

¹ А.П. Чехов, впрочем, описывая обыденную и как бы нормальную жизнь, не признавал ее нормативность. По его собственным словам, он "стремился правдиво нарисовать жизнь и, кстати, показать, насколько эта жизнь уклоняется от нормы. Норма мне неизвестна, как неизвестна никому из нас. Все мы знаем, что такое бесчестный поступок но что такое честь, мы не знаем". По Чехову, ненормативен сам жизненный фон повторяющийся кругооборот жизни. Интересные соображения о роли "нормы быта" в произведениях М.А. Булгакова содержатся в послесловии М. Чудаковой к неоконченной повести Булгакова ("Новый мир", 1987, № 8, с. 189), откуда взята и приведенная выше цитата из письма А.П. Чехова.

*
* *

В наше время членение наук на частные отрасли компенсируется их взаимовлиянием и созданием промежуточных дисциплин, позволяющих изучать не изолированные феномены, а комплексы (циклы) каузально связанных явлений, относящихся к разным сферам жизни. Познание не может пренебречь фактором целостности. Прагматика, если не ограничивать ее задачу изучением механизмов коммуникации, направлена на исследование языка в контексте смежных с ним феноменов. Работая над книгой, мы постоянно чувствовали потребность связать язык со средой его обитания.

Литература

- Адамец П. О семантико-синтаксических функциях деевративных и деедъективных существительных // НДВШ. Сер. филол. наук. 1973. № 4.
- Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971.
- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян Ю.Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // Text. Język. Poetyka. Wrocław, 1978.
- Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1986. № 3.
- Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1978. Т. 2.; 1984. Т. 4.
- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова Н.Д. Сокровенная связка: (К проблеме предикативного отношения) // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1980. № 4.
- Арутюнова Н.Д. Сравнительная оценка ситуаций // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1983. № 4.
- Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики — 1982. М., 1984.
- Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки // ВЯ. 1985. № 3.
- Арутюнова Н.Д. Что мы предпочитаем? // Восточные славяне. Языки. История. Культура: К 85-летию акад. В.И. Борковского. М., 1985.
- Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык: (К проблеме языковой "картины мира") // ВЯ. 1987. № 3.
- Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля. М., 1960.
- Бакон Ф. Собрание соч.: В 2 т. СПб., 1895. Т. 2.
- Баранов А.Н. "Предположение" versus "факт": *neужели* versus *razve* // Zeitschrift für Slawistik, 1986, Bd. 31, N1.
- Баскаков Н.А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков: Словосочетание и предложение. М., 1975.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бентам И. Избранные сочинения Иеремии Бентама. Т. 1. Введение в основания нравственности и законодательства. СПб., 1867.
- Беркли Дж. Сочинения. М., 1978.
- Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
- Бондарко А.В. Семантика предела // ВЯ. 1986. № 1.
- Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Булыгина Т.В. Классы предикатов и аспектуальная характеристика высказывания // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. М., 1983.
- Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858.
- Вежбицкая А. Дескрипция или цитация? // НЗЛ. Вып. XIII. Логика и лингвистика: Проблемы референции. М., 1982.
- Вежбицкая А. Восприятие. семантика абстрактного словаря // НЗЛ. Вып. XVIII. Логический анализ естественного языка. М., 1986.
- Вендлер З. О слове good // НЗЛ, вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981.
- Вендлер З. Факты в языке // Философия. Логика. Язык. М., 1987.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.
- Витгенштейн Л. О достоверности // ВФ. 1984. № 8.

- Витгенштейн Л.* Философские исследования // НЗЛ. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Володин А.П., Храковский В.С.* Парадигма русского императива // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1985. Т. 719. Функциональные аспекты грамматики русского языка.
- Вольф Е.М.* Грамматика и семантика прилагательного: (на материале иберо-романских языков). М., 1978.
- Вольф Е.М.* О соотношении квалификативной и дескриптивной структур в семантике слова и высказывания // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1981. № 4.
- Вольф Е.М.* Состояния и признаки. Оценки состояний // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Вольф Е.М., Романова Г.С.* Семантика общесобытийных существительных и их роль в тексте // Грамматический строй и стилистика романских языков. Калинин, 1979.
- Востоков А.Х.* Русская грамматика. СПб., 1831.
- Гаджиева Н.З.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.
- Гак В.Г.* Беседы о французском слове: (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков) М., 1966.
- Гак В.Г.* К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики — 1971. М., 1972.
- Гак В.Г.* Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики — 1972. М., 1973.
- Гак В.Г.* Повторная номинация на уровне предложения // Синтаксис текста. М., 1979.
- Гоббс Т.* Избр. произведения: В 2 т. М., 1964. Т. II: Левиафан.
- Грайс Г.П.* Логика и речевое общение. // НЗЛ. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Григоренко Т.Н.* Семантические типы интенсификаторов (на материале португальского языка) // Лексико-семантическая структура в языке и речевой деятельности. М., 1983.
- Давыдов И.И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1853.
- Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1957.
- Декарт Р.* Избр. произведения. М., 1950.
- Демянков В.З.* "Событие" в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1983. № 4.
- Дмитровская М.А.* Механизмы понимания и употребление глагола *понимать* // ВЯ. 1985. № 3.
- Дмитровская М.А.* Глаголы знания и мнения: (значение и употребление): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- Дробницкий О.Г.* Понятие морали. М., 1974.
- Дьячков М.В., Леонтьев А.А., Торсуева Е.И.* Язык ток-писин (неомеланезийский). М., 1981.
- Ермолаева В.Е.* Этика и логика // ВФ. 1968. № 11.
- Еськова Н.А.* Степени сравнения в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.
- Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
- Зализняк Анна А.* Функциональная семантика предикатов внутреннего состояния: (на материале французского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- Зализняк Анна А.* "Знание" и "мнение" в семантике предикатов внутреннего состояния // Коммуникативные аспекты исследования языка. М., 1986.
- Зализняк Анна А., Падучева Е.В.* О семантике вводного употребления глаголов // Вопросы кибернетики: Прикладные аспекты лингвистической теории. М., 1987.
- Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Ивин А.А.* Некоторые проблемы деонтических модальностей // Логическая семантика и модальная логика. М., 1967.
- Ивин А.А.* Основания логики оценок. М., 1970.
- Ивин А.А.* Логика норм. М., 1973.
- Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава, 1954. Ч. 1.
- Ишмуратов А.Т.* Логический анализ практических рассуждений: (формализация психологических понятий). Киев, 1987.
- Кант И.* Сочинения: В 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1.
- Карнап Р.* Значение и необходимость. М., 1959.
- Карнап Р.* Философские основания физики. М., 1971.
- Карцевский С.О.* Сравнение // ВЯ. 1976. № 1.

- Кессиди Ф.Х.* Этические сочинения Аристотеля // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1984. Т. 4.
- Кибрик А.Е.* Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1980. № 4
- Клайн М.* Математика: Потеря определенности. М., 1984.
- Князев Ю.П.* О семантике степеней сравнения прилагательных // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1980. Т. 524. Проблема внутривидового и функционального описания языка.
- Колшанский Г.В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1974.
- Крейдин Г.Е.* К проблеме перевода с ИЛЯ на русский: преобразование "Введение классификаторов" // НТИ. Сер. 2. 1973. № 12.
- Кржижкова Е.* Количественная детерминация прилагательных в русском языке: (лексико-синтаксический анализ) // Синтаксис и норма. М., 1974.
- Крикманн А.А.* Некоторые аспекты семантической неопределенности пословиц. // Паремнологический сборник. М., 1978.
- Кручинина И.Н.* Из наблюдений над синтактико-семантическим распределением подчинительных союзов в русском языке // Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния. М., 1978.
- Кубрякова Е.С.* Части речи в ономаσι-ологическом аспекте. М., 1978.
- Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.
- Кузанский Н.* Сочинения: В 2 т. М., 1979.
- Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977.
- Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- Левин Ю.И.* Об одной группе союзов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., в. 13, 1970.
- Локк Дж.* Избр. философские произведения. М., 1960. Т. 1-2.
- Ломоносов М.В.* Поли. собр. соч. Т. 7. Российская грамматика. М., Л., 1952.
- Ляпон М.В.* Смысловая структура сложного предложения и текст. М., 1986.
- Малкольм Н.* Мур и Витгенштейн о значении выражения "Я знаю" // Философия. Логика. Язык. М., 1987.
- Манн Т.* Художник и общество: (статьи и письма). М., 1986.
- Мелиг Х.Р.* Семантика предложения и семантика вида в русском языке // НЗЛ. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. М., 1985.
- Милль Дж. Ст.* Утилитарианизм. СПб., 1900.
- Мур Дж.* Принципы этики. М., 1984.
- Муравьева Г.Д.* Субстантивная семантика имен действия в современном итальянском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. Гл. 2.
- Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX в. М., 1986.
- Найссер У.* Познание и реальность: (смысл и принципы когнитивной психологии). М., 1981.
- Нарский И.С., Коновалова Л.В.* Дж. Мур как философ и основоположник новейшей английской этики // Мур Дж. Принципы этики. М., 1984.
- Николаева Т.М.* "Событие" как категория текста и его грамматические характеристики // Структура текста. М., 1980.
- Николаева Т.М.* Качественные прилагательные и отражение "картины мира" // Славянское и балканское языкознание. М., 1983.
- Николаева Т.М.* Функции частиц в высказывании. М., 1985.
- Ноуэл-Смит П.Х.* Логика прилагательных // НЗЛ. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Остин Дж.* Чужое сознание // Философия. Логика. Язык. М., 1987.
- Павилёнис Р.И.* Проблемы смысла: Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.
- Падучева Е.В.* О семантике синтаксиса: Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974.
- Падучева Е.В.* Значение и синтаксические функции слова *это* // Проблемы структурной лингвистики — 1980. М., 1982.
- Падучева Е.В.* Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. М., 1982. Вып. 18.
- Падучева Е.В.* Высказывание и его соотношение с действительностью М., 1985.
- Падучева Е.В.* О референции языковых выражений с непредметным значением // НТИ. Сер. 2. 1986. № 1.
- Падучева Е.В., Зализняк Анна А.* Семантические явления в высказываниях от 1-го лица // Finitis duodecim lustris: Сб. статей к 60-летию проф. Ю.М. Лотмана. Таллин, 1982.

- Паремиологический сборник, М., 1978.
- Перельмутер И.А.* Философские школы эллинизма // История лингвистических учений: Древний мир. Л., 1980.
- Пермяков Г.Л.* О смысловой структуре пословичных речений // Паремиологический сборник. М., 1978.
- Пермяков Г.Л.* Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1979.
- Петров В.В.* Философия, семантика, прагматика // НЗЛ. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Петрова Г.В.* Обязательность и факультативность оценочных наречий "хорошо/плохо" в глагольной группе // Структура и функционирование языка. М., 1981.
- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1983.
- Поппер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983.
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1-2.
- Поцелуевский Е.А.* Нулевая степень качества и описание значения качественных прилагательных и некоторых сочетаний с ними // Проблемы семантики. М., 1974.
- Радзиевская Т.В.* Функционально-семантические закономерности соединения слов в предложении: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.
- Рассел Б.* Человеческое познание. М., 1957.
- Рассел Б.* История западной философии. М., 1959.
- Рассел Б.* Дескрипции // НЗЛ. Вып. XIII. Логика и лингвистика: Проблемы референции. М., 1982.
- Реферовская Е.А.* "Le fait" на пути грамматизации // Общее и романское языкознание. М., 1972.
- Романова Г.С.* Конструкции с общим значением событийности: (на материале испанского, итальянского и французского языков): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
- Русский семантический словарь. М., 1982.
- Сааринен Е.* Являются ли суждения объектами пропозициональных установок? // Модальные и интенциональные логики и их применение к проблемам методологии науки. М., 1984.
- Санников В.З.* Значение союза "но": нарушение нормального положения вещей // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1986. № 5.
- Селиверстова О.Н.* Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.
- Селиверстова О.Н.* Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Серебренников Б.А.* Номинация и проблема выбора // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.
- Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
- Спиноза Б.* Избр. произведения: В 2 т. М., 1957. Т. I
- Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
- Степанов Ю.С.* В поисках прагматики (Проблема субъекта) // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1981а. № 4.
- Степанов Ю.С.* Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981б.
- Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
- Стивенсон Ч.* Некоторые прагматические аспекты значения // НЗЛ, вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Эспир Э.* Градуирование // НЗЛ. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М., 1965.
- Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
- Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.
- Убин И.И.* Словарь усилительных словосочетаний для русского и английского языков // ВЦП. М., 1978. Ч. 1—2.
- Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков. М., 1974.
- Уфимцева А.А.* Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики. М., 1986.
- Фейерабенд П.* Избр. труды по методологии науки. М., 1986.
- Филлмор Ч.* Дело о падеже // НЗЛ. Вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981.
- Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика. 1977. № 8.
- Фреге Г.* Понятие и вещь (Begriff und Gegenstand) // Семиотика и информатика. 1978. № 10.
- Харитончик З.А.* Имена прилагательные в лексикограмматической системе английского языка. Минск. 1986.
- Хинтиikka Я.* Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
- Хзар Р.М.* Дескрипция и оценка // НЗЛ.

- Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Чейф У.Л. Значение и структура языка. М., 1975.
- Червенкова И.В. О показателях меры признака: (на материале современного русского языка). София 1975.
- Черкаский М.А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы: (поговорки и афоризмы) // Паремнологический сборник. М., 1978.
- Шалапина З.М. Вопросы организации и записи семантической информации в автоматическом словаре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук, 1975.
- Шатунский И.Б. Номинализация предикатных существительных // Деривация и текст. Пермь, 1984.
- Шатуновский И.Б. Семантика предложения, "связка" и проблемы значения нерелевантных слов. Ташкент, 1985. Деп. в ИНИОН АН СССР, № 21868.
- Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
- Шелякин М.А. О семантической структуре категории степеней сравнения прилагательных, ее частных значениях и морфологических формах // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1983. Т. 651. Грамматические и лексико-семантические проблемы описания языка.
- Шрам А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. Л., 1979.
- Юм Д. Сочинения: В 2 т. М., 1966 Т.1: Трактат о человеческой природе. Кн. 3.
- Якоб Л.-Г. Начертание всеобщей грамматики. СПб., 1812.
- Akmajian A., Steele S.M., Wasow Th. The category AUX in universal grammar // Linguistic Inquiry. 1979. Vol. 10. N 1.
- Alexandrescu S. Saying and (dis)believing // On believing — De la croyance. Epistemological and semiotic approaches / H. Parret (ed.). B.; N.Y., 1983.
- Austin J. Philosophical papers / Oxford UP. L., 1970.
- Ayer A.J. Philosophical essays. L., 1963.
- Bally Ch. Syntaxe de la modalité explicite // Cahiers F. de Saussure. 1942. N. 2.
- Bartsch R. The grammar of adverbials. Amsterdam, 1976.
- Bierwisch M. Some semantic universals of German adjectives // Foundations of language. 1967. Vol. 3. N 1.
- Bierwisch M. On classifying semantic features // Progress in linguistics. The Hague; P., 1970.
- Bierwisch M., Zimmermann I., Lang E. Dimensionsadjective: Semantische Struktur und begriffliche Interpretation // ZPSK. 1984. Vol. 37. N 4.
- Bolinger D. Adjectives in English: attribution and predication // Lingua. 1967. Vol. 18. N 1.
- Bolinger D. Degree words. The Hague; P., 1972.
- Boucher J., Osgood Ch. The Pollyana Hypothesis // J. of verbal learning and verbal behavior. 1969. Vol. 8. N 1.
- Broad C.D. Five types of ethical theory. L., 1951.
- Carnap R. Philosophy and logical syntax. L., 1935.
- Cassirer E. An essay on man. New Haven, 1970. Pt. 1. Ch. 2.
- Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire de mots. P., 1983.
- Chisholm R. Perceiving: A philosophical study // Cornell UP. Ithaca; N.Y., 1957.
- Chvany C. On the syntax of BE-sentences in Russian. Cambridge (Mass.), 1975.
- Chvany C.V. Background perfectives and plot-line imperfections: toward a theory of grounding in text // The scope of Slavic aspect. Columbus, 1985.
- Davidson D. The individuation of events // Essays in honor of C.G. Hempel. Dordrecht, 1969.
- Dretske F.I. Referring to events // Contemporary perspectives in the philosophy of language / Minnesota UP. Minneapolis, 1979.
- Dulewiczowa I. Nomina actionis we współczesnym języku rosyjskim i polskim // Studiów z filologii polskiej i słowiańskiej. W-wa. 1978. T. XVI.
- Engel S.M. Wittgenstein's doctrine of the tyranny of language. The Hague, 1971.
- Feigl H. Logical empiricism // Readings in philosophical analysis / Ed.: H. Feigl, W. Sellars. N.Y., 1949.
- Givón T. Notes on the semantic structure of English adjectives // Language. 1970. Vol. 46. N 4.
- Givón T. Negation in language: pragmatics, function, ontology // Syntax and semantics. Vol. 9. Pragmatics. N.Y.; San Francisco; L., 1978.
- Graham A.C. "Being" in Classical Chinese // The verb "be" and its synonyms. Dordrecht, 1967. Pt. 1.
- Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal / A. Bailly (ed.). P., 1846; Genève, 1968.
- Hacker P. Events and objects in space and time // Mind. 1982. Vol. 91.
- Haldén S. On the logic of "better". Lund, 1957.

- Hallet G.* A companion to Wittgenstein's "Philosophical investigations" / Cornell UP. Ithaca; L., 1977.
- Hare R.M.* The language of morals. Oxford UP. L., 1967.
- Hjelmslev L.* Le verbe et la phrase nominale // Mélanges J. Marouzeau. P., 1948.
- Hopper P., Thompson S.* Transitivity in grammar and discourse // Language. 1980. Vol. 56. N 2.
- Houthakker H.S.* The logic of preference and choice // Contributions to logic and methodology in honor of J.M. Bocheński. Amsterdam, 1965.
- Kim J.* Events and their descriptions: some considerations // Essays in honor of C.G. Hempel. Dordrecht, 1969.
- Kim J.* Causation, emphasis, and events // Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minnesota UP; Minneapolis, 1979.
- Kiparsky P., Kiparsky C.* Fact // Progress in linguistics. The Hague; P., 1970.
- Lehrer A.* Interpreting certain adverbs: semantics or pragmatics? // J. of linguistics. 1975. Vol. 11. N 2.
- Leisi E.* Der Wortinhalt: Seine Struktur im Deutschen und Englischen. Heidelberg, 1953.
- Malcolm N.* Thought and knowledge / Cornell UP. Ithaca; L., 1977.
- McGinn C.* Wittgenstein on meaning: An interpretation and evaluation. Oxford, 1984.
- Meillet A.* La phrase nominale en indo-européen // Mémoires de la Société de Linguistique. P. 1906. Vol. 14.
- Moody E.* Truth and consequence in Mediaeval logic. Amsterdam, 1953.
- Moore G.E.* Philosophical papers. Ch. 3. Facts and propositions. L.; N.Y., 1959.
- Mourelatos A.* Events, processes, and states // Linguistics and philosophy. 1978. Vol. 2. N 3.
- Nowell-Smith P.H.* Ethics. Oxford, 1957.
- Perry D.L.* What things can be evaluated // J. of philosophy. 1964. Vol. 61. N 6.
- Quine W.V.* Word and object. Cambridge (Mass.), 1960.
- Quine W.V.* Philosophy of logic. N.Y., 1970.
- Ramsey F.* Facts and propositions // Ramsey F. Foundations of mathematics. N.Y., 1950.
- Rescher N.* Semantic foundations for the logic of preference // The logic of decision and action. Pittsburg, 1966.
- Ross J.* Auxiliaries as main verbs // Studies in philosophical linguistics. Evanston (Ill.). 1967. Ser. 1.
- Russell B.* On propositions: what they are and how they mean // Russell B. Logic and knowledge. L., 1956.
- Seriot P.* Factivité ou oblicité? // IV Colloque de linguistique russe (Toulouse, 1984): Actes. Toulouse, 1986.
- Sidgwick H.* The methods of ethics. L., 1893.
- Searle J.* Speech acts: An essay in the philosophy of language. Cambridge (Mass.), 1976.
- Sgall P., Hajičová E., Panevová J.* The meaning of the sentence in its semantic and pragmatic aspects. Pr., 1986.
- Shibles W.* Wittgenstein language and philosophy. Dubuque (Iowa), 1969.
- Štůpke J. St.* Lesniewski's calculus of names // Studia logica. W-wa, 1955. T. 3.
- Steele S.* The category AUX as a language universal // Universals of human language. Vol. III / J. Greenberg (ed.). Stanford, 1978.
- Stevenson Ch.L.* Ethics and language / Yale UP. New Haven. 1944.
- Stevenson Ch.L.* Facts and values: (Studies in ethical analysis) / Yale UP. New Haven; L., 1964.
- Strawson P.F.* Logico-linguistic papers. L., 1971.
- Tondl L.* Types of preference // Kybernetika. 1974. Vol. 10. N 5.
- Vendler Z.* Linguistics in philosophy. Ithaca; N.Y., 1967.
- Vendler Z.* Causal relations // The logic of grammar. Encino (Calif.), 1975.
- Vendler Z.* Say what you think // Studies in thought and language / Arizona UP. 1970.
- Vendler Z.* Res cogitans. Ithaca; N.Y.; L., 1972.
- Vendler Z.* Telling the facts // Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minnesota UP; Minneapolis, 1979.
- Verhaar J.* (ed.). The verb "be" and its synonyms. Dordrecht, 1967—1972. Pts 1—5.
- Viberg A.* A universal lexicalization hierarchy for the verbs of perception // Papers from the 7-th Scandinavian Conference of linguistics. Helsinki, 1983.
- Wierzbicka A.* Semantic primitives. Frankfurt/M., 1972.
- Wierzbicka A.* Lingua mentalis: The semantics of natural language / AP. Sydney, 1980.
- Wierzbicka A.* Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor, 1985.
- Wilson N.L.* Facts, events and their identity conditions // Philosophical studies. 1974. Vol. 25. N 3.
- Wittgenstein L.* Philosophical investigations. Oxford, 1953.

Wittgenstein L. A lecture on ethics // The Philosophical review. 1965. January.
Wright G.H. von. The logic of preference. Edinburgh. 1963a.
Wright G.H. von. The varieties of goodness. N.Y.; L., 1963b.
Wright G.H. von. Norm and action. N.Y., 1963c.

Wright G.H. von The logic of preference reconsidered // Theory and decision. 1972. N 3.
Zimek R. Problematika spony v Rustine v porovnání s cestinov. Pr., 1963.
Zimmermann I. Die substantivische Satzform // Zeitschrift für Slawistik. 1972. Bd. 17. N 5.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВФ	—	Вопросы философии. М.
ВЦП	—	Всесоюзный центр переводов
ВЯ	—	Вопросы языкознания. М.
НДВШ	—	Научные доклады высшей школы. М.
НЗЛ	—	Новое в зарубежной лингвистике. М.
НТИ	—	Научно-техническая информация. М.
AP	—	Academic Press.
UP	—	University Press.
ZPSK	—	Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikativen Forschungen. B.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Абеляр 144
 Августин Бл. 69, 113—114
 Адамец П. 103, 316
 Айер А. (Ayer A.J.) 29, 42—43, 45—46, 320
 Аквинский Фома 145
 Акмаджан А. (Akmajian A.) 151, 320
 Александр Афродизийский 144
 Александреску С. 320
 Алисова Т.Б. 106, 316
 Амиреджиби Ч. 106, 128
 Апресян Ю.Д. 140, 176, 227, 231—232, 243—244, 246, 303, 316
 Аристотель 12—15, 18—19, 23, 27, 64, 81, 141, 144—145, 234, 237, 316
 Арутюнова Н.Д. 1—2, 17, 48, 101, 106, 146, 152, 299, 316
 Ахманов А.С. 144, 316
 Ахматова А.А. 163, 252

 Балли Ш. (Bally Ch.) 106, 248, 320
 Бальзак О.де 221
 Баранов А.Н. 316
 Барч Р. (Bartsch R.) 203, 266, 320
 Баскаков Н.А. 148, 316
 Бахтин М.М. 254, 260, 316
 Бек А.А. 201
 Белый А. 313—314
 Бенвенист Э. 120, 145, 149—150, 316
 Бентам И. 28—30, 41, 69, 316
 Беркли Дж. 24, 111—112, 114, 316
 Бестужев Н.А. 266, 274
 Бестужев-Марлинский А.А. 269
 Бирвиш М. (Bierwisch M.) 231, 235, 238, 246, 320
 Богуславский И.М. 216, 316
 Бокадорова Н.Ю. 146
 Болинджер Д. (Bolinger D.) 209—210, 231, 245—246, 320
 Бондарев Ю.В. 251
 Бондарко А.В. 246, 316
 Бозций А.М.С. 145
 Брод (Broad C.D.) 25, 69, 320

 Буало Н. 274
 Булгаков М.А. 314
 Булыгина Т.В. 2, 4, 86—88, 176, 255, 264, 316
 Буслаев Ф.И. 147, 316
 Буше (Boucher J.) 236, 320
 Бэкон Ф. 303—304, 316

 Вазов Т. (Wasov T.) 320
 Вежбицкая А. (Wierzbicka A.) 87—88, 91, 114, 117, 232, 235—238, 243, 302, 316, 321
 Вендлер З. (Vendler Z.) 75, 103, 105, 111, 117, 123, 134, 153, 155, 158, 163—164, 167—168, 170, 176, 178, 211, 220, 316, 321
 Виберг А. (Viberg Å.) 113, 321
 Вильсон Н. (Wilson N.L.) 321
 Витгенштейн Л. (Wittgenstein L.) 10, 43, 44, 47, 65, 77, 101, 114, 155, 157, 175, 181, 234, 302—304, 316—317, 321—322
 Волжский (Александр Глинка) 314
 Володин А.П. 317
 Вольф Е.М. 39, 84, 169, 196, 200, 207—208, 215, 217, 226, 231, 233, 242, 285, 301, 317
 Востоков А.Х. 146—147, 317
 фон-Вригт (Wright G.H.von) 50, 61, 64—66, 68—69, 71, 77, 189, 273, 299—300, 322
 Высотский С.С. 166

 Гаджиева Н.З. 148, 317
 Гайдар А. 93
 Гак В.Г. 154, 317
 Гарин-Михайловский Н.Г. 93, 182, 223
 Гаршин В.М. 98
 Гете И.В. 178
 Гивон Т. (Givón T.) 231, 249—250, 300, 310, 320
 Гоббс Т. 16—17, 23, 64, 237—238, 317
 Гоголь Н.В. 62, 72, 98—99, 159, 194, 197, 230, 241, 252—253, 258, 262, 266—269, 274, 296, 306, 311
 Гончаров И.А. 94, 96, 98, 209
 Горький М. 94, 96, 196, 223
 Грайс П. 47, 317

¹ В латинской транскрипции (в скобках) имя приводится в том случае, если оно встречается в этой форме в тексте книги

- Грациан 177
 Григоренко Т.Н. 247, 317
 Гринберг М.А. 206
 Грэхем А. (Graham A.C.) 149, 320
 Гюго В. 182
- Давыдов И.И. 146—147, 317
 Даль В.И. 284, 300, 317
 Декарт Р. 9, 111, 317
 Демьянков В.З. 170, 175, 317
 Державин Г.Р. 85
 Джойс Дж. 303
 Дидро Д. 302
 Диккенс Ч. 221.
 Дмитровская М.А. 62, 120, 124 125, 317
 Добролюбов Н.А. 95
 Долгополов Л. 314
 Достоевский Ф.М. 93, 96, 98, 100, 158, 169, 198, 207, 230, 247, 313—314
 Дрекке Ф. (Dreiske F.I.) 139, 179, 187, 320
 Дробницкий О.Г. 11, 31, 317
 Дьячков М.В. 143, 317
 Дэвидсон Д. (Davidson D.) 165, 320
- Ельмслев Л. (Hjelmlev L.) 150, 321
 Ермолаева В.Е. 41, 317
 Есенин С.А. 269
 Есин С. 173
 Еськова Н.А. 243, 245—247, 317
- Зализняк А.А. 265, 317
 Зализняк Анна А. 110, 136, 190, 317—318
 Зимек Р. (Zimek R.) 147, 322
 Золотова Г.А. 120, 193, 203, 226, 317
- Иванов Вяч. 313
 Иванов Г. 295
 Ивин А.А. 116, 184
 Ильина Н. 116, 184
 Исаченко А.В. 232, 317
 Ишмуратов А.Г. 317
- Каверин В.А. 309
 Казакевич Э.Г. 93
 Калакуцкая Л.П. 301
 Кант И. 26—28, 32—33, 37—38, 317
 Карамзин Н.М. 100, 201
 Карнап Р. (Carnap R.) 46, 160, 166, 317, 320
 Кассирер Э. (Cassirer E.) 112, 320
 Кастельветро Л. 81
 Кацнельсон С.Д. 101
 Кессиди Ф.Х. 12, 318
 Кибрик А.Е. 318
 Ким Дж. (Kim J.) 134, 139, 169, 175, 188, 227, 321
 Кипарские (Kiparsky P. and C.) 166, 321
 Клайн М. 302, 318
 Князев Ю.П. 243, 247, 318
 Кодзасов С.В. 260
 Коконов Ю. 81, 94
- Кошито (Coxito) 144 145
 Колшанский Г.В. 318
 Коновалова Л.В. 31, 38, 318
 Корнель П. 81
 Короленко В.Г. 207
 Крейдлин Г.Е. 104, 152, 156, 318
 Кржижкова Е. 243, 318
 Крикманн А.А. 273, 318
 Кручинина И.Н. 117, 318
 Крылов И.А. 74, 80, 98—99, 107, 124, 266—267, 279
 Куайн У. 159, 164, 321
 Кубрякова Е.С. 2, 4, 103, 156, 318
 Кузанский Н. 143, 318
 Кун Т. 302, 318
 Куприн А.И. 93
 Курилович Е. 140, 318
 Кэрролл Л. 5, 242, 303
- Лабрюйер Ж. 98, 204, 231
 Лайзи Э. (Leisi E.) 238, 321
 Ларошфуко Ф. де 284
 Латынина А. 77
 Левин Ю.И. 74, 318
 Лерер А. (Lehrer A.) 204, 266, 321
 Леонтьев А.А. 317
 Лермонтов М.Ю. 308
 Лесков Н.С. 94, 169
 Лиз Р. (Lees R.) 102
 Лич Дж. (Leech J.) 135
 Лихтенберг Г.К. 27, 159, 220, 229
 Локк Дж. 16, 18—19, 23, 191, 318
 Ломоносов М.В. 146, 318
 Лорка Ф.Г. 308
 Ляпон М.В. 309, 318
- Мак—Гинн (McGinn C.) 321
 Макиавелли Н. 298
 Мачавариани М.В. 114
 Малкольм Н. 125, 318, 321
 Малышев В.И. 312
 Мальбранш Н. 191
 Мамин-Сибиряк Д.Н. 222
 Манн Т. 312, 314, 318
 Маре А. 143
 Матвеев Т. 229
 Маяковский В.В. 100, 308
 Мейе А. (Meillet A.) 150, 321
 Мелиг Х.Р. 211, 264, 318
 Милль Дж. С. 28, 30, 318
 Михалков С.В. 99
 Муди Э. (Moody E.) 145, 321
 Мур Дж.Э. (Moore G.E.) 10, 26, 29, 31—32, 34, 37—38, 40—43, 45, 47, 52, 69, 79, 163, 318, 321
 Муравьева Г.Д. 166, 318
 Мурелатос А. (Mourelatos A.) 102, 135, 321
- Набоков В.В. 159
 Найссер У. 112, 305, 318
 Нарский И.С. 31, 38, 318

Николаева Т.М. 2, 4, 170, 211, 231, 234—235,
238—239, 255, 301, 309, 318
Ноуэлл-Смит П. (Nowell-Smith P.H.) 33,
41, 44—45, 47—50, 318, 321
Ньютон И. 302

Овидий 52

Одоевский В.Ф. 17, 270, 306

Ожегов С.И. 265

Орнатовский И. 146—147

Осгуд Ч. (Osgood Ch.) 236, 320

Остин Дж. (Austin J.) 12, 40, 44, 157, 163, 318, 320

Островский А.Н. 100, 209

Павиленис Р.И. 318

Павлов Н.Ф. 201, 310

Падучева Е.В. 103, 110, 120, 129, 131, 135,
154, 190, 303, 318

Панченко А.И. 312

Паскаль Б. 82

Паустовский К.Г. 96, 98

Перельмутер И.А. 298, 319

Пермяков Г.Л. 279, 284, 286, 318

Перри Д.Л. (Perry D.L.) 54, 321

Петров В.В. 4, 319

Петрова Г.В. 210, 226, 319

Петрушевская Л.С. 303

Пешковский А.М. 150, 319

Платон 12—13, 15

Полевой Н.А. 263

Помяловский Н.Г. 156

Поппер К. 159, 319

Портер Э. 236

Потебня А.А. 148, 319

Поцелуевский Е.А. 233, 236, 239—240, 319

Присциан 144—145

Прутков К. 76, 85, 205

Пуанкаре Ж.А. 26

Пушкин А.С. 93, 98, 100, 169, 177, 227, 274,
280, 308, 314

Пушкин В. 269

Рабле Ф. 220

Радзиевская Т.В. 170—172, 175—176, 178, 319

Рамзей Ф. (Ramsey F.) 153, 163, 321

Рассел Б. (Russell B.) 5, 116, 149, 154—155,
166—167, 237, 304, 310, 319, 321

Раш Б. 101

Реферовская Е.А. 166, 168, 319

Реформатский А.А. 116, 184

Решер Н. (Rescher N.) 189, 321

Рихтер С. 313

Романова Г.С. 170—171, 178, 319

Росс Дж. (Ross J.) 321

Ростан Ж. 61

Рубин Э. 300

Рябова И.С. 148

Саади 258, 280, 288—292, 296

Салтыков-Щедрин М.Е. 94, 99, 159, 167,
202, 207, 299

Саников В.З. 97, 239, 309, 319

Сгалл П. (Sgall P.) 321

Селиверстова О.Н. 86, 88, 170—171, 303,
319

Сент-Экзюпери А.де 237, 298

Серафимович А.С. 190

Сервантес М.де 220

Сергеев-Ценский С.Н. 93

Серебренников Б.А. 319

Серль Дж. (Searle J.) 10, 35—36, 43, 321

Серье П. (Seriot P.) 151, 166, 321

Сиджуик Г. (Sidgwick H.) 31—35, 321

Собинов Л.В. 173, 184

Солоухин В.А. 197

Спенсер Ч. 38

Спиноза Б. 20—23, 28, 37, 53, 69, 111, 191,
294, 319,

Степанов Г.В. 1

Степанов Ю.С. 4, 101, 146, 255, 319

Стивенсон Ч. (Stevenson Ch.L.) 6, 42—44,
52, 319, 321

Стил С. (Steele S.M.) 151, 320

Стросон П. (Strawson P.F.) 104, 321

Сэпир Э. 231—234, 236, 243—245, 319

Тарский А. 155

Твен М. 311

Тейяр де Шарден П. 319

Телия В.Н. 40, 419

Толстой Л.Н. 82, 91, 169, 201, 276, 314

Томпсон С. (Thompson S.) 231, 300

Торсуева Е.И. 317

Тургенев И.С. 98, 107, 124, 126, 280

Туровская М.И. 219

Тынянов Ю.Н. 180

Убин И.И. 210, 319

Уфимцева А.А. 231, 319

Ушаков Д.Н. 24

Фаулз Дж. (Fowles J.) 166

Фейгл (Feigl H.) 43, 320

Фейерабенд П. 43, 319

Фет А.А. 98, 101

Филлмор Г. 151, 319

Флоренский П.А. 84

Фреге Г. 9, 141, 149—150, 152, 154, 164,
319

Фурманов Д.А. 158

Хайдеггер М. 3, 16, 113

Хаксли О. 302

Хальден С. (Halden S.) 320

Харитончик З. А. 231, 319

Хаутахкер (Houthakker H.S.) 252, 321

Хинтиikka Я. 111, 150, 157, 319

Ходасевич В.Ф. 77, 113

Хоппер П. (Hopper P.) 300, 321

Храковский В.С. 317

Хайдеггер М. 3, 16, 113

Хаксли О. 302

Хальден С. (Halden S.) 320

Харитончик З. А. 231, 319

Хаутахкер (Houthakker H.S.) 252, 321

Хинтиikka Я. 111, 150, 157, 319

Ходасевич В.Ф. 77, 113

Хоппер П. (Hopper P.) 300, 321

Храковский В.С. 317

Хайдеггер М. 3, 16, 113

Хаксли О. 302

Хальден С. (Halden S.) 320

Харитончик З. А. 231, 319

Хаутахкер (Houthakker H.S.) 252, 321

Хинтиikka Я. 111, 150, 157, 319

Ходасевич В.Ф. 77, 113

Хоппер П. (Hopper P.) 300, 321

Храковский В.С. 317

Хайдеггер М. 3, 16, 113

Хаксли О. 302

Хальден С. (Halden S.) 320

Харитончик З. А. 231, 319

Хаутахкер (Houthakker H.S.) 252, 321

Хинтиikka Я. 111, 150, 157, 319

Ходасевич В.Ф. 77, 113

Хоппер П. (Hopper P.) 300, 321

Храковский В.С. 317

Хайдеггер М. 3, 16, 113

Хаксли О. 302

Хальден С. (Halden S.) 320

Харитончик З. А. 231, 319

Хаутахкер (Houthakker H.S.) 252, 321

Хинтиikka Я. 111, 150, 157, 319

Ходасевич В.Ф. 77, 113

Хоппер П. (Hopper P.) 300, 321

Храковский В.С. 317

Хайдеггер М. 3, 16, 113

Хаксли О. 302

Хальден С. (Halden S.) 320

Харитончик З. А. 231, 319

Хаутахкер (Houthakker H.S.) 252, 321

Хинтиikka Я. 111, 150, 157, 319

Ходасевич В.Ф. 77, 113

Хоппер П. (Hopper P.) 300, 321

Храковский В.С. 317

Хайдеггер М. 3, 16, 113

Хаксли О. 302

Хальден С. (Halden S.) 320

Харитончик З. А. 231, 319

Хаутахкер (Houthakker H.S.) 252, 321

Хинтиikka Я. 111, 150, 157, 319

Ходасевич В.Ф. 77, 113

Хоппер П. (Hopper P.) 300, 321

Храковский В.С. 317

Хайдеггер М. 3, 16, 113

Хаксли О. 302

Хальден С. (Halden S.) 320

Харитончик З. А. 231, 319

Хаутахкер (Houthakker H.S.) 252, 321

Хинтиikka Я. 111, 150, 157, 319

Ходасевич В.Ф. 77, 113

Хоппер П. (Hopper P.) 300, 321

Храковский В.С. 317

Хайдеггер М. 3, 16, 113

Хаксли О. 302

Хальден С. (Halden S.) 320

Харитончик З. А. 231, 319

Хаутахкер (Houthakker H.S.) 252, 321

Хинтиikka Я. 111, 150, 157, 319

Ходасевич В.Ф. 77, 113

Хоппер П. (Hopper P.) 300, 321

Храковский В.С. 317

Хайдеггер М. 3, 16, 113

Хаксли О. 302

Хальден С. (Halden S.) 320

Харитончик З. А. 231, 319

Хаутахкер (Houthakker H.S.) 252, 321

Хинтиikka Я. 111, 150, 157, 319

Ходасевич В.Ф. 77, 113

Хоппер П. (Hopper P.) 300, 321

Храковский В.С. 317

Хайдеггер М. 3, 16, 113

Хаксли О. 302

Хальден С. (Halden S.) 320

Харитончик З. А. 231, 319

Хаутахкер (Houthakker H.S.) 252, 321

Хинтиikka Я. 111, 150, 157, 319

Ходасевич В.Ф. 77, 113

Хоппер П. (Hopper P.) 300, 321

Храковский В.С. 317

Хайдеггер М. 3, 16, 113

Хаксли О. 302

Хальден С. (Halden S.) 320

Харитончик З. А. 231, 319

Хаутахкер (Houthakker H.S.) 252, 321

Хинтиikka Я. 111, 150, 157, 319

Ходасевич В.Ф. 77, 113

Хоппер П. (Hopper P.) 300, 321

Храковский В.С. 317

Хайдеггер М. 3, 16, 113

Хаксли О. 302

Хальден С. (Halden S.) 320

Харитончик З. А. 231, 319

Хаутахкер (Houthakker H.S.) 252, 321

Хинтиikka Я. 111, 150, 157, 319

Ходасевич В.Ф. 77, 113

Хоппер П. (Hopper P.) 300, 321

Храковский В.С. 317

Хайдеггер М. 3, 16, 113

Хаксли О. 302

Хальден С. (Halden S.) 320

Харитончик З. А. 231, 319

Хаутахкер (Houthakker H.S.) 252, 321

Хинтиikka Я. 111, 150, 157, 319

Ходасевич В.Ф. 77, 113

Хоппер П. (Hopper P.) 300, 321

Храковский В.С. 317

Хайдеггер М. 3, 16, 113

Хаксли О. 302

Хальден С. (Halden S.) 320

Харитончик З. А. 231, 319

Хаутахкер (Houthakker H.S.) 252, 321

Хинтиikka Я. 111, 150, 157, 319

Ходасевич В.Ф. 77, 113

Хоппер П. (Hopper P.) 300, 321

Храковский В.С. 317

Хайдеггер М. 3, 16, 113

Хаксли О. 302

Хальден С. (Halden S.) 320

Харитончик З. А. 231, 319

Хаутахкер (Houthakker H.S.) 252, 321

Хинтиikka Я. 111, 150, 157, 319

Ходасевич В.Ф. 77, 113

Хоппер П. (Hopper P.) 300, 321

Храковский В.С. 317

Хайдеггер М. 3, 16, 113

Хаксли О. 302

Хальден С. (Halden S.) 320

Харитончик З. А. 231, 319

Хаутахкер (Houthakker H.S.) 252, 321

Хинтиikka Я. 111, 150, 157, 319

Ходасевич В.Ф. 77, 113

Хоппер П. (Hopper P.) 300, 321

Храковский В.С. 317

Хайдеггер М. 3, 16, 113

Хаксли О. 302

Хальден С. (Halden S.) 320

Хэар Р. (Hare R.M.) 31, 35, 38—41, 43,
45—46, 51—53, 55, 319, 321
Хэллет (Hallet G.) 47, 321
Хеккер П. (Hacker P.) 175, 320

Цветасва М.И. 133
Циммерманн И. (Zimmermann I.) 322
Цицерон 229

Чвани К. (Chvany C.V.) 300, 320
Чейф У. 239, 243, 320
Червенкова И.В. 247, 320
Черкасский М.А. 286, 320
Чернышевский Н.Г. 96, 159, 198
Честертон Г.К. 304
Чехов А.П. 94, 96, 97, 100, 279, 314
Чехова М.П. 93
Чизхолм Р. (Chisholm R.) 320
Чудакова М. 314

Шаляпина З.М. 141, 320
Шантрэн П. (Chantraine P.) 300, 320
Шатуновский И.Б. 106, 124, 156, 320
Шведова Н.Ю. 265, 268, 320
Швоб М. 12
Шекспир У. 72, 79, 81, 85, 220, 229, 280
Шелякин М.А. 243, 320
Шершёвич В.Г. 156
Шиблес У. (Shibles W.) 303, 321
Шиллер Ф. 313
Шолохов М.А. 93
Шрамм А.Н. 320

Энгел С.М. (Engel S.M.) 304, 320

Юм Д. 20, 23—26, 28, 36, 40, 42, 46, 69,
320

Якоб Л.-Г. 146—147, 320

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

Абсурд (нонсенс) 312
Автопрескрипция 260
Автор речи (говорящий) 6, 8, 63, 108, 109, 110, 119, 120, 122, 124, 154, 159, 169, 255, 261, 269, 273, 296
Агнс, агентивность 115, 174, 178, 181, 182
Адресат (собеседник, получатель речи) 6, 44, 51, 63, 86, 90—92, 108, 110, 118, 123, 127, 129, 132, 227, 251, 265, 273, 296
Аксиологическая асимметрия 72, 271—272, 284
Аксиологический оператор 74, 195—196, 202—204
Аксиология, аксиологический 9—12, 14—15, 19, 22—23, 38, 42, 54, 57, 60—61, 69, 72—74, 83—85, 92, 96, 100, 109, 190, 208, 250, 262, 275, 289, 297
Актант, актантный 135, 140, 157
Активная конструкция 92
Актуализация, актуальный 87, 193—194, 203, 224—225, 264
Актуальное (коммуникативное) членение 135, 139—140, 142, 151, 264
Актуальность/неактуальность 264
Альтернатива 4, 55, 60, 196, 198, 200, 242, 254, 256, 264, 268, 272, 274, 276, 278, 287, 294—295
Альтернативное допущение 302
Анализ аксиологических текстов 44
Анализ (логический) языка морали 38, 42 и сл.
Анализ (логический) языка науки 42
Аналитическая истина 26, 45
Аналитическая философия 41
Аналог связки 151
Аналогины Александрийской школы 298
Аналогия 13
Анафора, анафорический 102, 121, 129, 170, 292
Аномалия, аномальный 3, 8, 298—300, 302—303, 311—312
Антецедент 98, 158, 170, 174—175

Антонимия, антонимический 67—68, 231—232, 236, 249, 277, 288, 306, 309
А—отношения 96
А—предложения (А—слова) 47—48
Априорное 26—27
Аспиративная аксиологическая модальность (модальность стремления) 14, 200
Ассертивность 154
Атомарный факт 166
Атрибут 146, 148
Аффект, аффективность, аффективный 20—21, 85, 245

Безразличное 40, 54, 59
"Бенефактивное хорошее" (оценка благоприятствования) 66—68
Бесполезное 68

Валентность 95—96, 109, 253
Вариативность (варьируемость) оценочного значения 58, 72, 78, 81, 237—238, 295
Вводные слова 100, 105, 110, 120, 125, 159
Верификация 8, 29, 58, 66, 68—69, 71, 123, 157—159
Вероятностная оценка 122—123, 126, 180, 233, 257, 276, 280
"Вечные предложения" 159, 168
Вид, видовой 191, 202, 219, 264
— несовершенный 194, 219, 221—222, 263—264
— совершенный 194, 204, 212, 220—222, 263—264
"Визуальная установка" 114
"Внесестественное" свойство 40, 59
Внешняя предикация 151
Внутреннее отрицание 249, 253
Внутренняя речь 108, 264
Внутрипропозиционный (внутренний) предикат 134
Возможные миры 56, 95, 256
Волеизъявление 111—112
Волеитивный 111

¹ В Указатель не включены сквозные термины, такие как *оценка, предложение, высказывание* и др.

- Воля 27, 111, 190, 253—254, 258, 271
 Вопрос, вопросительный 53, 126
 — дизъюнктивный 259, 263
 — интерпретирующий 93—94
 — каузальный 94—95
 — негативный 269
 — общий 107, 127, 216
 — тематизованный 128
 частный 107, 127, 134
 Вопросительные местоимения (слова) 118, 127
 Восприятие 26, 39, 69, 89—90, 110—122, 132, 177, 211—212, 314
 Временная ось мира 101—102, 113
 Всеобщая (спекулятивная) грамматика 146
 Выбор (ситуация выбора) 29, 49—50, 52—53, 58, 67, 72, 197, 200—201, 218, 254, 256—257, 259, 265, 270, 272, 277, 279, 293
 Выбранность (истинностного значения, предпосылки вопроса) 107—108, 122—123, 126, 128, 132
 Гедонизм, гедонистический 10, 14, 18—19, 22, 24, 26—28, 30—31, 66, 69—71, 89, 92, 96, 191, 194, 198, 223—224
 Генерализация (формирование общих суждений) 69, 165
 "Гипотетический императив" 33
 Глубинная структура 150
 Гомогенность 102
 Градация, градуирование, градуированный, градационный 3, 19, 123, 181, 202, 205, 208, 210—211, 213, 215—216, 218, 231—233, 236, 247—248, 273, 295, 305
 "Градуированное отрицание" 214
 Да—отношения (конструкции с союзом да) 96 100
 Дательный субъекта 194, 224
 Двумодальность высказывания 107, 131
 Деактив 153
 Деактуализация 117—118
 Девальвация 237, 277, 283, 286—295
 Девербатив 153
 Девиация 300—302, 307, 309
 Дейксис, дейктический (указательный) 5, 63—64, 101, 105, 175, 292
 Действие 14, 34, 49, 61, 90—92, 176—177, 180, 181, 185, 191, 197, 203, 217—229, 256—258, 304
 точное 176
 Делимитативная форма совершенного вида 264
 Демодализация 127
 Денотат, денотация, денотативный 10, 13, 141, 143, 154
 Деонтология, деонтический, деонтологический 9, 18, 28, 31, 32, 35, 61, 299
 Дерево зависимостей 151
 Деривация синтаксическая 140
 Десигнат 43
 Дескрипция, дескриптивный 5—7, 13, 17, 20, 23, 29, 36, 39—43, 47, 52, 58—59, 61, 63, 80—81, 83—84, 92—93, 134, 156, 164—165, 189, 221, 228—229, 236
 Детерминатив имени 135
 Дефиниция 15, 23, 36
 — каузальная 16—21, 27
 — контекстуальная 37
 — интенциональная 16—21
 — субститутивная 36—37
 — функциональная 21
 Деятельность
 — дидактическая (связанная с обучением) 217, 220
 — интерперсональная (интерсубъектная, межличностная) 217, 226
 — исполнительская 217, 219—220, 230
 — контрактная (обменные действия) 217, 226—229
 — потребительская 217, 223—226
 — производительная 217, 220
 — семиотическая (речевая) 217, 222
 — узуальная 219
 Джи—предложения (Джи—слова) 48—49
 "Диалектика неправильных оценок" 290
 Диалог, диалогический 3, 101, 106—108, 117, 121—123, 125, 131, 253, 267—268, 296, 310
 "Дидактическая" функция оценочных слов 51
 Дизъюнкция, дизъюнктивный, дизъюнкт 53, 56, 79, 108, 117, 122, 125—128, 131—132, 195, 203, 211, 218, 239, 258—259, 265—266, 274—276, 281—282, 309
 Диктум 94, 105—106
 Динамический (динамическое употребление языка) 43
 Диспозиция, диспозиционный 86—92, 175, 206, 219
 Дистрибуция 255
 Добрая воля 27
 Добро
 — как средство 26, 64
 — как цель 26, 64
 Долженствование 25—28, 31—35, 42, 46, 63
 Дополнительная дистрибуция 209
 Допущение 100, 109—110, 122, 197
 Достоверность, достоверный 118, 119
 "Закон конца шкалы" 235, 306
 Запрет 50—51, 196
 Знак, знаковый 112—113, 115
 Знание (vs. мнение) 112, 118, 120, 123, 125, 128, 137, 167
 Значение
 — актантное 140

- антонимическое см. антоним
- волитивное 109 и сл.
- говорящего 93
- градуированное см. градация
- дескриптивное 6—7, 17, 23, 39, 42, 46—47, 51—52, 58, 67, 79—80
- директивное 43
- диспозициональное см. диспозиция
- имагинативное 43
- "импрессиональное" 89
- инструментальное 23
- истинностное см. истинность
- каузальное см. каузальность
- качества 86, 140
- квалификативное 39
- когнитивное см. когнитивность
- количественное 140
- количественный аспект 208
- конвенциональное 62
- кульминативное см. кульминативность
- логическое (причины, уступки, следствия) 143
- модальное 140
- недескриптивное 6, 20, см. также недескриптивность
- неконвенционализованное 62
- непредметное 7, 101—109
- обстоятельственное (времени, места) 143
- относительное 243—245
- отпредикатное 103—105, 153
- оценочное см. оценка
- параметрическое см. параметрический
- перцептивное (сенсорное) 109 и сл.
- поляризованное см. поляризация
- прагматическое 5, 7, 61—62, 64, 93
- пропозитивное см. значение фактообразующее
- процессуальное см. процесс
- психологической реакции 195
- реляционное 23, 59, 70, 120, 190, 203
- событийное 7, 103, 133, 138, 155—160, 169—188
- таксономическое 105, 306, 309
- точечное (vs. градуированное) 8, 177, 186, 231—243
- уступительное 97
- фактообразующее (пропозитивное, *то—что*—значение) 7, 103, 116, 132—143, 152—169, 181—188, 193, 203
- экзemplифицирующее 89
- элементарное 46
- эмотивное 109 и сл.

И—отношение 96

Идентификация, идентифицирующий 83, 114

— объектов 307, 314

— событий 174—177

— фактов и пропозиций 162—165

Иерархия ценностей 74, 80, 101, 273, 293—294

Изъявительное наклонение 25

Иллокутивные силы 260

Иллокуция, иллокутивный 32, 46, 49, 51—52, 57—58, 84, 308

Именное сказуемое 149—150

Императив (повелительное наклонение) 26, 52, 257, 265, 271

Имперсонализация модуса 109

Импликативность 154, 192, 195—198, 214, 227

Импликатура 47

Импликация 281

— генерализующая 48

— единственности 34

— каузальная 48

— контекстуальная 47—48

— прагматическая 6, 86—87, 90—92, 216 и сл., 228

— прогнозирующая 48

— субъективная 48

Имплицитный 232

Имя собственное 101

Инвариантный признак 65

Инверсия, инвертированный 97, 101, 105—107, 110, 122—124, 130, 251, 269, 288—289, 292

Ингерентная ценность 40

Ингерентности теория 145

Индивид 145, 165

Индивидуация объекта 164

Индикативные слова 5

Интенциональность, интенциональный 8, 16, 18, 23, 36, 132, 138, 145, 159, 186—187, 189, 238

Интенсификация, интенсифицирующий 206—210, 244—251, 278

Интенция 38

Интерпретация, интерпретативный, интерпретирующий 6, 80, 91, 93—94, 114, 129, 137, 176—177, 182—184, 187, 202, 223, 281, 308, 312

Интонация, интонационный 126, 254—255, 257, 260

Интродуктивность, интродуктивный 152, 168, 170

Интуитивизм 24, 31, 40

Интуиция 24, 113, 250

Инфинитив (инфинитивное предложение, конструкция) 70, 131, 186—187, 193—195, 224—225, 270—271

Информация, информативный 3, 43, 83—84, 93, 125, 161—162, 165, 179

— дескриптивная 93

— количество передаваемой информации 162

— ложная 128

— недостаточность 70, 95

— фактическая 84

Истинность, истинностный 25, 70—71, 74, 87, 109, 117—119, 122, 126, 131—132,

- 138—143, 152, 154—156, 162, 164, 169, 187, 203, 223, 233
- Как**—придаточные 116, 185
- Картина жизни** 199
- Картина (модель) мира** 101, 199, 274
- вторичная 55
 - идеализованная (позитивная) 58—61, 207—208
 - концептуальная 155
 - нормативная 4, 8, 200, 205, 208, 308
 - ценностная 26, 56—57
- Катафора, катафорический** 92, 102, 170
- Категории аксиологические** 14
- психологические 17, 23
 - ценностные 15
- Категоричность решения** 265
- требования 269
 - утверждения 252
- Категория состояния** 70, 190
- Каузальность, каузальный** 16, 18, 20—21, 23—24, 27, 57, 66, 68, 94—95, 129, 139, 164, 168, 184—185, 187, 224, 226—227
- Каузативизация** 130
- Каузатор** 70
- Каузация** 70
- решения 260
 - психических состояний 142, 178
- Квантификация** 87
- Кванторы** 126—127, 157
- Класс(ы) естественные** 55—56, 306
- каузальный 55
 - компаративный 23, 53—56, 199
 - номинальный 78
 - потребительский 55
 - ситуаций 193
 - утилитарный 55
 - ценностный 55
- Классификатор** 152—153, 169—170, 180
- Когнитивная психология** 112, 314
- Когнитивность, когнитивный** 43, 104, 109, 112, 114, 117, 142
- Количественный принцип выбора (предпочтения)** 287, 294
- Коммуникация, коммуникативный** 3, 41, 43, 47, 49, 60, 66
- установка 217, 261—262, 271, 282, 296—297, 307—308
 - цель 83, 128
- Коммутация** 150
- Компаратив, компаративность** 23, 66, 192, 197, 199, 231, 238, 245, 253, 259, 261, 263, 267, 269, 280
- скрытый 49
- Компенсация** 73, 98—99, 278—283, 286—295
- Компетенция прагматическая** 62
- семантическая** 62
- Компрессия (сжатие) текста** 75, 82
- Конвенциональный смысл** 62
- Конверсия, конверсивы** 227, 236, 244—245, 258—259, 270
- Коннотация отрицательная** 225
- экспрессивная 248
 - эмотивная 248
 - этическая 154, 180
- Конститутивный компонент предложения** 141
- Контекст** 5
- дидактический 196
 - "диссонансный" 268
 - жизни 178, 254
 - интенциональный 159, 165
 - каузальный 168, 188
 - концептуальный (понятийный) 14, 24—25, 36, 258
 - культуры 313
 - негативный 208
 - нормативный 196
 - позитивный 208
 - полемический 267
 - прагматический 7
 - практический 48
 - прозрачный 168
 - речевых актов 60
 - семиотический 181
 - спора 310
 - употребления 161
 - экстенциональный 177
- Контрадикторность** 66, 68, 122, 128, 185, 211
- Контрарность** 67
- Контраст, контрастивный** 139, 161
- Контрастирование** 277, 279, 293
- Контрмнение** 267
- Контрпредложение** 267
- Контррешение** 267
- Контрфактический смысл** 182
- Концепт** 3, 102, 142
- аксиологический 15, 19, 61, 100
 - градуированный 202
 - долженствования 31
 - класса 64
 - нормативный 3, 23, 61
 - скалярный 214
 - ценности 31, 57
- Концептуализация действительности** 155, 167
- мира 167
- Концептуальные системы** 85, 102—103, 305
- Концептуальный анализ** 41, 61, 65
- Конъюнкт, конъюнкция, конъюнктивный** 56, 96—97, 114, 122, 211, 276, 281—282, 309
- Конъюнкция противительная** 98—99
- Кореферентность** 124
- Критерий (мотив, основание) оценки** 24, 55, 56—57, 61—62, 65—66, 76, 80, 82, 84, 193, 195—196, 199, 223
- Кульминативность, кульминативный** 103, 181, 211—212, 215

Личная сфера (см. также пространство жизни) 162

Логика отношений 149

— поведения 52

— предпочтения 237

— утверждения 47

Логический вывод 57

Логическая структура предложения 142, 144

Локализация временная 174, 175

— пространственная 170—172, 175

Лучше—предложения 258—297

Максимизация признака 246

Маркированность 68, 74, 249, 250

— /немаркированность 249—250

Мера признака 249

Микромир 227

Минимизация признака 246

Мнение (vs. знание) 8, 14, 25, 48, 107, 109, 255

Модальность, модальный 14—15, 25—27, 42, 49, 59, 63, 110, 125, 131, 141, 154, 178, 194, 200, 203, 265, 273, 285 (см. также долженствование)

— ирреальности 129, 131

— нейтральная 131

Модель мира см. картина мира

— управления 157

Модус 106, 110, 119, 153, 190

— восприятия 110—120, 130

— (модальность) желания 17, 26—27, 35, 37, 59—60, 91—92, 111, 193, 237, 254—255

— знания 125, 152

— когнитивный (эпистемический) 115

— ментальный 112, 120—131

— незнания, сокрытия и безразличия 125

— нейтральный 110

— не—ответа 128

— общей оценки 129

— объективированный 130

— полагания 115—121, 123—124, 142, 151—152, 255

— психической реакции 130

— сомнения и допущения (вероятностной оценки) 122, 126

— субъективированный 110

— субъективный 16, 158

— эксплицитный 106, 108—109, 120, 132, 152, 255

— эмотивный 129, 130

Мотивация оценки (действия, рекомендации) 39, 48, 52, 57—58, 65, 71, 76, 79, 194, 196—197, 256 (см. также критерий (основание) оценки)

Мотив фиктивный 48

Мышление 111—120

Наименование прямое 309

— события 175—176

"Натуралистическая ошибка" 38

"Натуралистическая этика" 38, 40

Негативизация 270

Негация 232

Недескриптивность 5—6, 13

Неконтролируемость действия 181

Ненормативность 234, 236, 301, 308—309

Неоднозначность каузальная (события) 139

Непротиворечивость 53

Несобственно прямая речь 255

Несовместимость 32, 258, 272—277

Но—отношения 96

Номисма 15

Номинализатор 126

Номинализация, номинализированный 75, 127—128, 132—143, 154, 156, 165, 185, 187

— неполная 104—105, 133—143, 157, 168

— полная 104—105, 133—143, 175, 181

— скрытая 105

Норма, нормативность 8, 11, 23, 28, 31—32, 34, 37—38, 42, 53, 61, 75—76, 95, 192, 197, 200—201, 205, 207—209, 230—235

— аксиологическая 23

— видовая 238, 242

— диахроническая 239

— ожидания 238—239

— окказиональная 240—242

— поведения 6, 291

— подвижная 239

— пропорции 238—239

— ситуативная (пригодности) 238

— универсальная 35

— этическая 76, 191, 299

Норматив 22, 54, 92, 191, 202, 218—222, 250

Нравственный императив 296

Область действия оценки 216—229

Объект 217

— внутренний 201

— интенциональный 189, 238

— "миропорождающий" 285

— непредметный 101—106, 178, 188—199

— оценки 188—199

— событийный 181

— формальный 111

Объективация модуса 109, 124

Ограничения на сочетаемость, ограниченность 95—96, 140

Онтология, онтологический 3, 9, 103, 116, 164, 166, 181, 188, 199, 274

Оператор 74, 202—204, 229

— аксиологический см. аксиологический оператор

— модальный 203

— общеоценочный 196

Операции рассудка 146

— ментальные 114

Оппозитив 231

Оппозиция привативная 249

— эквиополентная 78, 232, 249

Определение сентенциальное 203

Остранение 302

- Ось симметрии 231—232
- Отклонение от нормы 68, 284, 305—306
- Относительность значения (позитива и компаратива) 231—232, 243, 251 (см. также значение *реляционное*)
- Отношение аксиологическое (ценностное) 289, 292
 - интерпретирующее 93—95
 - каузальное (причинно-следственное) 66, 94—95, 164, 168, 178, 184—185, 187, 189, 196, 226, 300
 - компаративное 270
 - противоречивое 66, 68
 - логическое 66, 137
 - / vs. ощущение одобрения 24
 - предикативное 116, 141—142, 145, 147, 151, 204
 - привативное 68
 - противительное 97—100
 - системное 256
 - уступительное 80, 96—100
- "Открытый вопрос" Мура 38, 42—43, 45, 52
- Отрицание 105, 109, 111, 117, 121, 124—125, 133, 151, 155, 166, 172, 192, 194, 197, 236, 263, 269, 274, 281, 283, 305—306, 309—311
- Оценка аффективная 245
 - бенефактивная 68
 - благоприятствования 66
 - вероятностная 126, 258
 - вкусовая 48, 62, 85
 - выводная 221, 225
 - гедонистическая см. *оценка сенсорная*
 - интеллектуальная 75
 - инструментальная 66—68
 - иронически-усилительная 207
 - истинностная см. *истинность*
 - качественная 240—241
 - количественная (градуирующая) 216
 - "медицинская" 66
 - неправильная 290
 - нормативная 75, 228, 285, см. также *норма, нормативный*
 - общая 19, 61, 71—73, 201, 235, 244
 - отрицательная (негативная) 63, 66, 68, 81—82, 96, 98, 207—208, 226, 228, 250, 278, 285, 294, 296, 299
 - перекрестная 286
 - положительная (позитивная) 68, 73, 215, 226, 228, 236, 250—251, 267, 285, 294
 - полярная (поляризованная) 251
 - процесса 190—195
 - психологическая 75
 - рациональная 76, 195, 257
 - сенсорная (гедонистическая) 10, 20—21, 66, 69, 75—76, 85, 89, 91, 194, 197—198, 201, 224—225
 - сенсорно-вкусовая 75
 - сравнительная 8, 53, 231, 276
 - сублимированная 76, 196
 - субъективная 17
 - телеологическая 76
 - техническая 66—67
 - утилитарная 10, 55, 66, 68, 75, 96, 193, 204, 224, 242
 - функциональная 66
 - холистическая 73, 75, 221
 - частная 61—100, 221, 256
 - эмоциональная 75
 - эстетическая 10, 75, 195, 229—230
 - этическая 66, 75, 137, 193, 195, 197, 204—205, 229
 - фактов (возможностей) 197, 198
- Оценок классификация 64—71, 75—77
- Ошибка логическая 38
- натуралистическая 38
- эпистемическая 38
- Ощущение 3, 19, 23—24, 26—27, 62, 69—70, 76, 84—85, 88, 90; 136, 189, 192—193, 201, 223—224
- Осуждение (неодобрение) 28, 60, 230
- Парадигма супплетивная (связки) 149
- Параметрический 23
- Парадокс Мура 47
- Парентеза (парентетический, вводный) 110, 119—120, 122, 125
- Перформатив 5, 36, 104, 106, 176—177, 260
- Перцепция, перцептивный 69, 109, 111, 113, 115, 117, 120, 130, 304
- "Перцепции духа" 24
- Перцептивного предвосхищения схемы 314
- План будущего 186—187, 253—254, 264
- Побуждение 6, см. также *прескрипция*
- Подтверждение (*assertum*) 147
- Подъем отрицания 132
- Позитив (положительная степень сравнения) 232, 243—245, 253—254
- Позитивизм 28, 42
- Позиция предикатная (предикативной основы) 124, 133, 264, 280
- приглагольная 135
- приименная 135
- синтаксическая 7
- Показатель класса 148—149
- Положение дел ирреальное 279
- Полусвязочный глагол 147
- Полюс оценки (позитивный, негативный) 250—251
- Поляризация значений (ситуаций) 231, 235—236, 248—251, 275, 278—279, 286, 295
- Понимание (vs. интерпретация) 6, 62
- Порицание 194, см. также *осуждение*
- Пословицы (пословичные речения, паремии, сентенции, сравнения пословичного типа) 272—287, 293
- Поступок 34—35, 61, 174, 177, 180, 252
- Посылка 142
- Похвала (одобрение) 6, 34—35, 44—45, 47, 50, 60, 67, 83, 84, 194, 230, 263
- Почему*—вопрос 45
- Правило конститутивное (учредительное) 36

Прагматика, прагматический 5—8, 10, 42—44, 51, 61—64, 78, 83, 86—87, 90, 93, 95, 118—120, 161, 188, 223, 225, 236, 246—248, 250—252, 255—258, 261, 272—274, 278, 281, 292—297, 308, 315
 Практическое рассуждение 4, 11, 26, 31, 41, 44, 46, 48, 61, 92, 252—253, 276—277
 Предел 246—247
 Предиката сокращение 136
 Предикат таксономический 172
 Предикатов типы 132—140, 157, 176, 179—180, 189—190, 195, 225—233, 307
 Предикатив (категория состояния) 86, 190, 193, 201—202, 223—224, 253
 Предложения бессвязочные 150
 — бытийные 162
 — вопросительные 152
 — именные 150
 — наблюдения 119
 — операционального предпочтения инфинитивные 270
 — — — с императивом 271
 — — — с личными формами глагола 271
 — — — с придаточными эквивалентами инфинитива 271
 — побудительные 252
 — простые 154, 160—161
 — сложные 160
 — сравнительные 259, 283
 Предостережение 6, 83, 278, 282
 Предпочитаемости суждения 272—273, 280—292
 Предпочтение 29, 42, 44, 53, 67, 90, 238, 255, 262, 273, 277
 — неоперациональное 252, 255
 — операциональное 8, 201, 250, 252—272, 275
 Предтекст 266, 311
 Представление предложения (факта) абстрактное 151, 166
 Преобразование внутрипропозитивное 135
 Препозиция термина сравнения 259—260, 270
 Прескрипция (побуждение), прескриптивность, прескриптивный 3, 6, 25, 29, 41, 46, 51, 60, 260, 262, 273, 282—283, 285
 Пресуппозиции, презумпции, предпосылки 5, 32, 68, 89—91, 123, 166, 237, 242, 263, 277, 293
 — прагматические 90, 92
 Привативность, привативный 22, 66—69, 78, 233—234, 249, 283, 306
 Придаточное временное 161, 192
 — изъяснительное 129, 152
 — причины 161, 301
 — условное 193, 195, 197
 Признак девальвирующий (обесценивающий) объект 283—292
 — аксиологически релевантный 96
 — дескриптивный 7, 94, 236
 — инвариантный 63
 — индивидуальный (идентифицирующий) 307

— компенсирующий дефект 283—292
 Приказ 261
 Прилагательные краткие 240
 — параметрические 232—233, 237—238, 241—242, 250, 305
 — привативные 234
 — эмоционально-оценочные 251
 Принцип бинарности 143
 — выбора альтернативы (предпочтения) 283 и сл., 292
 — “извращенного выбора” 280
 — “извращенного предпочтения” 279
 — гедонизма (удовольствия) 26
 — контрастирования 277
 — (гипотеза) Поллианы 236
 — (правило) позитивности 206, 209, 217
 — пользы 28, 30
 — различительности 313
 — тринарности 143
 Причина, причинный, причинность 58, 68, 139, 143, 161, 165, 178, 184, 187, 189, 196, 300, 301
 “Провал” логический 25, 36
 Прозрачности требование 158, 163—164, 168
 Прономинализация 123—124, 224
 Пропозиция 101—198, 202—204, 262, 266, 268—270, 274, 301, 310
 Пропозиции значение 3, 70
 Пропозициональное отношение, пропозициональная установка 5, 38, 49, 58, 106, 110, 112—113, 117, 124, 131, 142, 152—153, 187—188, 190, 195, 203, 253, 265, 273, 282
 Пропозициональная функция 144
 Пропозиция соистинная 137
 Пространство (сфера) жизни (жизненное) 171—172, 174, 176, 181, 186—187, 199, 227
 — логическое 8, 134, 139, 155, 168, 233
 — ментальное 154
 — реальное 162, 172
 — семантическое 162, 165
 — эпистемическое 186
 Противопоставление ценностное 269—277, 283
 Противоречие 30, 32—33, 48, 185
 — аксиологическое 72, 256
 — логическое (контрадикторность) 32, 47, 274
 — в употреблении (contradiction-in-use) 47
 Противоречивость объекта 96
 Процессы (значение процесса) 116, 176—178, 181, 186, 188—199, 202—206, 211—213, 218, 222
 Псевдоальтернатива 280
 Псевдovýбор 280
 “Пустой мир” 282
 Разговор (диалог) аксиологический 74
 Разобщенность грамматической системы 280
 Разум (vs. воля) 111—112, 190
 Разума диктат (принцип) 25, 26, 33, 34, 190

- Рамка волиитивная 111
эмотивная 111
- Рассуждение 41, 45, 75, 92, 277, см. также *практическое рассуждение*
- Реакция несогласия (возражения) 107, 132
— психологическая, речевая 24, 60, 85, 107, 130–132, 135, 278
- Реальность/ гипотетичность (значения) 103
- Редукция (сокращение) предложений предпочтения 276, 280–282
- Результат действия, результативность 218, 221–222
- Результативность/ нерезультативность 103
- Рекомендация 67, 71, 83, 197, 262, 265, 279, 282
- Релевантность, релевантный 72, 96
- Релятивность 16, 19, 80
- Реляционность, реляционный 23, 59–60, 70, 117, 120, 133, 255
- Рема 187, 193, 196, 215, 269, 271, 281
- Репрезентация (абстрактная) структуры предложения 150
- Реприза местоименная 107
- Референт, референтный, референция, кореферентный 5, 10, 59, 61, 87, 103, 124–125, 127, 131, 134, 149, 153–154, 159, 162, 164, 239, 310
- Речевой акт 5, 36, 41, 43, 51, 60, 176, 262, 265
- Речь практическая 44
- Решение (принятие решения) 4, 53, 197, 252, 258, 260
- "Самооценка" 226
- Сводимость/несводимость к стандартной семантике 312
- Свойство акцидентное 73
— "внеестественное" 40
— динамическое 73
— диспозициональное 86, см. также *диспозиция*
— естественное 11
объекта вторичное (*supervenient*) 46
— постоянное 73
— статическое 73
- Связка 25, 141–152, 163
— бытийная 147–148
— компаратив 253
— логическая 5, 148
— местоименная 148
— нулевая 148, 150
— предикативная (*vs.* предикативная связь) 148
— приемная 149
— сентенциальная (пропозициональная) 74, 149, 199, 253
— тождества 149
— эксплицитная 150
- Связочное предложение 150
- Семантика градуируемая 247, см. также *градация*
— лексическая 308
— прагматическая 64
— "сенсорная" 85
— "событийная" 103 105, 116, 120, 129, 133
— текста 162
— теоретико-игровая 149
- Семантический образ ситуации 157
- Сема "слишком" 240–243
- "Семейное сходство" 65
- Семиотическая нагруженность 313
- Сентенциональное местоимение 301
— наречие 203, 266
— определение 203
- Сжатие текста 82
- Сигнификат, сигнификация, сигнификативный 13, 143
- Симметричность толкования антонимов 236
- Синкатегорематические слова 145, 149
- Синонимические связи 257
- Синонимы экспрессивные 305
- Система синтаксическая 194, 247, 252, 256, 272
- Ситуация 172
— выбора 199, см. также *выбор*
— жизни 4
— знаковая 44
— конфликта 272
— прагматическая 222, 281, см. также *прагматика, прагматический*
— — принятия решения 258
— речи 5
— эгоцентрическая 55
- Сказуемое 134, 147
— именное 147, 149–150
— психического воздействия 136
- Скалярно-анатомический комплекс 231–252, 287
- Скалярный, скалярность 233, 246, 249
- Скрытый компаратив 49
- Словесное искусство (*vs.* зрелищное) 183
- Словесное творчество 311–315
- Слух, слуховое восприятие 114
- Смысл дескриптивный 80
— когнитивный 113
— конвенциональный 62
— неконвенционализированный 62
- "Смысл-текст" 247
- Собирательность 140
- Событие, событийный 7–8, 102–106, 116–117, 129, 133–135, 138–139, 142, 155–156, 160–162, 169–188, 199, 227, 275, 309–310
- Совместная встречаемость 79
- Согласование 148
- Содержание дескриптивное (фактическое) 51
— пропозициональное 111
- Соистинность 137
- Сокращение предиката 136
— предложений предпочтения 281–282
- "Сокровенная связь" 143, 152
- Состояние ментальное 111
мира 233

- психическое, физическое 189, 192—193, 198, 225
- эмоциональное 183
- Сочетаемость событийных имен 178
- Союз 149
 - *да* 96—101
 - *зато* 96—101
 - *и* (vs. бессоюзность) 96—97
 - *но* 96—101
 - *хотя* (*хоть*) 96—101
- Союзные слова 104
 - сочетания 185
- Спор о ценностях 296
- Сравнение, сравнительный 8, 19, 23, 49, 53—54, 196, 199, 201, 203, 232, 238, 242, 247, 256, 268—269, 281, 283
 - ценностное 258—260, 272 и сл.
- Средство к цели 14
- Степень сравнения положительная 67, 243—244, 253, см. также *позитив*
 - превосходная 294
 - сравнительная 244—245, 294, см. также *компаратив*
- Стимул (внешний, речевой) 24, 60, 129—131, 183
 - конвенциональный 112
- Стоики 38
 - пергамской школы 298
- Сублимат оценки процессов 195
 - фактов 196—197
- Субстантиватор 104
- Субституция, субститутивный (заместительный) 37, 270
- Субъективация модуса 110
- Субъект воспринимающий 177
 - восприятия 89, 90
 - действия 193, см. также *агенс*
 - интерпретирующий 177
 - ментального действия 115
 - мнения 296—297
 - опыта 115
 - оценки 76, 80, 89, 193, 195, 197, 273
 - пропозитивный 104, 137
 - сообщения (суждения) 117, 132, 135
- Субъективность, субъективный 17, 89, 154, 158
- Суждение 8, 71, 116, 142, 144, 147—148, 155, 157—158, 167, 190
 - аналитическое 38
 - истинное 155, 164
 - конкретное о предпочитаемости 251—272, 280—287
 - противоречивое 126, 211
 - нормативное 9, 11, 31, 34, 37, 42, 51
 - общее 193, 224, 272—297
 - о предпочитаемости 272—287
 - отрицательное 277
 - о суждении 123, 131
 - оценочное (аксиологическое, ценностное) 11, 26, 31, 35, 52—53, 69, 252 и сл., 272—297
 - синтетическое 38
 - сравнительной оценки 264 и сл.
 - тавтологическое 283
 - фактическое (дескриптивное, конкретное) 11, 24—25, 31, 35, 37
- Суперлатив 233
- Супероценка 229—231
- Супплетивная парадигма связи 149
- Существительные отадъективные 105
 - отглагольные 105
- Сфера действия оценки 95 (см. также *область действия*)
- Сфера жизни 171, 174, 176, 199
 - личная 162, 179, 186, 275
 - онтологическая 199
 - человеческая (общественная, личная) 172
 - эпистемическая 162, 199
- Счетность 181
 - / массовидность 102
- Счет событий 162, 174
 - фактов 162, 174
- Тавтологический ответ, объяснение 45, 48
- Таксономическая лексика (предикация) 306, 309
- Таксономия оценок 61, 64, 72, см. также *оценок классификация*
- Тактика диалогическая 108
- Творительный экспликативный 95
- Текст аксиологический 61
 - дидактический 63
 - критический 63
 - логически полный 282
 - непротиворечивый 31
 - прескриптивный 41
- Тема контрастная 270
 - пропозитивная 108, 131, 282
 - сообщения 94, 127, 129
- Тематические пары инвариантные 286
- Темпоральность, темпоральный (временной) 170, 184—185
- Теория ингерентности 145
 - (связки) номиналистическая 145
 - тождества 145
 - эволюционистская 38
- Термин сравнения 243, 254, 266, 267—271, 281
- То-как-субъект* 120
- Топикализация (тематизация) 106, 123, 127—128, 130
- Точность (действия, события, значения) 176—177, 185—186, 233
- То-что*—значение 121, 131, 138—139, 153
 - придаточные 105
 - субъект 135
- Ударение 193
 - контрастное 139
 - эмфатическое 266
- Уменьшительность 207
- Умозаключение 18
- Универсалия 142

Употребление языка дескриптивное 43
 — — динамическое 43
 Условный период 142
 Установка прагматическая 118, 261, см. также *пропозиционные отношения*
 Уступительность 97, 99—100, 268
 Утвердительность суждения (vs. отрицательность) 103, 214—215
 Утверждение 25, 36, 38, 74, 87, 89, 111, 146, 167, 169, 280
 Утилитаризм 38
 Факт 45, 67, 116, 135, 137, 140, 142, 152—169, 173—174, 181—188, 190, 195, 198, 229
 — отрицательный 303
 — "сырой" 227
 Фактивность/ нефактивность 129, 182
 Фактический (смысл, информация, суждение, утверждение, положение) 24, 31—32, 36—37, 45, 51, 83—84
 Фатическая коммуникация 305, 311
 Фактуальность значения 207, 214—215
 Фиктивный мотив 48
 "Фланговая семантика" 236
 Функция (значения) аппеллятивная 43
 — наречий градуирующая 208, 215, см. также *градация*
 — (оценочного высказывания) дидактическая 51
 — (оценочный слов) замещения 83
 — (оценки) иллюкутивная 84
 — (наречий) интенсифицирующая 206—207, 209, см. также *интенсификация*
 — (вида) итеративная 89
 — (событийных имен) интерпретирующая 175
 — (значения) информативная 43
 — компаратива *лучше* 265—266
 — (оценки) конденсирующая текст 82
 — (оценочных высказываний) похвалы 67
 — (оценочных высказываний) предписания 40
 — (речи) прескриптивная 60
 — регулятивная 42
 — (оценочных высказываний) рекомендации 67
 — синтаксическая (оценочных слов) 77
 — (речи) фатическая 305
 — (вида) экземплифицирующая 89
 — (значения) эмотивная 43
 — (наречий) эмфатическая 215

Цель 14, 64, 77
 Ценность, ценностный 15, 26, 52, 57, 77, 80
 — ингерентная 40

Частица *бы* 193—195, 254, 260
 — *ведь* 100
 — "возмещающая" (*зато*) 97—100
 — *даже* 286—287
 — *еще* 211—214
 — *же* 267
 — наречная 265
 — — *лучше* 265—266
 — *только* 100
 — *уж, уже* 211—214, 267
 — уступительная *хоть* 99, 268
 Частицы уступительные 98—100
 — — *все же, все-таки, то* 286
 — утвердительные (*ведь, все же*) 100
 — фазисные 211
 Что-придаточные 117

Шкала аксиологическая 22
 — степени признака (градационная) 211, 231, 233, 249
 Шифтер 83

Эвфемизм, эвфемистический 308
 Эйдос 13
 Эквиолентность 78, 232, 236, 249
 Экспликация, эксплицитность 81—84, 106, 109, 120, 132, 150, 152, 161, 255
 Экстенционал, экстенциональный 88, 145, 158, 162—163
 Элементарность качества 40
 Эллипсис, эллиптичность, эллиптический 259, 281
 Эмоция, эмоциональный, эмоциональность, эмотивность 111—112, 193, 278
 Эмоции простые, производные 21
 Эмфаза 139, 287
 Эпистемология, эпистемический (модус, смысл, пространство) 38, 111—112, 115, 118, 125, 142, 162—164, 199
 Эстетика 58, 229—230
 Этика 58, 229—230
 — метафизическая 38
 — натуралистическая 41

Язык кино 183—184
 — прозы 183—184
 — фактов 46
 Янус-слова 50

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	3
ВВЕДЕНИЕ.....	5
<i>Глава I</i>	
ПРИРОДА ОЦЕНКИ (К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ПРЕДИКАТОВ)	9
Вводные замечания	9
Проблема единства значения оценочных предикатов. Концептуальный контекст оценки (учение Аристотеля)	12
Интенциональные и каузальные дефиниции оценочных предикатов. Относительность оценки (Т. Гоббс, Дж. Локк)	16
Функциональное определение значения оценочных предикатов. Понятие естественной нормы (Б. Спиноза).....	21
Апелляция к интуиции. Оценка и мнение; сущее и должное (Д. Юм).....	23
Оценка и модус долженствования (И. Кант)	26
Оценка и польза (И. Бентам, Дж. Милль)	28
Неопределимость (элементарность) значения оценочных предикатов. Презумпции их употребления (Г. Сиджвик, Дж. Мур, Р. Хэар)	31
Коммуникативный подход к значению оценочных предикатов. Их контекст и иллюкутивные функции	41
Компаративный класс и проблема выбора. Определение оценочного значения через отношение к норме	52
Закключение	57
<i>Глава II</i>	
ОБЩАЯ И ЧАСТНАЯ ОЦЕНКИ	61
Оценка и концептуальный анализ	61
Классификация оценок (Система ценностных концептов фон-Вригта)	64
Механизмы выведения общей оценки и их лингвистическая релевантность	71
Обще- и частнооценочные значения	75
Смысловой объем общеоценочных прилагательных	77
Экспликация оценок	81
Сенсорная оценка и диспозиция субъекта	84
Синтаксические свойства оценочных предикатов	92
<i>Глава III</i>	
ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ НЕГО ЗНАЧЕНИЯ	101
Типы непредметных объектов	101
Диалогичность высказываний с эксплицитным модусом	106
Типы модусов. Инверсия модуса и пропозиции	109
Специфика пропозитивного значения	132
Логическая структура пропозитивного значения	141
Связка	143
Факт	152

Событие	169
"Факты" и "события" в контексте нейтрализации и контраста	181
Оценка фактов и процессов	188

Глава IV

НАРЕЧИЯ ОБЩЕЙ ОЦЕНКИ ХОРОШО И ПЛОХО	199
Вводные замечания	199
Оценочные наречия и семантика глагола	207
Оценка и интенсификация	207
Отрицательная оценка и отрицание	210
Область действия оценки и ее прагматические импликации	216
Супероценка	229

Глава V

СКАЛЯРНО-АНТОНИМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС И КОМПАРАТИВНОСТЬ..

Относительность, градуированность и точечность значения	231
Понятие нормы	234
Относительность значения позитива и компаратива	243
Градуирование, интенсификация, отрицание	245

Глава VI

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОПЕРАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДПОЧТЕНИЯ (ОП).....	252
Прагматическая ситуация и концептуальный контекст предложений ОП	252
Грамматическая характеристика предложений ОП	258
Автономное употребление <i>лучше</i> и второй термин сравнения	265
Сопоставление, противопоставление, замещение	269
Парадигма предложений ОП	270
Асимметрия <i>лучше</i> и <i>хуже</i>	271

Глава VII

ОБЩИЕ СУЖДЕНИЯ О ПРЕДПОЧИТАЕМОСТИ	272
Виды несовместимости	272
Поляризация значений	277
Принципы сокращения конкретных и общих суждений о предпочитаемости	280
Общие основания выбора альтернативы	283
Механизмы выбора	286
Сравнения аксиологически однородных категорий	292
Субъект мнения	296
АНОМАЛИИ И ЯЗЫК (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ).....	298
ЛИТЕРАТУРА.....	316
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	323
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	324
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	328